КЭТ ХОВАРД

РОЗЫ И ТЛЕН

КЭТ ХОВАРД — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

НИЛ ГЕЙМАН

Розы и тлен
Кэт Ховард

Аннотация
Кэт Ховард. Розы и тлен
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Благодарности

Аннотация

Имоджен и Марин – сестры, их отношения сложны, полны тайн и недосказанности, ужасных детских воспоминаний и надежд на будущее. Однажды обе они получают приглашение провести почти целый год в «Мелете» – кампусе для молодых представителей творческих профессий. Марин – балерина, ее танец покорял сердца зрителей, когда она была еще школьницей. Имоджен – начинающая писательница, которая с детства пишет сказки и хочет рассказать правду о том, как им с сестрой жилось в доме матери. Но сестры не подозревают, что «Мелета» и есть тот таинственный край, где сказка встречается с реальностью, и хэппи-энд может обернуться кошмаром. Сестрам и их возлюбленным, друзьям и недругам, наставникам и противникам предстоит немало испытаний. Они должны будут встретиться с непостижимыми существами и ответить самим себе на множество неудобных вопросов.

Кэт Ховард
Розы и тлен

Kat Howard
Roses and Rot

© 2016 by Kathleen Howard
© Е. Кузнецова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моей сестре

Мой друг, рассказ влюбленных этих странен.

Да, но правдив едва ли. Я не верю

Всем этим старым басням, детским сказкам.

У. Шекспир «Сон в летнюю ночь» [1]

[1] Примечания: 1

Перевод М. Лозинского. *Здесь и далее прим. переводчика.*

Глава 1

Марин села на мою кровать рядом с почти собранным чемоданом.

— Имоджен, мне так не хочется, чтобы ты уезжала.

О себе я того же сказать не могла.

— Через два года я бы все равно уехала в колледж.

— Да, но ведь это было бы только через два года.

Она порылась в куче моих футболок и вытащила одну, с розой, вышитой обтрепанными лентами.

— Между прочим, это моя.

— Извини, забыла. — Я взяла Марин за руку и провела большим пальцем по ее побледневшим шрамам. Вот беда, мои следы от ожогов зажили не так гладко.

— Ты же знаешь, я не могу остаться, Марин.

— Знаю, — сказала она, глядя на наши сплетенные руки. — Поверить не могу, что она позволила тебе уехать.

— Это все очарование «Блэкстоуна». Она счита-

ет эту школу очень престижной.

Чтобы мое бегство из дома стало возможным, я все тщательно спланировала. Я понимала, что должна сыграть на непомерных амбициях матери, подсунув ей информацию, которая потешит ее эго и победит нездоровое удовольствие, которое она получает от противостояния со мной. Только две недели спустя после моего зачисления в школу-пансион, которые тянулись мучительно долго, она *так и быть* разрешила мне туда поехать. Она не давала согласия, пока не обнаружила приглашения на собрание родителей. К приглашению прилагался пресс-релиз, где упоминалось, что сын известного дипломата учится в этом престижном заведении.

— Понятно. И теперь она может смиренно утирать слезы и твердить, как скучает по тебе, но не хочет становиться на пути к мечтам дочери, и раз это так важно для тебя, то она, как любящая мать, готова пойти на жертву. — Марин театрально всхлипнула и изобразила, что утирает слезы.

— Жуть, как похоже ты ее передразниваешь!

— Благодарю! — Марин поклонилась. — Я сейчас уделяю большое внимание актерскому мастерству. Это очень помогает созданию образов в балете. — Она помолчала. — Ты приедешь на

Рождество?

Я сильнее сжала ее руку, потом отпустила. Как раз год назад, на прошлое Рождество, мы и получили безобразные шрамы. Так что это уж точно не самый любимый мой праздник.

— Ради тебя? Конечно, приеду. А еще есть электронная почта. И мобильные телефоны. Я ведь еду в школу, а не лечу на Марс.

Рождественские каникулы длятся всего две недели, и ради Марин я смогу потерпеть.

— Марин, если ты не спустишься через три минуты, то опоздаешь на занятия, — раздался снизу вкрадчивый, но полный яда голос нашей матери, от которого мороз пробирает.

Марин закатила глаза и подхватила сумку с пуантами, трико и всем остальным, что нужно для танцев.

— Как же она меня достала. Постоянно следит за мной, даже в балетную школу на машине за мной таскается.

— Марин, спускайся немедленно! Если не будешь серьезно заниматься, не сможешь стать лучшей. На свете сотни талантливых девушек! Тысячи! Конечно, я создаю для тебя все возможности, чтобы ты превзошла их, но ты должна относиться к занятиям со всей серьезностью. —

Кажется, мать уже начала терять терпение.

— Ты начинаешь брать еще и дополнительные уроки балета? — спросила я.

— Больше усердия, и ты затмишь их всех, — произнесла Марин, имитируя голос и манеры нашей матери.

— Но ты и так лучше всех в вашей школе!

— Я достаточно хороша для их уровня. Но чтобы танцевать по-настоящему, я должна постоянно совершенствоваться. Так что дополнительные занятия действительно не помешают.

Она остановилась в дверях и обернулась.

— Просто не понимаю, почему я тоже не могу туда поехать. В этот ваш «Блэкстоун». Если бы ты сказала мне раньше, я бы что-нибудь придумала. Может, ты просто не хочешь, чтобы я была там с тобой?

— Я полтора года копила, чтобы оплатить обучение в этой школе. И все равно не смогла бы уехать раньше следующего года, если бы не получила стипендию. А плату за двоих я бы точно не потянула.

Я спрятала счет от матери, а затем внесла всю сумму за обучение вперед, и теперь могла не беспокоиться о том, что мои накопления внезапно исчезнут.

Сестра повесила спортивную сумку на плечо.

— Ладно. Мне, в общем, все равно. Увидимся на Рождество.

Когда я распаковала чемодан в своей новой комнате в школе-пансионе, кофточка Марин с вышитой розой была среди моих вещей. Я коснулась пальцами ленточек, убеждая себя, что у сестры все будет хорошо, что я поступила так, как должна была поступить.

Я не приехала домой ни на Рождество, ни на другие праздники. Мы с Марин ни разу даже не поговорили за следующие четыре года. И ни разу не виделись.

Глава 2

И вот спустя десять лет после моего расставания с сестрой, я снова складывала вещи, но теперь — чтобы жить вместе с ней. На этот раз я не просто собирала чемодан, но упаковывала все свое имущество для вывоза из квартиры, а Марин не сидела на моей кровати, — мы разговаривали с ней по громкой связи.

— Я выезжаю через четыре часа после тебя, — сказала она. — Давай встретимся у нашего домика в «Мелете». Если, конечно, ты не хочешь меня подождать.

— В аэропорту? Четыре часа? — спросила я, заклеивая коробку с тарелками. Большая часть моих вещей отправлялась на склад. В «Мелете» они мне не пригодятся. Все необходимое, включая тарелки, постельное белье, полотенца и прочее, предоставлялось вместе с жильем в поселении для художников, артистов и вообще людей искусства, куда мы с сестрой сейчас и направлялись.

— Ты права. Это, конечно, глупо. Встретимся сразу на месте.

— У тебя все в порядке? — спросила я. — Мне

кажется, ты немного нервничаешь.

— Это не нервы. Просто эхо в твоем телефоне. Люблю тебя!

— И я тебя люблю!

На самом деле, голос Марин звучал странно. Но не потому, что раздавался из динамика в полупустой комнате. Я не могла не понимать, откуда берутся эти тревожные нотки. И я волновалась из-за того, что мы с ней опять будем жить под одной крышей, что неизбежно вызовет ужасные воспоминания. Я любила сестру, и очень скучала по ней, но трудно оставить прошлое позади, если тот, кто будит воспоминания, живет рядом.

Я запечатала последнюю коробку клейкой лентой и провела по ней ладонью, проверяя надежность упаковки. Все же славно, что мы снова будем жить вместе. У нас обеих все будет просто замечательно.

Рейсовый автобус, в который я села в крошечном аэропорту Манчестера, помчался по ухабистой дороге. Мы пересекли реку, серебристой лентой вившуюся среди зеленых холмов. Я чувствовала себя так, словно попала в волшебный мир поэзии Роберта Фроста, и приветственно кивнула, когда мы проезжали указатель, обозначающий съезд на дорогу к дому-музею поэта.

Приятно знать, что знаменитая ферма Роберта Фроста находится рядом с «Мелетой». Чудесный штрих, дополняющий идиллическую картину.

— Все это слишком прекрасно, чтобы быть реальным, Марин, — сказала я, позвонив ей после того, когда она прислала мне ссылку на сайт «Мелеты».

Престижное поселение для представителей всех видов искусств. Полный пансион в течение девяти месяцев, включая жилье и питание. Личный наставник — мастер, достигший вершин в своей области, — *он также будет жить в это время в «Мелете» и курировать вашу работу*.

— Решено, я подаю заявку. Тебе тоже стоит это сделать, Имоджен. Ведь это так здорово, если мы с тобой будем жить там вместе.

— Это будет чудо, если мы туда попадем, да еще и на пару. Спорим, они получают тысячи заявлений!

— Возможно. Но ведь и мы можем оказаться в числе счастливчиков, — сказала она.

— Да, ты права.

Я подготовила портфолио с примерами своих работ, написала резюме, что всегда заставляло меня чувствовать себя сочинителем пафосного манифеста, не имеющего со мной ничего общего,

и отправила все это вместе с заявкой.

— Я знала, что ты это сделаешь! — сказала Марин. Она тоже подала заявку. — Знаешь, у меня хорошее предчувствие.

И оно ее не обмануло. Мы попали в число сорока стипендиатов, принятых в «Мелету».

Мелета, согласно древнегреческому писателю Павсанию, была одной из трех старших муз. То были сестры Мелета (покровительница размышлений и опыта), Мнема (муза памяти) и Аэда (покровительница пения). Основатели «Мелеты» как места для творческих людей хотели, чтобы она стала центром, где молодые, подающие надежды художники, писатели, поэты и музыканты получили возможность целиком посвятить себя творчеству, не отвлекаясь на внешний мир.

Этот поселок существовал более семидесяти пяти лет — достаточно долго, чтобы появился впечатляющий список выпускников, обеспечивший колонии великолепную репутацию места, где люди искусства могли развить свой талант. Правда, общую идиллическую картину омрачали несколько скандалов, один из которых оказался настолько громким, что из-за него двери «Мелеты» едва не закрылись навсегда. Этот факт, разумеется, не упоминался в рекламных

проспектах.

Все это, действительно, казалось *слишком прекрасным*, чтобы быть правдой. Надо сказать, я совершенно не поверила безупречно оформленному сайту и блестящим отзывам. Ни одно место в мире не может быть столь идеальным. Так что, я решила поискать темные пятна на сияющем лике солнца, и потратила на это немало сил. Выяснилось, что о скандале писали на удивление мало, но даже при всей скудости сведений о нем, этот, казалось бы, незначительный факт сразу бросался в глаза, так как был единственной фальшивой нотой в хоре восторженных похвал.

Что именно произошло, было не слишком понятно, остались лишь туманные намеки, ведь все это случилось лет пятьдесят назад. Кажется, это был роман ученицы и наставника, внебрачная беременность, исчезновение человека, возможно, самоубийство… Но все это лишь догадки и недомолвки: «предположительно», «по неподтвержденным данным». Читателя ненавязчиво подводили к мысли, что ничего необычного в той истории не было, подобное могло произойти где угодно, и что ни действия, ни бездействие руководства «Мелеты» никоим образом не могли повлиять на эти события. По крайней мере, под

таким соусом все это подавалось в прессе. Тем не менее, после той истории в программу занятий были внесены изменения, наставники стали жить отдельно от учеников, и им разрешили привозить в «Мелету» свои семьи. В общем, можно было предположить, что слухи так или иначе были обоснованными.

Однако все, что с тех пор официально говорилось о «Мелете» отчетливо напоминало степфордскую «идиллию»[2]. Не подкопаешься. Все, кому посчастливилось попасть туда, заявляли, что это было лучшее время их жизни, и они получили там поистине бесценный опыт. Лучшие выпускники, получая очередную престижную награду, непременно упоминали «Мелету» в благодарственных речах. От такого переизбытка славы и блеска мне было не по себе. Я чувствовала безотчетную тревогу, настолько сильную, что мое заявление — составленное, но не подписанное — так и лежало на столе.

— Имоджен, завтра последний день подачи заявок, — сказала Марин по телефону.

— Знаю, знаю. Просто… Что-то тут не так.

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду роман Айры Левина и фильм Фрэнка Оза «Степфордские жены», где действие разворачивается в городке Степфорд, за благополучным фасадом которого скрывается нечто зловещее.

— Ты единственный человек из тех, кого я знаю, кто не верит, что где-то может быть по-настоящему хорошо, и ищет во всем изъяны.

— Дай мне еще немного времени. Завтра определюсь.

— Ладно. Может, получишь какой-нибудь знак во сне. Этого хватит?

Я лишь рассмеялась и отключилась.

В эту ночь мне не приснилось ни «Мелеты», ни литературной премии, — вообще ничего, что могло бы стать предлогом для положительного ответа. Я просто сидела как на иголках до трех часов ночи, мучаясь от мысли, что могу потерять возможность работать под руководством любимого писателя из-за дурацкого предчувствия. В конце концов, я взяла ручку, покрутила ее в пальцах, чтобы размять мышцы, скованные шрамами, и, наконец, подписала заявку черно-красными чернилами, которые всегда использовала на удачу, затем поставила число. Теперь пути назад не было.

Несмотря на то, что Марин подала заявку раньше меня, ответ о зачислении мы получили в один день. Разговор с сестрой по телефону, когда мы поздравляли друг друга, стал одним из самых счастливых моментов моей жизни. Я так горди-

лась нами обеими!

Кампус «Мелеты» прятался в глухом уголке Нью-Гэмпшира — посреди леса. Но достаточно близко от Нью-Йорка, чтобы наставники и ученики могли приезжать туда, давать мастер-классы, участвовать в выставках или представлениях, просто гулять, и при этом находиться вдали от шумного города, оставаясь один на один со своим творчеством. Не зря это поселение назвали в честь музы Мелеты! Мы могли сколько угодно практиковаться, набираться опыта. При желании можно было с головой погрузиться в творчество, прервав все связи с внешним миром.

Когда мы проезжали сквозь завесу косых солнечных лучей под зеленым пологом деревьев, прорезающих небо ветвями, внешний мир отступал все дальше и дальше. Мы ехали мимо заросших старых кладбищ с ушедшими в землю надгробиями, границы которых угадывались лишь по полуразвалившимся каменным стенам, простоявшим здесь сотни зим.

— Вот мы и приехали, — сказал водитель. — Приятно вам провести время в «Мелете».

Я подхватила свой чемодан, взглянула на дом, где мне предстоит прожить следующие девять месяцев, и расхохоталась. Это был симпатичный

особнячок в стиле королевы Анны, раскрашенный в цвета осени — красный, бежевый, золотистый. Выглядел он слегка безумно в своей асимметричной причудливости: стрельчатые окна, тонкие колонны, терраса, идущая вдоль фасада и левой стороны дома. Но что самое замечательное — тут была башенка. Если бы меня попросили вообразить идеальный дом для писателя, то я бы, наверное, придумала что-то такое.

Я едва заметила другие детали моего нового жилища, так как бросилась вверх по ступенькам к входной двери и оттуда сразу — по винтовой лестнице — наверх в башню. Комната наверху оказалась спальней. К тому же пока незанятой. Ключ был в двери. Повернув его, я прошла в центр комнаты и немного постояла там с закрытыми глазами, вдыхая воздух незнакомого мира.

Вдох, показавшийся вечностью, рассеял все мои сомнения, и я почувствовала себя абсолютно счастливой. Я подумала, что совершенство в этом мире возможно, что все хвалы «Мелете» справедливы, и что я попала в чудесное место, которое и в самом деле оказалось воплощением совершенства. А самое замечательное, что меня сюда привело мое писательское мастерство, оцененное по достоинству. Тогда мне представлялось,

что все в моей жизни прекрасно и безоблачно.

Я расстегнула молнию на чемодане и начала распаковывать вещи. Но остановилась. Это могло подождать. Подойдя к окну, я осмотрелась. Плющ вился по стенам, его пока еще темно-зеленые листья осенью станут оранжевыми и красными. Через стекло я рассматривала другие постройки этого места, которое на какое-то время станет мне домом.

Дом…

Странное слово, если подумать. Дом, в котором я выросла, никогда не был мне настоящим *домом*, и я сбежала оттуда при первой возможности. Комнаты в общежитиях, дешевые съемные квартиры, два месяца на диване у подруги, когда с деньгами было совсем туго. Большинство этих мест были не более чем временными пристанищами. Ни одно из них даже отдаленно не напоминало настоящий *дом*. Может быть, хотя бы ненадолго, «Мелета» сможет им стать.

— Вы не подумали, что стоит подождать, пока все соберутся, прежде чем занимать комнату?

Девушка в дверном проеме была тоненькой, как веточка, с неровно подстриженной копной волос цвета фуксии. Похоже, она была зла на весь белый свет и особенно — на меня.

— Нет, — не подумала. Тем более, что заезд длится два дня, включая сегодня.

Она продолжала стоять в дверях, словно надеясь, что одним своим присутствием может заставить меня передумать. Я начала вынимать белье из чемодана, полагая, что она поймет, что разговор окончен.

— Меня зовут Имоджен, — улыбнулась я. — Я писательница.

— А я Елена, поэт. У меня уже вышли два сборника. С прекрасными рецензиями в независимой прессе. Вообще-то, предполагалось, что эта комната будет моей.

Ладно, посмотрим, кто кого переупрямит.

— Извини, но я не вижу оснований для твоих претензий. Когда я пришла, комната была пуста, и ключ торчал снаружи.

В информационном буклете было указано, что резиденции закреплены за гостями, но все личные комнаты — в свободном доступе. Их занимают по принципу *кто успел*, а ключи в замках снаружи как раз и отмечают свободные помещения.

— И все равно, — настаивала Елена. — Эта комната предназначалась мне.

— Если вам кто-то это обещал, он солгал. Или,

по меньшей мере, ошибся. Прочтите буклет, который вам прислали.

Она ушла, не ответив. Я покачала головой и продолжила разбирать вещи.

Башня была самым высоким местом в доме, моим личным третьим этажом. В основном обосновавшись, я спустилась вниз. На втором этаже располагались три спальни, все очень просторные, каждая с полноценной ванной комнатой. Кто бы ни проектировал дом, он явно думал о гармонии взаимоотношений между людьми, живущими здесь, не меньше, чем об эстетике — нам не придется сражаться за душ по утрам. Одна из дверей — самая дальняя от лестницы по коридору — была закрыта. Я предположила, что это комната неприветливой Елены, и обрадовалась, что она закрыта и расположена так далеко.

В этот момент отворилась входная дверь.

— Привет! Есть кто-нибудь? — произнес голос, который я так хорошо знала.

Мое сердце чуть не выскочило из груди, когда я с грохотом сбегала по лестнице, торопясь встретиться с сестрой. Марин улыбнулась, распахнула объятия, и я шагнула прямо в них. И привычно изумилась, насколько сильна сестра. Мышцы танцовщицы, каждый день бросающей вызов

земному притяжению.

Она еще раз сжала мои плечи.

— Я так счастлива, что ты здесь, Имоджен. Так счастлива! Нужно распаковаться. Составишь мне компанию?

— Конечно. — Я подхватила одну из ее сумок и пошла за сестрой вверх по лестнице.

— Вот эта, — сказала Марин, пройдясь по коридору и осмотрев сначала одну, а затем другую из двух незанятых комнат, выглядывая в окна. — Мне нравится вид на реку.

Я подошла к ней и посмотрела в окно на солнечные блики, пляшущие на поверхности воды.

— Насколько иначе это место выглядит отсюда! Я смотрела в окно с другой стороны дома, там река не видна. Как будто мы с тобой будем жить в разных мирах.

— Ну и что, — сказала она, открывая чемодан, — все равно впервые за все эти годы мы оказались под одной крышей, и я этому рада.

— Я тоже.

Марин принялась распаковывать чемоданы, и мне казалось, что по комнате носится вихрь. Казалось, она порождает хаос, но все разворачивалось, складывалось и повисало очень аккуратно и именно там, где она хотела.

— Ты уже осмотрелась? — спросила она.

— Мой рейс задержали, так что я добралась сюда ненамного раньше тебя. Мне хватило времени только на то, чтобы устроиться и перехватить свободную комнату у одной из наших соседок.

Марин только закатила глаза, выслушав мой рассказ.

— Может, она не понимает, каковы правила «периода свободного заезда», или она просто не умеет ладить с людьми. — Сестра застегнула чемодан и сунула его в шкаф. Теперь ее комната выглядела так, будто она всю жизнь жила здесь.

— Может быть. Или встала не с той ноги. Надеюсь, она это как-нибудь переживет. Мне не нравится идея жить девять месяцев бок о бок с кем-то, кто возненавидел меня с первого взгляда. Кстати, об умении общаться с людьми… Что слышно от нашей маман?

Марин поморщилась.

— Как всегда, в каждом письме куча гадостей под видом заботы о моем благе. Она в своем репертуаре: конечно, идея провести почти год в «Мелете» весьма заманчива, но уверена ли я, что правильно поступаю? У меня будет прекрасный наставник, но если меня не будут видеть на сцене целый год, потом обо мне никто и не вспомнит,

и все такое прочее. Я написала ей, что пока мы здесь, нам запрещено поддерживать связь с внешним миром.

Я посмотрела на нее с изумлением.

— Неужели ты действительно так ответила?

— Именно так. — На ее щеке появилась ямочка, когда она улыбнулась. — Это, конечно, не означает, что она не наводнит почту мерзкими письмами, но, по крайней мере, это избавляет нас от необходимости ей отвечать.

— Ты просто гений! И коварный, к тому же. Я тебя обожаю.

То, что она написала матери, не соответствовало действительности. Конечно посторонним вход в «Мелету» был запрещен, но мы могли поддерживать связь с внешним миром: переписываться, общаться с помощью мессенджеров, разговаривать по телефону. Но что касается нашей драгоценной мамочки, я вовсе не хотела поддерживать с ней отношений, и была рада, что Марин возвела между нами еще один барьер.

— Пришлось это сделать, чтобы мы остались в здравом уме. Ведь наша мамаша не была бы собой, если бы вдруг оказалась хоть чем-то довольной, и поэтому она приложит все усилия, чтобы отравить нам существование и здесь. Ко-

гда я сказала ей, что еду сюда, единственное, что она спросила, когда я буду выступать, потому что, видите ли, она обязательно хочет при этом присутствовать. А это значит, что она непременно закатит сцену. Помнишь, что случилось на премьере «Лебединого озера»?

— Как я могу это забыть? Это была, наверное, одна из самых вопиющих ее выходок.

У нашей матери был пунктик — она не пропускала ни одного балетного спектакля, где танцевала Марин. Причем каждый раз использовала это как возможность привлечь внимание к собственной персоне. В тот вечер она упала в обморок — как она потом объяснила, от волнения, — когда Марин исполняла вариацию Одиллии. И сделала это так картинно, с таким грохотом, что спектакль пришлось прервать, и на следующий день во всех статьях, посвященных премьере, о ней было сказано больше, чем о самой Марин.

— Думаешь? Ну, по крайней мере, самая демонстративная. Поэтому можешь себе представить, какое удовольствие я получила, сообщая ей, что никто, кроме наставников и постоянных обитателей, не может быть допущен на территорию «Мелеты». — Марин потянулась, повела плеча-

ми, стряхивая последнее напряжение от долгой поездки. — Не хочешь прогуляться, посмотреть, что тут и как?

— Отличная идея.

Мы прошлись по территории, не переставая удивляться странным и прекрасным вещам, окружавшим нас. Ни один домик кампуса не был похож на другой и уж точно не напоминал скучные сооружения из бетонных блоков.

— Вот этот дом похож на королевский замок из «Золушки», — сказала Марин.

Да, действительно, — настоящий замок в миниатюре, окруженный рвом, с подъемным мостом. Он даже выкрашен был в тот же оттенок голубого с блестящими искорками, что и платье Золушки в диснеевском мультфильме.

— А соседний домик как будто сошел со страниц исторического романа о России. Интересно, кто его спроектировал? — Гравий хрустел под нашими ногами, а в воздухе стоял густой медовый запах — так обычно пахнет нагретая солнцем свежая трава.

— Наверное, подающие надежды архитекторы, которые в свое время жили в «Мелете». А может, скульпторы. Здесь принято в знак благодарности оставлять свои творения. Кстати, мосты через

реку тоже их рук дело. Замечательная традиция, правда? — Ее прелестное лицо озарила улыбка.

Невозможно было не улыбнуться в ответ.

— На первый взгляд, все в этом месте прекрасно.

Мы вернулись, когда солнце уже садилось, заливая все вокруг золотистым светом. И услышали голос, удивительно чистый и звонкий, вдохновенно выводящий *«O mio babbino caro»*, еще до того, как увидели его обладательницу.

Девушка пела с закрытыми глазами, стоя перед крыльцом нашего дома. На первый взгляд она была точной копией Луизы Брукс[3], разве что с более смуглой кожей, в обтягивающих кожаных штанах и мешковатой майке, что не мешало ей выглядеть очень стильно.

Я была потрясена красотой момента. Все слилось в единую картину — магия голоса незнакомки, волшебная природа, сама ария Лауретты из оперы Пуччини «Джанни Скикки». Я была тронута до глубины души.

— Браво, браво! — воскликнула Марин.

— Спасибо. Мне вдруг захотелось спеть именно

[3] Примечания: 3

Луиза Брукс (Louise Brooks; 1906–1985) — американская танцовщица, модель, культовая актриса немого кино, секс-символ «века джаза», введшая в моду стрижку «короткое каре с челкой».

здесь и сейчас. И вообще, как можно оказаться посреди всего этого и не петь во весь голос? — Она широко раскинула руки, словно пытаясь обнять всю красоту вокруг. — Меня зовут Ариэль. А вы тоже здесь живете?

— Да, — улыбнулась Марин. — Правда, мы пока этого еще не поняли. Я Марин, а это моя сестра Имоджен.

— У вас потрясающий голос, — сказала я. — Вы оперная певица?

— Да, я певица. Правда, мой голос не очень подходит для оперы, но я так люблю эту арию! От нее у меня просто сердце замирает. — Она стукнула себя кулаком в грудь. — Никак не могу поверить, что это место мне не привиделось. Понимаете, что я имею в виду? Только посмотрите на этот домик. Тут все такие?

— Соседний дом похож на замок, там даже ров есть, — сказала я.

— Что, правда? Замок со рвом?

— Именно. Я все пытаюсь подбить Имоджен пошалить немного и поиграть в осаду замка. Или искупаться голышом. Пока не решили, что лучше, — сказала Марин.

— Конечно же, осада, — сказала Ариэль. — Думаю, желающих искупаться во рву голышом

много, но мы же не хотим ходить проторенными путями!

— Мне нравится твой образ мыслей, — сказала Марин, подтолкнув девушку плечом. Сестре всегда было легче общаться с незнакомыми людьми, чем мне.

— А над чем вы собираетесь тут работать? — спросила я. Одной из особенностей «Мелеты» было то, что ее обитателей ни к чему не принуждали. Танцовщиков и певцов не заставляли выступать, демонстрируя достижения, от поэтов и писателей не требовали представить на суд наставников свои произведения перед тем, как они уедут из кампуса. Можно было поступить сюда и просто болтаться без дела все девять месяцев — или, как было сказано в официальных материалах, использовать это время «для глубоких размышлений о природе искусства». Тем не менее, существовала неписаная традиция, согласно которой обитатели «Мелеты» начинали здесь работу над какими-нибудь крупными амбициозными проектами, которые становились вехами в их творчестве и началом череды выдающихся произведений.

— Я пишу рок-оперу о Жанне д'Арк. И сама буду исполнять роль Жанны.

Я задумалась, взвешивая идею.

— Отлично придумано. Жанна одна из немногих исторических личностей, которые не будут восприниматься странно в качестве героев рок-оперы, ей это подходит.

— Мне даже подступиться страшно, — призналась Ариэль. — Но именно так я и выбираю проекты, над которыми стоит работать. Если от одной мысли у меня скручивает живот и начинает тошнить, это верный признак, что это именно та идея, которой стоит заняться.

— А мне здесь почему-то немного страшно, — сказала Марин.

Это было неожиданно. Впервые я слышала, чтобы Марин не захлебывалась от восторга, говоря о «Мелете». Она ни разу не выказала ни тени сомнений, когда мы обсуждали, стоит ли посылать туда заявки, и не было ни малейшего намека, что пребывание здесь не является пределом ее мечтаний.

— Неужели? — удивилась Ариэль.

— Оставить труппу на год само по себе безумие. Так никто в балетном мире не поступает. Нет никакой гарантии, что, когда я вернусь, меня примут обратно. — Марин нервно чертила ногой полукруг.

— В таком случае, зачем ты вообще сюда приехала? — спросила Ариэль. Я была рада, что этот вопрос задала именно она, и мне не пришлось делать этого. Если для постороннего человека такой вопрос был закономерен, то мне было стыдно не знать о сомнениях и проблемах родной сестры.

— Чтобы совершенствовать мастерство танца под руководством Гэвина Делакура. Надеюсь, что работа с ним послужит толчком для моей карьеры, и мне не придется возвращаться в старую труппу, потому что я стану действительно выдающейся балериной. — Она пожала плечами. — В общем, по тем же причинам, что и другие — достичь таких высот мастерства, что все остальное не будет иметь значения.

— Ты права, — сказала Ариэль. — А как насчет тебя, Имоджен?

Я уклонилась от ответа, отделавшись общими фразами. Я не любила говорить о своем творчестве, так как мне казалось, что сказанные слова могут нарушить гармонию невоплощенного пока замысла.

— Ну… Хочу сделать нечто такое… Что, как ты сказала, пугает меня настолько, что понимаешь, именно над этим и следует работать. У меня такое чувство, что время, проведенное здесь,

сто́ит использовать, чтобы начать какой-то действительно серьезный проект. Такой, о каком я и помыслить бы не могла где-то еще.

Ариэль кивнула.

— И я! Среди ежедневной рутины я бы просто не смогла выкроить время, чтобы всерьез задуматься о рок-опере.

— Вот именно, — улыбнулась я.

Все это время я с беспокойством наблюдала за Марин, которая вовсе не выкроила время для занятий, приехав в «Мелету», а, скорее, пожертвовала им. Я спрашивала себя, что такого могло случиться, чтобы заставить ее рисковать своей безопасностью? Или, может, по какой-то причине безопасность перестала иметь для нее значение?

— Ну, ладно, девочки! Я не прочь и всю ночь проболтать с вами обо всем этом, но я даже не начала распаковывать вещи, — сказала Ариэль. — А пора бы уже.

— Я тоже еще не все распаковала, — кивнула я. — А ведь я приехала раньше вас.

— Думаю, скоро мы сможем болтать о том, как идут дела, и ночами, — сказала Марин. — Ведь мы собрались здесь и ради этого тоже, правда?

Довольные намеченными планами, мы разошлись по комнатам. Поднимаясь по лестнице, я

взглянула на дверь комнаты Елены и отметила, что она плотно закрыта. Странная девица, видимо, решила отгородиться от остальных.

Поднявшись в башенку, я распахнула окна, впустив в комнату воздух наступавшей ночи. Ночь давно стала моим любимым временем. Под покровом ночи легче писать. Записывать невероятные истории. И нет рядом никого, кто нарушил бы тишину суждениями о достоинствах и недостатках моих текстов. Ночь всегда располагала к предельной откровенности, когда казалось, что можно безбоязненно открывать самые мрачные тайны, признаваться в самых сокровенных желаниях.

Сидя в полном одиночестве за столом в сгущающихся сумерках, я открыла блокнот.

Хотя раньше я сама себе не признавалась, теперь я точно знала, что именно собираюсь написать в «Мелете». Это будет роман, состоящий из отдельных историй, а точнее сказок, сюжеты которых переплетаются и дополняют друг друга, о двух девушках, заблудившихся в темном лесу. О том, что этому предшествовало, и об их чудесном спасении. Или… гибели? О том, что же заставило их бежать в самую чащу ночного леса, об их жизни до этого. И о волшебных картах, которые

помогли им найти выход оттуда, откуда редко кто выбирался живым. Идея подобной книги давно зрела во мне. Это будет история, которую мне необходимо поведать миру.

Я взяла ручку, потом снова положила ее на стол. Оперлась руками о столешницу и сделала несколько глубоких вдохов, вбирая воздух, полный чудесных ароматов позднего лета.

Только под покровом ночи я смогла себе признаться, что очень, очень боюсь писать эту книгу, потому что, записывая все это, могу смертельно пораниться. Так, что обнажатся кости под рассеченной плотью. Я думала, что если буду слишком долго мечтать о своем замысле, то, в конце концов, откажусь от мысли написать эту книгу. Сама себя уговорю не делать этого. Такое уже случалось. И не раз.

Гораздо проще и безопаснее было спрятаться за завесой недомолвок и недосказанности и продолжать писать в том же стиле, который мне прекрасно удавался, и в каком были написаны те отрывки, которые я отправила на суд отборочной комиссии в качестве образца моего творчества, подавая заявку в «Мелету». Это были непритязательные истории о девушках с трагическим прошлым, которые не могут найти себя в настоя-

щем и постепенно угасают. Множество метафор, тонкий налет меланхолии. Из-под моего пера выходили затейливые рассказы, заставляющие плакать читателей, из которых редко кто понимал, что они оплакивают героинь, о которых почти ничего не знают.

Такие истории было легко писать, но они были далеки от того, что мне действительно хотелось рассказать.

Я больше не хотела идти этим путем. Я приехала в «Мелету», чтобы узнать, до какой степени откровенности смогу дойти, если отброшу все наносное, ненужное, и целиком посвящу себя писательскому труду. Понять, смогу ли я, как выразилась Марин, *«достичь таких высот мастерства, что все остальное не будет иметь значения»*.

Я пошевелила пальцами, чтобы размять кисть со следами ожога и унять боль, и снова взялась за ручку.

Сетуя на собственные горести, вы порой говорите себе, что есть на свете люди, которым приходится гораздо хуже, чем вам, и, конечно, таких людей вам не придется долго искать. Ведь если вы пережили насилие и унижения и уцелели, то и другие на это способны. Как это ни

ужасно, но вы находите утешение в мысли о том, что даже если вам приходилось голодать, вы все же не оставались совсем без пищи. Вам отвешивали пощечины, но не избивали до полусмерти. А если и избивали, то дело обходилось без переломанных костей. Вы вспоминаете обо всех ужасных, немыслимых вещах, которые с вами происходили, и тут же думаете о том, что могло быть еще хуже. Если вы смогли выжить один раз, то думаете, что сможете так всегда, и, следуя этой извращенной логике, вы считаете, что то, что случилось с вами, в общем, не так уж и страшно.

Ваша мать пыталась убедить вас в том, что вы полное ничтожество, и она только зря тратит на вас время, но ей так и не удалось сломить ваш дух. Пусть на вашей коже еще видны шрамы, но эти следы насилия говорят лишь о том, что вы умудрились выжить и прожить достаточно долго, чтобы эти шрамы зажили.

Может быть, вам поневоле приходилось жить тайной жизнью, спрятав поглубже то, что для вас действительно ценно. Вы никому не могли поведать своих тайн. Но не потому, что не знали нужных слов, а потому что жизнь научила вас, что слова не имеют значения. Люди скорее поверят в красивую ложь, чем в неприглядную

правду. Поэтому поверят они, скорее всего, не вам. Так вы узнали силу молчания и научились хранить секреты. Может быть, вы до сих пор с опаской оглядываетесь назад, но, по крайней мере, вы уцелели и вырвались из личного ада.

В конце концов, вы начинаете думать, что если бы вы не были столь несчастны в детстве, когда ни на минуту нельзя расслабиться, когда чувствуешь, что ходишь по острию ножа, может быть, вам и не удалось бы обрести своего уникального стиля.

Если бы вас не заставляли молчать, заталкивая обратно рвущиеся наружу слова, вы никогда бы не узнали об истинной силе слова.

Это то, что вы говорите себе. Именно это приносит вам утешение, позволяет дышать, позволяет жить дальше. Именно это и означает, как в сказках, *«жить долго и счастливо»*.

Казалось, что я едва успела уснуть и тут же проснулась. В небе брезжил рассвет, а комната была полна бабочек. Они были оранжевые, красно-черные и еще такие, каких любил Владимир Набоков — с *«рядом васильково-лазоревых зерен вдоль круговой бахромы»*. Их крылышки то открывались, то закрывались, все одновременно, и, казалось, стены комнаты подрагивают в одном

ритме с биением огромного невидимого сердца.

Я лежала в постели и любовалась ими, затаив дыхание. Прошло несколько минут, или, возможно, часов. Мне казалось, что я попала в таинственное святилище, существующее вне времени и пространства.

Когда я проснулась в следующий раз, бабочек в комнате не было. Я почти убедила себя, что это был на редкость яркий сон, как вдруг заметила полоску радужной пыльцы на листке бумаги, лежащем на столе.

Я никогда не придавала значения предзнаменованиям и приметам. Людям свойственно говорить, что от судьбы не уйдешь, но я твердо убеждена, что из любой, даже самой неразрешимой, ситуации можно найти выход. Мы сами творцы своего счастья, если направляем волю и энергию на осуществление заветной мечты. А если искать знаки, то рано или поздно вы их найдете, а будут ли они благими или дурными, зависит только от вашего восприятия. Было бы легко, если бы я того пожелала, принять крошечное синее пятнышко с радужным отливом за знак судьбы, но я не испытывала в этом потребности. Мне не нужны знамения, ведь я верю в собственные силы.

Глава 3

Марин повесила на окна шторы янтарного цвета, и теперь комната была залита теплым медовым светом. Гирлянды с красными лампочками мы ухитрились натянуть прямо под плафоном, и, запрокинув головы, полюбовались творением рук своих.

— А что, мне нравится — элегантно и уютно, — сказала я.

— А ты привезла свои звездочки? — спросила сестра.

— Конечно. — Марин сделала мне неожиданный подарок — набор светящихся в темноте звездочек, приклеивающихся к потолку, — когда переехала в первую в своей жизни съемную квартиру. Она назвала это «ответным подарком на новоселье». Так закончился четырехлетний период, в течение которого мы с ней ни словом не перемолвились, и мы снова начали общаться. С тех самых пор я украшала этими звездочками спальню во всех квартирах, в которых доводилось жить. — Из них можно складывать созвездия.

— Твои любимые мифологические персонажи

теперь будут жить на потолке. — Марин с ногами забралась на постель и принялась пришивать ленты к новым пуантам. — Ты говорила, что мечтаешь об этом.

— Да, хочу разместить их так, чтобы одна история переходила в другую.

— Когда мы были детьми, ты рассказывала мне истории о звездах, — прошептала она, не отрываясь от шитья. — Когда я не могла заснуть. О двух принцессах, которые жили в звездных дворцах. Помнишь?

— И у них была звездная карусель, чтобы поворачивать небо так, как им нужно. Для странствий и приключений. — Я прижала ладонь к груди, пытаясь унять боль, вызванную этими воспоминаниями.

— Мне так нравились твои истории. А ты никогда не думала, что стоит их записать? Не для того, чтобы продать какому-нибудь издательству, а просто, чтобы они сохранились. Я знаю, сейчас ты пишешь совсем другие вещи, но все же, хотелось бы увидеть их на бумаге. — Марин решительно отхватила ножницами нитку и принялась за другую туфельку.

— Я же сочиняла их для тебя, и не собиралась их записывать, — ответила я.

Тем не менее, я это сделала. В первый же семестр в «Блэкстоуне». Когда еще думала, что сестра хочет, чтобы я приехала домой на рождественские каникулы. Я планировала подарить ей эти истории. Но я не получила ни единой весточки от нее, и это стало началом нашей разлуки на долгие годы.

Я спрятала их подальше и оставила с остальными вещами на складе. Они не были мне нужны, но уничтожить рука не поднималась.

— Я никогда не планировала издавать их. И на здешний конкурс я подала вовсе не истории про двух звездных принцесс.

Она рассмеялась.

— Кто бы мог подумать! Просто я скучаю по ним.

— Ясно. В следующий раз, когда не сможешь уснуть, можешь прийти ко мне, и я расскажу тебе новую сказку.

Она наконец подняла взгляд от шитья и улыбнулась, а я едва не рассказала ей правду об этих историях. Не то чтобы мне было трудно признаться. Я вполне могла все ей рассказать. Но иногда так бывает, что вы храните молчание просто потому, что оно ранит меньше слов. Не стоит бередить старые раны, когда мы обе стремимся

их залечить. Вместо этого я сказала:

— Хочешь, поужинаем вечером вместе?

— Хочу, но сегодня я встречаюсь с Гэвином.

Гэвин Делакур был солистом Национального театра балета. На сцене он двигался так, словно гравитация не имела над ним власти, и сам воздух был его партнером. Даже вне профессиональной жизни он был настоящей звездой, его имя часто мелькало в глянцевых журналах в списках самых завидных женихов и красивейших людей мира, и постоянно ходили слухи, что именно он послужил прототипом то одного, то другого из персонажей голливудских фильмов в жанре фэнтези о магии танца.

Она сунула туфельки с пришитыми лентами в сумку.

— Нам надо составить план занятий на год.

— Ты будешь заниматься вместе с труппой Национального театра балета?

— Это мы тоже собираемся обсудить. И еще много всего. Попробуем придумать, как увязать то, что я буду делать здесь, с необходимостью заниматься с труппой. Кроме того, после «Мелеты» мне хочется пройти у них пробы на роли. Не хочу торопить события, но и на самотек такое пускать не стоит.

Сестра закручивала волосы в аккуратный пучок на затылке.

— Марин, ты именно это имела в виду, когда сказала, что тебя пугает приезд сюда?

Она села, и я поняла, что разговор будет серьезным. В детстве моя непоседа-сестра именно в таких случаях добровольно прекращала свое *вечное движение*.

— Для меня это большой риск. Время не лучший друг танцора, а целый год вне сцены — очень большой срок. Но мне надо было вырваться из привычной колеи, и сделать это достаточно драматично. Чтобы об этом говорили, и чтобы публика обо мне не забывала, даже если я не на сцене. Мир полон возможностей, и мне недостаточно быть просто хорошей танцовщицей. Я должна быть примой! — Она перевела дыхание. — Работа с Гэвином — такая прекрасная возможность! И он сам выбрал меня! Значит, думает, что на меня стоит потратить время.

— И что ты талантлива, — добавила я.

— Надеюсь. Но его техника! У Гэвина настоящий дар! Каждое его движение фантастически точно. Мне этого пока не хватает. Но если я смогу достичь такого же мастерства, — она была полна решимости, — если у меня получится, я

буду не просто хорошей балериной. Я буду великой балериной! — Она помолчала несколько секунд. — Понимаешь, если мне повезет, преимущества перевесят риск. Но даже думать не хочу, что будет, если удача от меня отвернется. Это слишком пугающе. Ну вот. А теперь мне пора идти в студию.

Я бросила взгляд на телефон.

— Не уверена, что застанешь меня здесь, когда вернешься. У меня первая встреча с Бет немного позднее. Но, Марин, если тебе что-нибудь понадобится…

— Знаю, — прервала она меня. — Ведь именно поэтому мы здесь вместе, правда?

* * *

Мы с Ариэль сражались с ее огромным чемоданом, пытаясь втащить его по лестнице в ее комнату. Это был самый настоящий винтажный пароходный кофр, перетянутый кожаными ремнями, с углами, обитыми медью, который достался ей в наследство от прапрабабушки. Поэтому она и привезла в нем свои вещи в «Мелету», хотя картонные коробки гораздо удобнее. Сундук, без сомнения, был красив, но даже без вещей весил немало, и мы напрочь застряли на лестнице,

не дотащив это чудовище до второго этажа.

— Вы скоро закончите? Мне надо забрать ланч с кухни, — сказала Елена, стоя на площадке над нами.

— Могла бы и помочь. Тогда бы мы быстрее справились.

— Мои-то вещи все уже в комнате. И вы мне в этом нисколько не помогли, — парировала Елена.

— Ты права. Но мы сделали бы это, если бы ты попросила, — заметила я.

— Неужели? — Странно, но в ее голосе сквозило непритворное любопытство, словно мысль о том, что можно кого-то попросить о помощи, никогда не приходила ей в голову.

Ариэль разогнула спину и вытерла пот со лба.

— Иди, принеси что-нибудь. Любую вещь. И я клянусь, что буду таскать ее вверх и вниз по лестнице столько раз, сколько ты захочешь. Но потом. Если сейчас ты нам поможешь сдвинуть эту чертову хреновину с места.

Елена склонила голову к плечу.

— Ладно.

Ариэль взглянула на меня.

— И во что это я сейчас вляпалась?

Я откинула прядь волос с лица и рассмеялась.

Тем временем Елена протиснулась между стеной и сундуком, чтобы помочь нам приподнять его.

— Если ты все вытащила, зачем тащить его в комнату? Может, отнести его на склад или оставить в холле на первом этаже?

— Ну что, на счет три? — сказала я, и мы ухватились за сундук.

— Потому что с ним я чувствую себя как дома, — объяснила Ариэль, с трудом удерживая равновесие, когда нам, наконец, удалось рывком поднять застрявший кофр. — Моя прапрабабушка пела в ночном клубе, пока не вышла замуж. Она моталась по всей стране с этим сундуком! Он не дает забыть о моих корнях, и о том, кем я сама хочу стать.

— Уважительная причина, — серьезно сказала Елена.

— Рада, что ты меня понимаешь, — кивнула Ариэль.

Мы еще долго боролись с этим монстром, изо всех сил стараясь затащить его вверх по лестнице и дальше по коридору до комнаты Ариэль.

— А теперь можешь пойти принести мне мой ланч, — заявила Елена, обращаясь к Ариэль. — И не надо ничего больше таскать вверх-вниз по

лестнице.

— Спасибо за помощь, — ответила Ариэль.

Елена коротко кивнула и направилась в свою комнату.

— Такое впечатление, что она воспитывалась в волчьей стае, — прошептала Ариэль, глядя ей в спину. — И еще только учится быть человеком. Тебе что-нибудь захватить, раз уж я иду на кухню отбывать наказание… то есть, за ее едой.

— Не стоит, — усмехнулась я. — Я не вредная.

Я еще раз просмотрела указания, присланные моей наставницей, Бет Эдвардс, сунула телефон в задний карман джинсов на случай, если мне придется уточнять дорогу к ее домику. Наставники жили на территории «Мелеты», но их дома стояли отдельно, поодаль от наших студий.

«Я буду жить рядом, но все же не настолько близко, чтобы заглядывать через плечо, когда вы работаете», — писала мне Бет.

По пути я видела, как ученики направляются в студии. В руках у некоторых были футляры с музыкальными инструментами, сумки с пятнами краски. Посреди всей этой суеты вдруг раздались звуки фортепьяно. Невидимый исполнитель прервал пассаж на середине музыкальной фразы, а потом снова повторил ее. Мне казалось, что я

попала на съемки фильма. Все выглядело ярче, чем обычно.

Я подумала, что со временем жизнь в «Мелете» станет для меня обычной, потеряет свой сказочный налет. Меня уже не будут удивлять замки, окруженные рвами, домики, созданные по законам невозможной геометрии, как на рисунках доктора Сьюза[4]. И уже не будет ничего особенного, если мимо меня по дорожке пройдет какой-нибудь оскароносный актер и улыбнется мне, а я улыбнусь ему в ответ, даже не покраснев при этом. Но пока я буду упиваться новизной окружающего меня неизведанного мира.

На краю пустоши, лежащей за студиями, раскинулся цветущий розовый сад. Вобрав все краски позднего лета, он словно заснул под мерное жужжание пчел, наполняя воздух пьянящим ароматом.

Пройдя розарий, я сошла с дорожки и повернула налево, к бесцветному домику с двускатной крышей, столь обветшалому, словно какая-то неведомая сила выдернула его с какого-нибудь

[4] Примечания: 4

Теодор Зойс Гайзель (Доктор Сьюз, Доктор Зойс, Dr. Seuss) (1904–1991) — американский детский писатель и мультипликатор.

Трескового мыса[5] и перенесла сюда, в леса Нью-Гэмпшира.

Стоя перед домом Бет Эдвардс, я испытывала странное чувство. Она получила литературную премию «Оранж»[6] за книгу, которую начала писать в «Мелете» — роман, состоящий из нескольких историй о судьбах молодых женщин во время процесса над салемскими ведьмами. И это было только начало ее головокружительной карьеры. Теперь у нее вышло уже семь книг, и каждая из них неизменно появлялась в списке бестселлеров и номинировалась на литературные премии. Ее имя не сходило со страниц *The New Yorker* и *Vogue*. Моя наставница действительно была писателем от Бога, отличаясь великолепным и в то же время чрезвычайно легким стилем. Мне нравились лаконичность и точность ее языка и то, что она не боялась описывать самые глубокие человеческие чувства, хотя, надо признаться, при чтении порой становилось не по себе. Пожалуй, я уже довольно

---

[5] Примечания: 5

Тресковый мыс, Кейп-Код (*англ.* Cape Cod — «мыс трески») — полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс.

[6] Примечания: 6

Литературная премия «Оранж» (*англ.* Orange Broadband Prize for Fiction) — одна из самых престижных в англоязычном мире премий за литературное произведение, написанное женщиной любой национальности на английском языке.

давно находилась под влиянием ее творчества, и, наверное, по этой причине решила, что книга, которую я буду писать здесь, тоже будет состоять из нескольких взаимосвязанных историй.

Когда она приезжала в мой колледж, чтобы представить свою новую книгу и дать автографы, я струсила и не пошла на эту встречу, опасаясь, что при виде своего кумира не смогу произнести ничего путного и буду лишь бессвязно бормотать от смущения. Я не была уверена, что сегодня буду держаться лучше. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, руки и ноги тряслись, словно меня бил электрический ток. Я потерла ладонь, разглаживая шрам от ожога, и с шумом втянула воздух. Пусть, если даже я и буду лепетать что-то невнятное, все же я приехала сюда именно для того, чтобы поработать с ней. Заставив себя выпрямить спину, я прошла по дорожке, вдоль которой росли мелкие лиловые цветы, и постучала в дверь.

Я понимаю, что это банальное замечание, которое автор делает при описании персонажа своей книги, но все же отмечу, что знаменитая писательница показалась мне меньше ростом, чем я ожидала — ее макушка едва доставала мне до плеча. Ее окутывал запах корицы и ванили,

тянущийся из распахнутой двери.

— Должно быть, вы Имоджен. Входите. Я приготовила рулетики с корицей. Вижу, вы все еще несколько ошеломлены. Я точно так же ощущала себя, попав сюда в первый раз в качестве стипендиата. Понадобилось две недели, чтобы я перестала ждать, что вот сейчас кто-нибудь постучит в дверь и скажет, что я попала сюда по ошибке, и мне надо убираться восвояси. Кружки в буфете справа, если хотите кофе. Чай у меня тоже есть. — Она поставила на стол рулетики с корицей, политые толстым слоем глазури.

— Спасибо, кофе, если можно. — Я достала кружку. — И я слишком взволнована, чтобы быть ошеломленной.

— Вот и отлично. Держите. — Она подвинула ко мне тарелку с рулетиками и налила чай в чашку с золотым ободком и ромашками. — Пойдемте в комнату. В этом доме мне все нравится, кроме кухонных стульев, которые внезапно складываются под вами, словно орудия пытки.

Я пошла за ней по коридору, и мы вошли в комнату, полную книг. Устроившись поудобнее, она попросила:

— Расскажите, что вы сейчас пишете.

— На самом деле, мне не хочется об этом гово-

рить. — Слова слетели с губ, прежде чем я смогла сдержаться и выразить свое пожелание повежливее. Наверное, ей виднее, как надо спланировать работу, и мое мнение на этот счет не играет никакой роли. Я сжала вилку в руке так крепко, что на миг испугалась, что та согнется.

Бет осторожно поставила чашку на блюдце и посмотрела на меня. Между нами повисло молчание, которое тянулось довольно долго. Ну вот, и пяти минут не прошло с момента первой встречи с моим литературным кумиром, как я уже все испортила. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. А потом она сказала:

— Что ж, все правильно, все правильно! Понимаю ваше стремление защитить свое творчество. Немногие на это способны, а ведь на самом деле нет ничего — ничего — важнее!

Она снова принялась за чай.

— Расслабьтесь, Имоджен. Можете вздохнуть спокойно. Я не съем вас за откровенность.

Я расслабилась, и откусила еще один кусочек рулетика. А потом еще один. И еще.

— Очень вкусно!

Бет с улыбкой кивнула.

— Обожаю вкусно поесть. Так что пришлось научиться готовить, и достичь в этом опреде-

ленного мастерства, ведь я не люблю что-либо делать спустя рукава. А теперь вернемся к теме нашего разговора. Вы ведь хорошо представляете себе, над чем именно собираетесь работать в «Мелете», не так ли?

— Конечно. Я начала писать эту книгу в первую же ночь здесь. Я прекрасно представляю, что это будет, просто не хочу обсуждать свою работу, пока не приведу ее в более или менее законченный вид, чтобы не сглазить.

— Понимаю. Можете не обсуждать со мной подробностей, главное, не сидите сложа руки, и пишите. Я довольно требовательна к своим ученикам и не терплю тех, кто, оказавшись здесь, использует эту возможность, чтобы бездельничать. Приятно видеть, что не ошиблась в вас. А теперь скажите мне, что бы вы хотели получить от нашего сотрудничества за то время, что мы проведем здесь вместе? Только честно.

Я отпила из чашки.

— Мне хотелось бы знать о своих недочетах, чтобы улучшить стиль. Хотелось бы иметь возможность обсуждать мое творчество с вами, получать советы о том, как исправить огрехи, ведь иногда от них меня просто отчаяние берет. Как с этим справиться?

— Вы хотите сказать, что вас не интересует ни телефон моего литературного агента, ни хвалебный отзыв на вашу книгу?

— Нет, потому что, если я докажу, что чего-то стою, вы сами мне это предоставите без лишних просьб с моей стороны.

Еще одна пауза, а потом она расхохоталась, громко и почти неприлично.

— Вы совершенно правы. Если вы докажете, что чего-то стоите, я сама все сделаю. И тогда смогу похвастаться, что первой открыла ваш талант. Думаю, мы с вами прекрасно сработаемся, Имоджен. Давайте обсудим практическую сторону наших отношений. Как часто вы хотите встречаться со мной? — Она встала с дивана и вышла в холл.

Я принялась рассматривать книги на полках, в ожидании ее возвращения, пытаясь разгадать ее пристрастия и источники вдохновения. Кое-какие из этих текстов можно было бы сохранить в памяти и использовать, чтобы улучшить свои. Волшебные слова, так сказать.

Она вернулась с сумкой, полной пряжи.

— Не могу сидеть сложа руки. Около года назад я научилась вязать. И теперь чувствую себя бездельницей, когда не пишу, а руки не заняты

вязанием.

— Я бы предпочла встречаться с вами раз в две недели. Однако, мне не хочется показывать вам текст, пока книга не закончена. Не люблю получать замечания о незавершенной работе, да и вам не стоит тратить время на решение проблем, с которыми я сама в состоянии справиться.

— Но ведь я здесь как раз за тем, чтобы тратить время именно таким образом. Тем не менее, если вы считаете, что прямое обсуждение вашей работы нецелесообразно, мы можем беседовать на другие темы.

Бет замолчала, и какое-то время раздавалось лишь звяканье ее спиц. Пряжа была толстой, бледно-лилового цвета, но пока сложно было понять, что именно она вяжет.

— Но если вы вдруг передумаете и захотите обсудить то, что пишете, показать мне какие-то фрагменты или перенести встречу, без стеснения сообщите мне об этом, независимо от того, пожелаете ли вы встречаться реже или чаще. Я к вашим услугам хоть каждый день, если у вас на то есть желание. Ведь вы здесь, чтобы совершенствовать свой стиль, и это должно быть для вас превыше всего.

— Так и будет, благодарю вас. — Я поставила

чашку на блюдце, поняв, что наше свидание подошло к концу, и безмерно радуясь, что с честью прошла это испытание.

— А теперь позвольте мне удовлетворить свое любопытство. Насколько я понимаю, ваша сестра тоже здесь?

Я откинулась на спинку дивана, чувствуя спиной каждый шов его подушек.

— Да, это так. Мы поселились в одном домике, и это просто замечательно. Между прочим, это была идея Марин подать заявку сюда. Если бы не она, меня бы здесь не было.

Позвякивание спиц напоминало стук клавиш пишущей машинки.

— Не припомню, чтобы у нас тут одновременно обитали братья или сестры. Это что-то новенькое в нашей размеренной жизни. Скажите, как могут двое творческих людей ужиться в одной семье? Разве между вами не возникает напряжения? Ну, понимаете — профессиональная зависть, соперничество, которое нередко случается между сестрами?

— Наш отец умер, когда мы были совсем маленькими. В детстве мы большую часть времени проводили вдвоем. Мне и в голову никогда не приходило воспринимать Марин как соперницу

или кого-то, с кем я должна соревноваться.

Но я-то знала, что наша мать была иного мнения. Иметь дочь балерину означало для нее возможность греться в лучах ее славы, и она мертвой хваткой в эту возможность вцепилась. Она просто упивалась аплодисментами, которые неизменно сопровождали выступления Марин, и убеждала себя, что в ее успехе есть и ее заслуга. Что же касается дочери, обладающей писательским даром, то тут была опасность, что она сумеет осветить темные уголки жизни, которые лучше было бы скрыть от чужих глаз, чтобы никто не увидел затаившихся там чудовищ. И мать всеми силами старалась погасить этот свет.

Я сунула руку под бедро, чтобы скрыть шрамы.

— Мы с сестрой работаем в разных областях, поэтому маловероятно, что когда-нибудь дело дойдет до соперничества. На самом деле, я даже считаю, что нам обеим как людям искусства, идет на пользу, что рядом есть близкий человек, понимающий, что такое муки творчества. Мы сестры, и между нами не всегда все было гладко, но, даже несмотря на разногласия, в том, что касается творчества, мы всегда поддерживали друг друга.

— Вот и отлично, — кивнула Бет. — Иметь такую поддержку от того, кто знает, что это такое,

жить жизнью, столь непохожей на жизнь окружающих. На свете так много людей, которые этого просто не понимают. Это одна из причин — помимо прочих, — почему я так люблю снова и снова приезжать сюда, — возможность работать с теми, кто способен это понять. — Мы немного помолчали.

— Ну что ж, если у вас больше нет вопросов, я, пожалуй, отпущу вас, ведь вам еще надо обустраиваться на новом месте и, конечно же, приступать к работе. Я рада сотрудничать с вами, Имоджен.

— Я тоже очень рада этой возможности.

Я шла к своему домику, испытывая огромное облегчение и в то же время окрыленная тем, как успешно прошла наша с Бет первая встреча.

Легкий ветерок покачивал кусты роз, мимо которых я уже проходила, и стебли, увенчанные тяжелыми головками цветов, изгибались, словно руки танцовщиц. За ними тянулись, причудливо извиваясь, длинные послеполуденные тени. Странный танец лепестков, листьев и шипов, игра света и тени, пьянящее благоухание. Не удержавшись, я сошла с дорожки и ступила в царство роз.

Неожиданно резкий порыв ветра сорвал лепестки с цветов, закручивая их в темно-красный,

почти черный вихрь. В этот момент все звуки «Мелеты» вдруг смолкли, я почувствовала приступ тошноты и покачнулась. Возникло чувство, что меня пытаются вывернуть наизнанку.

В центре странного вихря стояла женщина, тонкая и длинноволосая, в платье, словно сшитом из лепестков роз, и на мгновение мне показалось, что глаза у нее полностью черные, без белков.

Затем на лицо ее упали солнечные блики и иллюзия исчезла. Смерч из розовых лепестков исчез так же неожиданно, как и появился, и в ушах снова зазвучали звуки окружающего мира. Женщина улыбнулась мне, складки ее длинного красного платья колыхались на ветру. Я помахала ей рукой и вернулась на тропинку.

Виной всему нервное напряжение, думала я. Просто я так волновалась перед встречей с Бет, что, в результате, испытав облегчение от удачного исхода, впала в эйфорию, и у меня разыгралось воображение. Розовый сад, оставшийся за моей спиной, был всего лишь розовым садом, благоухающим островком красоты в лучах послеполуденного солнца, за которым ухаживала женщина в летнем красном платье. Не более того.

На третий вечер нашего пребывания в «Меле-

те» я вошла в кухню, чтобы забрать свой ужин, и увидела, что Марин и Ариэль уже сидели там.

— Не хочешь к нам присоединиться? — спросила Ариэль, ставя на стол еще один стакан.

— Спасибо. — Я поставила свой ужин в ланчбоксе на стол рядом с двумя другими. Двумя! Вот черт.

— Пойду-ка я наверх, приглашу Елену. Может, она тоже захочет с нами поужинать.

— Да ну ее, она же ужасно неприятная особа.

— Точно. Агрессивная и грубая. Дикая какая-то, словно выросла среди хищников, и не знает, что значит быть человеком, — добавила Марин.

— Ну, она, возможно, откажется. Но мне все-таки кажется, правильнее будет ее пригласить. Вот и посмотрим, насколько она ужасна, — сказала я, а про себя подумала, что возможно, мне повезло даже больше, чем я думала, в том, что не живу с ними на одном этаже.

Ариэль вздохнула.

— Ох, уж эти католики с их извечным чувством вины. Все с тобой понятно.

Я постучала в дверь Елены, немного подождала и постучала еще раз. Уже испытывая облегчение от того, что не придется разгребать последствия своего благодушия, я повернулась, чтобы уйти.

— Чего тебе? — Елена стояла на пороге за слегка приоткрытой дверью.

— Мы решили поужинать вместе. Не хочешь присоединиться?

Сузив глаза, она молча стояла и покусывала нижнюю губу.

— Ну, если ты занята, — то есть, одичала вконец, добавила я про себя, — то это необязательно.

— Ну, хорошо. — Она пулей выскочила из двери и тут же ее за собой захлопнула. — Мы ведь должны общаться друг с другом, как творческие люди, раз уж мы здесь, верно?

С этим не поспоришь.

На лицах Марин и Ариэль появилось неприкрытое удивление, когда они увидели, что Елена соизволила к нам присоединиться, но они быстро справились с собой и усадили ее за стол. Ариэль разлила вино, а потом подняла свой стакан.

— За нас и за наше творчество!

Она произнесла это с таким неподдельным пафосом, что у меня не возникло ни малейшего сомнения в искренности этих слов — как ни странно, ей действительно удалось создать торжественную атмосферу праздника. Мы с Марин чокнулись, и через секунду Елена тоже к нам присоединилась.

Только милые мелочи могут растопить лед недоверия. Елена и Марин терпеть не могли жареный красный перец и вынули его из салата. Ариэль тут же принялась таскать его с их тарелок — оказывается, она его просто обожала. Нам с ней приходилось работать бариста, и мы обе, как выяснилось, презирали людей, которые имели глупость заказывать кофе без кофеина, с обезжиренным молоком и без пены, причем делали это столь многозначительно, словно принадлежали к касте избранных.

— И в чем тут фишка? Ведь они исключают все, что в кофе есть прекрасного. — Ариэль тряхнула головой. Я отметила, что Елена, как и мы с сестрой, тоже не горела желанием рассказывать о своем детстве. Постепенно обстановка становилась все непринужденнее, и мы уже не старались взвешивать каждое слово. А потом вдруг Елена, покачивая стакан, задумчиво спросила:

— Скажите, чем вы готовы пожертвовать ради гарантированного успеха?

— Какой успех ты имеешь в виду, — спросила Ариэль. — Типа, выпустить один хит всех времен и народов, и почивать на лаврах, проживая щедрые роялти, или стать кем-то вроде Бейонсе — завоевать мир и побить все рекорды популяр-

ности.

— Разумеется, второй вариант. Все, что душе угодно. Осуществление всех мечтаний, даже тех, в которых сама себе не признаешься.

— Ну, нет. Душу дьяволу я не продам! Но, пожалуй, могу предложить ему моего младшего братца. — Ариэль расплылась в улыбке, давая понять, что и на это она вряд ли пойдет.

— Если бы можно было продавать души других людей, я, ни на секунду не задумываясь, предложила бы душу нашей мамаши, — заявила Марин. — Правда, полагаю, это не засчиталось бы за жертву, учитывая, насколько ужасна наша дорогая мамочка.

— Что, она, правда, такая ужасная? — переспросила Ариэль.

— Ты даже представить себе не можешь, насколько, — поморщилась Марин, убирая руку с рубцами от ожогов под стол. Они были уже едва видны, даже если знать, где искать, но от старой привычки не так легко избавиться.

— Мы росли, словно в аду, — добавила я, и почувствовала, как моя рука тоже заныла.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — сказала Елена с каменным лицом. — Но даже если это и так, на что вы обе готовы, чтобы доказать ей, что способ-

ны добиться успеха? Ради этого многим можно пожертвовать, правда?

Первым и самым напрашивающимся ответом было бы сказать, что я согласилась бы остаться дома. Прожить еще пару лет с матерью в том аду, в который она превратила нашу жизнь. Но я не могла произнести эти слова в присутствии Марин, чтобы она, не дай бог, не подумала, что сама являлась частью этого ада, а не утешением, которое помогало мне переносить весь этот кошмар.

— Сдается мне, Елена, что ты вот-вот попросишь меня начертать мое имя кровью на перекрестке четырех дорог. А как насчет тебя самой? Что ты готова отдать за то, чтобы достичь небывалых высот в поэзии?

— Все, что угодно. Абсолютно все. Чего бы мне это ни стоило.

Легко так говорить, подумала я, когда ты уверен, что в действительности тебе никто не предложит продать душу, что в реальном мире эта сделка просто невозможна. Но глядя в полное решимости лицо Елены, я поверила в искренность ее слов.

— Если бы все было так легко, — задумчиво произнесла Марин. — Никаких окровавленных ног, никакой боли в мышцах. Ни унизительных

проб, где на тебя упорно не обращают внимания, потому что ты, видите ли, по каким-то параметрам не подходишь для этой роли, что бы там ни имелось в виду. Ни бесконечных часов репетиций, пропущенных из-за травмы. По сравнению со всем этим, продать душу кажется мне слишком простым решением.

— Рада, что моя единственная перспектива — это вкалывать до усрачки, как обычно, так что не суждено мне узнать, чем я готова пожертвовать ради успеха, — заметила Ариэль. — Впрочем, пофантазировать на эту тему — прекрасный способ узнать что-нибудь нелицеприятное о самой себе.

— Я что-то совсем вас всех не понимаю, — сказала Елена. — Если для вас успех действительно важен, вы просто говорите «да» и соглашаетесь на условия сделки. Без оглядки. А если вы к этому не готовы, то что вы вообще тут делаете? — Она поставила свои тарелки в буфет и пошла вверх по лестнице. А потом мы услышали, как хлопнула ее дверь.

— Как ни странно, ужин прошел лучше, чем я ожидала, — сказала Ариэль, разливая остатки вина.

— А ты ведь так и не ответила на ее вопрос, Имоджен, — заметила Марин, убирая посуду со

стола.

— Знаю. — На самом деле, я просто боялась. Боялась, что отвечу, как Елена: «Все, что угодно».

Глава 4

Всю прошлую ночь шел проливной дождь. Это была настоящая гроза, какие часто случаются в конце лета. С ливнем и порывистым ветром. Утренний воздух, насыщенный влагой, был густым, как суп. Я сидела на веранде с чашкой кофе, когда ко мне подошла Марин и присела рядом.

— Хорошо спала? — спросила я. Наша мать ненавидела грозу и обычно в таких случаях надевала шумоизолирующие наушники и напивалась до полного забытья. В детстве я знала, что в такие ночи мне не грозит опасность, и всегда с нетерпением ждала гроз. Но Марин пугали завывания ветра и раскаты грома, и она частенько забиралась ко мне в постель в такую непогоду.

— Не очень. Но не гроза беспокоила меня, а странные сны. — Она сгорбилась над чашкой, вдыхая запах кофе.

— Странные?

— Я слышала женские голоса. Женщины пели без слов, словно подпевая грозе. А потом я очнулась, и мне показалось, что стоит выглянуть в окно, и я увижу их там, возможно, плещущимися

в реке.

Я прижалась спиной к гладкому дереву перил.

— Ничего себе! Ты случайно не репетируешь партию Жизели? — Это был один из самых жутких балетов, которые я когда-либо видела. Представьте себе — кладбищенский двор, полный жаждущих мести виллис, женщин, умерших от несчастной любви, которые встали из могил, чтобы до смерти закружить в танце неверных возлюбленных. Тем не менее, я обожала этот балет, но именно он во время грозы мог навевать впечатлительной девушке мысли о духах и призраках.

— Нет, хотя это хорошая идея. Партия Мирты — повелительницы виллис, может стать очень выигрышной для меня. — Марин отпила кофе. — Ты, правда, ничего не слышала?

— Слышала, Марин. Слышала обычные звуки грозы. Действительно, можно принять свист ветра в лесу за женские голоса. Но это никакие не призраки.

— Значит, все-таки слышала, — упорно настаивала она.

Я поставила кружку на перила.

— С тобой все в порядке? Может, что-то еще случилось?

Она допила кофе и поморщилась.

— Какой горький кофе. Нет, я уверена, что ты права. Это всего лишь гроза, а я просто не привыкла к ее звукам в незнакомом месте. Все хорошо.

Она встала и передернула плечами, словно стряхивая наваждение.

— Увидимся позже?

— Встреча назначена на четыре или половину пятого? — спросила я. Мы должны были встретиться с Гэвином в баре.

— На четыре, если тебе удобно.

— Вполне. Тогда и встретимся.

Этот бар был одним из самых примечательных мест «Мелеты». Там подавали бургеры и салаты, причем в основном не вегетарианские. Место, куда можно было быстро сбегать за картофелем фри, благо бар был неподалеку от домиков учеников. Он располагался в здании из старых дымчатого цвета бревен, с оштукатуренными стенами внутри. На одной из них были изображены расплавленные часы, лес из механических деревьев и табун огненных коней — сюрреалистический плод буйной фантазии одного из художников, почтивших «Мелету» своим присутствием. Бар назывался «Там». Поэтому часто можно было слышать: «Не хочешь пойти «Туда» выпить?»

Надо сказать, в «Мелете» очень ответственно относились к питанию обитателей. Еда была превосходной и разнообразной, в меню учитывались персональные пристрастия каждого, что было частью условий нашего там проживания. Так что бар «Там» был вполне подходящим местечком, где можно было с удовольствием посидеть и поболтать. Неудивительно, что мы решили встретиться именно «Там» — я, Марин и Гэвин.

Если верить слухам, еда там должна была быть вполне сносная, чего нельзя сказать об обслуживании. Официанты демонстрировали в лучшем случае безразличие. Неудивительно, что бар был почти пуст, несмотря на послеобеденные скидки, и на то, что новая смена в поселке началась лишь неделю назад. Марин сидела в дальнем углу за столиком напротив Гэвина и поглядывала на дверь, явно ожидая меня.

Решение собраться здесь втроем они принимали вместе, однако Марин казалась подозрительно смущенной, когда заговорила со мной об этом.

— Понимаешь, он заинтересовался тобой, ведь до этого никогда не случалось, чтобы братья или сестры жили здесь в одно и то же время. Ну, и конечно, я бы сама тоже очень хотела представить тебя ему. — Она опустила голову, роясь в своей

балетной сумке, спрятав лицо за волосами.

— Хочешь устроить для меня смотрины? — пошутила я.

— Это всего лишь посиделки в баре. Тебе вовсе не обязательно приходить, если не хочешь.

— Все нормально, Марин. Я обязательно приду.

Мне пришлось минут пять прождать у барной стойки, пока бармен не соизволил небрежно сунуть мне бутылку черносмородинового сидра, который я заказала. Разумеется, не открыв ее и забыв про стакан. Я протянула руку, чтобы воспользоваться открывалкой, а потом с бутылкой в руке отправилась к столику. Марин представила нас с Гэвином друг другу.

— Приятно с вами познакомиться, Имоджен. Как вам «Мелета»?

— Здесь просто прекрасно, благодарю вас.

— Марин сказала, что вы начинающий писатель.

— Да. — Легкая светская беседа пока нам вполне удавалась.

Марин поднялась из-за стола.

— Боюсь, еда, которую мы заказали, уже остывает. Я сейчас вернусь.

Когда она отошла, Гэвин подался ко мне, склонившись над столом, и тихо спросил:

— Вы рады, что попали сюда? Я не хотел задавать этого вопроса при вашей сестре.

— Что вы хотите этим сказать? — Очевидно, ничего не значащая болтовня закончилась, сейчас он говорил более чем серьезно.

— Марин упоминала, что вы не слишком охотно подали заявку. Вашу сестру беспокоит, что вы приехали лишь потому, что она на этом настояла.

А ведь мне она этого не говорила.

— Верно, у меня были некоторые сомнения. Она действительно проявила настойчивость, убеждая меня подать заявку, но я никогда не сделала бы этого, если бы сама не хотела попасть сюда, поэтому я рада, что так получилось. А как вам нравится работать с моей сестрой?

— Марин блестящая танцовщица.

На какое-то мгновение, когда он смотрел, как она идет к столу с подносом, уставленным тарелками с едой, вся его наигранность слетела, и он стал самим собой — реальным человеком из плоти и крови, а не красивой картинкой в глянцевом журнале. Но в следующую секунду это впечатление исчезло, и аура неземного совершенного существа вновь окутала его словно тень.

Молчание легло между нами и теперь ленивой

кошкой потягивалось, пока мы были заняты едой. Марин ерзала на стуле, ковыряя вилкой в жареной картошке, почему-то потеряв свой обычный здоровый аппетит. Гэвин то и дело поднимал глаза, чтобы украдкой взглянуть на нее каждый раз, когда отпивал свой напиток, явно используя это движение в качестве маскировки.

Тут меня вдруг осенило, что ситуация крайне щекотливая, и я присутствую в качестве дуэньи на самом странном свидании в мире. Парочка явно безумно смущалась, и, возможно, если бы меня не было, чувствовала бы себя более непринужденно без свидетелей.

— Марин, ты не знаешь, где здесь находится дамская комната? — Я схватила ее за руку и поволокла за собой, не дожидаясь ответа.

Дверь туалета за нами захлопнулась.

— У меня такое ощущение, что я здесь третий лишний. Скажи честно, ты ведь хочешь остаться с ним наедине?

— А это возможно? — вместо ответа спросила Марин. — То есть, я хочу сказать, что это вовсе не подразумевалось, когда я приглашала тебя на эту встречу. Мы просто собирались посидеть все вместе, выпить, чтобы вы с ним могли познакомиться, но потом кое-что случилось…

Я усмехнулась.

— Очаровательно. Ну, ладно. Возвращайся к нему. Мне надо сделать один очень важный звонок.

— Спасибо за понимание, Имоджен. — Она обняла меня и выскользнула из туалета.

Выждав пару минут, я подошла к столику и сказала:

— Марин, Гэвин, прошу прощения. Только что позвонила моя наставница и попросила перенести нашу встречу на более раннее время. Я обещала, что покажу ей несколько страниц текста, но еще ничего не написала. Так что мне придется покинуть вас. Надеюсь, вы меня простите.

— Было бы непростительно с моей стороны, если бы я этого не сделал, — вежливо произнес Гэвин.

— Все нормально, — улыбнулась Марин. — Иди, если надо.

— Приятно было с вами познакомиться, Гэвин.

— Взаимно, — он встал, чтобы попрощаться со мной — безупречно вежливый и бесконечно совершенный.

На пороге бара я оглянулась. Сестра и ее наставник, склонившись над столом, были полностью

увлечены беседой. На таком расстоянии я не могла расслышать, о чем шел разговор, но, по крайней мере, они на это решились, а не сидели молча, стараясь не смотреть друг на друга. Потом Гэвин протянул руку и заправил выбившуюся у Марин прядку волос ей за ухо. Она робко улыбнулась в ответ. Я тоже не смогла сдержать улыбку.

Было забавно наблюдать, как один из красивейших мужчин в мире ведет себя, как простой смертный, так мило смущаясь в присутствии предмета своего обожания. Надо сказать, это открытие меня странным образом успокоило.

Так как, чтобы уйти, я сослалась на необходимость написать несколько страниц, то решила, что следует быть честной, и вернулась домой, чтобы этим и заняться. Я взяла ручку и принялась чертить каракули на листе, чтобы белый шум заглушил все мысли в моей голове, кроме истории, которую я хотела написать.

Однажды в стародавние времена…

В старых сказках часы всегда бьют полночь.

Золушка убегает с бала, когда чары заканчиваются. Красавица несется к своему Чудовищу, чтобы успеть до того, как затихнет эхо двенадцатого удара.

Пелена иллюзий спадает. Магия исчезает с

полуночным звоном часов.

Ничто в мире не длится вечно, и полночь — это лишь повод остановиться на мгновение. Остановиться, чтобы вспомнить, что часы никогда не останавливаются. Времени никогда не хватает, и на каждую Красавицу, успевшую спасти Чудовище, приходится лишенная голоса Русалочка, растворяющаяся в море, превратившаяся в морскую пену.

Но полночь таит в себе и другие тайны. Это время, когда рушатся иллюзии. В каждой иллюзии есть трещина, у любого совершенства есть изъян, даже если это заметно лишь тогда, когда часы бьют полночь.

В полночь надо смотреть во все глаза, чтобы увидеть истину. Конечно, если у вас есть смелость пережить то, что вам откроется.

В какой-то момент туман развеется, зеркала разобьются на тысячи осколков и очарование волшебства исчезнет. Останется лишь та неприкрытая правда, которую несет с собой ваша история, ваше истинное желание, ваша самая страшная тайна.

Хрустальная туфелька, потерянная на ступенях дворца.

Однажды в стародавние времена…

Тик-так…

Тик-так…

Я положила на стол ручку, повела плечами, чтобы сбросить напряжение, потрясла затекшими кистями.

Безжалостное воображение рисовало вполне определенную картину. Легче представить себе, как все закончится. Конец истории всегда определен, полон драматизма, очевиден. Пара чужих кружевных трусиков, которые находит героиня, звонкая пощечина, обручальное кольцо, брошенное в лицо. Потеря чего-то невероятно важного, того, что когда-то было, а теперь исчезло.

Но начало истории всегда скрыто под сенью времени, его проявления неявны, как брошенные украдкой взгляды в темноте бара, и события развиваются неспешно. Незначительные детали, незаметные для постороннего взгляда, но в них таится все, что случится потом.

Спустя неделю я уже чувствовала себя в «Мелете» как дома. Чувство, что я знаю кампус как свои пять пальцев, возникло от того, что во время ежедневных пробежек я исследовала его вдоль и поперек, пока мои ноги не изучили каждую тропинку, каждый укромный уголок. Я, наконец, почувствовала связь с «Мелетой», узнала

ее границы, очертания, и мне казалось, что она раскрыла мне свои секреты.

Я бежала в вечернем свете, свободно двигая руками, чувствуя приятное тепло в мышцах ног. Трава приминалась и распрямлялась под ногами, шум реки вторил дыханию.

Я стала заниматься бегом еще в старших классах. Хороший предлог, чтобы не оставаться дома, чтобы сбежать оттуда хотя бы на время. Даже такое подобие побега совершить было нелегко, но, все же, к счастью, возможно. Ведь, по мнению нашей матери, нет более страшного греха для женщины, чем «распуститься», а лишний вес и далекая от идеала физическая форма являются яркими признаками того, что женщина себя запустила. Мать постоянно проверяла нашу одежду, и если ее размер казался ей чересчур большим, эта одежда просто исчезала из шкафа. Нам ничего не оставалось, как быстро сбрасывать вес самыми зверскими способами до прежних размеров, или покупать новую одежду на свои деньги, но лишь для того, чтобы она исчезла при следующей материнской инспекции нашего гардероба. Поэтому, если я хотела получить хотя бы минимальную свободу, мне надо было лишь сообщить ей, что я набираю вес и хочу опять

начать бегать. Мать обычно осматривала меня, прищурив глаза и приподняв скептически бровь, защипывала складку кожи на внутренней стороне руки или в верхней части бедра, и заявляла, что мне действительно нужно повысить тонус мышц. Однако вожделенная свобода стоила всех этих унижений.

Со временем я научилась любить бег, научилась любить движение. Мне доставляло удовольствие то, что я могу довериться крепким мышцам своих ног, что они меня не подведут, если понадобится. Бег давал ощущение силы и уверенности. Мне казалось, что если бежать достаточно долго, то можно оставить за спиной всю свою жизнь, все проблемы. Мысли растают, и не останется ничего, кроме движения.

Но как только у меня появилась возможность вырваться из материнского дома, я перестала пытаться убежать от своей жизни и просто начала получать удовольствие от самого движения. Размеренного, как стук метронома, движения рук и ног. Я бежала, чтобы почувствовать свое тело, очистить сознание, придумать, как распутать сложные сюжетные ходы. Бег был необходим мне, чтобы компенсировать все те часы, которые я проживала в воображении.

Я бежала по извилистой тропинке, вьющейся между домиками стипендиатов. Тропинка вела мимо студий и прочих построек, окружавших поселок — некоторые из них выглядели старыми и обветшалыми, как то здание, где располагался бар «Там», и очевидно пустовали, — а потом углубилась в лес. Лесной воздух был напоен терпкими ароматами зеленой листвы и хвои, прохладный ветерок осушал пот, выступающий на коже, приятно охлаждая ее. Щебетали птицы, затеяв свою вечернюю перекличку, и какие-то мелкие зверьки — возможно, белки или бурундуки, носились по лесу наперегонки со мной.

Солнце клонилось к горизонту, и я, развернувшись, побежала назад, по своим же следам.

Я выбежала из темнеющего леса и направилась к поселку, где кипела жизнь. Вот домики наставников, благоухающий розовый сад, студии… У танцевальных были огромные, во всю стену, окна. При желании, их можно было задернуть шторами, чтобы сохранить уединение, но сегодня Марин не потрудилась этого сделать. Пробегая мимо, я увидела их, танцующих вдвоем — Марин и Гэвина, — и остановилась, замерев от восхищения.

Я никогда не забывала, насколько одаренной

танцовщицей была Марин. Я видела, как она танцует, почти всю свою сознательную жизнь, с тех самых пор, как была способна понять, что у нее действительно выдающийся талант, что она намного превосходит всех других девочек в балетных пачках и трико, с которыми она выступала на сцене. Я была на всех ее выступлениях, смотрела записи ее танца. Но иногда осознание того, насколько она гениальна, ускользало от меня, вытесняясь другими мыслями, до того момента, как она снова напоминала мне об этом, как и в этот вечер, когда у меня перехватило дыхание от представшей передо мной картины.

Марин проносилась в воздухе, как молния, падала в руки Гэвина, и снова взлетала. Каждый изгиб рук, каждое движение ног рассказывали историю на чужом языке, которую я, тем не менее, понимала. Когда они танцевали дуэтом, становилось ясно, что Гэвин — лучший партнер из всех, с кем когда-либо приходилось работать Марин. Я могла слышать музыку, просто наблюдая, как они двигаются. Они сами были музыкой.

Натруженные мышцы свело судорогой, но зачарованная, я продолжала стоять и смотреть.

Они отрабатывали поддержку и подъем. Марин разбегалась, взмывала в воздух и летела к

Гэвину, а он подхватывал ее и поднимал еще выше, держа на ладонях. Затем толчок, и она снова взлетала и вновь стремительно падала, совершая головокружительное вращение, а он ловил ее буквально в нескольких сантиметрах от пола. Это был потрясающе красивый, но опасный трюк, требующий полного доверия.

Снова и снова они повторяли эти движения, каждый раз внося в них невидимые глазу изменения. Я лишь могла заметить, что каждый раз она взлетала все выше, падала вниз все стремительнее. Сердце мое бешено колотилось от такого захватывающего зрелища.

Затем Гэвин что-то сказал и подошел к ней ближе, но сделал он это не с грациозностью танцора. Это не были движения небожителя — в них сквозили неуверенность и волнение. И хотя это не был безумный полет в воздухе, в ответных движениях Марин я увидела, как ей было страшно шагнуть в кольцо его рук. Изящество и риск, — вот что я увидела.

Когда он прижал ее к себе, а ее губы прикоснулись к его губам, я поспешно отвернулась, чтобы не смотреть.

Глава 5

Речка Морнинг[7], которая была видна из окна Марин, несла свои быстрые, прозрачные воды по территории «Мелеты», разрезая ее пополам. Речные берега соединяли многочисленные мостики, расположенные довольно хаотично, так сказать, в художественном беспорядке, впрочем, это можно было сказать и обо всем поселке. Я стояла на середине мостика, представляющего собой миниатюрную копию Тауэрского моста через Темзу, а чуть ниже по течению располагался венецианский мост Риальто. Складывалось впечатление, что я стояла на развороте карты, на которой самым невероятным образом смешались достопримечательности мира.

И все же меня не оставляло ощущение нереальности, некоей потусторонности мира «Мелеты». Прошлой ночью мне казалось, что кто-то за мной наблюдает, и это ощущение было столь сильным, что мне пришлось закрыть все окна и плотно задернуть шторы, и только после этого наваждение пропало. Мне даже удалось крепко уснуть, но я

---

[7] Примечания: 7
Mourning (*англ.*) — траур, горе, печаль.

снова проснулась до рассвета, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд.

Но позднее утро было ясным и светлым. Солнечные лучи просачивались сквозь ветви деревьев, рассыпаясь мерцающими бликами. Я закрыла глаза и подняла лицо, подставляя его свету и теплу.

— Это мои любимые деревья.

Я обернулась на звук голоса.

— Деревья, на которые вы смотрели. Мы называем их эльфийскими кленами.

Незнакомец и сам вполне мог бы сойти за эльфа, разумеется, в его современной кинематографической версии — золотисто-рыжие волосы, скулы столь острые, что, казалось, о них можно порезаться. Для полноты эффекта на нем была майка ярко-зеленого травяного цвета. Парень улыбнулся, и я почувствовала, как по телу прокатилась жаркая волна.

— Похоже на название из волшебной сказки, — сказала я. Оно и правда звучало сказочно, поэтому я незамедлительно отправила его в архив моей памяти для дальнейшего использования, живо представив маленьких существ, строящих свои домики на ветвях деревьев, или выходящих, словно дриады, из их стволов. В тот

момент все деревья казались мне живыми, а шум их листвы был подобен бесконечной протяжной песне, меняющейся каждый сезон.

— Кое-кто уже говорил мне это. — Его глаза, казалось, видят что-то далекое. — Правда, она не любила сказок. Говорила, что все в них слишком просто.

— Не во всех, — возразила я. — В изначальных сказках это совсем не так.

— В изначальных сказках? — Он повернулся ко мне, отставив ту реальность, в которую только что был погружен. — Полагаете, такие есть?

— Как посмотреть. Не думаю, что девушка, которую называли Спящей Красавицей, действительно проспала сотню лет, — пояснила я. — Но все же есть сказки, где всему назначена цена, в которых за бальными платьями и прекрасными принцами скрыто нечто более глубокое, чем кажется на первый взгляд. Нет, я не думаю, что они рассказывают о *реальных событиях*, и все же они правдивы.

— Интересно! — сказал он. — Именно об этом вы собираетесь писать здесь? — Он кивком указал на блокнот, лежащий рядом на мосту.

— Типа того. А вы тоже писатель?

— Нет. Я оставляю слова тем, кто лучше с ними

справляется. — Он подошел ближе и перегнулся через перила, наблюдая за движением потока внизу. На него падали косые лучи, проникающие сквозь листья деревьев, которые он назвал эльфийскими кленами — а я бы назвала менее романтично: американскими кленами, — и из-за игры света и тени на его лице я не могла разобрать его выражение. — Я и забыл, как здесь красиво.

— Забыли? Значит, вы бывали здесь раньше? — Я подумала, что, если это так, он, наверное, один из наставников. Ученикам не позволялось проводить в «Мелете» более одного срока.

— Бывал. И только что вернулся. Эван, — протянул он ладонь.

— Имоджен. Недавно приехала. — Его рука была грубой, покрытой мозолями. Я хотела было спросить его, не скульптор ли он, но это означало бы, что я заметила, какие натруженные у него руки, а мне не хотелось его смущать.

— Ну, и как вам здесь нравится? — спросил он.

— Я просто в восторге, — улыбнулась я. — Здесь гораздо лучше, чем я ожидала. Оказалось, что я была не готова к такому великолепию, хотя это может показаться странным, ведь судя по описанию все и должно было быть прекрасно. А вы

рады, что вернулись сюда?

— «Мелета», особенно эта часть леса, одно из моих любимых мест в мире. Здесь я чувствую себя как дома. Поэтому я стремлюсь возвращаться сюда снова и снова. Чудесное местечко, даже если нет такой замечательной компании, как сейчас. — Он улыбнулся, и мне показалось, что в крови у меня заиграли пузырьки шампанского.

Ветер шумел в ветвях деревьев, срывая крылатые семена клена, и они, кружась по спирали, словно крошечные вертолетики, падали в реку. По моей коже побежали мурашки, я зябко поежилась.

Эван поднял взгляд к темнеющему небу.

— Грозы быстро налетают в этих местах. Если вы не из тех, кто любит танцевать под дождем, лучше вернуться под крышу.

Ветер подхватил мои волосы, и они змеились в воздухе. Листья трепетали как серебристые рыбки в синевато-сером небе. Издалека донеслись раскаты грома.

— Может, в другой раз. Сейчас у меня неподходящая одежда.

— Как мне вас найти, когда в следующий раз разразится гроза? — с улыбкой спросил Эван. Начинался дождь, и на его рубашке уже появились

пятна от тяжелых капель.

— У вас есть телефон? — Мне вдруг очень захотелось, чтобы он меня нашел.

— Не взял его с собой.

— Поступим по старинке. — Я покопалась в сумочке, нашла ручку и написала свой номер на листке блокнота. Ветер едва не выхватил бумагу, когда я протягивала ее Эвану.

— До встречи! — почти прокричал он.

Ветер усиливался. А потом небеса разверзлись, и хлынул проливной дождь. Я бросилась к дому.

* * *

Промокшая до нитки, заляпанная грязью, мечтая о горячем шоколаде и сухой одежде, я взбежала по ступенькам террасы и вошла внутрь. Я сбросила промокшие, чавкавшие при каждом шаге кеды и с трудом поборола желание выжать мокрые волосы.

— Марин? — позвала я. — Ты здесь? — Мне не хотелось замочить и заляпать все три пролета лестницы.

Раскрасневшаяся сестра выскочила из кухни.

— Что случилось?

— Я надеялась, что ты принесешь мне полотенце и сухую одежду, но если я не вовремя…

— Нет. Все нормально. — Она произносила слова отрывисто, словно с хрустом откусывала яблоко. — Я принесу. А пока ты меня ждешь, может, объяснишь Елене, что я вовсе не шлюха.

— Что ты сказала? — Марин уже бежала по лестнице, и я осталась внизу.

— Твоя сестрица трахает своего наставника. — Елена, ссутулившись, вошла в холл. — И ты тоже выглядишь отвратительно. У тебя блузка просвечивает.

— Ну и черт с ней. Рада узнать, что у меня, оказывается, есть тайная технология вызова грозы, специально, чтобы посветить лифчиком перед всем кампусом. И почему ты считаешь, что мне должно быть дело до сексуальной жизни Марин? Как и тебе, кстати.

— Ее-то уж это точно никаким боком не касается. — Марин протянула мне полотенце, штаны и майку. — Вот именно это я и пыталась ей объяснить.

Я стянула промокшую одежду и вытерлась насухо.

— Хочешь сказать, тебе все равно, чем она занимается?

Мне было далеко не все равно, но явно совсем не по тем причинам, по которым это так бесило

Елену. Я уронила полотенце на пол и принялась натягивать сухую одежду. *Вот так-то лучше.*

— Мне действительно все равно, потому что Марин взрослый человек, вполне способный решать самостоятельно. И я не собираюсь париться насчет того, с кем она занимается сексом, если это делается по обоюдному согласию, и она счастлива.

— Да, по обоюдному согласию, и да, я вполне счастлива, — заявила Марин, все еще пунцовая как мак.

— Вот видишь? А, кроме того, даже если бы меня это волновало, Гэвин при встрече показался мне вполне приличным человеком. Поэтому, на самом деле, у меня нет никакого повода вмешиваться в их отношения, а уж у тебя тем более.

— Так ты с ним знакома? Кто бы сомневался. Ясно! — Было такое впечатление, что она готова плеваться от отвращения. Она метнула взгляд на Марин.

— Он тебя использует, а ты полная дура, что этого не замечаешь.

— И все же не понимаю, каким образом это делает меня шлюхой? — резко оборвала ее Марин.

— Да неужели? Он ведь тебе ничего не обещал, чтобы заставить выпрыгнуть из трико. А вообще,

мне на все это наплевать. В отличие от вас, некоторым приходится здесь действительно работать до седьмого пота, чтобы добиться желаемого результата. — И Елена пошла вверх по лестнице.

— Какая приятная была беседа, — заметила я. — Хочешь горячего шоколада?

После такой встряски мне еще сильнее захотелось его. В детстве горячий шоколад был любимым напитком Марин, и мы сохранили это как традицию, став взрослыми.

— Да. А я пока пойду, закину твою одежду в стиралку.

— Я могу…

— Я сама!

Я подняла руки, сдаваясь, и направилась в кухню. Я уже забыла, как вела себя Марин в стрессовых ситуациях. Она всегда принималась за уборку. Делать что-то, чтобы превратить хаос в порядок.

Когда она вернулась, молоко на плите уже закипало.

— А теперь расскажи, из-за чего весь этот сыр-бор, — попросила я.

— Здесь тонкие стены.

Я не сразу поняла, что она имеет в виду, а когда дошло, хихикнула.

— Ну, если уж ты ведешь себя как шлюха, то хорошо, по крайней мере, что секс был классным.

Повисло молчание, и я даже забеспокоилась, не перешла ли я границы, ляпнув такое. А потом Марин рассмеялась.

— Да уж, так и было, — сказала она.

Я принесла кружки и поставила их на стол.

— Так лучше?

— Намного, спасибо. Я понимаю, что найдутся люди, которые будут болтать гадости на мой счет из-за этого, но Елена… Это было слишком.

— Везде есть любители посплетничать. А послушать ее, так вы с Гэвином такие ужасные, неприятные люди, без малейших достоинств, что непонятно, как вообще кто-то может захотеть заняться с тобой или с ним сексом. Разве только получая что-то взамен.

Марин усмехнулась, потом опустила взгляд в чашку с какао.

— Не могу поверить. Я имею в виду, наши с ним отношения. Может, еще ничего серьезного и не выйдет, но он мне действительно нравится.

— Тебя это беспокоит? — спросила я. — Я имею в виду то, что он тебе нравится.

— Не думала об этом, пока Елена не устроила истерику.

— Как ты думаешь, она права, утверждая, что он использует тебя?

Она покачала головой.

— Он блестящий танцор. Более чем востребованный. Все, что я могу ему предложить, у него уже есть. Скорее, злые языки будут говорить, что это я использую его.

— Согласна, разговоров будет много, — сказала я. — И некоторые будут думать, что он злоупотребляет влиянием, которое оказывает на тебя. Ведь о скандалах болтать гораздо интереснее, и всегда найдутся люди, которые охотно поверят во всякие мерзкие домыслы. Но если ты знаешь, что это неправда, и Гэвин это знает, то на самом деле, все эти гнусные сплетни не имеют никакого значения. Просто радуйся жизни, и пусть сплетники идут куда подальше.

Марин положила голову мне на плечо.

— Спасибо тебе. Для меня так много значит, что ты поддерживаешь меня. А теперь расскажи, что ты делала под дождем?

— Флиртовала с симпатичным парнем.

Марин подняла бровь, а потом с притворно печальным видом покачала головой.

— Ну, ты и шлюха.

— Думаю, это у нас семейное, — заметила я, и

мы, смеясь, чокнулись кружками с какао.

Глава 6

— Привет, Имоджен. — Ариэль постучала в полуоткрытую дверь моей комнаты. — Тебе письмо. Только посмотри, какой навороченный конверт.

— Правда? — Я оттолкнулась ладонями от стола, за которым работала.

— Держи. — Она открыла дверь и прислонилась к дверному косяку.

Марки на конверте не было, значит, письмо пришло по внутренней почте «Мелеты». Конверт был украшен рисунком мостика над рекой, окруженного деревьями. Он был сделан от руки и в некоторых местах был смазан.

— Эльфийские клены, — пробормотала я и улыбнулась.

— Так ты знаешь, от кого это письмо? — спросила Ариэль.

— Думаю, да. От парня, с которым я на днях познакомилась.

— Того самого симпатичного парня? — Она подняла насмешливо брови и забавно ими пошевелила.

Я почувствовала, как мои щеки заливает крас-

ка, быстро склонила голову, смущенная своей неожиданной реакцией, и, конечно, покраснела еще сильнее.

— Не обращай на меня внимания, — засмеялась Ариэль. — Все с тобой ясно. А теперь оставлю тебя, чтобы ты могла спокойно прочитать любовное послание.

Я просунула палец под клапан конверта и открыла его. Письмо было написано зелеными чернилами на роскошной бумаге кремово-желтого цвета, по краям листа вился растительный орнамент.

Дорогая Имоджен,

Прости, что не позвонил. Коварный ветер во время грозы похитил у меня листок с номером твоего телефона. Однако я взял на себя смелость написать это письмо, чтобы убедить тебя пойти со мной на Ночную ярмарку, которую по традиции устаивают в «Мелете».

Она состоится в эту пятницу на площади в центре кампуса. Надеюсь, что сумею туда пойти, и еще больше надеюсь, что увижусь там с тобой.

В надежде на скорую встречу,

Искренне твой,

Эван

Я не могла сдержать улыбки, складывая письмо и убирая его в верхний ящик стола. Я понятия не имела, что такое Ночная ярмарка, но была твердо намерена ее посетить.

В пятницу вечером все деревья в поселке были украшены гирляндами с разноцветными огоньками, и они мерцали, словно светлячки, на фоне темнеющего неба. Пахло жженым сахаром — очевидно, готовили попкорн с карамелью, воздух был напоен сладким запахом увядающей травы, шуршавшей под ногами. Эван ждал меня у входа.

— Имоджен! Я так рад, что ты пришла!

Он обнял меня, и объятие оказалось чуть более долгим, чем просто дружеское приветствие.

— Мне так понравилось твое письмо. Ты сам сделал этот рисунок? — Мне по-прежнему было любопытно, в каком именно виде изобразительного искусства работает мой новый знакомый.

— Нарисовал, как смог. В общем, неважно получилось. Я же все-таки скульптор, сейчас в основном работаю по металлу. Кстати, я опасался, что ты сочтешь переписку по почте странноватой.

— Я люблю получать письма на бумаге. Теперь это такая редкость. Так что для меня это все равно

что получить подарок с сопроводительным письмом. А свой номер телефона я хотела тебе дать просто для того, чтобы было проще связываться друг с другом.

— Я же говорил, что не взял с собой телефон. Не хочу, чтобы меня беспокоили.

С этим было трудно поспорить.

— Тогда обменяемся телефонами в другой раз. А теперь расскажи, что такое Ночная ярмарка?

— Позволь мне показать тебе ее, — сказал он.

Мы пошли вдоль рядов торгующих, и было такое ощущение, что мы попали в гигантскую кунсткамеру. Вот ароматические масла в старинных аптекарских пузырьках, закупоренных воском, разложенные на выцветшем куске бархата цвета чайной розы. Какой-то парень с картой мира, вытатуированной на голове, как на глобусе, торговал украшениями из массивного серебра, сделанными в виде миниатюрных шхун и секстантов.

Незнакомый поэт устроил представление и теперь увлеченно импровизировал, замогильным голосом читая стихи, от которых у меня почему-то мороз пошел по коже:

Хайку, лимерик, сонет —

Дар возлюбленным своим.
Миг прошел, и слов уж нет —
Исчезают словно дым…

Эван бросил бумажную купюру в открытый пенал, стоящий у ног поэта, и поднял руку, чтобы внести свой вклад в творческий процесс:

Не нужны хвалы пустые
Красоте, что без изъяна.
Берегись, ведь есть опасность
в совершенстве первозданном.

— *Что достойно восхваленья…* — тут же подхватил поэт, но мы не стали его слушать и пошли дальше.

— Однако, странное у этого парня представление о любовной лирике, — заметила я.

— А что? Мне нравится. Беспроигрышный способ привлечь внимание прекрасных дам. Возьму, пожалуй, на заметку. Сочини пару туманных метафор, добавь немного жути — вот и все, что надо.

Когда мы шли мимо рифмоплета, мне вдруг показалось, что за его спиной выросла рогатая тень, на пальцах которой явно виднелись длинные когти. А потом освещение изменилось, и

иллюзия рассеялась — это была обычная тень, точно повторяющая его контуры. Тем не менее, я еще не раз оглянулась через плечо.

— Как часто проходит эта Ярмарка? — спросила я. Небо уже потемнело, разноцветные огоньки гирлянд сверкали, словно звезды. Вдоль дорожки горели костры, и мы подошли к одному из них, чтобы полакомиться сморами[8].

Они пахли дымом, и на меня нахлынули несуществующие воспоминания о летнем отдыхе вокруг костра в детстве, которого у меня никогда не было. Мне хотелось остановить эти мгновения, запаяв их в стекло, как прекрасный цветок, чтобы сохранить навеки.

— Привлекательность Ночной ярмарки частично обусловлена ее таинственностью и непредсказуемостью, поэтому обычно не объявляется никакой конкретной программы, хотя дважды в год Ярмарка по традиции проводится в определенное время. Во время Хэллоуина и перед Рождеством. Но обычно ее устраивают, когда в этом есть потребность или желание ее организо-

[8] Примечания: 8

Смор (s'more) — американский десерт, состоящий из двух крекеров, между которыми кладут поджаренный на костре зефир маршмэллоу и кусочек шоколада. Непременный атрибут посиделок у костра в летнем детском лагере. Название происходит от слов «some more».

вать. Наверное, звучит странно, но, похоже, это единственное разумное объяснение подобной спонтанности и кажущейся случайности.

— Мне нравится эта идея, — улыбнулась я. — Ты хочешь сказать, что здесь действует некая невидимая сила, направляющая все события, и она вдруг спохватывается: «Ох, что-то наши артисты и художники заскучали. Все вымазаны краской с головы до ног и покрыты порезами от бумаги. Надо бы им встряхнуться, а поэтому давайте закатим вечеринку».

Эван весело рассмеялся.

— Очень похоже. Тем не менее, это, скажем так, хорошо организованная случайность. Перед событием распускаются слухи о том, что оно грядет, чтобы дать людям возможность подготовиться, а артисты, которые здесь выступают, всегда все знают заранее.

— Значит, бывают и выступления? — спросила я.

— Всегда кто-нибудь выступает, особенно артисты, которым нужна сцена. Получить приглашение показать свое мастерство на Ярмарке считается большой удачей. Сегодня будет выступать какая-то певица. Можем послушать, если, конечно, ты хочешь остаться.

Я улыбнулась.

— Очень хочу.

— Имоджен!

Я обернулась и увидела Марин. Они с Гэвином держались за руки. Надо сказать, он произвел на меня еще более сильное впечатление, чем тогда в темном баре. В тени деревьев, при свете мерцающих фонариков во всем его облике сквозила какая-то первозданная, дикая сила и необузданность. В тот момент я поняла, почему всегда считалось, что чарующая красота сродни магии, и таит в себе смертельную опасность.

Гэвин улыбнулся, расцеловал меня в обе щеки и чары тут же рассеялись.

— Приятно снова тебя видеть.

— А это… — начала было я.

— Мы знакомы, — сказал Эван.

— Удивлен, что ты здесь, — произнес Гэвин. Судя по его тону, он был не столько удивлен, сколько раздосадован. Я взглянула на Марин, но она лишь пожала плечами, очевидно, озадаченная не меньше меня.

— У меня просто выдалось немного свободного времени. — И видя наше недоумение, пояснил, обращаясь к нам:

— Гэвин заказал мне кое-какую работу. Но ты

ведь и не ждешь, что я буквально все время буду заниматься этим.

— Мы с тобой обсуждали то, чего именно я от тебя жду. Я думал, что ты понял правила игры. — Он отчитывал Эвана так, словно тот был провинившимся ребенком.

— Поверь мне, — произнес Эван, — это невозможно забыть.

— Ну, раз уж ты все равно здесь, я, пожалуй, вас оставлю. Не хочу портить вечер. Имоджен, — Гэвин кивнул мне, обвил рукой талию Марин и увел ее прочь.

— Что это было? — спросила я.

— Очень длинная и вовсе не интересная история, — ответил Эван, пристально глядя вслед Гэвину.

Почему-то я ему не поверила. Но потом я услышала музыку, и расспрашивать Эвана о том, какая кошка пробежала между ним и Гэвином, мне расхотелось. А когда зазвучал голос Ариэль, все и вовсе ушло на второй план.

Неотразимая аура истинной звезды. Способность мгновенно захватить внимание публики. Вы не понимаете значения этих слов, пока не встретите кого-то, кто является их воплощением. Ариэль была именно такой! С первой ноты,

взятой ею, никто из присутствующих уже не мог вернуться к оставленным занятиям. Казалось, все посетители Ярмарки собрались на площади, чтобы ее послушать.

Мы орали от восторга, хлопали, поддерживали певицу одобрительными возгласами. Сильный голос Ариэль возносился к небесам, и мы, казалось, летели вслед за ним. Песня была незнакомая, но было невозможно слушать ее и не начать двигаться в такт, настолько зажигательной была музыка. Я танцевала с Эваном, наслаждаясь прикосновением его рук к моей талии, и тянущее чувство в ногах явно было вызвано не только танцами.

Внезапно меня подхватила чужая рука, и, захваченная ритмом, я позволила увлечь себя от Эвана. Потом я оказалась в других руках, потом еще, и еще — и так от партнера к партнеру, меня затянуло в водоворот танцующих тел. Голова моя закружилась, я почувствовала себя потерянной и одинокой. Меня охватила паника, и в тот момент музыка изменилась. Голоса Ариэль больше не было слышно. Звучало странное пение, от которого сердце мое принялось бешено колотиться и по коже побежали мурашки. Сбитая с толку, я попыталась пробраться сквозь толпу к Эвану, но

среди живого лабиринта, находящегося в постоянном движении, это было едва ли возможно.

Я начала задыхаться, стараясь вырваться из цепких рук, пытающихся схватить меня, отворачивалась от лиц, выражение которых в свете звезд стало диким, даже хищным. Я никого не узнавала. В облике танцующих появилось что-то нечеловеческое — тела приобрели странную угловатость, казалось, на руках вместо ногтей выросли когти. Все вокруг покрылись шерстью или розовыми лепестками, а волосы их обратились в крылья.

Потом чья-то рука — натруженная, мозолистая рука — нашла мою ладонь, и голос Эвана произнес мне прямо в ухо:

— Вот ты где, Имоджен. Наконец-то я нашел тебя.

Я ухватилась за его руку, как за единственную связь с реальностью, закрыла глаза, отгораживаясь от происходящего вокруг, и почувствовала, будто падаю с огромной высоты, возвращаясь в собственное тело.

— Все в порядке, Имоджен, ты в безопасности.

В безопасности. Я была абсолютно уверена, что это не так.

— Ты просто их не видел. Не слышал!

Он и не мог их видеть. Если бы он видел то, что видела я, слышал эти потусторонние звуки, он не мог бы так спокойно идти рядом. Я шла, вцепившись в его руку, каждую секунду ожидая, что услышу тяжелые шаги за спиной, что снова зазвучит та дикая музыка, и на меня опять обрушится ощущение нереальности происходящего. Сердце колотилось, и взгляд никак не мог сфокусироваться.

Наконец, мы выбрались с площади, и я смогла вздохнуть спокойно. Уже не казалось, что голову сжимают тиски, но теперь на меня навалилась страшная усталость. Не было слышно никакой музыки, кроме пения Ариэль и стука складываемых киосков. Обычных киосков, которые убирали обычные люди, а не создания, покрытые шерстью, с когтями на руках. Все в поселке выглядело нормальным, обыденным. И все же я невольно вглядывалась в ночные тени, пытаясь рассмотреть то, что, возможно, прячется в их глубине.

— Можно проводить тебя? — спросил Эван.

— Было бы неплохо, — ответила я, испытывая облегчение от того, что он предложил это сам, и мне не пришлось просить. Мы шли, по-прежнему взявшись за руки и переплетя пальцы.

Тишина окутывала нас, и этого было достаточно, чтобы мне хватило сил притвориться, что все нормально.

Когда мы подошли к нашему дому, Эван пожелал мне доброй ночи.

— Хочу снова увидеться с тобой, Имоджен.

Я подняла руку и прикоснулась к его лицу, проведя большим пальцем по высоким скулам, встала на цыпочки и поцеловала его. Его губы были сладкими и темными, как шоколад в сморах. Я запустила пальцы в его волосы и прижалась к нему всем телом, словно боясь, что снова потеряюсь, стоит лишь отпустить его.

Через мгновение я отступила на шаг, все еще чувствуя вкус его губ.

— Я тоже хочу с тобой увидеться. Буду ждать от тебя письма.

На следующий день моя голова была забита мыслями о ночном приключении, чтобы я могла сосредоточиться и приняться за работу. К сожалению, воспоминания о сне наяву, когда я затерялась в толпе странных танцоров, затмевали грезы о теплых губах Эвана. Как только я расслаблялась, мне снова казалось, что меня затягивает в круговорот танца, ставшего для меня ловушкой.

Я дважды принимала душ вечером, потому что

никак не могла смыть с себя жуткое ощущение прикасающихся к моей коже рук. Перед сном я надела наушники, поставив сюиты Баха для виолончели на повтор, в надежде, что они смогут изгнать странные песнопения из моей головы. Я делала все, чтобы не пускать их в себя, но мелодия намертво привязалась ко мне, и от ее звуков кровь стыла в жилах.

Я спустилась в кухню и налила себе огромную кружку кофе. Тут же, шаркая босыми ногами, вошла Елена в мужской пижаме из черного шелка.

— Доброе утро, — приветствовала ее я.

— Да, к сожалению, уже утро. — Она цапнула мою кружку со столешницы и заковыляла обратно.

Я покачала головой, налила себе вторую кружку и отправилась с ней в библиотеку, пока кто-нибудь не умыкнул и ее.

Библиотека была на втором этаже, окнами во двор. Три стены сплошь занимали полки с книгами. Там были два видавших виды кресла с подставкой для книг и длинный стол, за которым можно было работать. У четвертой стены находился старинный камин с затейливым резным орнаментом из Тюдоровских роз.

Библиотека была составлена весьма беспоря-

дочно. Там были дешевые любовные романы в бумажных обложках вперемежку с Диккенсом. На одной из полок стояли научные издания по физике, а на соседней — Роулинг и Стивен Кинг. Поэтические сборники перемежались комиксами, а с «Горменгастом»[9] соседствовал роман Терри Пратчетта и Нила Геймана «Благие знамения», рассказывающий об ангеле и демоне, пытающихся на пару предотвратить библейский Апокалипсис.

Я искала что-нибудь вроде сборника сказок — братьев Гримм или Андерсена, нужных мне для работы. Мне хотелось понять структуру сказочных историй, прояснить, как соединяются элементы сюжета. А больше всего мне хотелось занять себя работой, чтобы в голове не звучала с такой настойчивостью странная музыка, словно намеренно изводившая меня.

— Ну, хватит, — громко произнесла я, чтобы услышать хоть какие-то нормальные звуки.

Я сняла с полки книгу Марии Татар «Сказки братьев Гримм с комментариями», решив, что буду читать их вслух, полагая, что это хоть как-то поможет мне прийти в норму.

---

[9] Примечания: 9

«Горменгаст» — трилогия Мервина Пика в жанре фэнтези.

И тут с полки упала пачка писем, спрятанная за книгой. Она была перевязана зеленой ленточкой, запечатанной воском. На оттиске восковой печати была изображена веточка какого-то растения с ягодами. Сложно было сказать, что это за растение — печать была сломана, что говорило о том, что письма были прочитаны.

Вместо того чтобы положить их туда, где я их нашла, я села в кресло и развязала ленточку. Бумага сохранила слабый запах, напоминающий розмарин.

Дат на письмах не было. Почерк аккуратный, изящный, гораздо красивее, чем мои собственные беспорядочные каракули, но, в то же время, его нельзя было назвать старомодным, что было удивительно, учитывая стиль, которым послания были написаны. Все они были обращены к некоему Томасу, которого неизвестная женщина называла не иначе как «моя истинная любовь», и подписаны «Навеки твоя, Дж.». Казалось, что они намеренно написаны архаическим стилем.

Моя истинная любовь, Томас.

Сегодня уже год, как ты покинул меня, и я отправилась на прогулку к реке и мосту, вся в мыслях о тебе. Всей душой хочу, чтобы расстояние, разделяющее нас, исчезло, и я бы смогла быть

там, где ты пребываешь теперь.

Стоит мне закрыть глаза, как я чувствую прикосновение твоих рук к моей коже.

Я сейчас пишу стихи, что делаю постоянно с того самого момента, как ты ушел. Я сижу перед зеркалом, которое ты создал для меня, и жду твоего возвращения. Я точно знаю, когда этому суждено произойти, знаю до секунды, и я буду там, чтобы встретить тебя. Ты непрестанно в моих мыслях, в моих стихах, в моем сердце. Надеюсь и верю, что я тоже живу в твоем сердце.

Навеки твоя,

Дж.

Просмотрев все письма, я задалась вопросом, а посылала ли их незнакомка своему возлюбленному. На них не было ни почтовых марок, ни штемпеля. Дж. в своих излияниях упоминала, что ее драгоценный Томас находится в каком-то совершенно недоступном месте, куда письма дойти не могут, но она сохранит их до его возвращения, чтобы он смог прочесть их, или просто принять, как дар, в знак ее любви. В знак того, что она не переставала думать о нем. Это было повествование, а не диалог, и невозможно было понять, где находился Томас и почему он не имел возможности получать письма. Ведь даже заклю-

ченным в тюрьме не запрещена переписка.

Я сложила письма, снова завязав их лентой, и пошла в кухню, захватив их с собой вместе с книгой сказок. Я все еще чувствовала себя немного странно, но, по крайней мере, из этого можно вытянуть историю. Разумеется, только после того, как выпью кофе.

Ариэль готовила себе чай с медом. На ней были мешковатые серые спортивные штаны, обрезанные по колено, и майка с изображением дуэта Dresden Dolls[10]. С черными кругами вокруг глаз от размазавшейся туши она выглядела так, словно только что очнулась после ночной оргии.

— Ты вчера пела просто потрясающе, — сказала я.

— Спасибо. — Голос ее звучал более низко и хрипло, чем обычно. — А вы были классной тусовкой. Для шоу всегда лучше, когда люди танцуют.

— Я слышала, что это большая честь, если тебя приглашают выступить здесь. Так что прими мои поздравления. — Я налила молока в кофе и передала пакет ей.

---

[10] Примечания: 10

The Dresden Dolls (с *англ.* — «Дрезденские куклы») — музыкальный дуэт из Бостона, США. Dresden Dolls черпают вдохновение как из панк-рока, так и из немецкого кабаре времен Веймарской республики, в первую очередь из произведений Бертольда Брехта и Курта Вейля.

— Представь себе, весь процесс прослушивания для этого мероприятия, если это вообще можно так называть, напоминал сюжет из шпионского фильма. В один прекрасный день я обнаружила письмо на пианино в своей студии. Меня просили написать ответ и оставить его там же. На следующий день письмо исчезло. Прошло три дня, и ни ответа, ни привета.

Вчера утром Анджелика — моя наставница — прислала мне сообщение, что мою кандидатуру одобрили, и что она должна проводить меня, чтобы проверить звук перед выступлением и настроить аппаратуру. Но почему-то это было не на территории нашего поселка, а где-то в лесу, и мне пришлось там петь. При этом я не видела, кто присутствует на так называемом прослушивании. Но я совершенно уверена, что зрители там были, хотя не аплодировали, не танцевали под музыку и вообще ничем не выдавали своего присутствия. — Она провела руками по волосам, отчего те встопорщились, как иглы у ежика. — Все это так странно. Я думала, это какой-то розыгрыш. Если бы при этом не присутствовала Анджелика, я бы без раздумий ушла.

— Действительно, странно. А ты посылала им записи, демонстрационный ролик или что-то в

этом роде?

— Анджелика сказала, что их вполне устраивает портфолио с моими музыкальными работами, который я приложила, посылая заявку.

— Так это ж замечательно! Еще раз поздравляю. Пришли мне, пожалуйста, ссылку, где я могу скачать твои песни. — Я взяла со стола книгу и кружку с кофе.

— Обязательно. Пришлю тебе демоверсию своей новой песни.

Я была уже на пороге, когда она снова заговорила.

— Постой, Имоджен. А ты ничего не заметила… — молчание, а потом стук пальцев по столу, — странного вчера ночью?

И снова в ушах раздались звуки жутковатой мелодии, которая ей явно не принадлежала.

— В каком смысле странного?

— Понимаешь, к концу выступления мне все время казалось, что там еще куча людей в каких-то чудных костюмах, или что-то в этом роде.

— Значит, ты их тоже видела? — Надо сказать, что я почувствовала почти облегчение.

— Я подумала, что словила глюки. Может, надышалась дыма от какой-то паленой курительной смеси. Однако версия с косплеем тоже имеет

право на существование. — Она повела плечами, словно стряхивая напряжение.

— Конечно, имеет. Так же как и дым от левой курительной смеси. У меня, кстати, просто зверски болела голова. — Обе гипотезы явно не были лишены логики.

— Согласна, это два наиболее вероятных объяснения.

Я кивнула, и на этом мы замяли тему, но никто из нас не удосужился добавить, что наиболее вероятное объяснение далеко не всегда самое правильное. Это всего лишь то объяснение, в которое хочется верить ради собственного спокойствия.

Глава 7

В тот день все шло наперекосяк, поэтому я не удивилась, когда и готовка не задалась. Уже вторая порция склизких водянистых яичных белков была отправлена в раковину, и я со стуком опустила пустую миску на столешницу.

— Твою ж мать!

— Имоджен, — спросила Ариэль. — Что это ты делаешь?

— Запарываю даже такое пустяковое дело, помимо всего прочего. — Я невидящими глазами уставилась на столешницу, заляпанную остатками моих неудачных экспериментов.

— Помимо всего прочего? — Она скользнула на стул и поджала под себя ноги.

— Понимаешь, у меня один из таких дней, когда совершенно не пишется. Полный неписец. Напишу несколько строчек и сразу вижу, что все не то. И, главное, не знаю, как это можно поправить. Я могла бы еще с этим смириться, если бы так было только сегодня, но и вчерашний день, и позавчерашний тоже были на редкость неудачными. Еще и опрокинула пузырек с чернилами и

забрызгала свою любимую блузку. Ногу порезала, когда брила.

— А ведь сегодня не пятница, и даже не тринадцатое, — сострила Ариэль с невозмутимым лицом.

— Вот именно. Поэтому, вместо того, чтобы сидеть у себя и дуться на весь белый свет, я решила приготовить шоколадный мусс.

— Серьезно? Ты можешь, — она повела руками в воздухе, словно волшебник, готовящийся применить магию, — сварганить это?

Я пожала плечами.

— Нет ничего проще. Как правило. Но не сегодня, когда у меня все из рук валится, как после пьянки.

Ариэль захихикала и многозначительно посмотрела на меня.

Я посмотрела на нее и тоже начала смеяться.

Мы смеялись до слез, хотя ничего настолько смешного не было сказано. Когда мы наконец пришли в себя, Ариэль поднялась со стула.

— Вот и славно. Почему бы нам и в самом деле не выпить? За нас обеих.

Она плеснула в два стакана виски и передала один мне.

— За нас, жалких неудачников.

— Как, и ты тоже? — спросила я.

— И я!

Мы чокнулись и выпили.

— Я не испортила блузку, но и музыка не пишется уже целую неделю, — объяснила Ариэль. — Меня это просто бесит. Вот я здесь, в этом замечательном престижном месте, мне предоставлена возможность заработать репутацию, а я не в состоянии ею воспользоваться. Я уверена, что не смогу здесь написать даже мало-мальски приличной песни! Может, отчасти из-за того, что необходимость быть достойной оказанного доверия слишком уж давит на психику. Ты непременно должна доказать, что заслуживаешь чести быть включенной в число избранных, приглашенных, как и ты, в «Мелету». Предполагается, что мы не должны здесь тратить время попусту, но одно дело это знать, а другое — не париться на этот счет, выбросив из головы необходимость постоянно всем доказывать, что ты чего-то стоишь, и действительно просто писать музыку.

— Я была уверена, что работать здесь будет легче, чем дома, — сказала я. — Считала, что здесь не будет ничего, что отвлекает в обычной жизни, и можно целиком и полностью сосредоточиться на работе. А вместо этого, здесь у меня возник целый

букет проблем, которые меня грызут. Например, я все время думаю: а вдруг я в недостаточной степени использую возможность работать с Бет? Может, мне стоило бы затеять какой-нибудь совместный проект с ней, пока я в «Мелете». Что, если я недостаточно эффективно использую время, проводимое здесь.

— Я, конечно, неплохая певица, но что, если выяснится, что мне не стать великой?

— В общем, полный писец. — Я отодвинула стакан на край стола. — Приятно узнать, что творческие амбиции идут рука об руку с неуверенностью.

— И все же, есть в этом месте что-то странное, — вздохнула Ариэль, передвигая стаканы по столу, как при игре в наперстки, под одним из которых спрятаны наши таланты.

— Точно. Странностей здесь хоть отбавляй!

— Я о том, что в обычной жизни я давала уроки игры на фортепьяно и подрабатывала бариста, чтобы иметь возможность оплачивать квартиру. Хваталась за любую возможность поучаствовать в концертах, и была благодарна судьбе, когда удавалось собрать хоть сколько-нибудь зрителей, чтобы заплатить за газ. А здесь мы ставим галочку в анкете, чтобы отметить, чего

нам хочется на обед — все эти салаты из зелени, выращенной без удобрений, или вкуснейшее ризотто с лососем, — сказала Ариэль. — Нет, я не жалуюсь, но знаешь, я всегда твердила себе, что если сумею хоть чуточку преуспеть, заработать немного денег, чтобы просто не париться насчет оплаты счетов, перестать постоянно суетиться… И уж тогда-то мне точно удастся создать что-то стоящее. Что-то, действительно классное.

— И вот мы здесь, счастливейшие из счастливейших, радостно поедающие салат из зелени, выращенной без удобрений, но нас по-прежнему мучают сомнения. А вдруг мы не так хороши, как от нас ожидают? — продолжила я ее мысль.

— Так и есть. Голова моя в кои-то веки свободна от лишних забот, но вместо блестящих идей, она полна сомнений. Все, что нам говорили о «Мелете», это то, что здесь мы должны сосредоточиться на творчестве, на искусстве ради искусства, не беспокоясь ни о чем другом. Но еще никогда в жизни я не ощущала такой несвободы, словно кто-то пристально следит за тем, что и как я делаю, и от этого я чувствую себя как бы скованной по рукам и ногам.

— Такое впечатление, что здесь мы должны творить не для себя, а ради престижа «Мелеты».

Все эти традиции, знаменитые люди, которые бывали здесь до нас — только посмотрите, к какому кругу я принадлежу! — но иногда в голову приходит мысль, что все эти громкие имена лишь делают список людей, которых я подвела, еще длиннее. — Я подняла пустой стакан, приветствуя входящую в кухню Елену. Она бросила на нас недобрый взгляд и включила чайник.

— К тому же, я действительно чувствую, будто кто-то наблюдает за тем, как я работаю, — призналась Ариэль. — Я имею в виду, что это, конечно, невозможно, ведь в моей студии нет окон, и все же я постоянно ощущаю на себе чей-то взгляд.

— Со мной та же история! — вздохнула я. — Но я решила, что это просто нервы разгулялись из-за груза ответственности или чувства вины за неоправданные ожидания.

Елена захлопнула дверцы буфета с такой силой, что они снова распахнулись.

— У тебя есть, что сказать подругам? — спросила Ариэль.

— Вы обе просто дуры набитые. Конечно же, за вами наблюдают. Как и за всеми нами. Делаете вид, что вам безразлично, кто из нас лучший, и думаете, что взобрались на вершину успеха, раз уж вас сюда приняли?

— Уверена, что они держат все под контролем, Елена, но, разумеется, никто в «Мелете» не заглядывает ночью ко мне в окно, когда я пишу, — сказала я.

— Я бы не была так уверена. — Она уставилась в кружку, словно пытаясь увидеть будущее.

— Елена, ты забыла, что я живу на третьем этаже?

Ариэль громко фыркнула.

— Смейтесь, сколько душе угодно, — пожала плечами Елена. — Но если вы такие умные, то обратите внимание на эти ощущения. То, что вас приняли сюда, это только начало.

Наступил октябрь, и пришла пора яблок и янтарного сидра. Воздух, пронизанный лучами осеннего солнца, еще не был по-настоящему холодным, но бодрящим и кристально-прозрачным, как пронзительное напоминание о грядущей зиме. На деревьях бушевал пожар желтых и красных листьев, но с каждым днем все больше их опадало, и голые темные ветки четко выделялись на фоне темнеющего неба. Дни становились все короче, и, казалось, бежали один за другим все быстрее.

«Мелета» уже не вызывала у нас прежнего радостного удивления. Ведь она теперь принадле-

жала нам. Мы изучили все тропинки, узнали все звуки и запахи. Поселок стал нашим домом и уже не казался чем-то необыкновенным. Ощущение нереальности исчезло, и все, что поражало нас и вызывало восторженные возгласы, когда мы только приехали сюда, стало привычным. Но как только мы начали воспринимать своеобразие «Мелеты» как должное, нам тут же открылись трещины в ее совершенном фасаде, а вместе с ними появились трещины и в наших душах.

Когда вы уезжаете куда-то, чтобы побыть наедине со своим искусством, могут возникнуть проблемы. Во всем мире тогда не существует ничего, кроме вас и вашего творчества. Для некоторых людей подобное уединение становится той самой бездной, о которой говорят, что чем больше ты всматриваешься в нее, тем больше она начинает всматриваться в тебя. О таких вещах не сообщалось в рекламных материалах, но каждый год бывали случаи, когда некоторые из обитателей «Мелеты» покидали ее раньше срока. Так случилось и в нашей смене. В начале октября общину покинул один из художников.

— Я лично не была с ним знакома, — сказала мне Марин. — Но Эли, девушка, студия которой находится рядом с моей, жила в том же доме,

что и этот художник, и она рассказала мне, что он, якобы, целых три дня как безумный бродил по округе, не ел, не мылся, не спал и все такое. Потом вернулся в свою комнату, сложил все свои вещи кроме красок, холстов и прочих принадлежностей, и объявил во всеуслышание, что он ничтожный человек, недостойный своей музы.

— Своей музы? — переспросила я, тряхнув головой от удивления. — Как странно.

— А вот тут начинается самое интересное, — сказала Марин, прислонясь к перилам лестницы, ведущей на террасу. Утро было в разгаре, и солнечные лучи заливали все вокруг золотым светом. — Потому что, судя по всему, эта самая его муза была не просто метафорой. Эли сказала, что какая-то женщина, по ее словам, роскошная красавица с внешностью супермодели, постоянно наносила ему визиты, причем могла заявиться в любое время дня и ночи. И у них недавно произошла ссора, причем, весьма громкая. Эли слышала, как она кричала, что его картинки не имеют для нее значения, как и он сам. И обозвала его никчемным человеком и жалкой посредственностью.

— Обалдеть! — сказала я.

— Да уж. С другой стороны, если ты уезжаешь

отсюда потому только, что твоя подружка назвала тебя бездарностью, то, в любом случае, вряд ли тебе удастся сделать карьеру. Я имею в виду, как можно достичь такого уровня мастерства, что тебя приглашают в «Мелету», и при этом не научиться посылать куда подальше тех, кто в тебе сомневается? Но, может, он живет в волшебном мире, где не бывает отказов и отрицательных отзывов. — Она осуждающе покачала головой.

— Скорее, это именно второй вариант, — заметила я. — Для тех из нас, кто не завязан на прослушивания и пробы, работает по собственному графику, когда хочет, и не должен посещать репетиции и танцевальные классы, «Мелета», наверное, и есть первая возможность подумать о том, насколько они хороши. И насколько много нам всем придется трудиться, чтобы стать теми, кем мы хотим стать. В том случае, конечно, если мы вообще собираемся усердно трудиться.

Может, — продолжила я после паузы, — кто-то впервые в жизни сказал этому художнику, что он вовсе не является современным Микеланджело, а он не смог пережить критики в свой адрес. Знаешь, как это бывает — ты вдруг осознаешь, что ты не само совершенство, и вместо того, чтобы искать пути, как стать лучше, ты просто все

бросаешь, потому что, видите ли, недостаточно хорош.

— Похоже, что так оно и было, — сказала Марин. — Я помню, как первый раз провалила пробы, которые мечтала пройти. Это было через пару месяцев после твоего отъезда, я участвовала в кастинге Балета Нью-Йорка. — Она поставила кружку с кофе на перила террасы, глядя на деревья вдали. — Мне безумно хотелось, чтобы меня туда приняли.

Я ничего не знала об этой истории. В труппе Балета Нью-Йорка Марин состояла с того времени, когда уехала из дома, и до момента, когда отправилась в «Мелету». Я всегда думала, что она поступила туда с первого раза.

— И что случилось?

— Я и сейчас понятия не имею, что это была за история. Я даже задавала этот вопрос руководству театра, когда они, наконец, пригласили меня, и я уже проработала там некоторое время, но они так и не смогли — или не захотели ответить. Мне казалось, что я успешно прошла пробы, дошла до последнего тура, а потом мне вдруг заявили, что я «не совсем то, что им нужно». И больше никаких объяснений. Я тогда сгоряча чуть совсем не ушла из балета.

— Неужели? — Я совершенно не могла представить Марин, которая могла бы отказаться танцевать.

— Мне тогда казалось, что, раз уж они не хотят даже объяснить мне, в чем мои недостатки, значит, я и вовсе безнадежна. Совсем ни на что не гожусь. — Она выглядела растерянной, как будто снова услышала безжалостные слова отказа.

— И что же заставило тебя остаться?

Она сухо и горько рассмеялась.

— Наша матушка. Она же, как-никак, оплатила уроки, и сказала, что не позволит мне бросить балет, потому что я должна отработать эти деньги. А следующие пробы пришлись как раз на этот период проплаченных занятий, и я успешно прошла их. Вот так она единственный раз помогла моей карьере.

— Я получила пятьдесят три отказа, прежде чем продала свой первый рассказ.

— Правда? — Она подняла на меня изумленный взгляд.

Я кивнула.

— Пятьдесят. Три. Теперь, может, и сотня набралась бы, если бы я была настолько мазохисткой, чтобы подсчитать все.

— Ты когда-нибудь спрашивала себя, зачем мы

это с собой делаем? Тратим девяносто процентов жизни, чтобы выслушивать, что недостаточно хороши? — Марин собрала волосы в пучок на затылке и подняла с пола сумку.

— Конечно! — ответила я. — Мы делаем это ради тех десяти процентов времени, когда убеждаемся, что талантливы и заслуживаем похвалы.

Я взяла пустую кружку с перил и пошла в дом, чтобы продолжить писать.

В тот же день, возвращаясь от Бет после обеда, я прогулялась по опушке леса, а потом прошла через территорию поселка мимо студий, чтобы посмотреть, там ли сейчас Марин.

Свидание с Бет было довольно напряженным. Она спросила, могу ли я показать ей несколько страниц готового текста, хотя мы договорились, что я не буду этого делать. Бет сказала, что ей нужно подтверждение того, что я работаю, и добавила, что хочет быть уверена, что я не теряю времени даром.

— А как насчет наших договоренностей, позволяющих мне сохранить тайну творчества? — спросила я. Я, конечно, закончила намеченную работу, но она же обещала не вмешиваться в этот процесс, и я ей доверяла.

— Все это, конечно, прекрасно, Имоджен, но

вам также надо научиться принимать замечания и комментарии. Если хотите творить в своем замкнутом мирке без обратной связи, то необязательно было приезжать сюда. Я же не требую, чтобы вы показали мне весь написанный материал, или то, что еще на стадии набросков. Но мне все же хочется увидеть пару-тройку наиболее отшлифованных фрагментов. Я ничем не смогу помочь, если вы не покажете, над чем работаете, ведь, если вы не забыли, я здесь именно для того, чтобы помогать.

— Договорились, — кивнула я. — Я подготовлю эти куски, когда вернусь домой. — А потом ушла, резко прервав встречу. Я была готова разрыдаться, и не хотела, чтобы она видела меня плачущей. Где-то в глубине души я рассматривала ее требование как предательство, словно она вдруг решила поменять правила в самый разгар игры, а это было несправедливо.

Но я была зла и на саму себя, ведь я знала, что не права. Я прекрасно осознавала, что обратная связь является частью творческого процесса, и что Бет еще во время нашего первого свидания сказала, что не позволит мне терять время даром, пока я в «Мелете». Мы жили здесь уже шесть недель, а я еще ничего не показала из того, что

написала, а значит, не воспользовалась ее опытом и мастерством. И не по какой-то достойной причине, а просто из опасения, что она скажет мне, что я недостаточно хорошо пишу, и никогда не смогу написать ничего стоящего.

Марин в студии я не обнаружила, но упорно продолжала идти в том же направлении в надежде, что, может быть, сумею найти студию Эвана. Я все еще была в слишком паршивом настроении, чтобы оставаться наедине с собой.

Здания студий располагались группами в соответствии с назначением, но все поодаль друг от друга. Большие студии со стеклянными стенами стояли отдельно от тех, которые занимали музыканты и те, кто посвятил себя изобразительному искусству. Многие из обитателей студий украсили двери или повесили знаки, говорящие о том, чем они занимаются. Марин развесила свои старые пуанты на ветвях дерева, растущего у входа в ее студию, и они покачивались на ветру, напоминая танец призрачного кордебалета.

Бредя по извилистой тропинке, я прошла мимо домика, на дверях которого красовались палитры. Ступени крыльца другой студии покрывала стеклянная мозаика. Тропинки между ними петляли и пересекались, образуя подобие лабиринта,

но известная уловка при прохождении лабиринта — всегда поворачивать только направо — в данном случае не сработала, и я поняла, что в третий раз прохожу мимо одной и той же двери. Она была покрыта гофрированной фольгой, отражающей солнечные лучи, которые яркими бликами плясали вокруг. На улице никто не работал, и мне некого было спросить, как пройти к студии Эвана. У меня даже голова разболелась от досады.

Снова поворот тропинки, и тут я увидела его, узнав по походке, по золотисто-рыжим волосам.

— Эван! — позвала я, и побежала за ним.

Но он продолжал идти, завернул за угол… И пропал. Просто исчез из виду, а передо мной была все та же дверь, обитая фольгой. Каким-то странным образом я снова оказалась перед ней.

Я тряхнула головой и сильно ущипнула себя за переносицу. Все. Домой. Выспаться, а потом выпить кофе. Все эти простые радости улучшат мое самочувствие и придадут мне мужество, необходимое для того, чтобы послать Бет написанные страницы и притвориться, что ее ответ не имеет для меня большого значения.

Не успела я принять решения, как туман в голове растаял, и я легко нашла выход из лабиринта

студий. Прошла мимо пустых столиков у кафе «Там», через центральную часть поселка, обогнув компанию, игравшую в некое подобие игры в салки на музыкальный лад. Когда кого-то догоняли и осаливали, тот менялся инструментом с водившим, и в воздухе стояла веселая какофония. Я отмахнулась от трубы, которую мне протянули, приглашая поиграть, и направилась к своему дому.

— Знаешь, произошло кое-что странное, когда я занималась в студии. — Волосы Марин были все еще влажными после душа, крепкий аромат ее лосьона, пахнувшего сиренью, смешивался с запахом эвкалиптового масла с ментолом, которым она натирала натруженные мышцы. Это невообразимое сочетание должно было бы вызывать раздражение, но, напротив, действовало успокаивающе, и казалось совершенно естественным.

— В каком смысле странное? — спросила я.

— Почти сюрреалистическое. — Она села на пол и нагнулась, делая растяжку.

Я отвернулась от письменного стола и ночных огоньков, мерцающих в окне.

— Звучит весьма интригующе. Расскажи.

— Я люблю оставлять окна студии незашторенными, когда работаю. Когда еще мне выпадет

шанс танцевать среди леса, так ведь? Поэтому и сегодня вечером шторы были раздвинуты.

Я не решилась признаться ей, что знаю о ее привычке танцевать с незашторенными окнами, что видела их с Гэвином танец. Тот момент всецело принадлежал им одним.

— Я уже давно так делаю, и все происходящее за окнами воспринимаю, как привычный фон. Например, на прошлой неделе я заметила прошмыгнувшую под окнами лисичку, и я уже не вздрагиваю, если мимо проскачет заяц, или будет прогуливаться какая-нибудь индейка. Кстати, ты видела индеек? Оказывается, они такие огромные.

— Я их видела на днях во время пробежки, и мне даже пришлось их обежать, потому что они действительно невероятных размеров.

— Так вот, сегодня я вдруг боковым зрением уловила какое-то движение за окном. Я остановилась и увидела, что это птицы. Целая стая птиц! Они летали взад-вперед прямо перед окном и движения их были очень слаженными.

— Звучит красиво, — заметила я.

— Это действительно было довольно красивое зрелище. Но в то же время все это было очень странно, потому что, стоило мне прекратить

танцевать, чтобы посмотреть на них, они тут же скрывались в ветвях деревьев. Когда я снова начинала двигаться, они возвращались.

— Они просто хотели потанцевать с тобой, — засмеялась я.

— Знаю, что это звучит невероятно, Имоджен, но именно так мне и показалось. — Она снова сменила позу, и наклонилась вперед, переступая по полу ладонями.

— А что по этому поводу думает Гэвин?

— Его там не было. Я занимаюсь самостоятельно по крайней мере раз в неделю. Раз уж я приехала в «Мелету», чтобы побыть вдали от труппы и избежать влияния других танцовщиков, мне надо относиться к этому очень серьезно. — Она еще сильнее наклонилась вперед и почти легла на пол, застыв в этой позе. — Надо сказать, результаты превосходят все ожидания, — продолжила Марин. — Я одна в студии и могу делать все, что заблагорассудится, не беспокоясь о том, что у девушки, которая танцует рядом, растяжка лучше и повороты круче. Я могу позволить себе самой судить о том, как я танцую, а не думать постоянно, как я выгляжу в глазах других.

Уверенность, с которой она это сказала, меня искренне порадовала.

— Это же просто великолепно. Ты все еще счастлива, что работаешь с Гэвином?

Она выпрямилась.

— Что это — любопытство старшей сестры, которая сует свой нос в мои дела, или подлинный интерес к моему творчеству? — полушутя-полусерьезно спросила Марин.

— Второе, — ответила я.

— Он лучший партнер из тех, с кем когда-либо приходилось танцевать. Могу сказать, что танцую гораздо лучше прежнего, даже когда его нет рядом, благодаря тому, чему я у него научилась. И это прекрасно. Именно на это я и надеялась, поступая сюда.

Мне нравится общаться с ним и вне студии. Он разговаривает со мной так, словно я важна для него. Нам весело и хорошо вместе. — Она тепло улыбнулась.

— Я рада за тебя, — с чувством произнесла я.

— А как продвигается твое сочинительство? — Она сменила позу и прислонилась к кровати.

— Неплохо. В голове у меня уже сложилась картина того, над чем я работаю. По крайней мере, такое ощущение у меня сейчас. Я послала Бет несколько страниц, которые она хотела получить, а потом, как одержимая, снова и сно-

ва проверяла почту, пока она не ответила. Бет написала, что ей очень нравится качество написанного и что, по всей видимости, я полностью использую возможности сюжета, который выбрала, и для меня этой похвалы было достаточно, чтобы скакать по всей комнате в победном танце. И знаешь что, я, пожалуй, позаимствую твоих танцующих птичек для своего сюжета.

— Если ты собираешь всякие странные истории, то, пожалуй, тебе стоит поговорить с Ариэль. На днях ее студию просто занесло листьями.

— Листьями? — Это было так странно, что я не была уверена, что все правильно расслышала.

— Они были повсюду. Весь пол был ими завален, и даже пианино. Бардак там был страшный. Ариэль даже пришлось вызывать служащих, чтобы очистить помещение.

— Вот уж не знала, что у нас был такой сильный ветер, чтобы это произошло. Может быть, я провожу слишком много времени в своей комнате? — У меня не было отдельной студии для творчества — я об этом и не просила при поступлении в «Мелету», поэтому мне легко было потерять связь с миром, лежащим за пределами нашего дома и моей истории. Время от времени случались дни, когда я вовсе не выходила.

— А вот тут-то и кроется самое странное во всем этом происшествии, — произнесла Марин, и нотки возбуждения в ее голосе напомнили мне, что в детстве она с упоением слушала страшные сказки и истории о нераскрытых тайнах, причем, чем ужаснее, тем лучше. Ей всегда не терпелось услышать самые жуткие моменты.

— Дело в том, что Ариэль терпеть не может, когда ее слушают во время сочинения песен, поэтому звукоизоляция в ее студии одна из лучших в «Мелете».

— Что означает, что там нет окон, — предположила я.

— Именно так. Там вовсе нет окон. А значит, кому-то пришлось притащить все эти листья туда. Дикость какая, правда?

— Совершенная дикость. Но как хорошо подходит для ночной страшилки!

Позже, той же ночью, я подняла взгляд от бумаги и выглянула в окно. На деревьях сидело множество птиц — они казались заплатками из черного бархата на холсте неба. Птицы, наверное, спали, поудобнее усевшись на ветвях. А может, они наблюдали за мной? Каждый раз, когда я поднимала голову, я видела, что они по-прежнему сидят там.

И я сделала то, о чем в шутку сказала Марин — позаимствовала птиц, поклонников ее таланта, для своей истории, в которой в одну прекрасную ночь на землю обрушились стаи птиц. Их перья покрыли все на свете — дома, реки, деревья. Они просто сидели и наблюдали за людьми. Одна девушка отрастила крылья, чтобы пролететь над птицами, над другими крылатыми созданиями… она стремилась вырваться из пернатого плена, из этой бесконечной ночи, скрыться от глаз, которые неотрывно наблюдали за ней.

Я, наконец, закончила. Отложила записную книжку, сохранила файлы на компьютере. Встала со стула и потянулась, еще раз бросив взгляд туда, где сидели птицы.

И в этот миг они все, как по команде, сорвались с деревьев, превратившись в движущиеся тени, которые слились с ночной тьмой и ее тайнами.

Глава 8

Древесный дым, извиваясь, вполз в мое окно — густой, с запахом горящих листьев. Я раздвинула шторы, потирая глаза со сна. Запах дыма усилился. Сгорая от любопытства, я выглянула в окно.

Перед домом пылал костер, и Елена швыряла в него какие-то вещи.

Моя правая рука невольно согнулась, как клешня, и я физически ощутила языки пламени, их обжигающий жар, вызывающий нестерпимую боль. Они жадно тянулись ко мне, желая обратить в пепел даже мои кости. В глазах потемнело, и я качнулась вперед, ухватившись руками за край стола. Потрескивание костра раздавалось все громче и, не вытерпев, я выскочила наружу.

— Елена! Что ты делаешь? — Я остановилась почти у самого костра, достаточно близко, чтобы схватить ее в случае необходимости, и в то же время достаточно далеко, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности.

Она была покрыта сажей и очень зла.

— Я недостаточно хороша! Предполагалось, что эта стипендиальная программа поможет мне

совершенствоваться в поэзии, но здесь я поняла лишь, что совсем ни на что не гожусь! С меня достаточно, я уезжаю отсюда. — Она швырнула в огонь еще одну записную книжку и бесстрастно наблюдала, как обложка пузырится и съеживается.

— Елена, я… — внутри у меня все сжалось, в голове крутились тысячи невысказанных слов, которые жгли меня, словно огонь. На лбу выступили капельки пота. Все тело трясло. Горят слова, страницы. Горит моя рука.

Я прикусила язык с такой силой, что почувствовала вкус крови. Нет, я сейчас не там. Я здесь, в настоящем.

Я здесь и сейчас.

— Хорошо, — пробормотала я. — Хорошо. Ты права. Мне даже не надо читать твои вирши, чтобы понять, что это самое примитивное, самое слащавое подобие стихов, из когда-либо существовавших. Эти жалкие стишки не годятся даже для поздравительных открыток.

Она уставилась на меня, сжимая в руке последнюю несожженную тетрадь.

— Ну, ты и сука.

— Советую выбрать что-нибудь одно, Елена. Либо твои стихи никуда не годятся, и потому

заслуживают быть сожженными. Или же я сука, которая несет черт-те что. Что выбираешь?

Она отступила от костра на шаг, и сильнее сжала тетрадь в руке.

— Мои стихи недостаточно хороши.

— Может и так. Но это не повод сжигать все сразу. Тем более, на нашей лужайке. В самом деле, какого черта ты делаешь?

— Ты не знаешь, что это такое.

— Что ты имеешь в виду, Елена?

Костер почти погас. По всей лужайке были разбросаны клочки бумаги. Моя рука распрямилась, и я больше не чувствовала, как огонь обжигает мою кожу.

Когда Елена вновь заговорила, ее голос был резким и хриплым.

— Что, если это все, на что я способна? Если я не смогу подняться над этим уровнем, значит, я недостаточно талантлива. Да, я пишу вполне приличные стихи. И делаю это достаточно мастерски. Но мне не хватает таланта. Черт возьми, не хватает таланта. И только не пытайся убедить меня, что не понимаешь разницы.

На это мне было нечего сказать. Она была совершенно права. Разумеется, существует разница между мастерски написанным и талантливым

произведением. Талант не является единственным условием успеха, но все же он необходим для того, чтобы достичь определенных высот в творчестве. И самое жестокое во всем этом, что, будучи достаточно одаренным, вы понимаете эти различия, и, поверьте, речь не идет о регулярных творческих кризисах человека искусства. Вы можете разложить по полочкам все свои достоинства и недостатки, почувствовать разницу между прекрасным и просто хорошим, между хорошим и великим. Быть недостаточно талантливым гораздо хуже, чем просто быть бездарным, потому что даже крошечная искорка таланта позволяет осознать, чего вы лишены. Я стояла рядом с ней молча, наблюдая, как маленькие язычки пламени превращались в тлеющие угольки, а потом в пепел. Глядя в ее лицо, на котором застыли ожесточенность и растерянность.

Когда погасли последние угольки, Елена поднялась по ступенькам крыльца в дом, все еще сжимая в руке последнюю несожженную тетрадку.

После всего этого невозможно было погрузиться в собственную работу. Каждый раз, открывая ноутбук, я чувствовала запах дыма, даже после того, как закрыла окно. Даже после того, как

спустилась вниз и, наполнив кастрюлю водой, залила ею пепелище.

Есть множество анекдотов на тему мамаши — ярой фанатки творчества собственного ребенка. А мораль их такова — все же лучше иметь и других поклонников, кроме родной мамочки. Ты вовсе не должен считать себя гением только потому, что маме нравятся твои картины, и она ставит их на холодильник, чтобы ими любоваться, или настаивает, что тебя непременно должны выбрать на роль Гамлета после того, как ты так талантливо сыграл роль второго пастуха в рождественском спектакле. Все эти восторги стоят не больше, чем билет в подземку.

Вся фишка этих историй в том, что мама, без всякого сомнения, твой самый большой поклонник. Это всем ясно без слов. Это совершенно естественно. Было бы странно, если бы это было не так.

Когда горели плоды моих трудов — истории, которые я писала много лет, все, что я к тому времени создала, все было предано огню — то человек, который швырнул их в костер, был никем иным, как моей собственной матерью. Именно мать держала мою руку в огне, и, казалось, я сгораю вместе со своими творениями.

Если в сказке говорится, что у девочки была мать, то сразу можно догадаться, что дальше произойдет нечто ужасное. Потому что это означает, что мать скоро умрет, и эта смерть будет лишь началом череды несчастий. Отец заведет новую жену, которая приведет в дом своих собственных дочерей, и начнет строить козни, чтобы сделать жизнь падчерицы невыносимой, или отведет ее в темный лес и оставит там одну. Или, что еще хуже, не будет никакой мачехи, но твой отец воспылает к тебе страстью и вынудит тебя убежать из дома далеко-далеко, чтобы спастись от его притязаний.

В детстве я не могла вообразить такое! Как может какая угодно мачеха быть хуже моей родной матери, той самой женщины, которая самой природой была предназначена для того, чтобы дарить мне любовь, но которая не делала этого. Я даже завидовала девочкам из сказок, которых мачеха заставляла спать на золе или в хлеву с животными. Девочкам, которым, в конце концов, всегда удавалось сбежать.

Умные девочки, смелые девочки. Девочки, которые сумели избежать печальной участи. Девочки, которые твердо знали, что хотят изменить свою судьбу, и боролись за это не на жизнь, а на

смерть. Я и представить не могла, что можно на это осмелиться, живя с родной матерью. Я старалась быть тихой и незаметной, вела себя тише воды, ниже травы, и все же мне не удавалось ускользнуть от ее безжалостного внимания. Я скрывала от нее свои тайны, с помощью которых она могла бы мной манипулировать, заставить меня молчать. Но и это не помогало, я не могла быть настолько тихой и незаметной — для этого, как я теперь думаю, мне надо было совсем исчезнуть из этого мира.

По ночам я закрывала глаза, сжимала кулаки и всей душой желала, чтобы моя мать умерла. Я не представляла, как смогу пережить детство, вырасти и стать взрослой, если этого не произойдет.

Но она не умерла, а я пережила свое детство, но часто вспоминаю эти темные желания, те моменты, когда я лежала, свернувшись калачиком в постели, спрятав лицо в подушку, чтобы Марин не слышала моих рыданий. Вспоминаю, как сильно я желала ей смерти. Все мое тело содрогалось от этого неистового желания.

И даже теперь, когда я понимаю, что это неправильно, что это ужасно — желать зла собственной матери, и в сказке я непременно была бы чудо-

вищем из-за этих мыслей, я должна признать, что никогда в жизни я так отчаянно не желала ничего другого.

Глава 9

Ветер был таким сильным, что ставни на окнах стучали, ходили ходуном на петлях, а в завываниях слышался хор неприкаянных душ. Крупные капли дождя стучали в стекло, словно камешки. Деревья поскрипывали и потрескивали, теряя ветви под напором ветра.

— Ты работаешь, или я могу заглянуть? — Марин стояла на пороге, закутанная в халат, которого я раньше не видела, с взъерошенными после сна волосами.

Я наклонила голову и окинула ее критическим взглядом.

— На твоем халате действительно…

— Бегемоты в балетных пачках? Точно! Я совсем недавно его купила. Разве не прелесть?

Она крутанулась, чтобы я могла насладиться великолепием ее наряда.

— Действительно, прикольно. Я, и правда, работала, но могу сделать перерыв, так что располагайся.

Она подошла к окну, обхватила себя за плечи.

— Плохо спалось? — спросила я.

— Я спала, пока меня не разбудила гроза. — Ветка дерева со стуком ударила в окно, стекло задрожало. Марин поморщилась. — Скажи, в уголках твоей памяти случайно не осталось сказок про звездных принцесс?

Я вздохнула. Мы уже в достаточной степени навели мостики к сердцам друг друга, и я сочла, что могу ей теперь во всем признаться. Рассказать, что я записала все эти истории — хотела сделать ей подарок на Рождество, которое нам не суждено было отпраздновать вместе, — и отложила до лучших времен. Может быть, теперь я смогу даже спросить ее, почему она молчала все эти годы после того, как я уехала в школу-пансион. Выяснить, что я сделала не так. Почему она не хотела со мной общаться на протяжении нескольких лет. Может, теперь мы сможем, наконец, произнести все эти, не сказанные в свое время, слова.

— Хотя, если подумать, знаешь, что? Мне бы хотелось услышать что-то новое, что-то, над чем ты сейчас работаешь. Если, конечно, ты захочешь со мной этим поделиться.

Я почувствовала, что момент упущен. Просочился сквозь пальцы.

— Конечно! Какие могут быть возражения? Сейчас найду что-то, что уже не стыдно показать.

Что-нибудь из того, что я уже отправляла Бет.

Пока я рылась в бумагах, она устроилась на кровати, подальше от окна, и плотнее завернулась в этот свой халат с бегемотами, бережно укутав ноги.

— Я готова. Начинай.

— Жили-были… — начала я.

Жили-были когда-то две сестры, и неподалеку рос темный лес.

И, как всегда бывает в сказках, этот лес был полон тайн.

Нет, не тайн листьев и деревьев, мохнатых и пернатых обитателей, и даже не тех тайн, которые хранятся в самых темных, потаенных уголках леса. Эти тайны там, конечно, тоже были, но речь пойдет совсем о другом.

В чаще леса пряталась башня, и женщина, появлявшаяся на ее вершине, пела песню, заставлявшую морские волны захлестывать песчаный берег и, шелестя, уходить обратно.

Там были развалины замка, обветшавшие залы которого охраняли призрачные рыцари в сияющих всеми цветами радуги доспехах.

Там раскинулся цветочный лабиринт, который каждый день менял свои очертания, а в центре его было озеро с омутом. И это были врата в веч-

ность.

Этот лес был источником бесконечных чудес для двух девочек, и они научились любить его тайны, и восхищаться, прикасаясь к неведомому.

— Подожди, — сказала Марин. — Остановись здесь.

— Почему?

— Потому что, если ты остановишься здесь, все с сестричками будет хорошо. Они вместе, и они счастливы. У них есть волшебный лес. А если ты продолжишь читать, обязательно произойдет что-нибудь плохое.

Марин не ошибалась.

— Даже если я пообещаю тебе, что у сказки будет счастливый конец?

— Даже в этом случае. Просто сейчас я не хочу погружаться в печальные подробности, — пояснила она.

— Ладно. И жили они долго и счастливо вместе в чудесном лесу.

— Жили долго и счастливо, — с улыбкой повторила Марин.

— Вот именно, — сказала я. — Вот и сказочке конец.

Она зевнула.

— Вот и славно. Пойду-ка я в свою комнату. Надеюсь, что на сей раз мне удастся поспать, несмотря на грозу. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила я.

— И еще, Имоджен. Мне действительно понравилось то, что ты мне прочла. Спасибо тебе.

Мне вдруг захотелось остановить время, запечатлеть этот счастливый момент. Ведь слова сестры были для меня маленькой радостью, хорошим концом моей собственной истории.

— Ты получала что-нибудь от Эвана в последнее время? — спросила меня Ариэль.

— Вчера, — ответила я. — Письмо. — С указаниями, как его найти, и картой. Надеюсь, что на сей раз не заблужусь в поисках его студии.

— Опять письмо на бумаге? Не электронное письмо, не смска?

— Я понимаю, что это было бы гораздо проще. Иногда мне кажется, что я флиртую с мужчиной из прошлого века. Но ведь это так мило — все эти рисунки на конверте, которые он делает для меня.

Я открыла ящик письменного стола, вытащила последнее письмо Эвана и протянула ей.

— Вот, взгляни.

— Ну, ладно. Это переводит его послание из

разряда странно старомодных в категорию романтических. И что дальше?

— Он спросил, не могу ли я прийти, посмотреть его работы.

— Вот прямо так и сказал: приходи посмотреть мои работы! — Она вернула мне конверт. — Можно подумать, ты не понимаешь, что у него на уме — обнимашки и все такое.

— Ну, да, это читается между строк.

— Кто бы сомневался. Ну что ж, желаю хорошо развлечься.

Я бы с большим желанием пошла в студию к Эвану, если бы речь шла просто о свидании. Мы уже однажды целовались, и я была не прочь повторить. Мои колебания объяснялись просто: я не знала, как восприму его творчество. Могло оказаться, что его работы мне не понравятся, или, что еще хуже, оставят меня равнодушной. Легко рассуждать о том, что следует воспринимать художника отдельно от его творений, но это не так просто, когда и художник, и его скульптуры стоят прямо перед тобой. Если вежливо промямлить: «Да… действительно интересно», то это может завести наши отношения в тупик, и тогда уж точно будет не до поцелуев.

Казалось, нервы гудели у меня под кожей. Я

стояла перед дверью в студию Эвана, глядя на черных птиц, садящихся на деревья. Листва теперь в основном отливала золотом, зеленых листьев осталось мало. Запах влажной земли напоминал о неотвратимости грядущей зимы.

Я постучала.

— Имоджен! Проходи. — Волосы его были взъерошены, руки вымазаны сажей и маслом. Он приобнял меня в знак приветствия, и я вдохнула запах каленого металла, въевшийся в его кожу. — Хочешь, чтобы я устроил тебе экскурсию по студии, или сама все посмотришь?

— Лучше сама сначала осмотрюсь, спасибо.

Ну вот, так мне не придется беспокоиться о том, чтобы держать лицо, если мне не понравится то, что я увижу.

— Да, пожалуйста. — Он отступил на шаг.

Передо мной был настоящий лес, но из металла! Деревья из металлических прутов и проволоки вздымали ветви высоко вверх, словно земля обжигала их, и они стремились пустить корни в небе. В них было что-то почти человеческое — ветви простирались, словно руки, стволы были изящны, как фигуры танцоров.

Металл был местами затемнен, а где-то раскрашен. Но это была не тусклая темнота железа, но

другие, более сочные тона — все богатство оттенков серебра и меди, бронзы и латуни. Некоторые части скульптур были покрыты ржавчиной, другие, напротив, отполированы до блеска. Я медленно шла среди деревьев, затаив дыхание, обходила их со всех сторон, чтобы рассмотреть все детали. Пальцы ныли от желания прикоснуться.

— Прости, — сказал Эван. — Не хотел тебе мешать. В общем, я не собирался спрашивать, но я, правда, должен знать. Что ты о них думаешь?

От их вида у меня сжималось сердце.

— Они прекрасны! Такие одинокие и в то же время притягательные, зовущие. Как настоящий лес.

Я увидела, как его напряжение спадает.

— Я переволновался, — сказал он. — Встал пораньше, чтобы поработать, трудился как проклятый, но ничего путного за весь день так и не сделал.

Я никому ничего своего не показывал… с тех самых пор, как… — Он замолчал и отвел глаза. — Прости. В любом случае, ты первый человек, который это увидел.

— Значит, это не та работа, которую тебе заказал Гэвин?

Его лицо осталось непроницаемым, но это явно стоило ему немалых усилий.

— Я имею в виду тот заказ, о котором вы говорили, когда вы с ним… — я едва не сказала: «так странно себя вели», — столкнулись на Ночной ярмарке?

— Нет, это другое. Хотя, наверное, между этими работами есть связь. — Он отвернулся и что-то отметил на чертежном столе.

Я подошла к нему и поцеловала.

— Они действительно прекрасны, — прошептала я. — Не против, если я поброжу здесь еще немного, хочу просто ими полюбоваться?

— Конечно, а я пока поработаю, если не возражаешь.

— Ты вовсе не обязан меня развлекать. — Мне хотелось побыть наедине со скульптурами, дорисовать этот лес в своем воображении. И лес, и тайны, которые он хранил.

— Оставайся, сколько захочешь.

Деревья были подобны молнии, пойманной и запечатленной в металле — тот же рисунок ветвей, та же энергия. Казалось, они вот-вот придут в движение. Я сидела среди них, и мне казалось, что в этих стволах заключены души людей, которые жаждут вырваться на свободу, тянут ко мне

свои руки-ветви, приобретают зримую форму. В них не было ничего антропоморфного, и все же я буквально физически ощущала неровное, болезненное сердцебиение этого леса.

Закатное солнце превратило окна в цветные витражи, в которых играли все краски вечернего неба, разрезанного темными ветвями. Чистая магия! Мне захотелось увидеть, как эти волшебные деревья будут смотреться под открытым небом. Как я хотела бы остаться здесь подольше!

Я нашла Эвана в глубине комнаты. Он делал какие-то наброски.

— Если бы я знала, что твой лес можно увидеть через окно, я бы точно не заблудилась, когда искала это место.

— Ты, и правда, заблудилась по дороге сюда? — спросил он, легонько касаясь моих волос. — Значит, я нарисовал никудышную карту. И как я могу тебе это возместить?

Я засмеялась и подошла к нему вплотную.

— Нет, твоя карта великолепна! Но на прошлой неделе я оказалась неподалеку и хотела к тебе заглянуть.

Его руки замерли над столом.

— И заблудилась.

Но я точно видела его в тот день! Я была в этом

уверена. Или почти уверена. Хотя, нет, я могла и ошибиться. Это не мог быть он. Если бы он был здесь, он бы точно меня заметил, подошел бы и сказал несколько слов, не ушел бы просто так, оставив меня еще более растерянной, чем в самом начале моих поисков.

— Странно, правда? — Я тряхнула головой. — Наверное, я в тот день не выспалась, выпила слишком много кофе, или слишком увлеклась своими сюжетами. Да что угодно. Ну, по крайней мере, сегодня я смогла легко найти дорогу. — Я обняла его за шею.

— В следующий раз, — он прикоснулся губами к моим губам, потом еще раз, и еще, и поцеловал, уже более настойчиво, — оставайся подольше.

— Конечно, — сказала я и вышла в сгущающиеся сумерки.

Дорога домой была чудесной. Воздух был свежим, но еще не холодным, в небе висела яркая тяжелая луна, и я шла, словно в полусне, опьяненная красотой рукотворного леса и влюбленностью. Поэтому, придя домой, я не стала садиться за работу, а переоделась для пробежки.

Зашнуровав кроссовки и прицепив к куртке фонарик, я отправила Марин сообщение, что собираюсь пробежаться, и указала время, когда

планирую вернуться. Телефон тут же зажужжал в ответ:

Приятной тебе пробежки! Сегодня полнолуние! Берегись волков-оборотней!

В конце последней фразы красовался смайлик в виде головы воющего волка.

Я свернула с дорожки и устремилась в глубь леса, желая насладиться шорохом листвы и голосами лесных обитателей. Луна светила так ярко, что я даже не включила фонарик. Лунный свет поблескивал на листьях, словно иней. Пожухлая трава похрустывала под ногами.

Я пробежала около трех миль и уже собиралась возвращаться, как вдруг услышала стук копыт и треск ветвей, словно кто-то огромный и тяжелый несся сквозь чащу.

Я зажгла фонарик, чтобы меня было лучше видно, и побежала назад по собственным следам. Стук копыт становился все громче. Ветви вокруг меня сгибались и ломались с резким, словно выстрелы, хрустом. Волосы мои встали дыбом от ужаса. Меня обдало воздушной волной, и, казалось, небо внезапно приобрело зеленый оттенок, словно за мной по пятам несся ураган.

Я побежала быстрее, уже не разбирая дороги, и просто неслась вперед, как лиса, убегающая от

охотников. Я задыхалась, и сердце мое отчаянно колотилось от охватившей меня безудержной паники.

Ветки колотили меня по рукам и ногам, я упала на землю, ободрав ладони и колени. Фонарик хрустнул и погас. Я попыталась подняться, и увидела, как мимо меня по тропинке пронесся конь, так близко, что я могла ощутить жар его разгоряченного тела. Я отпрянула назад и затаилась в кустах.

Конь был не один — передо мной проскакала целая кавалькада — вороной, гнедой, серый, ослепительно белый. На них гарцевали всадники в масках, очевидно, решившие устроить бешеную скачку по лесу. Вокруг голов лошадей и самих всадников, подобно светлячкам, роились маленькие огоньки.

Эти всадники казались нереальными, пришельцами из потустороннего мира. Я заметила рога на их головах, перья, крылья. Глаза их были черны, словно непроглядная тьма. Воображение дорисовало знакомые черты. Гэвин, Эван, а за ними женщина с глазами, как розовые лепестки. Сознание отказывалось принимать увиденное, отказывалось верить в его реальность.

Они пронеслись мимо, наверное, меньше, чем

за минуту, но, когда они исчезли из вида, меня колотило и трясло. От пахнувшего на меня леденящего холода, и от какого-то еще непонятного чувства, сродни не то возбуждению, не то ужасу. Я так и сидела там, где упала, — скорчившись под кустом и припав к земле, — пока не умолк стук копыт, и я окончательно не уверилась, что они не вернутся и не станут меня преследовать. Выбравшись из леса, я со всех ног понеслась назад.

Влетев в дом, я бросилась в свою комнату, заперла все двери, которые только можно было запереть — входную дверь, дверь в свою комнату, и наконец, дверь в ванную, где я тут же включила душ. Я стояла, опершись на раковину, хрипло дышала и чувствовала себя так, словно сквозь мои легкие с трудом двигалась тяжелая цепь.

Подняв голову, я увидела в зеркале обезумевшую от страха женщину — руки и ноги покрыты ссадинами и грязью, темные волосы, разметавшиеся по спине, спутаны в колтуны и усеяны веточками и листьями, кожа такая бледная, что глаза кажутся почти черными, как у тех страшных всадников. Пятна грязи на заострившихся скулах и подбородке. Все тело бьет крупная дрожь.

Это все неправда. Такого просто не может

быть.

И в этот момент в дверь постучали.

Я зашипела, растянув губы в хищном оскале, обнажившим зубы, и прижалась к стене.

— Как твоя пробежка?

Марин. Моя сестра. Это точно ее голос.

В ответ я могла издать лишь тихий хрип.

— Имоджен?

Я прокашлялась.

— Отлично. Я просто принимаю душ. — Я согнулась пополам, села, спрятав голову в колени, и сидела так, пока не унялась дрожь.

— Рада за тебя. Ты забыла прислать сообщение, вот я и решила проверить, все ли у тебя в порядке.

— Все замечательно. — Я разделась и встала под душ, тупо наблюдая, как с моей кожи стекают кровь и грязь и исчезают в стоке.

Нет, я не права. Это было на самом деле. И всему этому, наверняка, есть разумное объяснение. Какая-то компания просто решила устроить прогулку по ночному лесу, взяв лошадей с конной фермы неподалеку. А лунный свет и игра теней придали им странный, потусторонний вид. Во всем этом нет, да и не может быть ничего мистического. Все вполне реально и объяснимо. И я не

сошла с ума.

Со мной все в порядке.

В ту ночь мне так и не удалось уснуть. Вместо того чтобы лечь, я стояла у окна, вглядываясь в темноту, пытаясь различить тени преследующих меня всадников, каждую минуту готовая увидеть, как они проносятся мимо.

Я простояла у окна до самого рассвета.

Глава 10

Спустя пару дней после того, как Елена сожгла свои тетрадки, я послала по электронной почте письмо ее наставнице Дженет Томас. Я мучилась сомнениями, прежде чем это сделать — очень уж не хотелось выступать в роли доносчика, а со стороны это выглядело именно как предательство по отношению к Елене. Но я не могла просто пройти мимо и никак не среагировать. Елена, конечно, совершила свой поступок в состоянии нервного срыва, но ведь мы все испытывали нервное напряжение. Неудачные дни и творческие сомнения — неотъемлемая часть нашей жизни.

Тем не менее, Елена, не справившись со стрессом, устроила костер на лужайке перед домом. А я не могла спокойно жить под одной крышей с человеком, который полагает, что «сжечь все дотла» — хорошее решение проблемы.

Утром Дженет ответила на мое послание и сообщила, что у нее после обеда будет окно в расписании, и она сможет «обсудить со мной эту ситуацию». Почти без сил после ночного бдения у окна, я предложила ей встретиться в другое

время. Она в ответ выразила подозрение, что я, вероятно, недостаточно беспокоюсь о Елене, если так легко могу менять время встречи, и заявила, что я поговорю с ней, либо сегодня, либо никогда.

Поэтому я все-таки добрела до ее дома. Домик был маленький и стоял ближе к лесу, чем дома остальных наставников, как будто поссорился с ними и, обидевшись, поднялся вместе с фундаментом и отошел прочь. Он был построен из серых камней, плотно прилегавших друг к другу. У входа росла плакучая вишня, а напротив нее возвышалось тисовое дерево. Дверь украшало витражное окно с дамой в зеленом платье верхом на белом коне.

Я постучала, и дверь тут же распахнулась.

— Входите.

Дженет была высокого роста — наверное, около ста восьмидесяти сантиметров, — в грубых башмаках на низком каблуке. Худощавая, с серебристыми волосами и глазами такими же зелеными, как ее твидовый костюм. Казалось, и ботинки, и костюм явились из прошлого века, но взгляд Дженет был цепким, глаза ясными, а движения точными.

— Я не говорила ей, что собираюсь встретиться

с вами. И не уверена, что скажу. Елена видит в вас соперницу, и сам факт, что мы беседовали с вами, может ее расстроить, — сказала она.

Не слишком обнадеживающее начало.

— Если мой визит к вам может так ее расстроить, то я, пожалуй, пойду.

Она прищурилась.

— Думаю, вам следует остаться.

— Почему?

— Мне любопытно. — Она сунула мне в руку тарелку с печеньем — тонким и, похоже, изрядно приправленным специями.

— Что вы хотите узнать? — Я поставила тарелку на стол.

— Почему вас так беспокоит, что Елена сожгла свои стихи? Разве вам не случается порой зачеркивать строчки, удалять части текста в файле, отправляя, таким образом, слова в небытие? Так почему же их потеря беспокоит вас меньше, чем эти сожженные страницы?

Дженет сидела передо мной в кресле так прямо, что можно было подумать, что под одеждой она носит жесткий корсет. Ее речь звучала неестественно, как будто она старательно пыталась имитировать аристократические манеры, ей не свойственные. Ее слова и жесты казались про-

считанными, выверенными, но не производили должного эффекта. Все это казалось… в лучшем случае, странным. Я невольно испытывала неловкость и внутренний протест, и только теперь начала понимать, почему Елена была в таком отчаянии, что решилась сжечь свои стихи.

— Да, когда я удаляю какие-то фразы, они исчезают навсегда, но это всего лишь часть писательского процесса, я делаю это не со зла, не из желания все уничтожить. Моя цель — улучшить свою работу, а не уничтожить ее совсем. И даже если я должна удалить целый файл нажатием клавиши, я ни в коем случае не подвергаю опасности людей, с которыми живу рядом.

— То есть, вы хотите сказать, что если бы Елена разорвала плоды своих многолетних трудов на мелкие клочки, тихо сидя в своей комнате, вас бы сейчас здесь не было? — Она чуть кивнула головой, соглашаясь с какими-то своими мыслями.

Я чувствовала себя так, будто сижу на экзамене, который, без сомнения, провалю, несмотря на лежащую передо мной шпаргалку. Я просто не собираюсь ее использовать.

— Именно. Скорее всего, я бы не пришла. Возможно, я даже не узнала бы, что она это сделала. Как вы уже сказали, я ей не нравлюсь. Она мне не

доверяет. Мы с ней вовсе не подруги. Я никогда не читала ее стихов, но даже если бы и читала, мне не должно было быть дела до того, уничтожила она их или нет, и я сильно сомневаюсь, что она сообщила бы мне, если бы сделала это.

Знаете, в нашем доме есть камин. И я полагаю, что в комнате Елены имеется мусорное ведро. Но она принялась жечь свои записи на улице, прямо перед нашим домом. Поэтому я имею все основания полагать, что она сделала это намеренно, желая, чтобы кто-то узнал обо всем и остановил ее. Или для того, чтобы кто-нибудь просто побеспокоился о ней, потому что, согласитесь, бросать бумаги в огонь — это какая-то уж чересчур бурная и неестественная реакция на неудачный день.

— Вы правы, — произнесла Дженет. Она положила в рот печенье, потом еще одно. — Вы непременно должны их попробовать. Полагаю, лучше взять подарок, раз уж он предложен.

Я покачала головой. Она хоть и не Белая Колдунья из «Хроник Нарнии», предлагающая рахат-лукум, но для меня ее угощение все равно имело бы привкус предательства.

— Я все еще не понимаю, что я тут делаю. Обсуждение того, что и как я испытываю, когда нажимаю клавишу «Удалить», не принесет Елене

никакой пользы.

— И это мешает вам принять угощение? — Она приподняла бровь. — Я же сказала, что очень любопытна. Правда, теперь, уже в меньшей степени.

Организация работы в «Мелете» — вернее, ее отсутствие — не позволяет мне постоянно следить за ней. Она не имеет передо мной никаких обязательств, как ученица, и у нас нет профессиональных отношений, чтобы я могла воздействовать на ее поведение. Полагаю, она не испытывает ко мне особой симпатии. Мы с ней не близки, да это и лишнее. Я ее наставница, а не подруга, и моя обязанность — просто помогать ей в ее творчестве. Тем не менее, благодарю вас за то, что сообщили мне о ее нервном срыве.

— Хотите что-нибудь еще сказать? — спросила я.

— Нет, — ответила Дженет.

— Тогда я, пожалуй, пойду. — Я так и не притронулась к печенью.

Мне было жаль, что пришлось уйти, но я была уверена, что ничего из того, что я сказала наставнице, Елене не поможет. Мне оставалось лишь надеяться, что своими действиями я не навредила ей еще больше.

— Ну, это несколько необычная ситуация, — подумав, заметила Бет после того, как я в красках описала ей встречу с Дженет. — Я бы, например, сочла неудобным и неправильным обсуждать вас с любым другим учеником «Мелеты». На самом деле, я вообще бы не стала этого делать, если бы только не случилось чего-то действительно ужасного.

Судя по поведению Дженет, та вовсе не считала это происшествие чем-то из ряда вон выходящим. Скорее, она находила это любопытным, и хотела рассмотреть поближе. Она напомнила мне ребенка с увеличительным стеклом в руке. Не уверена, что она и ко мне не отнеслась, как к какому-то жалкому муравью, копошащемуся у нее под ногами, да и к Елене тоже.

— Вы с ней хорошо знакомы? — спросила я. — Я имею в виду, с Дженет.

Бет сидела, потягивая чай. На этот раз из другой чашки, с лиловым цветком, похожим на паука. Такой же украшал блюдце. Я была ей очень благодарна, что она предложила мне кофе в массивной кружке.

— Немного, — ответила она. — Мы разговаривали с ней несколько раз на мероприятиях, здесь в «Мелете», конечно. И она всегда была предельно

вежлива со мной, но мне ее манеры показались какими-то… ненастоящими. Она всегда поражала меня, как человек, который отличается крайним снобизмом, и в то же время пытается скрыть что-то, какую-то внутреннюю неуверенность. Честно говоря, то, что вы мне рассказали про ситуацию с Еленой, вызывает у меня сомнения, может ли она вообще выполнять здесь свои обязанности наставницы. — Бет сокрушенно покачала головой. — Конечно, это сейчас бессмысленно обсуждать. В любом случае, поздно назначать Елене другого наставника.

Несколько минут мы молча пили — она чай, я кофе.

— Ну, а ваша работа как продвигается? — спросила Бет. — Смею надеяться, что вам не пришлось ничего бросать в огонь.

Я выдавила из себя неестественный смешок, чтобы скрыть дрожь, невольно пробежавшую по телу, и подавить фантомную боль, вспыхнувшую в руке.

— Нет.

Я не хотела этого говорить даже Бет, чтобы не сглазить, но дела с моей книгой действительно шли хорошо. После нескольких неудачных попыток написать начало, и еще более неудач-

ных кусков, которые я переписала, мне наконец удалось поймать тональность повествования, и обозначить темы, которые объединят его в единое целое, так что это будет роман, а не сборник рассказов. Это было лучшее из того, что я когда-либо писала, а сам процесс напоминал короткие перебежки по туго натянутому канату. Со мной все будет хорошо, главное не смотреть вниз.

— Вот и отлично. Уничтожение плодов творчества редко помогает справиться с трудностями.

— А вам случалось испытывать подобное отвращение к своим текстам? — спросила я.

— Чтобы захотеть их уничтожить? — Она покачала головой. — Конечно, есть вещи, которые я написала бы сейчас иначе. Но таких мыслей не стоит стыдиться, ведь это обусловлено самой природой писательского творчества. Я в этой профессии уже тридцать лет, и было бы нечестно сказать, что я никогда ничего не хотела изменить, что не могла бы выразить свои мысли лучше сейчас, чем в то время, когда я их писала. Правда, и у меня есть вещи, которые я не хочу перечитывать, потому что они возвращают меня в то время, когда это писалось, к той личности, которой я была тогда, а это не слишком приятные воспоминания.

Она замолчала, явно пытаясь успокоиться, и я отвела глаза, чтобы не быть свидетелем ее переживаний.

— Но это вовсе не означает, что я могла бы уничтожить эти работы, или что я не горжусь тем, что выражала тогда свое видение мира именно таким образом. Все, что мы создаем в прошлом, влияет на наше нынешнее творчество, так же, как прошлая жизнь делает нас такими, какие мы есть сейчас. В конце концов, если твое искусство живо и развивается, только это и имеет значение. И в связи с этим, я вспомнила… — она поднялась со стула, — что у меня кое-что есть для вас.

— Правда? — Я тут же перевела взгляд на книжные полки.

— В «Мелете» существует дополнительная система вознаграждений, на которые вы имеете право, раз уж зачислены сюда. Наставники называют конкретных учеников, чей талант считают исключительным, выдающимся даже по здешним меркам. Вы попали в их число.

— Неужели? — Я крепко прижала руку к сердцу, чтобы оно не выскочило из груди.

— Те истории, которые вы мне прислали после того, как я вела себя так бестактно и даже нарушила наши договоренности, заставив вас

предъявить мне несколько написанных страниц, просто поразительны! Даже в неотредактированном виде. Это честь для меня рекомендовать вас. Вот, держите. — Она вручила мне крохотную коробочку, завернутую в бумагу с греческой буквой «мю», с которой начинается слово «Мелета». Внутри я обнаружила кулон — маленькие песочные часы на серебряной цепочке. — Надеюсь, вы простите меня за нарушение наших договоренностей, когда я потребовала, чтобы вы срочно представили свою работу. Мне надо было понять, на какой вы стадии в работе над книгой, и показать какой-нибудь фрагмент, чтобы рекомендовать вас.

Совершенно ошеломленная, я кивнула, а потом сморгнула наворачивающиеся слезы.

— Конечно. Спасибо вам.

— Это дает вам право на дополнительное время здесь. Вы можете остаться на лето после девяти месяцев, предусмотренных вашей программой. Есть и другие преимущества, так что носите амулет все время в «Мелете». Я так горжусь вами, Имоджен.

Горжусь вами… Я снова и снова повторяла мысленно эти слова, когда шла домой. Это был не первый раз, когда я слышала похвалы своему

литературному таланту. Я продала свои рассказы нескольким журналам, получила хорошие отзывы. И, черт возьми, да я, в конце концов, была принята в «Мелету»! Я знала, что достигла определенного уровня мастерства. Достаточного, чтобы быть уверенной, что не теряю время зря, когда пишу свою книгу.

Если бы меня спросили, я бы ответила, что горжусь собой, потому что усердно трудилась, чтобы все это произошло.

Однако, в детстве, мне приходилось скрывать свое стремление писать. Мать не хотела, чтобы я пряталась в комнате и сочиняла небылицы, и когда она обнаруживала это, последствия были ужасными.

Поэтому сегодня я действительно впервые услышала, как меня хвалят за то, что я написала нечто стоящее. И то, что эти слова произнес не кто-нибудь, а сама Бет, творчество которой значило для меня так много, было вдвойне ценным.

Я хотела написать эти слова большими буквами и повесить их над письменным столом, чтобы они служили талисманом и придавали силы в те дни, когда слова не складывались во фразы, или им не хватало глубины и выразительности. Думая об этом, я так сильно потянула за цепочку

с талисманом, что металл врезался в кожу.

Придя домой, я собралась с духом и постучала в дверь Елены. Она приоткрыла ее на маленькую щелку.

— Чего тебе?

Хорошенькое начало, однако.

— Надо поговорить.

— О чем это? Я не в настроении выслушивать очередную лекцию о том, что надо верить в себя.

— Я сегодня виделась с Дженет.

— Зачем ты это сделала? — Неподдельный ужас в ее голосе поразил меня.

Из-за двери я не видела ее лица целиком, но оно все равно показалось мне крайне встревоженным. Нет, не так. Казалось, она замерла в ожидании удара.

— Я беспокоилась. И сказала ей про твои тетради. Про костер. Она попросила меня зайти к ней, чтобы поговорить. Но там было все так… странно, что я решила, что должны рассказать тебе. Точнее, предостеречь.

Елена зажмурилась и прошептала:

— Нет, только не это.

— Знаю. Мне так жаль! Лучше бы я ей ничего не говорила.

— Да уж. — Она прислонила голову к дверной

раме. — Что-нибудь еще?

— Послушай, Елена. Если тебе что-нибудь понадобится...

— Сверх того, что ты уже натворила? Ты это имеешь в виду? Вот уж нет, спасибо! Я тебе это еще припомню. — Она захлопнула дверь.

Дойдя до середины коридора, я услышала, как что-то с грохотом разбилось в комнате Елены. Помедлив немного, я пошла дальше. Она ясно дала мне понять, что с нее достаточно моих медвежьих услуг.

Глава 11

Когда тем же вечером Марин постучала в мою дверь, она все еще была в одежде для занятий, ее лицо разрумянилось, прядки волос выбивались из пучка на затылке.

— Ты тоже получила мейл от дорогой мамочки или только мне так повезло?

Я кликнула по иконке, вошла в электронную почту и облегченно вздохнула, увидев, что новых писем нет. Я уже научилась не читать их, но даже при виде ее имени в почте у меня начинали путаться мысли, появлялось ощущение, что я поймана в западню, и у меня тут же случался приступ паники. Словно начинался обратный отсчет, который должен непременно закончиться ее появлением на пороге.

— Ничего нет. На этот раз она осчастливила только тебя. Ты прочитала письмо?

— Да. Очень содержательное. Представляешь, я, видите ли, теряю тут время — как там она это сформулировала? — «прозябаю в забвении» черт-те где, в то время как моя труппа выступает с балетом «Жизель», и мне больше никогда не

дадут никакую роль, так как все обо мне забудут к июню, когда закончится мое здесь торчание. К тому же, я буду на год старше, а всем известно, что время делает с карьерой танцовщицы, разве не так? — Марин расхаживала по комнате, сопровождая слова преувеличенно театральными жестами для пущего эффекта.

— Единственное, чего она не упомянула, так это того, что я здесь толстею, хотя она, наверное, сочла это недостойным внимания на этот раз, учитывая, что я, когда вернусь отсюда, все равно буду старой, никому не известной балериной, которой не светят никакие ангажементы.

— Гляжу, на этот раз она оторвалась по полной, даже по сравнению с ее обычными нападками. С тобой все в порядке?

Наша мать была мастером нанесения душевных ран, которые подобно порезам от отравленной бумаги, поначалу кажутся пустячными, но имеют обыкновение долго не заживать и гноиться. У нее также была удивительная способность точно выбирать самые уязвимые места, чтобы было как можно больнее.

— Ничего, справлюсь. Она такая, какая есть, и я давно уже не жду от нее ничего другого. Просто она ведь в какой-то степени права, понимаешь?

Возможно, после того, как я уеду отсюда, мне действительно некуда будет возвращаться. Я стану на год старше, и к тому времени меня уже целый год не будет на сцене. Даже почти полтора года, учитывая расписание спектаклей. — Она плюхнулась на кровать. — Если я не найду работу к тому времени, как вернусь отсюда, можно будет сказать, что я уже станцевала свою последнюю партию.

Я прилегла рядом с ней.

— А ты спрашивала Гэвина, что он думает о перспективах твоей карьеры?

— Гэвин утверждает, что Национальный театр балета непременно меня пригласит, особенно когда они увидят, как мы танцуем в паре. И это будет огромный шаг вперед по сравнению с тем положением, в котором я была до приезда сюда. Таким образом, осуществится моя мечта. Если рассуждать логически, я с ним согласна — я никогда в жизни еще не танцевала так хорошо, и я сама чувствую, что мой танец стал совершеннее. Но, понимаешь… Это все она! Она словно чувствует, что я счастлива, и хочет все испортить. — Марин сжала виски.

Когда она опустила руки, я заметила серебристый отблеск на ее шее.

— О! И у тебя есть этот кулон, — сказала я, вытаскивая амулет в виде песочных часов из-за выреза блузки.

Марин прижала руку к своему амулету.

— У тебя тоже? Как здорово! Я так надеялась, что ты тоже его получишь! Правда, сейчас я в сомнении, испытывать ли мне по поводу этого восторг — ведь, это означает признание моего таланта, или же расстраиваться из-за того, что я еще больше времени проведу вне сцены, если соглашусь принять его. А я этого очень хочу. Мне нравится заниматься самостоятельно, давая волю воображению. Я даже начала работать над своей собственной хореографией, хотя раньше никогда не думала, что способна на такое, и это, несомненно, позволит расширить возможности карьеры и продлить мою жизнь в балете. Но я не могу отделаться от страха, что время уходит, я как будто слышу постоянное тиканье часов.

— Ты же сама сказала, что знаешь ее как облупленную. Так не позволяй ей отбирать у тебя твое счастье, — сказала я. — Доверься Гэвину. Если бы он считал, что «Мелета» навредит твоей карьере, он бы прямо посоветовал тебе уехать. Подумай сама, насколько губительно скажется на его собственной репутации тот факт, что ты не

сможешь получить достойную работу после того, как отзанималась с ним целый год.

— Ты права, — сказала Марин. — Конечно, права. Хотела бы я, чтобы она перестала действовать на меня таким образом. В смысле, я знаю, что она уже не может причинить мне вреда, и все же…

Фантомная боль пронзила мою руку.

— Понимаю.

Она посмотрела на потолок.

— Вижу, ты действительно повесила звездочки.

— Как же я могла этого не сделать? — удивилась я.

— Ну, может, ты сказала это, чтобы просто меня порадовать. Я и в самом деле рада, что они здесь, — сказала она.

И мы еще некоторое время сидели вместе и молча любовались неподвижными звездами.

Жили-были две сестры. Старшая была черноволосая, с умом, острым как нож. У младшей были золотые, как солнце, волосы и очень мягкое сердце.

Мать подарила младшей сестричке пару волшебных туфелек. Когда она надевала их и принималась танцевать, то становилась прекраснее звезд на небе. Но, как и за любое волшебство, за

чудесные туфельки надо было платить, и она платила — красной солью крови и белой солью слез.

Мать убедила младшую сестру, что она красива, только когда танцует. Ее слова сочились ядом, но девочка так хотела быть красивой, ей так нравились изящные туфельки, что она никогда не хотела их снимать.

И тогда старшая сестра призвала весь свой ум, острый как нож, и направила этот нож на себя, рассекая свою душу, пока не нашла своего истинного предназначения. Она рассказывала историю за историей, пока мать, которая ненавидела правду, не избила ее, чтобы заставить замолчать. Девочка не подчинилась ей. Такие истории не выносят молчания, они продолжают говорить, даже если ты платишь за это кровью.

Красная соль крови. Белая соль слез…

Младшая сестра бесконечно танцевала, а старшая рассказывала ей истории, и со временем волшебные туфельки перестали причинять ей боль. Младшая сестричка воплощала истории старшей в танце, ведь она уже расплатилась за свое искусство слезами и кровью, и осталась лишь магия в ее чистейшем виде. С помощью магии они сумели убежать от жестокой матери и оказались в чудесном месте, где она уже не имела

власти над ними.

Они сумели выжить.

Я положила ручку и оттолкнулась от стола, от воспоминаний, которые воплотила в книге.

Я никогда не спрашивала Марин, что она говорила себе, чтобы сохранить рассудок. Какой конец она придумала для нашей детской сказки, чтобы мы смогли уцелеть и стать взрослыми.

Возможно, я задала бы ей этот вопрос, если бы осталась дома. Может, смогла бы поведать ей свою историю, если бы между нами не лежали годы молчания. Но есть в мире правда, которая ранит не только того, кто осмеливается говорить о ней, но и того, кто слушает. Порой лучше не бередить старых ран.

Тогда для меня имело значение только одно — выжить любой ценой. Моей сказке не суждено было закончиться традиционной фразой: «И жили они долго и счастливо».

Желанным финалом для меня было просто остаться в живых.

День был пронизан золотым свечением, достойным пера Брэдбери. Наступила осень. Я собрала рюкзачок и отправилась в лес, чтобы поработать на свежем воздухе. Не так уж много

теплых дней впереди, и я хотела воспользоваться любой возможностью.

Пройдя через кампус, я отправилась не в ту часть леса, куда обычно забегала во время пробежек, а к реке Морнинг. Берега ее были соединены многочисленными мостиками, словно скобками, под которыми река несла свои быстрые воды, увлекая за собой пестрые опавшие листья.

Ветер обрывал остатки листвы с деревьев, листья кружились в воздухе и, шурша, опускались на землю. Сквозь обнажившиеся ветви деревьев я увидела мост, менее причудливый, чем остальные. Мне показалось, что это идеальное место для работы, и здесь мне вряд ли кто-нибудь помешает, в отличие от, например, Моста Поцелуев, куда наведывались все парочки «Мелеты», чтобы увековечить свою любовь в виде отпечатков губной помады на камнях. Или миниатюрной копии акведука Пон-дю-Гар, перекинутого через реку в самом глухом уголке леса. Последний получил название Моста Желаний, так как обитатели кампуса приходили туда, написав свои заветные желания на бумажных корабликах, поджигали их и пускали в реку. Считалось, что желание сбудется, если кораблик успеет сгореть, пока его или гадателя никто не увидит.

Я прошла по берегу Морнинг к каким-то каменным развалинам, видневшимся неподалеку. Это место находилось в излучине реки и было надежно скрыто в сени деревьев.

Развалины старого моста поднимались из прибрежной земли, словно выросли здесь сами по себе. На самой высокой точке мост обрывался. Разлом был зубчатым, словно часть моста обрушилась в реку, но в воде не было видно никаких каменных обломков, так же как и на противоположном берегу не было ни следа обрушившихся конструкций. Просто половина моста и все.

Ветер усилился, на речных волнах вскипали барашки. Листья срывались с деревьев, как будто осень уже подходила к концу, неся предзимнюю непогоду. Я натянула на себя толстовку, которую благоразумно запихнула в рюкзак, и, когда сдвигала с головы капюшон, утраченная часть моста мелькнула передо мною. На другой стороне речки тоже был лес, но деревья в нем были еще темными и зелеными, совершенно не тронутыми осенними красками. Мое сердце отчаянно забилось. Я словно вспомнила этот лес, эти деревья, хотя никогда там не была. В голове раздалось эхо стука лошадиных копыт.

На опушке этого леса стоял человек с таким

удивленным выражением лица, словно сам не знал, как здесь оказался.

Это был Эван.

Я позвала его.

Резкий порыв ветра хлестнул меня по лицу, затуманив зрение. Я моргнула несколько раз, и все стало на свои места. «Мелета», погруженная в яркий осенний день, и я совершенно одна на мосту, который обрывается на середине. На другой стороне реки лишь лес, подернутый красками осени. Пестрые листья трепещут на ветру. Эвана не было и в помине. Я осторожно прошла по мосту, до самого края. Наклонившись, дотронулась пальцами до камней, и потом осторожно вытянула руку вперед.

Пальцы замерли в воздухе. В пустоте.

Осторожно ступая, я спустилась с моста. И вновь посмотрела на противоположный берег. Ничего не изменилось. Он был по-прежнему пуст.

Ветер усиливался, небо быстро темнело, но я, рискуя попасть под дождь, все же сделала небольшой крюк по пути домой, чтобы пройти мимо студий художников. Металлические деревья, созданные Эваном, казались призраками в темных окнах его студии. На стук никто не отозвался. Я не осмелилась проверить, заперта ли дверь,

явившись без приглашения. И слова вроде «Привет, как дела в этот прекрасный вторник? А мне только что почудилось, что я видела тебя в лесу» показались мне не лучшим началом разговора, если бы он вдруг оказался дома.

Дождь обрушился с небес вперемешку с градом, словно обозлившись на меня. Я потуже затянула рюкзак, чтобы не намок блокнот, и опрометью бросилась домой.

Меня ждало письмо от Эвана — слегка заляпанное грязью и мокрое от дождя.

Он снова украсил конверт рисунком. На сей раз это был лес и бредущая через него пара влюбленных, державшихся за руки.

Дорогая Имоджен,

Мой металлический лес будет выставлен на Ночной ярмарке перед Хэллоуином. Надеюсь, ты согласишься прийти туда.

Эван

Эван должен был прийти на Ночную ярмарку пораньше, чтобы контролировать размещение своей экспозиции, поэтому я спросила Марин, не хочет ли она пойти туда со мной.

— Я в этот вечер буду работать с Гэвином, поэтому мы придем туда потом вместе. Там мы и

увидимся. И вот еще что! Гэвин сказал, что надо носить свой амулет так, чтобы его было видно. Особенно на Ярмарке, — сказала Марин, вытаскивая из-под блузки цепочку с песочными часами.

— Почему?

— Это своего рода тайный знак. Увидев его, люди будут относиться к нам «по-особенному», уж не знаю, что это означает.

— Забавно, однако. Мне всегда хотелось быть членом тайного общества. Ладно, увидимся на Ярмарке.

Переодеваясь к вечеру, я проверила, чтобы амулет свисал над шарфом, который я повязала вокруг шеи. Было довольно прохладно, даже щеки замерзли, и я плотнее закуталась в шарф. Уже сгущались сумерки. В небе мерцали звезды, летучие мыши как темные молнии носились между деревьями. Я остановилась и некоторое время стояла в радостном предвкушении чуда, позволяя магии ночи наполнить меня.

Я услышала музыку еще до того, как показались огни Ночной ярмарки. Это была старомодная

мелодия, словно играли на каллиопе[11]. Такие мелодии обычно слышишь на каруселях. Вдоль дорожки в этот раз горело больше костров, чем раньше, гирлянды фонариков, натянутые между деревьев, светились теплым оранжевым светом, словно все вокруг было поцеловано огнем и выглядело очень по-осеннему. Когда я вошла на ярмарочную площадь, вечерний воздух колыхался, переливаясь, как елочная мишура.

У входа стоял ларек, где продавались сладости из кленового сиропа в виде фигурок фантастических зверей, которых скорее можно встретить в бестиарии, чем в кондитерской лавке. Я выбрала грифона, василиска и единорога.

— Сколько я вам должна? — спросила я женщину, вручившую мне пакетик со сладостями. Вокруг шеи ее вилась татуировка в виде цепочки из языков пламени.

— Ничего не должны.

— То есть?

— На вас амулет с песочными часами, поэтому примите это в подарок.

---

[11] Примечания: 11

Каллиопа — паровой орга́н, использующий локомотивные или пароходные гудки. Первоначально этот музыкальный инструмент предназначался для замены церковных колоколов, но наиболее часто использовался на пароходах и в цирках для завлечения посетителей.

Моя рука невольно потянулась к амулету. Так вот что имел в виду Гэвин, говоря, что к нам будут относиться «по-особенному».

— Спасибо, — улыбнулась я.

Она кивнула, и когда я уходила, все смотрела мне вслед.

Как оказалось, мне вообще ни за что не давали платить. Коллекция ароматов, продававшаяся на предыдущей Ярмарке, снова была здесь, и мне подарили флакончик, который благоухал, словно концентрированная осень — густой, темный запах жирной, влажной земли и прелой листвы. И все это сдобрено теплыми нотками собираемого урожая и едва заметным металлическим привкусом наступающей зимы.

— Вы окажете нам честь, если примете в подарок этот аромат, — сказал мне продавец. Волосы его были того же кричащего цвета бушующего пламени, что и листья на деревьях.

— Вы уверены?

— Ну, пожалуйста! — Он вложил флакон мне в ладонь и сжал мои пальцы вокруг него.

Я немного помедлила, а потом решила выпить горячего шоколада. Мне было неловко получать такие подарки. Казалось, я их не заслуживаю. Я уже боялась смотреть на что-либо с интересом,

ведь кто-нибудь обязательно предлагал мне это в дар. Ну, по крайней мере, заказав горячий шоколад, я смогу оставить чаевые, чтобы смягчить неловкость, которую я испытывала в этой ситуации.

Но девушка, продававшая шоколад, решительно закрыла рукой коробку для чаевых.

— Мы не возьмем у вас никаких денег! Это непозволительно, раз на вас амулет с песочными часами. Понимаете, брать деньги с таких людей плохая примета.

— Плохая примета? — спросила я.

Она кивнула.

— Нам заплатят иначе. Никаких денег!

— Ну, в таком случае, большое спасибо.

Надо будет при встрече спросить Гэвина, что именно символизируют амулеты. Очевидно, все же нечто большее, чем просто дополнительное время в «Мелете», как сказала мне Бет.

Странная карусельная мелодия зазвучала громче. Продавцов со всевозможными товарами было намного больше, чем в прошлый раз. И места ярмарка занимала больше, чем прежде. Я подумала, что торговые ряды, вероятно, протянулись до самых студий. Я брела сквозь толпу, — кое-кто уже был в костюмах для Хэллоуина, — в поисках

источника этих звуков.

Одно из деревьев Эвана стояло почти в центре Ярмарки. Остальные рядами расходились от него. Словно деревья бродили среди людей. В темноте они выглядели еще более дикими, подсвеченные огнями костров и светом фонариков. Словно останки древнего леса, изгибающиеся и тянущиеся к небесам, и тени, отбрасываемые ими в бликах пламени, воспринимались как часть замысла скульптора.

Деревья были расставлены так, чтобы образовать тропинку, уводящую вдаль от огней и ярмарочной толчеи. Идя по ней, можно было живо представить, что направляешься в какое-то тайное место, фигуры людей, встречающихся на пути, казались персонажами странного спектакля, порожденного чуждым нам разумом. Это был словно проход в Нарнию, Страну чудес, или какое-либо другое волшебное место, спрятанное в глубине пространства и невидимое для реального мира. Бархатные платья казались сотканными из розовых лепестков, за спинами людей трепетали крылья, так искусно прилаженные, что не видно было сочленений. Каждая деталь казалась еще одной каплей, еще одним едва заметным шагом, приближающим к запредельности, лежащей за

краем мира.

Тропинка закончилась и передо мной открылась целая роща металлических деревьев, где игра света порождала фантастические тени. В центре рощи кружилась карусель.

Это было сказочное зрелище! Металлические животные — вставшие на дыбы кони, крадущиеся кошки, дракон, извивающийся и бесконечно мудрый. Они чем-то напоминали деревья, но были менее абстрактными и выглядели почти как живые и, казалось, можно услышать биение их металлических сердец. В неровном свете фонариков создавалось впечатление, что они дышали, медленно двигаясь по кругу.

Я застыла в немом благоговении.

— Ну как, нравится? — раздался голос Эвана.

Я была так зачарована каруселью, что даже не заметила его, пока он не подошел ко мне почти вплотную.

— Это все твое?

Он кивнул, явно преисполненный гордости.

— Это просто… что-то необыкновенное! Мое восхищение может быть сильнее только в одном случае — если я смогу прокатиться на ней.

— Когда появится Гэвин, сможешь.

— Ты серьезно? — Я обрадовалась, как ребенок.

— Абсолютно. — Эван улыбнулся в ответ, и в этот момент я порадовалась уже тому, что мое детство осталось позади.

— Значит, это тот самый проект, над которым ты работал? Я имею в виду, который он тебе заказал? — Я пыталась увязать этот оживший бестиарий с тем, что знала о Гэвине.

— Да, это часть того заказа. — Он не отрывал взгляда от своего творения, явно им любуясь.

— И что он собирается делать с этим сооружением?

Гэвин, когда не преподавал в «Мелете», жил в Нью-Йорке, где танцевал в Национальном театре балета. Карусель не тот предмет, который можно легко разместить в городской квартире.

— Я не могу выбалтывать его секреты. Даже тебе.

— Надо же, какой ты правильный, — поддразнила его я.

Эван смотрел мне в глаза с самым серьезным видом и молчал.

Потом появились Гэвин и Марин. Гэвин обошел вокруг карусели и остановился перед Эваном.

— Это даже лучше, чем я надеялся. Великолепно!

Эван кивнул, спокойно принимая похвалу.

Мужчина в маске Зеленого человека[12] снял цепочку на входе на карусель, словно древний страж леса, дающий нам позволение пройти в его владения, и Эван подсадил меня на одного из диких вздыбившихся коней. Поводья были из красного шелка, и я ухватилась за них, когда карусель пришла в движение. Вначале она вращалась медленно, потом все быстрее и быстрее, и у меня начала кружиться голова. От скорости другие всадники приобрели расплывчатые, почти неразличимые очертания, пока мы все не превратились в сказочных существ.

Голова продолжала идти кругом, даже когда смолкла музыка, и мы сошли с карусели. На этот раз потому, что руки Эвана играли моими волосами, цепочкой на моей шее, а его губы прижались к моим. Первозданная природа, тепло его тела и магия ночи.

Но он не был магическим существом. Он был мужчиной из плоти и крови, я могла ощущать его тело в объятьях, и цеплялась за него, как за единственную связь с реальностью. Я прервала

---

[12] Примечания: 12

Зеленый человек — мотив в искусстве раннего Средневековья. Возможно, дух произрастания и плодородия, чьи образы встречаются в легендах и сказках, а также в каменных изображениях на стенах церквей и других зданий: человек, изо рта (а иногда и из ноздрей, щек, уголков глаз) которого растут листья.

поцелуй, чтобы успеть прошептать: «Пойдем ко мне, прямо сейчас», и услышала, как он ответил «Да».

Казалось, мы добирались до моего дома целую вечность. Мне хотелось схватить Эвана за руку и побежать, или повалить его на траву и прижаться к нему всем телом.

Я этого не сделала.

Мы шли медленно. Так, как будто страсть не разрывала наши тела. Как будто ничего особенного не происходило между нами, и пронизанный тишиной ночной воздух, сквозь который мы двигались, не давил своей тяжестью на мою кожу, и даже это не могло заглушить тяжелого стука сердца, которое рвалось из груди. Как будто в нашем распоряжении была целая вечность, и мы никуда не спешили, как будто в моей крови не пылал огонь, способный сжечь дотла все вокруг.

Мы вошли в переднюю дверь, заперли ее и так же медленно поднялись на три лестничных пролета до моей комнаты.

Дверь захлопнулась.

Я толкнула Эвана к стене, целуя его так, словно он был воздухом, необходимым мне для жизни. Одежда летела на пол. Никаких прелюдий, мы так спешили! Его горячее тело сверху. Его пальцы

внутри меня… Я сжала зубы на его плече, кончая, и он закричал вместо меня.

Простыни сминались и скручивались под нашими телами. Я коснулась губами шрамов, которые железные деревья оставили на его коже. Мы перекатились, он обнял меня, сжимая крепче и крепче, когда я позволила ему войти в меня. Я двигалась, оседлав его, прогибаясь в спине. В последний момент его израненные пальцы снова заскользили по моему клитору, и меня снова накрыло оргазмом.

Я рухнула на него, дрожа, и мы уснули, не размыкая объятий.

Краешек неба едва порозовел от восходящего солнца, когда он разбудил меня поцелуем.

— Мне пора идти.

Он уже был полностью одет.

— А если я уговорю тебя опоздать? — Я села в постели, простыни смятыми волнами собрались вокруг моей талии.

Он прикрыл глаза, лицо дрогнуло, как от боли.

— Если бы только это было возможно.

— Ладно, — сказала я. — Тогда желаю тебе доброго утра.

— И тебе доброго утра, Имоджен. — Дверь за ним закрылась.

Глава 12

Когда я, наконец, спустилась вниз на кухню, чтобы выпить кофе, Ариэль уже была там.

— Вот это я понимаю, воронье гнездо на голове! Должно быть, секс был потрясный, да, Имоджен?

Моя рука невольно потянулась к спутанной копне волос. Я почувствовала, как мое лицо заливает краска, и оно становится похожим на клубнику. Неважно, что я не испытывала ни стыда, ни смущения — из-за цвета лица у меня всегда был вид краснеющей по малейшему поводу девственницы. Я налила в кружку кофе.

— Да уж, секс был классный!

— Здорово! — продолжала Ариэль. — Значит, собираешься сегодня ночью на праздновании Хэллоуина снова позволить ему напугать тебя так, чтобы трусики сами с тебя соскочили?

— Нет, я сегодня занята.

Она усмехнулась.

— Да ладно!

Но я не лгала, и это было совсем не то, что подумала Ариэль. За неделю до Хэллоуина мне пришло письмо на официальном бланке с той

же стилизованной греческой буквой «мю», что и на бумаге, в которую Бет завернула мой амулет в виде песочных часов. Там были подробные инструкции в отношении празднования Хэллоуина на центральной площади. Исключительно для тех, кто попал в число избранных, как говорилось в письме. После того, как все на Ночной ярмарке реагировали на мой амулет, я еще в большей степени укрепилась в своих подозрениях, что меня собираются вовлечь в некое тайное общество. И это, честно говоря, меня очень даже обрадовало.

День клонился к вечеру, а я никак не могла сосредоточиться на работе. В конце концов, я смирилась с тем, что, скорее всего, придется переписывать каждое слово, написанное сегодня, и отправилась на поиски Марин.

— Ты готова? — спросила она.

— Почти, — ответила я. Письмо было весьма туманным, и не сообщало почти никаких подробностей, за исключением места и времени встречи. А я не особенно люблю сюрпризы.

Я была весьма опечалена тем, что у меня не будет шанса покрасоваться на Хэллоуин в костюме Сьюзен Пэвенси. Я приготовила костюм старшей из королев Нарнии, плюс помада, чулки и веер из пригласительных открыток. Но при-

шлось одеться более практично. Итак: джинсы, ботинки, куртка. Марин была одета так же, с той лишь разницей, что ее куртка была флисовой, а моя кожаной. Мы выглядели как люди, идущие куда-то вместе.

Проходя по территории «Мелеты», мы видели, как люди веселятся, празднуя Хэллоуин. Некоторые не упускали возможности оторваться по полной.

— Смотри-ка, это ведь Айзек! — Марин помахала рукой добродушного вида парню, тело которого было разрисовано, как лоскутное одеяло, словно было сшито из отдельных кусочков. Он был привязан к некоему подобию лабораторного стола, водруженному на крышу дома. На него время от времени падали пульсирующие вспышки света. Айзек помахал ей в ответ и послал воздушный поцелуй.

— Отлично выглядишь! — крикнула ему Марин.

Мы прошли через кладбище, окутанное зловещим туманом, и отступили, когда мимо на полном скаку пронесся *всадник без головы*.

— Думаю, в данном случае не всадник понукает лошадь, а наоборот, — заметила я.

— Похоже, ты права, — Марин рассмеялась. —

Кстати, если уж речь зашла о лошадях, я пыталась отыскать вас с Эваном вчера вечером. Хотела сказать ему, как мне понравилась карусель! Но вы, как оказалось, были слишком поглощены друг другом. А потом и вовсе куда-то исчезли. Все хорошо?

— Все отлично, — улыбнулась я.

— Рада слышать, — сказала она. — С нетерпением жду выступлений Елены на тему твоего недостойного поведения и низких моральных устоев.

— Она это может, но моя спальня все-таки на третьем этаже.

— Ну расскажи же мне, как все было!

Я рассмеялась. И весь оставшийся путь мы беспечно болтали, обмениваясь новостями. Самый обычный разговор двух сестер. Так разговаривают люди, живущие бок о бок. Люди, чьи жизни постоянно пересекаются, но все же в глубине души каждого есть свои тайники и запретные территории. Это было просто чудесно. На сердце было так тепло, что я чувствовала себя абсолютно счастливой.

— Вот этого я и хотела, когда ехала сюда, — сказала я. — Иметь возможность снова с тобой общаться. Чувствовать, что все у нас нормально.

Марин кивнула.

— Может, нам стоит подумать о том, чтобы подыскать какое-нибудь местечко, чтобы поселиться вместе. Я имею в виду, когда мы должны будем уехать из «Мелеты». Если ты захочешь, конечно.

— Мне бы этого очень хотелось, Марин, — ответила я.

Мы уже дошли до центральной части поселка, которая разительно изменилась по сравнению со вчерашним вечером. Нигде никаких следов Ночной ярмарки. На деревьях не было праздничных фонариков, лишь холодные белые звезды мигали сквозь ветви деревьев.

Но карусель, созданная Эваном, так и стояла в центре площади. А вокруг были лошади! На мгновение в моей памяти промелькнуло видение как я, не разбирая дороги, несусь по ночному лесу. Как с треском ломающихся ветвей и стуком копыт передо мной проносится фантастическая кавалькада. Ощущение, что меня преследуют, и я всего лишь добыча на этой дикой охоте. Я потрясла головой, чтобы мысли прояснились, и снова взглянула в сторону карусели.

— Смотри, там Елена, — сказала Марин. — Вот уж не ожидала увидеть ее здесь!

Я тоже была удивлена. Помнится, во время нашей первой встречи она вывалила на меня все свои достижения в поэзии, перечислила все изданные сборники. Если кулончик в виде песочных часов был, как сказала мне Бет, знаком того, что мы входим в число самых одаренных обитателей «Мелеты», она, без сомнения, поспешила бы всем растрезвонить, что она его тоже получила. Она уже сидела в седле и явно чувствовала себя неловко. Бет и Дженет тоже были в группе всадников. Бет улыбнулась и кивнула, когда увидела нас. Взгляд Дженет равнодушно скользнул по мне, словно мы были незнакомы.

Стоя чуть поодаль от них, нас встречал Эван, одетый сказочным принцем. Голову его венчал обруч из потемневшего от времени серебра.

— Жаль, не знала, что можно надеть маскарадные костюмы, — улыбнулась я ему.

— Покажите мне ваши амулеты, — сказал он холодным официальным тоном, как будто и не было вчерашней ночи, когда он едва не сорвал серебряную цепочку с моей шеи. Он внимательно рассмотрел оба наших кулона и подвел нас к карусели. Мне достался вороной конь — черный, как ночь, а Марин — белый, как лунный свет. На них были кожаные седла, серебряные уздечки и

широкие поводья из алого шелка.

— Что происходит? — спросила я.

— Узнаешь, когда придет время. — Его лицо было непроницаемым, и по голосу тоже ни о чем нельзя было догадаться. Он помог мне сесть в седло, тут же развернулся и ушел.

— Эван! — крикнула я ему вслед, и заметила, что он вздрогнул при звуке моего голоса. Похоже, он меня услышал, но не обернулся.

Смущенная, обиженная, полная недоумения, я попыталась найти Марин, но не могла пробиться сквозь толпу людей и лошадей. Мой конь пританцовывал на месте, подергивал ушами и фыркал — было заметно, что он нервничает. Похоже, ему это все тоже не нравилось. Как и мне.

Люди все прибывали. Площадь была полна лошадей, почти на всех сидели всадники. Было необычайно тихо для такого сборища, словно все присутствующие боялись нарушить молчание. Люди не болтали между собой, не было слышно шуток. Я осмотрелась вокруг, пытаясь понять, узнаю ли кого-либо еще из присутствующих. Там была Анджелика, наставница Ариэль, хотя самой Ариэль не было видно. Чуть поодаль в одиночестве стоял Гэвин. Он смотрел на Марин. Только на нее.

Многие были в костюмах, словно сошедших со страниц сказок — гротескных, жутковатых и странных. Я заметила Зеленого человека, который пропустил нас на карусель вчера ночью, но на сей раз он не только носил маску — все тело его было покрыто листьями, сквозь него прорастали ветви и лозы, а башмаки были сделаны из коры. Вот кто-то невообразимо прекрасный, в костюме из частей сломанных безделушек, осколков стекла, чашек и деталей часов. Вот женщина, кожа которой была сплошь покрыта светящимися надписями.

— Не надо меня читать, — сказала она, ударяя лошадь коленями, чтобы та двинулась с места. — Ваши глаза все равно изменят конец повествования. — Буквы на ее теле постоянно менялись, когда она отъезжала.

Голова моя шла кругом. Я сидела в седле, словно пьяная.

Эван теперь тоже сидел на коне — белом, как высохшая кость. Низко и протяжно протрубил рожок, и эхо его зова донеслось до нас словно из места, лежавшего вне времени и пространства. Гэвин прошел сквозь толпу лошадей, которые при этом расступились, и поднялся на карусель. И тут я заметила то, на что не обратила внимание

прошлой ночью. У карусели не было ни мотора, ни шестеренок, ни иных механических деталей, которые позволяли бы ей двигаться. Она должна была бы быть полностью неподвижной.

Но это было не так.

Карусель медленно крутилась в сторону, противоположную той, в которую шел Гэвин. Тени льнули к металлу скульптур, наполняя их, придавая им завершенность. Наши лошади тоже начали двигаться — живая спираль вокруг вращающейся карусели.

Все быстрее и быстрее.

Рожок снова протрубил, и карусель начала вращаться еще быстрее. Гэвин тоже ускорил шаг. Вокруг него сгущались тени. Плащ, ниспадающий с плеч, корона, украшенная рогами, которые высоко поднимались над его головой.

Лошади, окружающие карусель, теперь скакали галопом, все быстрее и быстрее с каждым кругом. И с каждым поворотом карусели ночной пейзаж становился все менее узнаваемым. Мы вступали

во владения бледных королей и принцев[13].

В воздухе появилась трещина, словно он был разрезан молнией, но не ослепительно яркой, а лишь слегка светящейся. Гэвин оседлал одного из металлических коней, и тот сорвался с карусели, перепрыгнув через наши головы. Он опустился рядом с Эваном, увенчанным серебряной короной. На голове Гэвина были оленьи рога, которые, казалось, росли прямо из висков, а сам он был окутан тенями и магией.

Воздух задрожал. Снова раздался звук рога, и спираль, которую образовывали лошади, тоже распалась.

Все быстрее и быстрее!

Мы последовали за Гэвином, за его невообразимым конем, порождением искусства и волшебства, а они мчались вперед, обгоняя ветер. Я накрутила поводья на руки, вцепилась пальцами в гриву коня и крепко сжала его коленями. Мы вырвались за пределы «Мелеты». В ветвях деревьев светились огоньки, указывая нам путь,

---

[13] Примечания: 13

Образ из таинственной баллады английского поэта-романтика Джона Китса (1795–1821) «La Belle Dame sans Merci» («Безжалостная красавица»), где рассказывается о встрече безымянного рыцаря и загадочной феи. Заснув, рыцарь увидел «бледных королей и принцев», которые предостерегали его, крича о том, что его захватила в плен Безжалостная красавица.

и я отчетливо слышала звон колоколов даже сквозь грохот множества копыт и оглушительное биение сердца.

Мы проскакали сквозь лес и теперь неслись вдоль берега реки Морнинг, мимо мостиков, соединявших ее берега. Гэвин, за плечами которого, казалось, плащом струилась сама ночная тьма, направил коня к тому самому мосту, обрывавшемуся посредине.

Охваченная паникой, я откинулась назад в седле, резко дернув за поводья. Они обожгли мне ладони, врезавшись в кожу, но лошадь закусила удила и продолжала нестись вперед.

— Скачи вперед, дура! — раздался властный голос женщины, чье тело было покрыто надписями. Она направила своего коня ко мне, и я больше не могла повернуть назад. Копыта зацокали по камням, всадники скакали по мосту, который теперь не заканчивался там, где раньше была пустота.

По ту сторону моста расположение звезд на небе было совершенно иным.

Огоньки на деревьях разгорались все ярче. В темно-зеленых кронах деревьев скрывались какие-то существа. Они протягивали к нам руки, словно заманивая, когда мы проезжали мимо, и я

поняла, что создания, которые прятались в лесу, кричали и звали нас, были прекрасными, странными и совершенно не похожими на людей.

Они были созданы из иной материи. Жутковатые, но, в то же время, невыразимо прекрасные, как преследовавшие меня всадники в масках и странных костюмах. В призрачном свете этого нереального мира они предстали в своем первозданном естестве, явив свой истинный неприкрашенный облик. Кости их соединялись под невообразимыми углами, суставы ясно просматривались под кожей. У них были странные глаза без зрачков. Перья вместо волос, острые клыки, как у змей. Я остро чувствовала исходящее от них неутолимое влечение, неодолимый зов, они тянулись ко мне руками и когтями, едва не сбивая меня с лошади.

Если бы я упала, я бы осталась там навсегда.

Я уже понимала, где нахожусь, хотя и не могла подобрать нужного слова, оно ускользало от меня. Это был Хэллоуин, Самайн[14], окончание одного года и начало следующего, когда границы между мирами истончаются, и разные реаль-

[14] Примечания: 14

Самайн — кельтский праздник окончания уборки урожая. Согласно Оксфордскому словарю фольклора, Самайн для всех народов Британских островов ассоциировался со смертью и сверхъестественным.

ности становятся проницаемыми на некоторое время. До смены сезона.

Мы оказались в волшебном мире, где обитают фейри[15].

Лошади скакали все быстрее и быстрее. Мы проносились через лес, словно ураган. Деревья, вдохновившие Эвана на его скульптуры, росли повсюду. Похожие и не похожие на деревья нашего мира. Они поражали совершенством, и, как ни странно, в них было что-то человеческое, словно в этих тянущихся к нам ветвях были навеки заключены души людей. У меня хватило ума не дотронуться до них в ответ на их немую мольбу, но это требовало усилий.

Фейри прекрасны и обладают непреодолимой силой соблазнения, насколько притягательными могут быть жутковатые существа с когтями и клыками. Это очарование, замешанное на крови и боли. Казалось, по коже бежит электрический ток, а тело сгорает от непреодолимого желания. Я безумно хотела здесь остаться.

Я хотела остаться.

---

[15] Примечания: 15

Фейри — в кельтской мифологии и мифологиях европейских народов общее название сверхъестественных существ (феи, эльфы, сиды, пикси, брауни, баньши, Динни Ши и др.). Всех фейри отличает неземная красота, не обязательно отвечающая человеческим представлениям о прекрасном.

Затем звезды на небе снова поменяли расположение, и мы очутились в привычной вселенной «Мелеты». Мы снова были на мосту, и как только сошли с него, лошади, внезапно охваченные паникой, бросились врассыпную. Прочь от чего-то, лежащего на земле.

Это была Марин. Она лежала на склоне холма — освещенная лунным светом, смертельно бледная.

Я вскрикнула, дернула поводья, и на сей раз лошадь мне подчинилась, — запрокинув голову в знак протеста, она все же остановилась. Я соскользнула с седла, и теперь стояла на земле. Ноги мои подкашивались.

— Марин! Марин, что с тобой?

— Я ею займусь, — Гэвин, все еще в рогатой короне, поднял Марин на руки. — Доставлю ее домой в целости и сохранности. С ней все будет хорошо.

— Да неужели?

Его глаза, налитые бесконечной тьмой, смотрели на меня в упор. Воздух вокруг него колыхался, и я отчетливо чувствовала сильный запах озона, словно после удара молнии, запах магии. У меня защипало в горле. Кем бы он ни был, о какой безопасности можно было говорить в его при-

сутствии?

— Со мной все в порядке, Имоджен. Просто голова кружится. — Голос Марин был тихим, но без единой нотки паники. — Я просто упала, ничего страшного.

Руки Гэвина с невероятной нежностью держали Марин. Она лежала в его объятиях, словно младенец в колыбели. Он бережно прижимал ее к груди, словно желая защитить от всех опасностей мира, а она смотрела только на него.

— Хорошо, — сказала я, и, взяв лошадь Марин под уздцы, как и свою, повела их в сторону кампуса.

Поселок выглядел как обычно. Все в нем казалось привычным, обыденным. Я вернулась в реальный мир, но моя душа скорбела и тосковала. Взгляд жадно искал невидимые образы запредельного. Биение сердца эхом отдавалось в груди как будто в пустом пространстве. Все вокруг выглядело блеклым. Слишком земным.

Я тряхнула головой и моргнула, пытаясь свыкнуться с прежней реальностью.

— Я не такой, — раздался за моей спиной голос Эвана. — Не такой, как они.

— Да? И кто же ты такой? — Я резко повернулась к нему, отпустив коней, которые бросились

к группке сородичей, толпившихся на площади. Лица всадников выглядели обычными и вполне знакомыми. Но не его лицо. Несмотря на то, что это было лицо, которое я целовала, которое прижималось к моей обнаженной коже. Казалось, он все же носил печать неземного. Того, что мой разум постичь был не в силах.

— Я обычный человек. Как ты. Художник, работы которого *они* ценят.

– *Они*, — уточнила я, и это не был вопрос. Я швырнула в него это слово как дуэлянт перчатку.

— Да, *они*, — повторил он. — Фейри. Уверен, что ты понимаешь, о чем я.

— Я поняла, где я их видела, а не то, кем они являются. — Передо мной промелькнуло воспоминание: его рука, сжимающая цепочку амулета, который я должна была обязательно надеть этой ночью, рука, скользнувшая потом внутрь меня.

— Почему именно ты?

— Потому что каждые семь лет «Мелета» платит фейри дань. Одним из нас. И уже почти семь лет я живу в их мире.

Глава 13

Жила-была девочка, которой фея обещала выполнить одно ее желание. Лишь одно-единственное желание, но дававшее ей право получить то, что она хотела больше всего на свете, осуществить свою заветную мечту, которую она хранила в самом потаенном уголке сердца, боясь даже помыслить о ней, даже прошептать вслух.

— Но ты должна быть очень-очень осторожной, и хорошенько обдумать, что ты хочешь получить, — предостерегла ее фея. — Ты должна быть уверена, что очень точно произносишь свое желание. Иначе тебя постигнет разочарование. Или еще более суровая участь.

Девочка была очень умной, она читала много книжек и хорошо представляла опасности, связанные с исполнением желаний. Пожелай вернуть любимую собачку, которая умерла, и вот к тебе во двор является полусгнивший трупик и начинает бегать за тобой, требуя, чтобы ты бросала ему мячик. Пожелай, чтобы все, к чему ты прикасаешься, превращалось в золото, и твоя лучшая подруга станет золотой статуей, едва ты

ее обнимешь. Твое желание ее убьет. Если произнести желание, хорошенько его не обдумав, ты можешь безвозвратно потерять возможность осуществить свою истинную мечту.

Поэтому девочка подошла к делу со всей осторожностью. Она не проговаривала желание вслух, она выжидала, тщательно его обдумывая. Каждый раз, когда в мыслях возникало желание, она взвешивала, как можно его правильно высказать. Каждый раз она просчитывала, не может ли это желание обернуться против нее, превратившись в свою противоположность, стать для нее гибельным. И всякий раз она не произносила ни слова, а просто усердно трудилась, чтобы получить желаемое. Иногда случалось так, что задуманное осуществлялось как бы само собой, и она радовалась этому, продолжая бережно хранить свое заветное желание, словно это была самая большая ее тайна, нечто, дающее ей силу и защиту.

Но однажды она наконец нарушила молчание. Она выпалила свое желание, потеряв голову от любви. Она сказала: «Хочу, чтобы ты любил меня».

Есть что-то невыразимо немилосердное в исполнении желаний. Желание взвешено, измере-

но, признано абсолютным в своей искренности. Не меньше, чем слова, в которых оно воплощено, но и не больше.

Ей суждено было узнать одну простую вещь: даже если кто-то может тебя полюбить, вовсе не обязательно, что он это сделает. Но гораздо хуже знать, что кто-то мог полюбить тебя, но предпочел отказаться от любви.

И все же она пожелала этого всем сердцем.

Я шла вместе с Эваном к его студии, обхватив себя руками, защищаясь от холода, но не холода осенней ночи, а того, что был в моей груди. Эван предложил мне свою куртку, но я отшатнулась от него.

Он отпер дверь.

— Дай мне минутку, пожалуйста.

Он запустил руки в волосы и теперь они выглядели еще более растрепанными, чем обычно, открыл рот, словно желая что-то сказать, но потом передумал и прошел вглубь студии. Раздался щелчок, и загудел обогреватель, чиркнула спичка, пахнуло серным дымом.

— Глазам больно от электрического освещения, когда я возвращаюсь оттуда.

Я кивнула, как будто это было абсолютно нормальным, как будто не было ничего странного в

возвращении из потустороннего мира фейри. Я невольно сжала амулет так крепко, что острые края впились в ладонь. Свежие царапины тут же начали кровоточить. Как ни странно, острая боль притупила переживания.

Теперь я была уверена, что все это произошло на самом деле.

— Ладно, проехали. Поговорим об этом позже. Или никогда. Мне надо домой. Я должна быть рядом с Марин. — Я повернулась к двери.

— Ты ее там не найдешь.

— Что ты имеешь в виду? — Страх запустил свои когти в мое сердце.

— Она с Гэвином. Он поклялся, что позаботится о ней, и выполнит свое обещание. Он не нарушает принесенных клятв.

— Я могу ей понадобиться. Я должна быть рядом с сестрой.

Он рассмеялся. Сухо и резко.

— Ты действительно считаешь, что можешь сделать для нее что-то, чего не может дать ей он?

— Я ее сестра.

— А Гэвин, может, ты не заметила, эльфийский король. И уж конечно, у него гораздо больше возможностей.

— Ладно. Тогда давай все же поговорим об этом.

Объясни-ка мне, — попросила я, гордясь тем, что голос не дрожит и не прерывается. — Расскажи, в чем заключается выплачиваемая «Мелетой» дань, и почему выбор пал на тебя. — Я решила начать с малого и задать пока этот вопрос. По крайней мере, так я смогу уговорить себя поверить в то, что он скажет. Может, мой разум, закипающий от невозможности происходящего, сможет принять ответ.

Он прислонился к стене и прикрыл глаза. Мы сидели на полу на достаточном расстоянии, чтобы не прикасаться друг к другу.

— Между людьми и фейри существует соглашение, — начал Эван. Каждые семь лет один из нас — *избранный* — отправляется в их владения. А потом, вернувшись в реальный мир, эти *избранные* получают успех и славу. Таков непреложный закон. Осуществляются их самые заветные желания. Даже те, которые лежат за пределами их самых смелых мечтаний. Они становятся художниками, чьи творения живут в веках.

— Живут в веках… — задумчиво повторила я.

— Вспомни великих деятелей искусства. Но не тех, чьи работы выставляются сейчас в галереях, чьи книги задерживаются на полках на пару десятилетий. Речь идет о тех, имена которых всегда

на устах. Чьи произведения вызывают споры и трогают душу даже сотню, даже несколько сотен лет спустя! — В голосе его звучала неприкрытая зависть. — Ты знаешь, о чем я.

— Ну, в чем тут подвох? — В сделках с дьяволом всегда есть какая-то хитрая уловка. Так было испокон веков.

— Ну, во-первых, ты должен провести там целых семь лет. Для некоторых, кто попадает в число избранных, этого достаточно, чтобы ответить отказом. У них могут быть любимые, дети… Что-то, что значит для них больше, чем та награда, которую они получат, вернувшись из Волшебной страны. Нечто, что для них важнее искусства. И я не понимаю таких людей.

— Так в чем подвох? — снова спросила я.

— В мире фейри людям трудно жить. Вспомни, что ты чувствовала, когда мы пересекли границу миров.

Исходящая от странных созданий непреодолимая жажда. Убийственное влечение, которое чуть не заставило меня выпасть из седла, голодные щупальца, которые хватали меня. Даже сейчас я чувствовала этот нечеловеческий зов. Марин, распростершаяся на земле, больше похожая на привидение… Я содрогнулась и подтянула коле-

ни ближе к подбородку.

Эван кивнул.

— Да, именно в этом дело. В этом и подвох. Именно такие ощущения они и вызывают, и это стократ сильнее, когда живешь в их мире. И так всегда. От этого нет спасения. Они питаются нашими эмоциями.

— Ты давно вернулся оттуда? — спросила я.

Он запрокинул голову, прислонившись к стене, и некоторое время сидел так, неподвижно глядя в потолок.

— Я еще не вернулся. По крайней мере, мой срок еще не закончился. Ты знакома с работами Тании Арден? — неожиданно спросил он.

Я кивнула головой, не понимая, куда он клонит.

— Она мастер стеклянных скульптур, да? Они отличаются удивительной, почти математической точностью. Они такие причудливые, сложные и яркие. К тому же… — Я помедлила. — Она ведь погибла. Чуть больше семи лет назад. — Кажется, попала в автомобильную аварию. Неожиданная, трагическая смерть.

— Она была моей наставницей, когда я попал сюда в первый раз. Но не только наставницей. Мы стали любовниками. К тому же, она была

королевой фейри.

Ревность запустила острые клыки в мое сердце и наполнила его горьким ядом. Он потерял возлюбленную — талантливого художника, и королеву Волшебной страны в придачу. Я понимала, что глупо испытывать боль из-за его прошлого, но не могла от нее избавиться.

— Это она рассказала мне о договоре, о том, что люди платят фейри дань. Как только я об этом услышал, в тот же момент понял, что непременно хочу попасть туда. После ее гибели это желание стало еще сильнее. Я думал, что жизнь в мире фейри будет некой данью ее памяти. Я думал, что жизнь в том мире, откуда она пришла, среди ее народа, поможет мне легче перенести ее смерть. Но это было не так. Ты не можешь оставаться бесчувственным, когда там находишься, не можешь отключить эмоции, не можешь подавить их, или залить вином, или справиться с ними, изнуряя себя физическими упражнениями или просто забываясь во сне. Фейри жаждут человеческих эмоций, поэтому они там усиливаются до предела, причем это касается каждого, даже самого незначительного переживания. Любая эмоция достигает невиданной силы, словно замыкаясь на саму себя.

В моем случае, им, в конце концов, стало трудно находиться со мной рядом. Мое горе от потери любимой, моя неспособность испытывать другие чувства, стали для них своего рода ядом. Им было бы безразлично, если бы я умер от горя, но после стольких лет рядом, им самим становилось плохо в моем присутствии. Поэтому в этом году Гэвин, поручившись за меня, даровал мне право иногда находиться здесь. Мне позволено время от времени бывать на территории «Мелеты», в течение всего нескольких часов в день или больше, если он сам при этом присутствует, или если я выполняю какую-либо работу по его заказу.

— Понятно, ты работаешь на него, — пробормотала я, вспоминая карусель, которая своим чудесным вращением проложила нам дорогу в мир фейри, вдыхая магию в металлические фигурки, превращая их в жутковатые, фантастические существа, породила скакуна для их повелителя. Металлические деревья, простирающие свои причудливо изогнутые ветви в замкнутом пространстве его студии, которые при игре теней, отбрасываемых колеблющимся пламенем свечей, выглядели так, словно их шевелил нездешний ветер.

Ветер Волшебной страны.

Ну нет, с меня хватит! Я ущипнула себя за запястье, напоминая себе, где нахожусь. Здесь и сейчас. А не в том запредельном мире.

— Подожди-ка. Получается полная бессмыслица. — Я встала и принялась ходить по комнате, удаляясь от него все больше. — Как ты можешь создавать металлические скульптуры для него? Ведь фейри не переносят металла, и всем известно, что холодное железо действует на них, как отрава.

Эван покачал головой.

— Если ты не заметила, у Гэвина нет никаких проблем с переходом в наш современный мир со всеми его технологиями, где полно металлических вещей.

— Но ведь во всех легендах об этом говорится!

— Ну, может, у отдельных представителей этого племени и бывает что-то вроде аллергии на металл… Тания частенько смеялась над всей этой ерундой, смехотворными предрассудками, в которые верят люди. Например над тем, что фейри называют *маленьким народцем*, и тому подобным. Она говорила, что эти небылицы помогают им оставаться неузнанными в человеческом мире, ведь никто не верит в то, что это возможно. — Он наклонился вперед и поморщил-

ся, прикрывая глаза от света, потом продолжил.

— Моя работа над каруселью и то, как ее использовали… Это была возможность для Гэвина обойти правила, которым он обязан следовать. Но мне трудно оставаться здесь, даже с его помощью. Волшебство, позволяющее нам находиться в ином мире, сопротивляется, когда идут против него. Последствия могут оказаться весьма серьезными. Я чувствую, как меня тянет назад.

— Значит, это все же был ты. На берегу, по ту сторону моста.

Он кивнул.

— Это место, куда я обычно прихожу, чтобы попасть в наш мир или вернуться к *ним*.

— А в тот день, когда я заблудилась?

— Это был не я. Но *они* вряд ли хотят, чтобы ты сюда приходила, и им ничего не стоит удерживать тебя вдали от меня. Для них это такая… игра. А вообще-то им не нравится, когда я отвлекаюсь на второстепенные эмоции.

Второстепенные эмоции! А ведь вылез из моей постели не далее, как сегодня утром.

— Ясно. Поэтому ты пишешь мне письма. Не потому, что это так романтично. Просто не можешь позвонить, пока ты там.

— Да.

— А ты мог бы сказать мне об этом, если бы я спросила?

— Да.

Так спокойно. Как если бы это слово ничего для него не значило.

— Ну ты и мерзавец. — Я стиснула кулаки, прижав руки к бокам, меня душили слезы. Я тяжело сглотнула, чтобы не расплакаться. Он не заслуживал моих слез.

— Тогда почему ты мне обо всем этом раньше не рассказал? — Я, наконец, осмелилась задать этот вопрос.

— До вчерашнего вечера я не думал, что это может быть важным для тебя, пока вчера вечером не нащупал на твоей шее цепочку с амулетом. Не каждый, кто попадает в «Мелету», может стать одним из избранных. Это как-то связано с силой таланта. Точно не знаю. Если хочешь узнать что-то конкретное, спроси кого-нибудь другого.

— Одна из тех вещей, которые тебя не интересуют?

— Да, Имоджен. Да. Самое важное для меня, это то, что служение фейри поможет добиться совершенства. Сделает меня действительно великим. Даже желание таким образом почтить память Тании для меня теперь не столь важно.

Я уже знал, что непременно хочу этого, когда она погибла. Все остальные мелочи, типа особых благ, которые может принести этот договор, меня просто не волнуют. Мне на них плевать.

— Но ты мог бы это сделать? Я имею в виду, все мне рассказать. Ведь ваши правила этого не запрещают. — Иногда, когда спрашиваешь во второй раз, ответ может прозвучать иначе.

— Да, мог. Даже в нашу первую встречу. Но спроси себя, ты бы поверила мне тогда?

Действительно, я видела много странных вещей, но сама уговаривала себя не верить тому, что видела. Убеждала снова и снова, пока мне ничего не осталось, кроме как посмотреть правде в глаза.

— А то, что было прошлой ночью? — спросила я, отрезая себе путь назад и чувствуя, что иду по лезвию бритвы. Мне было жизненно важно услышать от него честный ответ.

— Я хотел снова чувствовать. По-настоящему. Я хотел тебя. Твоих эмоций, твоей ответной страсти. Можешь представить, какую бурю чувств ты во мне вызвала? Сейчас, когда ты узнала, что такое фейри?

— Может, я и смогла бы. Если бы ты рассказал мне обо всем.

Я встала, придерживаясь за стену, чтобы не упасть.

— Я пойду. Не могу сейчас видеть тебя.

Если внимательно вчитаться в истории, которые принято называть волшебными сказками, то окажется, что там не так уж много персонажей, которые действительно являются феями. Фейри. В прямом смысле слова. Вы не встретите их ни в сказке о Красной Шапочке, ни о Румпельштильцхене, ни о Рапунцель. И даже фея-крестная Золушки в более старых версиях сказки была лишь орешником, выросшим на могиле ее матери, который бедная девушка орошала слезами. Без сомнения, сказки полны и чудно́го, и чудесного, но фейри встречаются редко.

Это не сразу бросается в глаза. Все сказки начинаются так, как и должны: с *жили-были*. И заканчиваются ожидаемым: *и жили они долго и счастливо*. Читая сказку про лесную ведьму и домик из пряников и сладостей, вряд ли заметишь, что там и в помине нет никаких фей. Да это и не важно для сюжета, хотя мы называем эти сказки волшебными.

Напротив, сказки, в которых действуют феи или фейри, гораздо более жестокие, более страшные. Даже само слово «фейри» не принято произ-

носить вслух. Их чаще называют *волшебным народцем*. Так же, как в древности люди боялись называть фурий по именам, чтобы не навлечь на себя их гнева. И обращались к ним не иначе, как *милостивые*. Так и представители волшебного племени не назовут вам своего имени, и вы ни в коем случае, под страхом смерти, не должны называть свое. Они крадут то, что вам дорого, похищают людей, которые умны, красивы, наделены талантами. Они забирают лучших из нас, а взамен оставляют лишь пучок листьев и веток, или вообще оставляют ни с чем, и возвращают похищенного лишь через семь, или даже сотню лет, и этот человек не может произнести ни слова лжи. Они прекрасны и безжалостны. И жестоки.

И не просто жестоки. Капризны. Им свойственно нарушать законы гостеприимства и обманывать тех, кто решился их приютить. Они могут предложить угощение и тем заманить в ловушку. Их деньги превращаются ночью в листья или пыль. Они заставляют страдать влюбленных, сея раздор между ними, и уводят путников с безопасных тропинок в темноту леса, где те находят свою погибель.

Итак, истории о волшебном народце вовсе не являются сказками, к которым мы привыкли.

Поучительными историями, в которых зло всегда бывает наказано, а добродетель торжествует. Которые начинаются со слов «жили-были» и где всегда гарантирован счастливый конец. Истинные, изначальные сказки наводят ужас.

Бредя домой в рассветный час, я едва узнавала «Мелету». Каждый ее уголок вновь казался мне незнакомым, фантастическим местом, которое просто не может существовать в человеческом мире, и я чувствовала себя так, словно заблудилась в незнакомом месте без карты. Воспоминания о нечеловеческом великолепии фейри застилали мой взор, как будто мне бросили в глаза песок.

В голове мутилось, мысли спутались. Феи, эльфы, феи… Я не могла забыть о них ни на минуту. Я видела их во время нашей безумной скачки по лесу, и даже, черт побери, выпивала с Гэвином с рогами на голове, в его истинном обличье. И все же, несмотря на это, несмотря на то, что большую часть своего детства я только о том и мечтала, чтобы оказаться в сказке, я все еще не могла осознать, что все эти чудеса происходят в действительности. Это просто не укладывалось у меня в голове. Разум отказывался это принять. В нем слишком глубоко укоренились сомнения и

страх перед непонятным и сверхъестественным, и заглушить их было не так-то просто.

А ведь на самом деле, уж кому-кому, а мне не следовало бы удивляться. Кто, как не я, должен был бы давно обо всем догадаться. Ведь я всегда считала себя большим знатоком сказок, думала, что понимаю их природу. Как же глубоко я заблуждалась!

Мы обитали бок о бок с фантастическими существами, деля с ними это невероятное пространство, с первого дня приезда в «Мелету». Я стояла на мосту, который так резко обрывался посередине, видела то, что находится за гранью миров, и все же мою душу переполняли сомнения. Несмотря на все свидетельства существования фейри, я не могла сложить кусочки мозаики воедино. Я отказывалась видеть очевидное. Просто не позволяла себе увидеть. Всякий раз, когда я сталкивалась с магией фейри, я пыталась найти этому разумное объяснение. Доказать себе, что ничего необычного тут нет. Привести в соответствие с моим пониманием реальности. Только я не осознавала, насколько реальность может быть шире наших представлений о ней.

Мимо с хохотом и визгом пронеслась толпа людей — рогатых крылатых, с плащами, развева-

ющимися за спиной. Я застыла на месте, услышав топот лошадиных копыт. Сердце бешено заколотилось. Я вся напряглась, готовясь к бегству. Вслед проскакал *всадник без головы*, костюм которого наполовину сполз, и вполне человеческая его голова была на месте.

Хэллоуин! Все тот же день. Я не в мире фейри. Это «Мелета».

Все еще дрожа от ужаса, я с облегчением выдохнула. Еще раз. И еще.

В тех историях, где фейри похищают людей, случается, что те просыпаются через сотню лет в полной уверенности, что прошла лишь одна ночь. Они возвращаются домой, потрясенные, что прошло так много времени.

Солнце еще не взошло, а я чувствовала себя на десять лет старше, чем была всего несколько часов назад.

Первым делом я направилась в комнату Марин, но она была пуста, а кровать аккуратно застелена.

С ней все в порядке, твердила я себе. Гэвин о ней позаботится.

Когда я, наконец, добралась до своей комнаты, то была настолько измучена, что вся дрожала от усталости, меня подташнивало, словно в моих

жилах струился яд. В этот момент я меньше всего хотела лечь на простыни, на которых вчера спали мы с Эваном. Не хотела вспоминать его запах, прикосновение его жесткой щетины, царапающей мою кожу, звук его голоса, шепчущего мое имя.

Я сорвала простыни с постели и калачиком свернулась на голом матрасе, укрывшись грудой одеял. Пролежав час без сна, с открытыми глазами, ноющими суставами и зудящей кожей, я сдалась и решила пойти в прачечную постирать белье. Может, такое обыденное занятие вернет меня в норму.

Спускаясь по лестнице, я снова заглянула в комнату Марин. Оказалось, что она вернулась. Сумка с танцевальными принадлежностями была здесь, вещи в беспорядке валялись на кровати.

Я обнаружила ее в прачечной, где она развешивала свое балетное трико и купальник. Марин выглядела совершенно спокойной и невозмутимой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я.

Она отмахнулась от моего беспокойства.

— Абсолютно нормально. Ведь я даже не упала. Мою лошадь оттеснили, и я просто соскользнула с нее. Мне было непросто. Ты же знаешь, я поба-

иваюсь лошадей.

И это была совершенная правда. Несмотря на грациозность и ловкость, Марин в детстве упала с пони. Пони был мирным, одним из тех, на которых летом детей медленно катают по кругу на стоянках супермаркетов. Когда Марин свалилась на опилки под его копытами, он сам выглядел таким же испуганным, как все вокруг.

— Правда, — сказала она. — Со мной все хорошо.

Похоже, так оно и было. Ее щеки розовели, и под глазами не было теней. Видимо, она считала, что я спрашиваю именно про падение, а не про все прочие странности.

— Что из того, что произошло вчера ночью, стало для тебя сюрпризом? — спросила я, запихивая постельное белье в стиральную машину.

— Я не знала, что мы на самом деле отправимся в Волшебную страну, а в остальном ничего.

— И ты даже не удивилась по поводу магических превращений Гэвина?

— Он мне все рассказал, когда дарил мне амулет. Было бы странно, если бы он этого не сделал. — Она отвечала так, будто во всех этих невероятных событиях не было ничего удивительного, не было этой бешеной скачки через

мост, обрывающийся на середине, и привычный мир не был перевернут с ног на голову.

Как будто ее возлюбленный не был повелителем Волшебной страны.

— А ты не могла мне все это раньше рассказать? Я имею в виду, о нем?

— Имоджен. — Она встряхнула очередное трико, прежде чем повесить его сушиться. — Смею заверить, он не применяет магию, когда мы вместе.

— И все равно, почему ты об этом молчала? Я имею в виду, не о Гэвине, а обо всей этой истории с данью?

— Я думала, что Бет тебя во все посвятила. Ты даже глазом не моргнула при виде моего амулета. И была одета для верховой езды вчера вечером. — Она повесила оставшееся белье и взглянула на меня. — Понятно. Ты ничего не знала.

— Абсолютно ничего. Ни о фейри, ни о дани. Ну и куда я после этого гожусь со всеми своими сказками? — Я прислонилась к стиральной машине, внезапно почувствовав смертельную усталость и тяжесть во всем теле, словно кости налились свинцом. — Я просто думала, что кулон в виде песочных часов означает лишь возможность провести дополнительное время в «Мелете», и

получать бесплатно милые безделушки на Ярмарке.

— Ты можешь от него отказаться, — сказала Марин. — Никто не заставляет тебя туда отправляться.

Я чуть было не спросила ее, что случится с фейри, если избранный откажется перебираться в их мир, но поняла, что это глупый вопрос. Всегда найдутся люди, готовые пойти на эту сделку.

Например, я.

Несмотря на то, что мой мир перевернулся за последние несколько часов, и я чувствовала себя потрясенной, я твердо знала одно — если у меня появится такой шанс, я без раздумий отправлюсь туда. Как сказал Эван, никакие ловушки, никакие хитрые условия договора не имели значения, любые последствия меркли в сравнении с тем, что я могла получить, если магия фейри поможет мне достичь невиданных высот в моем творчестве.

— А ты бы согласилась? — спросила я у Марин. — Если бы стала избранной?

— Да, — ответила она без малейших колебаний.

— Но… ведь это означает целых семь лет без танцев, Марин. — Я не слишком хорошо понимала ее переживания по поводу годового отсутствия

на сцене из-за «Мелеты», но даже мне было ясно, что перерыв в семь лет губителен для карьеры балерины. Ведь это означает отсутствие возможности заниматься, да и безжалостное время берет свое. Это совершенно недопустимо. Как можно вообще рассматривать такую возможность?

— Гэвин говорит, что там время над нами не властно. Так работает их магия. И когда я вернусь, то смогу нас спасти. Смогу сделать так, что дорогая мамочка и близко к нам не подойдет.

— Марин, о чем ты? Как это может повлиять на отношения с ней?

— Как, по-твоему, Имоджен, что означает успех? — Голос Марин звучал тихо и резко. — Я имею в виду, настоящий успех, когда ты среди лучших в своей профессии, и все признают, что твое имя навсегда войдет в историю искусства? Это не просто слава. Это все, что к ней прилагается, включая деньги и власть.

— Замечательно. И все же я не понимаю, каким образом это заставит нашу мамашу держаться от нас подальше. Ведь речь идет о женщине, которая всегда умела заговорить всем зубы и обладает уникальной способностью беспрепятственно проникать за кулисы и проходить мимо охраны в общежитии. Как бы мы ни старались тому вос-

препятствовать.

Действительно, так каждый раз и происходило. Она разливалась соловьем, рассказывая душещипательную чушь. Например, что у меня день рождения, и она хочет сделать мне сюрприз. Когда я предупреждала людей, что это ее любимая уловка, она изображала раскаяние и лила крокодиловы слезы — якобы, она понимает, что обидела меня, и хочет извиниться за все. Непременно находился кто-нибудь сердобольный, кто ей верил, и двери перед ней неизменно открывались.

— Я знаю, что она вытворяла с тобой то же самое, — сказала я.

— Конечно, но когда у меня будет достаточно денег, чтобы самой платить охране, или швейцару, которые будут знать, что я могу уволить их, если они ее пропустят, согласись, это будет совсем другое дело.

Хотела бы я ей поверить. Но уже много раз до этого верила, что, наконец, освободилась от мучительницы, и каждый раз ошибалась. Наша мать всегда умудрялась найти нас и появиться в самый неожиданный момент, как всегда, пытаясь отравить нам жизнь. Иногда мне даже казалось, что мы с сестрой никогда не будем в

безопасности, пока она не умрет.

— Так оно и будет, поверь, — повторила Марин, беря меня за руку. Ее шрамы побледнели, и я могла их заметить только потому, что знала, что они там были. Мои же, напротив, отчетливо выступали на коже. Держа ее за руку, я чувствовала, что моя ладонь горит в том месте, где была обожжена.

В тот же день после обеда я постучала в дверь домика Бет, и теперь стояла, сунув руки в карманы куртки, чтобы спрятать их от ноябрьского холода.

— Имоджен. Я ждала тебя. Проходи.

С замиранием сердца я готовилась увидеть какие-нибудь чудесные изменения в ее доме, следы магии фейри, которые она все еще носила на себе. Но ничего такого не заметила. Все оставалось по-прежнему, хотя мир безвозвратно изменился.

— Скажите, ваша первая книга, та, которая получила премию «Оранж»… Она ведь вышла через семь с небольшим лет после вашего ученичества здесь? — Я назубок знала ее библиографию, от корки до корки прочитала все ее книги, но это примечательная подробность ускользнула от моего внимания.

— Вижу, вы хорошо изучили мою биографию.

Да, я провела в Волшебной стране семь лет в качестве дани. Хотите кофе? Вы, наверное, устали. Эта скачка отнимает у нас всех так много сил, особенно, если вы пересекаете границу между мирами в первый раз. Я знаю нескольких людей, которые после этого вообще отказались туда ходить.

— Нет, спасибо. Не нужно кофе.

— И вы, конечно, сердитесь на меня. Считаете, что я должна была рассказать вам заранее. И думаете, что теперь я должна ответить на ваши вопросы. Знаете, Имоджен, я буду просто счастлива это сделать. — Она помешала «Эрл Грей» в заварочном чайнике в виде розовой свинки. — Но сами подумайте, что бы вы сказали, если бы, вручая вам цепочку с амулетом, я бы заявила, что это ваш билет в Волшебную страну?

— Я бы вам не поверила. — Я прислонилась к столешнице, пытаясь не упасть.

— Понятно. Значит, не поверили бы. Но сейчас другое дело, вы уже имеете некоторое представление о том, каковы ставки в этой игре, и настало время серьезно подумать о том, что значит для вас ваше литературное творчество. Достаточно ли оно важно для вас, чтобы принять условия игры и отправиться в мир фейри? И самое главное — настолько ли оно важно для вас, чтобы

попытаться превзойти талантом вашу сестру, чтобы стать той, кто попадет туда?

Когда слова произносятся вслух, даже если ты их и ожидаешь, это придает мысли завершенность и убедительность, подтверждая твои опасения. Потому что в этом и состояла ирония судьбы — если бы я стала избранной, Марин бы проиграла, а ведь она так стремилась попасть в Волшебную страну, по крайней мере, не меньше, чем я сама. Сердце заныло, резкий спазм перехватил живот.

Бет сунула мне в руки дымящуюся кружку.

— Я знаю, что вы предпочитаете кофе, но сейчас этот напиток пойдет вам на пользу. Это мятный чай. Он вас успокоит.

Чай на вкус напоминал мятные пастилки для освежения дыхания, но после пары глотков спазмы действительно прекратились.

— Мне надо что-то предпринять по этому поводу?

— Прежде всего, вы до весны должны принять решение. Хотя, если вы рассматриваете такую возможность, вам следует поработать над книгой немного больше. Текст должен быть полностью отшлифован. Вас ждет прослушивание. — Взгляд ее на мгновение стал отсутствующим, а потом

она вновь взглянула на меня. — Впрочем, ближе к делу мы это обсудим. В конце концов, это ничем не отличается от любого другого творческого конкурса. Единственное, на что вы можете влиять, это качество вашего сочинения, вот и постарайтесь сделать книгу как можно более впечатляющей, а в остальном, пусть все идет как идет.

Пальцы мои свела судорога, и я так сильно сжала кружку, что не могла опустить ее на стол. Я вся дрожала, глаза застилала серая пелена.

Бет обняла меня одной рукой за талию, и осторожно забрала кружку у меня из рук.

— Пойдемте на диван. Вы устали, и пережили сильное потрясение.

Она довела меня до дивана, помогла снять ботинки, так как мои руки не слушались, и я никак не могла развязать шнурки. Бет укрыла меня мягким одеялом, явно ручной вязки, подоткнув его со всех сторон.

— Отдохните немного. Поспите. Оставайтесь здесь столько, сколько захотите.

Я поплотнее закуталась в одеяло и закрыла глаза. Было так спокойно, тепло и уютно, что мне показалось, что я наконец очутилась в волшебной сказке. Именно такой, какими я их представляла

раньше, пока не узнала, что они могут быть не такими уж добрыми.

Глава 14

Пусть все идет, как идет, сказала Бет. Как будто вся эта история с данью, фейри и возможностью получить в этой жизни все, о чем я когда-либо мечтала, — это то же самое, что гадать, сочтет ли редактор стиль моей книги достойным, или расстраиваться, если выпадает неудачный для творчества день, когда все написанные слова кажутся плоскими и невыразительными, и тебя начинают охватывать сомнения в собственном таланте. Но я не могла просто так пустить все на самотек — удивительный мир лежал прямо за стенами моего дома.

Поглощенная этими мыслями, я быстро, напрягая все силы, бежала через лес, раскинувшийся на территории «Мелеты». Бежала мимо голых деревьев, теперь больше похожих на скелеты, которые четко вырисовывались на фоне неба цвета серого мрамора. Через первый снег, который покрывал землю, словно пушистый белый пух. Он еще не задерживался на земле — время для этого еще не пришло, — но все вокруг было подернуто изморозью. Ветви хлестали меня

по рукам, цеплялись за волосы, я чувствовала жжение в легких, в ногах, но бежала и бежала в безнадежной попытке скрыться от пугающей действительности.

И все же, территория «Мелеты», по которой я сейчас бежала, казалась мне странной и незнакомой, и я почувствовала непреодолимое желание отыскать место, где наш мир и мир фейри пересекались. Деревья, земля, река не изменились, все казалось прежним, таким, каким было всегда, и эта обыденность вызывала у меня отчаяние, потому что я знала — это лишь иллюзия. Я не верила своим глазам, потому что все это время была слепа и не замечала истины, которая была совсем рядом.

Волшебные сказки оказались совсем не похожи на те, которые я читала в детстве.

Я бежала, пытаясь заглушить мысль о том, что совсем себя не знаю. Я долгими часами размышляла, пытаясь понять, что есть такого в моем творчестве, в словах, ложившихся на бумагу, что принесло мне амулет в виде песочных часов, гадала, что может повлиять на то, выберут меня фейри или нет. Я не знала правил отбора, да и вряд ли могла бы что-то изменить, даже если бы знала, но мне все же хотелось во всем разобрать-

ся, хотелось понять, что надо сделать, чтобы при решающем выборе чаша весов качнулась в мою пользу.

Но при всей странности и неопределенности, при ощущении, что я прошла сквозь зеркало, вместо того, чтобы просто остановиться и всмотреться в отражение в нем, я знала, что изменилось лишь мое восприятие мира. Все вокруг казалось ложью лишь потому, что я поняла, что за фасадом обыденности прячется иной, невидимый мир.

Трава под ногами была обычной травой. Я по-прежнему находилась в «Мелете». Мой писательский дар был только моим достоянием, и я приехала сюда, чтобы попытаться изменить свою жизнь. Я все еще была в состоянии это сделать. В этом отношении для меня ничего не изменилось. Даже если бы я не видела фейри, обитавших рядом со мной, я все еще могла писать свои волшебные сказки. Может, они и не отражали всей правды, но я все же могла вложить в них всю свою искренность и талант.

Я твердила это себе, но не верила собственным словам.

Ведь все в моем мире безвозвратно изменилось.

Ветер усилился, и пошел густой снег, быстро

покрывавший землю белым одеялом. Песочные часы прыгали у меня на груди. Уже опускались сумерки, когда я пробегала мимо домиков наставников. Когда я только приехала сюда, казалось, что дни тянутся бесконечно, но теперь темнело рано. Даже небеса помогали хранить тайны «Мелеты».

Пробегая мимо танцевальных студий, я решила проверить, есть ли свет в студии Марин. В ту же минуту мой мерзкий внутренний голос подсказал мне, что если я хочу стать избранной, то должна быть вдвое лучше моей сестры, потому что возлюбленная Гэвина имеет явное преимущество перед остальными. Я сколько угодно могла загонять этот голос на задворки моего сознания, приказывать ему заткнуться, игнорировать его, но не могла заставить его замолчать, и ненавидела себя за это.

Если фейри выберут меня, это будет означать поражение Марин. Мне было наплевать на остальных соискателей — я не принимала их в расчет. Исполненный зависти голос твердил: есть место только для одного человека, и на него претендуют две сестры, которые и будут за него бороться. В результате, как в сказке Шарля Перро «Подарки феи», одна будет ронять с каждым сло-

вом драгоценные камни и лепестки роз, а другая — жаб и змей. И не важно, что обе будут страдать от этого проклятия — одна из них все равно будут лучше другой.

Я подумала, что если бы действительно была хорошей сестрой, я искренне желала бы Марин победы, я бы сорвала серебряную цепочку с шеи и уступила бы ей дорогу. Я знала, как она жаждала получить эту возможность. У нее будет время все обдумать, понять, стоит ли терять целых семь лет ради обретения абсолютной свободы, которой она щедро поделится со мной. *Ради того, чтобы мы были в безопасности*, сказала она. Мы обе. Я любила сестру. Мне казалось, что я хочу, чтобы она получила дары фейри. И я действительно этого хотела бы. Но только в том случае, если бы сама не стремилась попасть в Волшебную страну.

Внезапно на самом краю леса порыв ветра поднял в воздух ворох неизвестно откуда взявшихся перьев и закрутил их диковинным вихрем. Может, в этом не было ничего странного, и я бы даже не обратила на это внимания, если бы весь день не стояла тихая, без малейшего дуновения ветерка, погода.

Перьев становилось все больше — различной формы, размера, цвета, словно их роняло

множество разных птиц. Казалось, весь воздух наполнился ими, и они облепили меня, закутав, словно одеялом, и затмевая солнечный свет.

Всего один удар сердца, и странные перья упали на землю.

Передо мной стояла женщина и пристально смотрела на меня ярко-желтыми совиными глазами. Голову ее покрывали не волосы, а короткие перья.

Я уже была готова заговорить с ней, как вдруг она словно взорвалась, превратившись в стайку птиц.

Я проглотила слова, которые вертелись на языке.

Эхо от трепещущих крыльев смолкло в небе, только одно перо — серое, почти серебряное, с радужным отливом — медленно кружась, опустилось на землю к моим ногам.

Я подняла его и, повернувшись спиной к огням студий, побежала домой.

Невозможно скрыться от проявлений непостижимого, делать вид, что не существует фейри и их магии, забыть о договоре между ними и людьми и обо всех сложностях и испытаниях, с ним связанных.

Да, мой мир никогда не будет прежним.

Сегодня, как и обычно, мост был виден только наполовину. Каменная дуга, которой уже коснулось разрушение, прерывалась на середине, и на месте той ее части, что должна была соединяться с другой стороной реки, зияла пустота. На какое-то краткое мгновение мне вдруг неудержимо захотелось броситься через него в Волшебную страну, с непреложной верой, что она существует там и примет меня в свои объятия, если я побегу достаточно быстро. Невольно вспомнились аплодисменты зрителей в театре, в той сцене, когда Питер Пэн возвращает фею Динь-Динь к жизни. «Я правда верю в фей… Верю, верю, верю!».

Но ведь не скорость позволила нашей безумной кавалькаде прорваться в страну фейри. Все происходило ночью, и часы били полночь. Нашу дикую скачку возглавлял сам Гэвин — повелитель Волшебной страны. Магия, которую он излучал в своей истинной ипостаси с рогатой короной, распахивала двери в его таинственный, скрытый от людских глаз мир, и прокладывала нам путь туда.

Внизу несла свои стремительные, глубокие воды речка Морнинг, воздух был пронизан прохладой. Без этой магии я не смогу пройти в страну фейри — я просто упаду с моста, промокну и

замерзну.

— Это не сработает. Ты не можешь попасть туда просто так, — раздался голос Эвана.

— О, вижу, ты решил вдруг поделиться знаниями! Мне даже не пришлось задавать вопросов. Надо же, как мне повезло.

— Прости, что причинил тебе боль, Имоджен. Я не хотел.

Я ему поверила. Но от этого не стало легче. Я была уверена, что, скрывая от меня правду, он даже не задумывался, причинит мне это боль или нет. Он, возможно, вообще не принимал меня во внимание, в этом-то и была вся проблема.

— Послушай, я уже большая девочка, Эван. И не собираюсь сидеть в одиночестве в своей комнате и страдать, если то, что было между нами, всего лишь секс на одну ночь, пусть даже такой потрясающий. Я ни на что не претендую. Но если ты захочешь, чтобы наши отношения были чем-то большим, ты должен понять, что я никогда не буду вместе с мужчиной, который мне лжет, который относится ко мне пренебрежительно. Наши отношения могут стать более близкими только в том случае, если ты станешь относиться ко мне, как к очень важному для тебя человеку. Я не претендую на то, чтобы быть для тебя всем в этом

мире, но ты должен со мной считаться, иначе ты не стоишь того, чтобы тратить на тебя время.

Он стоял совсем рядом. Я могла чувствовать запах горелого металла, въевшийся в его кожу — напоминание о его работах. Я сделала шаг назад.

— Хорошо, — сказал он. — Я постараюсь.

Ему уже надо было уходить. Туда, в Волшебную страну. Как он объяснил, он старался бывать в мире людей в одно и то же время. Это снижало вероятность быть утянутым в мир фейри, когда это было некстати, позволяло ему строить планы, находиться здесь в определенное время и в определенном месте.

— Как, например, свидание со мной на Ярмарке, — догадалась я. — Так вот почему Гэвин так странно повел себя в ту ночь. Он не считал, что ты в это время должен работать, просто думал, что ты находишься в их владениях.

Эван кивнул.

— Это его королевство, его народ. Мое присутствие там дает им энергию. Он должен быть уверен, что я не отлучаюсь надолго.

— Что ты при этом чувствуешь? — спросила я. — Когда приходит время возвращаться?

— Как будто в сердце вонзается крючок, и кто-то тянет за нитку. Это довольно мучитель-

но, и становится еще хуже, если не обращаешь внимания на этот зов. Поэтому я предпочитаю подчиняться.

Я смотрела, как он уходит, ожидая какого-то необычного действия, какого-нибудь ритуала или магического слова. Но он просто прошел до конца обрывающегося над рекой моста, сделал шаг в пустоту… и исчез.

Мы с Ариэль возвращались после посиделок в наихудшем баре из всех существующих в мире. Надо сказать, обстановка там стала еще отвратительнее, чем когда я была там в последний раз.

— Такое впечатление, что кто-то заключил сделку с дьяволом. «Мелета» может быть и идеальный приют для художников и артистов, но чтобы такое великолепие стало возможным, необходимо поддерживать равновесие. Поэтому в этом чертовом баре никогда нельзя заказать выпивку с первой попытки, и ты ждешь своей порции джина с тоником по крайней мере минут двадцать.

— К тому же там невозможно заказать хоть что-нибудь съедобное, — поддакнула я. — Этот сыр, жаренный на гриле, который они тебе принесли…

— Не напоминай! Хлеб с помидорами и больше

ничего. К тому же холодный.

Мы шли домой, и от нашего дыхания в воздухе парили белые облачка, промерзшая трава похрустывала под ногами. Рядом с нами Морнинг быстро несла свои темные и холодные воды по камням.

— Спасибо, что ты все это стоически выдержала, Ариэль. Мне просто надо было выбраться из дома и поплакаться кому-то насчет Эвана.

— Без проблем. Хотя… теперь за тобой должок, пригласишь меня выпить в какое-нибудь шикарное место. Разумеется, когда мы обе станем богатыми и… Имоджен! — она схватила меня за руку и остановилась. — Это еще что за чертовщина?

В реке сидела обнаженная женщина и расчесывала длинные волосы. Ее кожа была бледной и полупрозрачной, как лед, а глаза горели зеленым огнем. Она улыбнулась нам, и мы увидели, что зубы у нее тонкие и острые, как иголки.

— Это что, действительно происходит? Она на самом деле там? — Ариэль еще крепче ухватилась за мою руку, ее пальцы буквально впились в кожу.

Я невольно подняла другую руку к шее и нащупала свой амулет.

— Да. Она действительно там.

— Идите ко мне, идите ко мне, — позвала женщина, и голос ее журчал, как вода на перекатах, холодный, как лед в реке, тихий, как сон утопленника. — Идите ко мне, я расчешу вам волосы и поймаю сновидения, запутавшиеся в них.

— Значит, сны живут волосах? — спросила Ариэль.

— А где же им еще жить? Нужны сети, чтобы их удерживать.

— Спасибо. Но может, в другой раз. Когда будет потеплее, — сказала Ариэль. — Спокойной вам ночи.

— И вам того же. — С этими словами женщина исчезла в бурлящей воде.

— Значит, они существуют, — произнесла Ариэль. — Я имею в виду, фейри.

— Конечно, существуют. — Мы стояли, дрожа, у самой кромки реки. — Не подозревала, что ты все знаешь. У тебя тоже есть песочные часы?

— Еще нет. Хотя Анджелика уверяет меня, что дело не в том, что мне не хватает таланта, а в том, что я больше хочу быть рок-звездой, чем певицей, поэтому подарить мне амулет сейчас, это все равно, что выбросить его на помойку. Хотя у меня еще есть время его заслужить, если я вдруг решу

изменить приоритеты.

— Это… довольно жестко.

— Согласна. Особенно, если учесть, что она точно знала, в каком направлении я собираюсь работать, когда приняла решение стать моей наставницей. — Все еще держа меня за руку, она пошла прочь от реки. — А Гэвин правда король? Я имею в виду, король Волшебной страны?

— Правда.

— Ничего себе! И при этом, наверняка, брюзжит по утрам. Пока не выпьет кофе. Впрочем, это говорит лишь о том, что некоторые вещи, видимо, у всех рас и народов одинаковы.

— Что-то я с трудом представляю женщину, которую мы только что видели, за утренним кофе, — усмехнулась я.

— Я тоже. Расскажи, как там все было, когда вы туда попали?

— Там нереально красиво, но и страшновато тоже. Я хочу оказаться там снова, и, в то же время, никогда больше не видеть того мира. И конечно, я хочу жить там, если их выбор падет на меня. Вот такие дела.

— Ну ладно, — сказала она. — Похоже, остается только пожалеть, что я все пропустила. Потому что, будь уверена, у меня нет ни малейшего же-

лания там оставаться.

Ариэль оказалась первым человеком, от которого я услышала эти слова.

— Почему же?

— Семь лет без выступлений? Ты надо мной издеваешься, твою ж мать!

Я рассмеялась.

— Тебе так их не хватает?

Он кивнула.

— Я очень хочу получить амулет и эту возможность, но не потому, что жажду попасть в мир фейри, а потому что хочу стать первым человеком, который сам от этого откажется, а не страдать от того, что они, возможно, откажут мне. К тому же, семь лет без оваций может просто сломать мне психику. И еще — я хочу добиться успеха на своих собственных условиях.

— Что ты имеешь в виду? — Мы уже подошли к дому, к нашим ступенькам перед крыльцом. К нашей уютной и безопасной террасе.

Ариэль отперла дверь.

— А ты не думаешь, что тебя постоянно будет мучить один вопрос? Вот представь себе — ты возвращаешься, и твое имя тут же появляется в списке бестселлеров *New York Times*, по твоим книгам ставят фильмы, и все такое прочее, что

говорит о том, что ты достигла наивысшего, неоспоримого успеха на литературном поприще. Не будешь ли ты спрашивать себя: это произошло, потому что ты действительно талантлива, или потому что хитрожопые фейри выполняют свои обязательства по этому гребаному договору? Что касается меня, я не хочу всю оставшуюся жизнь думать, что не достойна столь головокружительного успеха, терзаться сомнениями, действительно ли мое творчество столь хорошо, как все утверждают, или же эти существа просто применяют свои магические штучки, заставляя людей думать, что я действительно представляю из себя что-то стоящее.

— Но твой успех действительно будет заслуженным, тебе его принесет твой талант. В этом весь смысл семилетнего пребывания в их мире.

— Ну, уж нет, лучше я эти семь лет проведу, занимаясь творчеством, — произнесла Ариэль. — Если человек по-настоящему талантлив, к нему в любом случае придет успех. И если ты в этом сомневаешься, то не стоит столько пахать, как это делаем мы.

Глава 15

— Имоджен! Там внизу кто-то задолбался уже ждать тебя! — крикнула Елена.

— Хорошо. Я сейчас спущусь и разберусь с этим, — сказала я.

Это была женщина, вся в пятнах краски, которая нетерпеливо расхаживала взад-вперед по террасе.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Вы Имоджен? Выглядите точно так, как описала вас Марин — высокая, с длинными черными волосами. Но я вечно путаю людей, так что скажите, вы точно она? — Слова лились бесконечным потоком, словно дождь.

— Я действительно Имоджен, — осторожно сказала я.

— Ладно. А я Мишель. Марин сказала, что вы большой знаток сказок, и даже сочиняете свои собственные. А у меня есть это! — Она со звоном потрясла серебряными песочными часами у меня перед носом и сунула амулет в карман. — Но дело в том, что я-то ничего не понимаю в сказках, читала разве что про Гензеля и Гретель, а ведь то, во

что нас втянули, вовсе не похоже на «Пряничный домик», так ведь?

— Совершенно с вами согласна.

Она по очереди сжимала кулаки, словно пытаясь выдавить из себя нервное напряжение.

— И что же мне с этим делать? Я перерыла весь Интернет, но нашла лишь всякую фигню про то, что, якобы, надо оставлять на пороге хлеб и молоко для фейри. И не произносить их имен, если не хотите привлечь их внимание, но ведь я-то как раз хочу привлечь их внимание! Так что, подскажите, что я могу сделать для них такого ценного, чтобы они выбрали именно меня?

Хороший вопрос!

— Послушайте, м-м… Мишель.

Она прекратила ходить взад-вперед, и прошила меня взглядом, как рентгеновским лучом. Я едва подавила желание отступить от нее подальше.

— Все дело в том, что я знакома со сказками только по книжкам. И не знаю ровным счетом ничего про настоящих фейри. Я понятия не имела, кто такой Гэвин, когда с ним познакомилась. Не знала, что Волшебная страна находится совсем рядом с нами, на другом берегу реки. Не имею ни малейшего представления, зачем они вообще здесь, что им от нас надо, и как привлечь

их внимание. Впрочем, думаю, наверняка можно пренебречь советами насчет молока и хлеба. Одно могу сказать — Гэвин точно не откажется от виски.

— Издеваешься?

Я вздохнула и потерла глаза ладонями.

— Вовсе нет. Но я на самом деле знаю обо всем этом не больше, чем все остальные.

— Точно? — Голос ее сорвался, и было такое впечатление, что она вот-вот расплачется.

— Ладно, дай мне свой мейл, и я пришлю тебе список своих любимых сборников сказок. Может, найдется что-нибудь полезное.

— Хорошо! — Она энергично закивала. — Понимаешь, это вызывает такое нервное напряжение. И вообще, любая мелочь может помочь.

— Да, конечно, — сказала я, вспоминая, как настойчиво требовала ответов у Эвана, у Марин, у Бет. — Каждая мелочь может оказаться важной. Я пришлю список по электронной почте. Если что, можешь приходить сюда. В нашей библиотеке есть некоторые из этих книг.

Я постучала в дверь Марин.

— Входите, — отозвалась она. Сестра сидела на полу в позе лотоса и разминала в руках новую пару пуантов, чтобы они лучше сидели на ноге.

— Я только что имела счастье пообщаться с твоей подружкой Мишель.

Она поморщилась и шмякнула туфелькой по полу.

— Ну, извини! Просто ее студия рядом с моей. И она действительно на грани нервного срыва. А ты, пожалуй, больше всех подходишь на роль эксперта по всем этим сказочным штукам.

— Ну уж, если я эксперт, то мы все в полной заднице. Я имею в виду, что за всю свою жизнь я не встречала в сказках ничего, что было похоже на происходящее здесь. Поверь мне, если бы это было так, ты была бы первой, кто об этом узнал.

Она некоторое время молчала.

— Правда? Значит, у тебя нет никаких идей?

— Марин, я провела большую часть жизни, думая, что сказки, которые мы читаем, — это и есть истории о Волшебной стране. К тому же, вся эта ерунда в них насчет того, что если ты будешь чист сердцем, исполнен добродетели, добр к белой кошечке, заблудившейся в лесу, и почтителен со старушкой, встреченной на развилке дорог, то все у тебя будет в шоколаде. Осмелюсь предположить, это вообще не работает. Поэтому честно могу сказать, у меня на самом деле нет никаких идей.

Я замолчала.

— Между прочим, ты встречаешься с Гэвином. И начала почти сразу, как приехала. Может, у тебя есть какие-то догадки, соображения о том, как произвести впечатление на короля Волшебной страны?

— Когда он со мной, он просто человек, а не король.

— Это очень хорошо, — сказала я, ничуть не покривив душой.

Она отложила одну туфельку и принялась стучать второй о пол.

— Что ж, понятно. Больше не буду предлагать тебя в качестве эксперта.

— И на том спасибо. Как я и говорила, я в любом случае ничем не могу помочь твоей Мишель. — Я прошла через комнату и остановилась у окна, любуясь рекой.

— Ладно, хватит об этом. Давай сменим тему. Как собираешься отмечать День благодарения в этом году? — спросила я.

— Кроме того, чтобы оставаться как можно дальше от нашей мамаши?

Меня передернуло.

— Когда она, наконец, прекратит присылать тебе приглашения?

— Представь, она до сих пор это делает. Конечно, от случая к случаю — она теперь зазывает меня только на большие праздники. Но делает это практически каждый год. Разумеется, я ни разу к ней не ездила.

В детстве праздники для нас были самым ужасным испытанием. Мать пользовалась возможностью устроить очередной спектакль, чтобы показать себя во всей красе.

Когда мне было девять, я увлеклась чтением книги и, не услышав звонок таймера, не выключила духовку, в которой пекся тыквенный пирог, пока не учуяла, что он подгорает. Не было ни времени, ни ингредиентов, чтобы испечь новый, поэтому я весь День благодарения провела взаперти в своей комнате, а родственникам, пришедшим к нам в гости, сказали, что я заболела ветрянкой. Марин тайком притащила мне булочку и кусок индейки, которые все были покрыты голубым пухом, потому что она запихнула их в карманы свитера. Тем не менее, я все съела, прямо с пухом. В тот день это была единственная еда, которая мне перепала.

— Почему бы нам прямо здесь не наготовить вкуснятины? Пусть только это будет не индейка с клюквенным соусом! Пригласим еще

каких-нибудь сироток, чтобы отпраздновать вместе, — предложила Марин.

— Кого, например? Кроме Гэвина, конечно?

— Ариэль и Елену. — Марин закатила глаза, говоря о Елене. — Мы не можем пригласить одну и проигнорировать другую. И Бет, если хочешь.

— У Бет уже есть планы на праздник. Она поедет навестить семью.

— А как насчет Эвана?

— Я не против. — Я действительно не возражала. Если он захочет научиться считаться со мной, я была готова дать нашим отношениям второй шанс. Те пару раз, когда мы с ним виделись, было заметно, что он очень старается.

— Какая кошка между вами пробежала? Может, надрать ему задницу? — Марин воинственно помахала ногой.

Я расхохоталась.

— Не стоит. Но я дам тебе знать, если в этом возникнет необходимость. Прекрасно помню, как ты расправилась с Брайаном О'Нилом.

— И поделом! Нечего было целоваться с этой, как ее там? Когда он должен был быть твоим мальчиком.

— Справедливости ради, надо отметить, что она была на класс старше меня. Ты же понимаешь,

очарование зрелой женщины.

— Ну, нет. Гнусный изменник и в одиннадцать лет гнусный изменник. И если этот Эван заслуживает хорошего пинка, я его ему обеспечу. — Марин обняла меня. Все было хорошо между нами, именно так, как и должно быть. Она моя сестра, а вовсе не соперница. Лучше об этом всегда помнить.

Мы с ней не затрагивали тему фейри и их договора с людьми с того самого утра после путешествия в Волшебную страну. Я боялась об этом говорить, боялась, что это будет воспринято, как объявление моих намерений соперничать с ней. Я пыталась убедить себя, что наши отношения те же, что и при поступлении в «Мелету». Тогда тоже была вероятность, что одна из нас будет принята, а вторая получит отказ. Но я прекрасно осознавала, что лгу самой себе. Сейчас все было совершенно иначе. С самого начала ясно, что выиграет лишь одна из нас.

Она все еще носила амулет, а значит, не передумала участвовать в отборе. Но и я не расставалась со своими песочными часами.

Как выяснилось, Ариэль собиралась поехать домой на всю праздничную неделю.

— О чем я еще сто раз пожалею, потому что они называют меня Арабеллой, а я это ненавижу. И

ненавидела всю свою жизнь. И это уже давно не мое имя, после того, как я от него официально отказалась и стала Ариэль. Ведь это мое второе имя! Так что в этом нет ничего особенного, я ведь их не прошу ни с того, ни с сего называть меня «Звездулей» или еще каким диким именем, но они ничего не хотят понимать и все равно продолжают называть меня Арабеллой. Просто по привычке. — Она запихнула еще одну футболку в чемодан, который я ей одолжила.

— Значит, Арабелла Ариэль?

— Спасибо, я в курсе. И мне не избежать еще одного разговора, возможно, его затеет тетя Ида, которая обязательно спросит меня, когда я, наконец, повзрослею и найду настоящую работу вместо того, чтобы красоваться на сцене. К тому же, я наверняка получу, по крайней мере, пару предложений познакомить меня с так называемым «приличным мальчиком». Я, конечно, люблю мальчиков, но уверена, что те, которых мне навязывают, уж точно не будут приличными. Ни тот, ни другой. Один из этих милашек обязательно будет присутствовать на празднике и в один прекрасный момент схватит меня за задницу, и я ему врежу. К тому же, у меня уже есть подружка, понимаешь? Но я так скучаю по

маме, которой нравится моя подружка. И она, конечно, пригласит ее в качестве сюрприза для меня, и в глубине души порадуется, когда я врежу типу, схватившему меня за задницу. И еще я так скучаю по ее пекановому пирогу! Короче, я еду.

— Как ни странно, — сказала я, — мне вполне понятны причины твоего решения. Желаю хорошенько повеселиться.

— К тому же, надеюсь, что за время своего отсутствия мне удастся привести мысли в порядок и решить, стоит мне остаться здесь или выйти из игры, — сказала она, застегивая чемодан. — Удачи вам в кулинарных подвигах.

— Спасибо. Хорошего тебе путешествия.

Елена оставалась в «Мелете» и как только поняла, что мы не собираемся устраивать дурацкий традиционный ужин с индейкой, заявила, что не прочь к нам присоединиться.

— Тыквенный пирог — это просто отстой. С меня вино.

Мы с Марин занялись приготовлением говядины по-бургундски, потому что на это уходит весь день, и дом от этого наполняется восхитительным ароматом, создающим атмосферу тепла и уюта. Елена спустилась работать в библиотеку, вместо того, чтобы торчать в своей комнате, и

присоединилась к нам на кухне, чтобы выпить стаканчик вина, пока мы готовили. Такой общительности она не проявляла еще ни разу и, пожалуй, впервые казалась спокойной.

Эван прислал мне письмо, сообщив, что обязательно придет на вечеринку. И теперь я стояла перед шкафом, словно школьница, собирающаяся на первое свидание, отбрасывая все подряд, пока целая куча одежды не была навалена в беспорядке на кровати и у моих ног. Вся эта одежда меня чем-нибудь да не устраивала, и я удивлялась, как такое может быть, что все вещи оказались такими неподходящими, хотя я сама все их покупала.

— Ты идиотка, Имоджен, — твердила я себе. — Какая разница, что на тебе надето? Он уже видел тебя голой, и если ты не поторопишься и не напялишь на себя хоть что-нибудь, то и остальные получат такую возможность.

Я бросила взгляд на телефон, чтобы узнать время.

— Твою ж мать.

Я втиснула себя в черное платье, которое уже дважды примеряла, накрасила губы любимой красной помадой и спустилась вниз как раз в тот момент, когда раздался стук в дверь.

— С Днем благодарения! — В руках у Гэвина

была коробка с тортом, а у Эвана — охапка роз — ярко-красных вперемешку с золотистыми.

— Проходите, — сказала я. — Гэвин, ты можешь отнести это на кухню. Эван, давай я займусь розами. — Благоухание цветов наполняло воздух, создавая праздничную атмосферу.

— Спасибо, что пригласила меня.

— Рада, что ты пришел, — ответила я, наливая воду в вазу.

— Надеюсь, мы сможем побыть вдвоем. Попозже. — Его тихий голос звучал так таинственно, что у меня мурашки побежали по коже.

— Я… ой… — я поморщилась. Из кончика моего пальца торчал шип от розы, вокруг которого быстро выступала кровь.

Зазвенел таймер духовки, и Елена пришла в кухню, чтобы разлить вино.

— Эти розы из нашего розария? — спросила она. — Мне так нравится это место. Хотя удивительно, что там еще что-то цветет.

— Нет, — ответил Эван. — Я тоже обожаю наш розарий, но эти цветы из цветочного магазина.

Вечеринка удалась на славу. Это был один из лучших праздников, которые у меня были в жизни. Никакой предпраздничной суеты, никакой беготни с пакетами, просто приятный ужин в кру-

гу друзей, вкусная еда, вино и непринужденная беседа. Магия простого общения, алхимическое действо, когда люди, место и атмосфера сливаются воедино, и из этого чудесного сплава рождается тихое счастье.

Гэвин и Марин сидели напротив меня, и я наблюдала за ними. Эван как-то сказал, что фейри не подвластны чувствам, что они не способны любить. Но Гэвин смотрел на Марин с восхищением и обожанием, как на чудо. Что это, как не проявление любви, по крайней мере, такой любви, какой она должна быть в моем понимании.

— Пойду-ка я принесу десерт, — сказал он, жестом останавливая нас с Марин, когда мы попытались выразить протест. — Вы готовили праздничный ужин, а я уж как-нибудь сумею найти тарелки для торта.

— Я помогу, — предложила Елена.

Марин вытаращила глаза, когда Елена вышла вслед за Гэвином из комнаты. Время шло, а они все не возвращались.

— Надо пойти посмотреть, не нужна ли им помощь. Вы же знаете, какая капризная у нас кофемашина, — соврала я скрепя сердце.

Я решительно раздвинула двери в кухню.

— А она утверждает, что вы ей обещали! — Еле-

на была явно вне себя от ярости.

— Я не могу давать такие обещания, — сказал Гэвин. — Ты же знаешь, каковы правила.

— Ты должен… — начала было Елена.

— Эй, ребята, вам помочь? — нарочито весело спросила я. Десерт — шоколадный торт, политый темно-красным сиропом, уже был разложен по тарелкам. — Пожалуй, отнесу это на стол.

— Спасибо, — тихо произнес Гэвин, когда я взяла в руки две тарелки, и добавил, обращаясь к Елене: — Вижу, наш разговор бесполезен, ведь никакой довод в мое оправдание не будет принят.

Когда мы все ели десерт, Елена так свирепо вонзала вилку в свой кусок торта, словно перед ней на тарелке лежало сердце Гэвина. Покончив с тортом, она поднялась и ушла к себе наверх, даже не пожелав нам доброй ночи.

Мы с Эваном устроились со своим кофе в библиотеке. Пламя мирно потрескивало в камине, тлеющие угольки светились оранжевыми огоньками. Мягкий золотистый свет, заливающий комнату, и приятный запах древесного дыма создавали романтическую обстановку.

— У меня такое ощущение, что вот-вот выскочит светящаяся бегущая строка «А теперь — обнимашки».

— Светящаяся бегущая строка? — Эван положил руку мне на затылок и поглаживал шею большим пальцем. — Сложновато звучит.

Он наклонился и поцеловал меня, и я ответила на его поцелуй, хотя и не придвинулась к нему поближе. У его губ был горьковатый привкус кофе и сладкий — шоколада, и легко можно было утонуть во вкусе, запахе и ощущениях от его прикосновений. Забыть о тайнах, дани и связанных с ними осложнениях.

— Когда я нахожусь в стране фейри, я только и думаю, что о Тании, — сказал Эван. — Не имеет значения, что прошло почти семь лет. Я возвращаюсь туда, и каждый раз это словно путешествие во времени. Все переживания усилены до предела и захлестывают с головой.

Прямо скажем, он выбрал неудачный способ соблазнения. Во всех отношениях.

— Но потом я возвращаюсь сюда, — продолжил он, все так же поглаживая мне шею. — И вижу тебя, живую, из плоти и крови. Я могу чувствовать твое тело под пальцами, чувствовать вкус твоих губ, и это ошеломляет. Я живу и дышу, и ты рядом. Я просто растворяюсь в тебе.

А вот это уже лучше… На какое-то мгновение я позволила себе потерять голову. Я не задавала

вопросов, не думала о последствиях. Я просто запустила пальцы в его волосы и прижалась к его губам поцелуем в тающих отблесках пламени.

* * *

Ариэль вернулась поздно вечером в понедельник. Когда она постучала в мою дверь, дорожные сумки все еще были у нее в руках.

— Слава богу, ты еще не спишь.

— Что случилось?

— Почему бы тебе не спуститься вниз? На кухне есть виски, а мне действительно нужно выпить перед этим разговором.

— Конечно. Дай только сохраню то, что написала.

— А я пока заброшу сумки к себе комнату. До встречи внизу.

Она налила нам почти полные стаканы виски, и сразу же залпом выпила половину своего.

— Послушай, ты пробовала с кем-нибудь говорить об этом амулете?

— Ты имеешь в виду это? — Я вытащила кулон в виде песочных часов из-за выреза блузки. Я так привыкла его носить, что больше не замечала его.

Ариэль кивнула.

— Конечно. Все мы — ты, Марин, Бет, Эван — обсуждали договор с фейри, дань и все, что с ней связано, но никогда конкретно не говорили об амулете. Хотя запрета на это как бы не существует. Что весьма странно, как мне теперь кажется.

Действительно, не понятно, почему нас не предостерегали против того, чтобы обсуждать столь щекотливую тему с посторонними. Представьте себе, вдруг кто-нибудь выступает с заявлением: сказки о фейри не выдумка — они существуют на самом деле. И большая часть знаменитых художников, артистов и писателей добились столь головокружительного успеха отчасти потому, что они провели некоторое время в волшебном мире, служа его обитателям.

— Да, это и в самом деле странно, — подумав, сказала я. — Нас никто не предупреждал, что эта тема под запретом, и в то же время до сих пор не было ни малейших слухов или даже намеков на существование подобного договора между фейри и людьми, и уж точно никто не заикался о том, что происходит с человеком после семилетнего пребывания в Волшебной стране.

— А им и не надо ничего запрещать. Попробуй обсудить это с кем-то, кто не находится на территории «Мелеты», и ты увидишь, что не в

состоянии это сделать.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты чисто физически не сможешь произнести ни звука. В пятницу я отправилась на встречу с подружкой. После того, как мы обменялись новостями, разговор пошел о том, собираюсь ли я оставаться в «Мелете» или нет. И хотя нам тяжело быть далеко друг от друга, она полностью поддерживает меня в моем желании тут остаться, разумеется, если я сама этого хочу. — Она бросила быстрый взгляд в окно, обводя пальцами край стакана. — Поэтому я решила немножко поприкалываться, и спросила, как она отнесется к тому, если я буду отсутствовать семь лет. И представляешь, не смогла задать этот вопрос. Просто не смогла выдавить из себя ни слова. Горло перехватило так, словно у меня начинался приступ аллергии каждый раз, когда я пыталась сказать что-нибудь на эту тему.

— Должно быть, ужасное ощущение, — заметила я.

— Не то слово. А потом стало еще хуже. Ведь я не могла этого просто так оставить, и пыталась всем все рассказать. Всеми возможными способами, какие только могла придумать. Ничего не срабатывало. Я не только не могла выра-

жать вслух свои мысли — электронные письма возвращались обратно. Мобильный начинал перезагружаться по десятому кругу. Даже чертова ручка, которой я попыталась написать обо всем на бумаге, разлетелась на куски у меня в руке.

Она допила свой виски и тут же налила еще.

— Тогда я вернулась сюда. И не успел микроавтобус, в котором я ехала, въехать в ворота, как слова ручьем полились у меня изо рта, и я смогла болтать о фейри, всей этой истории с данью и магическими штучками, а водитель только кивал и поддакивал, словно мы с ним обсуждали погоду.

— С тобой сейчас все нормально? — спросила я.

— Нет, совсем не нормально. Я не могла говорить, Имоджен. А ведь я во всем этом даже толком не участвую. У меня нет песочных часов, и я ни за что на свете не собираюсь отправляться в Волшебную страну, даже если бы они у меня были. Все что я сделала, это согласилась поехать в «Мелету», и тем не менее, *они* влезли мне в голову и сделали так, что я не могла говорить.

Ариэль сделала еще несколько глотков, глаза ее блестели от возбуждения.

— Мой голос делает меня тем, кто я есть, а они могут его у меня забрать. Уж не знаю, как при

этом можно чувствовать себя нормально.

Я протянула ей руку, и она крепко ухватилась за нее.

— Значит, ты здесь, чтобы собрать свои вещи и уехать, так? — спросила я.

— Ну, уж нет. Раз они способны на такие гадости, мой отъезд ничего не исправит. Вся эта потусторонняя жуть будет доставать меня еще больше, ведь мне не с кем будет там об этом поговорить. Я даже не смогу никому объяснить, почему уехала из «Мелеты». Поэтому, нет, я ни за что не уеду. Останусь здесь до конца, потому что уж если они способны сотворить со мной такое, способны отобрать мой голос, значит, я возьму от них все, что смогу, в качестве платы. Я буду жить в этом доме, есть их еду и использовать все это время, чтобы создать что-нибудь по-настоящему гениальное, и в конечном итоге, отплачу им за все эти мерзкие штучки. Устрою им веселую жизнь.

— И чем именно ты собираешься заняться?

— Я подумываю о том, чтобы сменить проект.

— Больше не хочешь сочинять рок-оперу про Жанну д'Арк?

Она допила виски из стакана, и ее зубы сверкнули в широкой улыбке, и были в этой улыбке

сила и решимость.

— У меня неожиданно появилось желание исследовать, как можно обойти запрет на выражение мыслей с помощью голоса, причем не обязательно магическими способами. Думаю, стоит затеять проект, который поможет мне донести все, что я хочу сказать, когда я уеду отсюда.

— Будь осторожна, Ариэль.

— Да перестань, Имоджен. Ты же знаешь, каковы законы творчества. Никто никогда не создал бы великих произведений искусства, если бы не умел рисковать.

Глава 16

Я полезла в ящик письменного стола за новым блокнотом, и моя рука наткнулась на ту самую связку пафосных писем, адресованных «Томасу, моей истинной любви», и подписанных «навеки твоя, Дж.», которую я нашла в библиотеке. С тех пор произошло так много событий, что я совсем о них забыла. В комнате запахло розмарином, когда я вытащила письма из ящика. Развязав ленту, я снова принялась их читать.

Теперь я замечала те странности, на которые раньше не обращала внимания. Среди любовных клятв и заверений в верности проскальзывали постоянные намеки на семилетнюю разлуку. Я устроилась в кресле и прочла их еще раз, на сей раз медленно и вдумчиво. *Когда пройдут эти семь лет… Когда семилетняя разлука закончится… Я буду ждать тебя все семь лет…* Она писала ему, что будет работать над сборником стихов, чтобы скоротать время до его возвращения. Когда он вернется, она принесет ему в дар свою любовь и все его мечты исполнятся. Кем бы ни был этот Томас, он явно оставался в Волшебной стране

в качестве дани. Таинственная Дж. писала ему любовные послания, когда он жил в мире фейри.

Я снова перевязала конверты лентой с печатью, и спустилась в кухню.

— Привет, Имоджен, — сказала Ариэль. — Взгляни-ка на это.

Она открыла входную дверь. Неизвестно откуда взявшаяся огромная коробка, наполненная обогревателями, свечами и одеялами, стояла на террасе. По верху коробки шла странная надпись: ПРОТИВОБУРАННЫЙ КОМПЛЕКТ БЕЗОПАСНОСТИ.

Дополнительные вязанки дров для камина были навалены вдоль стены дома. Отдававший металлом запах снега наполнял морозный воздух.

— Неужели все так серьезно? Или такая забота тоже часть предусмотренного пакета услуг? — спросила Ариэль. — Потому что, как по мне, это уж слишком. Ведь идет небольшой снежок, и только.

Я вывела прогноз погоды на дисплей телефона.

— Думаю, все действительно серьезно. Синоптики обещают сильную метель, к завтрашнему утру выпадет не меньше фута снега. — Я обхватила себя руками и принялась прыгать, чтобы

согреться. Доски террасы трещали и скрипели, почти так же, как деревья под напором ветра. От нашего дыхания в воздухе плыли облачка пара. Низко нависающее небо было серым, по нему, как напоминания об уходящей осени, летели редкие потрепанные листья. Они кружили в воздухе и медленно падали на землю.

По ступенькам крыльца взлетела разрумянившаяся Марин.

— Как же холодно! А вы двое что тут делаете?

— Ждем метели. Похоже, будет снежная буря.

— Следовало ожидать! Бедро страшно болит, — сказала Марин, прижимая руку к левой ноге. Она когда-то упала и сильно ударилась, отрабатывая па-де-де на занятиях, и хрящ тазобедренного сустава треснул. Старая травма давала о себе знать в холодную и ненастную погоду сильными болями.

Все наши телефоны одновременно запищали. Пришла рассылка, что надвигается сильная метель, и что во все дома обитателей «Мелеты» были доставлены необходимые запасы.

— Я всегда мечтала оказаться в домике, занесенном снегом. Купание в снегу, горячий шоколад и все такое. Это будет просто замечательно, — сказала Ариэль.

— Ариэль, дорогуша, откуда ты родом? — спросила Марин.

— Из Майами. Никогда в жизни не видела снега!

— Ну-ну, продолжай верить, что метель это сущий кайф, — произнесла Марин, входя в дом.

— Непременно, — парировала Ариэль. — Мой энтузиазм неподвластен воздействию холода и сарказма.

Я решила приготовить большую кастрюлю супа, который можно долго помешивать на медленном огне. Ариэль разожгла камин, и когда в небе поплыли первые снежинки, мы с ней вышли на улицу. Счастливо улыбаясь, она ловила их языком и кружилась, пока ее волосы не запорошило снегом.

— А ты можешь станцевать вальс снежинок из «Щелкунчика»? — спросила она Марин.

Марин закрыла глаза и застонала, изображая агонию.

— Разве что в страшном сне! А почему ты меня об этом спрашиваешь? Я-то думала, мы с тобой друзья.

— А что не так со «Щелкунчиком»? Мне этот балет нравится! Каждый год на него хожу.

— Не только ты! Все на свете на него ходят!

Каждый божий день в декабре. И так каждый год, твою мать. В этом-то и проблема. Убеждена, ад — это вечность, в которой тебя заставляют танцевать снежинку в «Щелкунчике».

— Не хочешь ли ты сказать, что это все равно, как если бы ты попросила меня спеть песню «Мое сердце будет биться дальше» из «Титаника»?

Марин кивнула.

— Именно. Я станцую снежинку, только если ты это споешь!

— Да ни за что на свете, черт возьми! — Они посмотрели друг на друга, изобразив крайнее отвращение. Я расхохоталась.

С каждым часом небо становилось все темнее, снегопад усиливался. Мы зажгли свечи и фонарики во всем доме.

Елена тоже вышла в кухню и достала большую миску.

— Попробую по примеру Имоджен бороться со стрессом при помощи готовки. Ненавижу такую погоду!

Она напекла целый поднос крекеров к супу, и мы принялись за поздний обед.

Сильный порыв ветра сотряс дом, с завыванием проникая под дверь, стекла задребезжали. Вторая атака не заставила себя ждать. Елена съежилась

от страха. С третьим ударом свет в доме погас.

— Сдается мне, что после всего этого я перестану выражать восторги по поводу снегопада, — содрогнувшись, прошептала Ариэль. Она поплотнее закуталась в шарф, который так и не снимала с плеч целый день.

— Все будет хорошо, — сказала Марин. — У нас полно дров, в кладовке есть запасные одеяла. Мы наслаждаемся горячей едой — твои крекеры, Елена, просто великолепны, — так что, переживем.

Порыв ветра снова сотряс стены дома.

— Как же я это ненавижу, — произнесла Елена. — В такую метель чувствуешь себя погребенным заживо.

— Поэтому нам нужно придумать какое-нибудь занятие, чтобы отвлечься, — предложила Марин.

— На самом деле, есть одна идея. Подождите-ка. — Я схватила фонарик и пошла наверх в свою комнату, чтобы принести таинственные письма.

— Вот, посмотрите. Я нашла их еще в сентябре, когда мы здесь поселились. — Я положила пачку писем на стол. — В начале они просто показались мне довольно любопытными, а потом я догадалась, что, кто бы ни была эта самая Дж., Томас, которому она писала все эти письма, в то время отбывал свой срок в Волшебной стране в

качестве дани.

Я развязала ленту и раздала письма всем присутствующим. Некоторое время слышался только шелест бумаги, а потом раздался возглас:

— О, нет. Не может быть. Вот черт!

— Елена, в чем дело? — спросила я.

— Мне знаком этот почерк! И я точно знаю, кто эти люди. Это мои родители. — Ее голос дрожал, как оконное стекло под порывами ветра.

— Дайте мне остальные письма, — потребовала она.

Ариэль, Марин и я протянули ей письма, чтение которых неожиданно перестало быть развлечением в зимний вечер, попыткой найти разгадку тайны в настольной игре.

Елена принялась читать письма, закусив губу так сильно, что показалась кровь. Она потерла губы тыльной стороной ладони, размазав кровь вперемешку с помадой, казавшейся почти черной в свете свечей.

— Дж, — это первая буква в имени «Дженет». Дженет Томас, моя мать.

Это была первая неожиданность. Но нас поджидали и другие.

— Я никогда не встречалась со своим отцом. Он бросил мать, когда она была беременна. Ну, не то,

чтобы бросил… В то время она жила в Волшебной стране в качестве дани.

— Подожди, — прервала ее я. — Эти письма… Получается, они оба там были? Я имею в виду, как избранные?

— Он первым туда отправился, — ответила Елена. — И даже, несмотря на то, что она ждала его семь лет, пока он был там, он не стал хранить ей верность, когда подошел ее черед служить данью.

— Но… — начала было Ариэль.

— Послушайте. Подобное вероломство уже само по себе отвратительно. Давайте я изложу свою версию событий, а уж потом задавайте свои вопросы. Отец был художником по стеклу, но сейчас он работает в жанре монументальной скульптуры. Вы, наверное, слышали о нем. Его имя Томас Грин. Просто мама взяла его имя в качестве фамилии, когда я родилась. Полагаю, в знак любви, но это не сработало. Он настоящий мерзавец, и это еще мягко сказано.

Конечно же, мы слышали о нем. Томас Грин был одним из художников, чье имя всегда на слуху, и знакомо даже людям, далеким от искусства. Он создал знаменитый на весь мир мемориал. Спроектировал здание музея, которое было столь

необычным, что споры о нем не утихли до сих пор. Оно представляло собой высоченные шпили из стекла, которые особым образом поглощали и отражали свет, делая здание похожим на инопланетный корабль. Он получил крупный грант как выдающийся деятель искусств. Женился в третий раз на супермодели, которая всего лишь на два года старше Елены.

— Они познакомились в тот год, когда он жил в «Мелете». А жил он как раз в нашем домике, в комнате наверху, в башне. Думаю, именно поэтому письма и были спрятаны здесь. В любом случае, все это не имеет значения.

Он искал натурщицу. Мама ответила на его объявление. Видели витражи на двери ее дома? Это его ранняя работа, созданная еще до того, как он сменил направление в творчестве. Женщина, изображенная на стекле, — моя мать. Между ними завязались отношения. Похоже, они влюбились друг в друга. С этого момента история развивается совсем не так, как вы предполагаете, потому что забеременела она вовсе не тогда. Это случилось уже после его возвращения. Перед тем, как ей надо было отправляться в мир фейри.

— О боже, — произнесла Марин. — Получается, ты выросла там.

Диковатая. Ведет себя так, словно не знает, что это такое — быть человеком. Да и откуда ей это знать? Я вспомнила собственную головокружительную скачку по владениям фейри, вспомнила пустоту, пугающую и бесконечно манящую… Не все избранные способны пережить эти семь лет. Даже трудно представить, каково там было ребенку.

— Да, я провела там почти семь первых лет жизни. — Лицо Елены покрылось красными пятнами, по щекам струились слезы. Я протянула ей салфетку, но она ее будто не заметила.

— Как… — спросила Марин прерывающимся голосом. — Как там было?

— Не знаю, — ответила Елена. — Я просто ничего не помню. Мне надо выпить.

Она встала, налила себе в стакан бурбона и поставила стакан и бутылку на стол. Мы не могли даже пошевелиться.

— Дженет работала, как одержимая, когда он ушел туда. Она хотела стать избранной и отправиться в мир фейри сразу после него, поэтому решила попробовать силы на поэтическом попроще. Она писала и писала стихи, и достигла достаточно высокого уровня, чтобы ее начали печатать. Потом ее пригласили в «Мелету», и, в

конце концов, удостоили чести стать одним из тех избранных, кому предложили заключить сделку с фейри. Она с радостью пошла на это.

Мое появление на свет не входило в ее планы, но на самом деле, я ей особенно не мешала. Она ведь уже попала туда. Получила все, что хотела, поэтому на меня ей было, в общем, наплевать.

Ариэль молча плакала вместе с ней, слезы струились по ее лицу, а Марин выглядела так, словно ее укачало.

Между тем, Елена продолжала.

— Семь лет прошли, мы вернулись в наш мир. В «Мелете» нам выделили милый маленький домик в лесу, видимо, в качестве запоздалой компенсации за мои страдания. Ведь если Дженет оказалась в мире фейри добровольно и на вполне законных основаниях, и «Мелета» от этого только выиграла, то я уж точно влипла в эту историю случайно и отнюдь не по своей воле. К тому же меня кинули еще и в другом отношении. Ведь договор, который заключила Дженет с фейри, никак меня не предусматривал. Дженет стала знаменитой. Она получила Пулитцеровскую премию, Национальную книжную премию. А мне от всего этого великолепия ничего не перепало. Считается, что я даже недостаточно хороша, что-

бы получить этот гребаный амулет.

— Но ты же была с нами там, на Хэллоуин. Скакала вместе с нами в Волшебную страну, — сказала я. — Я думала…

— Если ты находишься в «Мелете» в Хэллоуин, и уже побывал в мире фейри раньше, пусть и не в качестве дани, ты должен принимать участие в скачках в ночь Самайна. Участвовать в проводах старого года, приветствовать новые возможности, и все такое. Поэтому мне просто приходится в обязательном порядке там бывать. И так каждый год!

— Несмотря на то, что ты жила в Волшебной стране не по своей воле, — произнесла я.

— Им свойственно строго придерживаться правил. — Слова ее буквально сочились горечью.

— Похоже, ты все это ненавидишь до глубины души, — пробормотала Ариэль.

— Так и есть. Ненавижу. И все это, и *их* в первую очередь. — Она прошипела эти слова, словно проклятие.

— В таком случае, почему ты хочешь стать избранной? — спросила я. — И что ты вообще делаешь в «Мелете»? Почему бы тебе не убраться отсюда как можно дальше, и забыть все, как страшный сон?

— Потому что, только лучшие могут служить данью. А я хочу стать лучшей, твою мать. Потому что, когда я вернусь из Волшебной страны, то обрету власть, и вот тогда-то я смогу уехать и забыть обо всем к чертовой матери. И все, кто для меня хоть что-то значит в этой жизни, узнают, что я не малодушно сбежала отсюда, потому что мне не хватило таланта, а покинула «Мелету», потому что действительно превзошла всех. И еще. Если я стану избранной, Гэвин будет вынужден вернуть моего отца Дженет.

— Что? — произнесла Марин тоном резким, как щелчок хлыста.

— Когда отец жил в мире фейри, их королева украла его сердце, и он забыл Дженет. Вот почему он не дождался ее, вот почему он не может никого любить сейчас. Посмотрите, какой образ жизни он ведет. — Она презрительно усмехнулась. — Но если я попаду туда, он будет освобожден от этого наваждения. Он вспомнит, что любит Дженет. Любит меня.

— Послушай, Елена, так не получится.

— Уверена, что Гэвин внушил тебе это. Он, наверное, много чего тебе наговорил. — Она скривила губы, произнося эти слова. — Просто пораскинь мозгами, что он получит, если ты

будешь находиться там семь лет, и он будет единственным существом, на кого ты сможешь положиться. Ты будешь всецело в его власти!

Снова раздались завывания ветра, словно оплакивающие конец чьей-то мечты. Ветви деревьев колотили в окно, как жадно тянущиеся к нам руки.

— Они не умеют лгать, — произнесла я.

— Понимаешь, есть большая разница между ложью и недосказанностью, — сказала Елена.

— А я одного не понимаю, — сказала Ариэль. — Даже после того, как Елена все нам рассказала, и мы знаем, как она *их* ненавидит, мы все — каждый из нас — можем видеть лишь результат. То, что происходит, когда люди после семи лет служения фейри возвращаются из Волшебной страны. Я имею в виду, весь этот безумный успех и все такое, но подождите — вы вообще-то думали, что можете быть талантливы сами по себе? И что вы только зря потратите эти семь лет? Вы действительно считаете, что вы, как личность, вернетесь после семи долгих лет в мир такими же, какими были прежде? Подумайте, от чего вы отказываетесь в реальной жизни, потому что, на самом деле, вы все просто одержимы и делаете из всего этого какой-то культ. — Ариэль поднялась

и начала убирать посуду со стола.

— Легко вообразить, что так просто сделать выбор, когда ты сама не собираешься его делать, — сказала Марин.

— Спасибо за это маленькое напоминание, — ответила Ариэль. — Но я не это хочу сказать. Я лишь хочу напомнить, что, может быть, сначала следует во всем разобраться, и понять, что не все в этой сделке так уж гладко.

— Разумеется, все не так гладко, — сказала Елена. — Мы знаем, что там может быть скрыт подвох, но все равно готовы на это пойти. Вот почему это всегда срабатывает. — Она забрала бутылку бурбона и охапку писем и пошла наверх, в свою комнату.

Я сажусь писать, когда не знаю, чем заняться. Когда растеряна и не могу привести мысли в порядок. Это помогает осмыслить те эпизоды жизни, с которыми иначе слишком сложно, слишком больно соприкасаться.

Именно это изначально меня и подвигло к сочинительству. Так я могла справиться с теми проблемами, на которые я осмеливалась взглянуть лишь краем глаза. Но теперь я писала свои истории и по другим причинам — радость творчества, стремление проявить свой талант. Но в

глубине души я знала, что главная побудительная причина все еще оставалась прежней.

Поэтому я взяла свечу и отправилась в свою комнату в башенке, парящей над землей в темноте. Снежные вихри, закручиваясь, проносились мимо окна, за которым стояла сплошная белая мгла. Я принялась писать.

Давным-давно…

Однажды утром королева фейри скакала на белом коне по лугу и встретила рыцаря из мира людей. Рыцарь был красив, строен, и речь его была словно мед. Королева была так очарована им, что отдалась ему прямо там, на склоне холма. И были ласки их столь горячи и сладостны, что забрала она рыцаря с собой в Волшебную страну.

И он согласился последовать за ней, потому что думал, что проведет там лишь семь дней и семь ночей, и неземное блаженство в ее объятиях того стоило. Но когда этот срок прошел, королева рассталась с ним, и он понял, что время, проведенное с ней, исчислялось не днями и ночами, а годами. Он покинул ее, погруженный в глубокую печаль. Он потерял свою любовь, потерял все, что связывало его с прежней жизнью, ничего не осталось у него, кроме воспоминаний.

Однажды, давным-давно рыцарь скакал по лесу и встретил королеву фейри. Он вплетал цветы в ее волосы и целовал ее бледную кожу, залитую лунным светом, и она ответила на его поцелуи, и сделала его своим возлюбленным. А когда ночь любви закончилась, и рыцарь уснул, она наслала на него странные сны, и смерть была в этих снах. Бледные короли и принцы, холодные и мертвые, взывали к нему. Когда он пробудился, то был бледным и холодным, и бродил словно тень по диким холмам. Он преследовал там заблудившихся людей, и они в ужасе бежали от него в страну фейри, и лишь некоторые возвращались оттуда, холодные и бледные, и все бродили по окрестным холмам. Но королева фейри так и не явилась к нему снова, а он никогда так и не смог вернуться к тому, что когда-то называл жизнью.

Однажды, давным-давно повелитель фейри встретил девушку. Она была прекрасна и добра, и танцевала так, словно сам ветер благословил ее легкие ножки. И он полюбил ее, потому что так бывает во всех сказках, и забрал ее с собой в Волшебную страну, чтобы там она танцевала для него вечно. Потому что именно так поступают все короли, когда влюбляются.

И девушка отправилась в страну фейри, и без

конца танцевала с их королем. Танцевала так долго, что однажды настал день, когда у нее уже не было сил подняться и надеть бальные туфельки. Такое тоже случается.

У всех этих любовных историй печальный конец, и их героям не суждено прожить вместе долго и счастливо, хотя и произошли они в разное время.

Но такие истории случались не только в стародавние времена. Им свойственно повторяться. Снова и снова. Прежде и теперь.

* * *

— Я немного знакома с Томасом. — Запах лаванды наполнил комнату, когда Бет наливала чай в чашку цвета безоблачного неба. — Он очень талантлив и по-настоящему очарователен. Но я никогда не встречала человека, который до такой степени был бы одержим плотскими желаниями. Нисколько не сомневаюсь, что он посулил бы Дженет что угодно, лишь бы затащить ее в постель, каким бы поверхностным ни было его отношение к ней. Особенно сразу после того, как он вернулся из мира фейри. Ведь там ты проводишь так много времени, являясь лишь

бесконечным источником эмоций, и поэтому физические ощущения невероятно усиливаются по возвращении в наш мир. В день возвращения оттуда я битый час простояла под душем, наслаждаясь прикосновением каждой капельки воды к коже. Целая неделя прошла, прежде чем я смогла выносить прикосновение даже самой свободной одежды к своему телу.

Ты заставляешь меня чувствовать себя живым, настоящим. Так, кажется, сказал Эван. Я подумала, что теперь хоть в какой-то степени представляю, что он имел в виду, но, возможно, это просто выше понимания обычного человека.

Между тем, Бет продолжала:

— К тому же, я больше чем уверена, что почти любая женщина скорее убедит себя, что сердце ее возлюбленного украла коварная королева фей, чем признает, что он просто ушел от нее и не собирается возвращаться.

— Значит, с Танией вы тоже были знакомы? — спросила я.

— Конечно. Она была повелительницей в мире фейри, когда я отбывала там свой срок, причем уже довольно давно. Когда я с ней познакомилась, она большую часть времени проводила в Волшебной стране и еще не решила, явиться ли

ей в наш мир и развлекаться здесь, изображая художницу. Ведь для нее это всего лишь игра. Забавное развлечение, возможность выйти за пределы своего мира. Но в случае с Гэвином — насколько я его знаю — это совсем другое. Он совсем не такой, как она. Хотите знать, считаю ли я, что она могла заставить Томаса полюбить ее? Вне всяких сомнений, да. Ослепив великолепием, всепоглощающей чувственностью. Стоило бы ей захотеть, и он пал бы к ее ногам. Но даже если предположить, что Тания вдруг могла воспылать большой любовью, то Томас на это вряд ли способен, и в любом случае, Дженет не соперница для королевы фейри. Поэтому не думаю, что Тания хоть пальцем бы пошевелила, чтобы навредить Дженет, которая для нее не более, чем пустое место. К тому же эта особа сама вполне способна испортить себе жизнь.

— Одного никак не пойму, — сказала я. — Если Дженет настолько отчаялась, что хочет, чтобы ее дочь попала в число избранных, чтобы вернуть Томаса, почему она не даст ей амулет, чтобы Елена участвовала в конкурсе наравне с нами?

— Потому что это так не работает. Я, например, не заказывала у них амулет для вас, и не забирала его в административном корпусе. В тот день,

когда я вручила его вам, я его просто нашла.

— Нашли? — эхом повторила я.

— Я делала записи в своем ежедневнике и, листая страницы, обнаружила его между ними. Да, я хотела дать вам шанс, но не я решаю, достойны ли вы его. Вот почему мне срочно потребовались хоть несколько страниц написанного текста. Разумеется, чтобы прочитать самой, а потом передать фейри. Именно они принимают решение. Точно так же весной они будут решать, кто из вас станет избранным.

То самое ощущение, что за тобой наблюдают, которое было у всех нас в первые дни в «Мелете». Я задавалась вопросом, оставили ли нас в покое неизвестные существа, или мы просто привыкли к этому ощущению.

— Сколько времени еще есть у Елены? — спросила я. — Когда может быть принято решение, заслуживает она носить амулет или нет?

— Амулет может быть дарован в любой момент до дня летнего равноденствия, когда будет сделан выбор, кто отправится в Волшебную страну. Но обычно их дарят задолго до этого. Думаю, если до Нового года она его не получит, ей не на что надеяться. Хотя, на ее месте, я бы ни за что не хотела туда вернуться.

— Елена утверждает, что ничего не помнит о своей жизни там.

— Ну что ж, — Бет прикрыла глаза. — Может, оно и к лучшему.

— Вы знали, что Елена — дочь Дженет? — спросила я.

— Нет. Если мне не изменяет память, я здесь уже в третий раз в качестве наставника со времени их возвращения. Значит, уже дважды, не считая этого раза, я могла встречаться здесь с Еленой. И в этом нет ничего удивительного. Наставники могут привозить с собой семьи, и вы можете видеть ребенка и не знать, чей он, если только не приходите к этим людям в дом. Но мне все же кажется, что Елену я тут не видела и понятия не имела о том, что у Дженет есть дочь.

— Даже представить не могу, что она испытывала в детстве, — заметила я.

Мне доводилось видеть детей на территории «Мелеты». Они играли в футбол или какие-нибудь другие игры. Носились с воплями по центральной площади, катались на велосипедах, бегали по тропинкам. Общались с друзьями. В общем, делали то, что обычно и делают дети. Оказывается, можно вести нормальную жизнь в этом абсолютно ненормальном месте.

Если только ваша мать не прячет вас, как принцессу в башне.

Мы как-то шутили, говоря, что Елена ведет себя так, словно выросла среди волков. Но упражняясь в остроумии, мы поранились обоюдоострым мечом, ведь были недалеки от истины, затронув тему монстров как метафору. Когда понимаешь, что твои слова причинили боль, остается только ронять слезы, и страдать вместе с тем, кого ты невольно обидел.

Жила-была королева фей, и сердце ее было из плоти и крови. Знаю, вы думаете, такого не бывает, но я ведь обещала говорить вам чистую правду.

Никто не рождается с каменным сердцем. Наши сердца бьются, словно птицы в клетке, трепещут, и пытаются улететь при первой возможности. Но с того момента, как твою голову увенчала корона, и ты заняла свое место на троне, живое сердце со всей нежностью, переполняющей его, надо вынуть из груди и спрятать подальше, поместив во что-нибудь, что невозможно разбить. В камень, например, потому что нельзя править своим народом и испытывать любовь, так как есть на свете вещи более важные, чем страдающее сердце.

Так бывает. Поэтому и существуют сказочные

истории о слезах королевы, бледной и холодной, как мрамор, каждая слезинка которой рождает чудо, открывает двери, через которые можно выйти живым из ада. Потому что, какое чудо сравнится с каменным сердцем, способным страдать? Только воскресение из мертвых.

Когда королева фей заменила сердце из плоти и крови на каменное, то сначала ей нравилось ощущать холодную тяжесть в груди. Каменное сердце не знает слабостей и сомнений. Оно может биться вечно. Каменное сердце вместо сердца из плоти и крови надежнее защитит тебя, чем жизнь, спрятанная в сверкающем изумруде, в птичьем яйце, в дупле. Королева могла не бояться, что кто-то похитит ее сердце, что произойдет что-то, угрожающее ее беспредельной власти.

Она убеждала себя, что ничего не потеряла от такой замены. В жизни ее были чувства, которые можно было принять за любовь и наслаждаться страстью, и королева пользовалась этими радостями, но сердце ее оставалось холодным.

Но иногда даже каменное сердце может забиться. Истинная любовь — сила, которая может сокрушить даже камень.

И королева с каменным сердцем встретила прекрасного мужчину и полюбила его с первого

взгляда. И она отдала ему всю себя, отдала даже свое сердце. Свое каменное сердце, биение которого она снова ощутила в груди.

И оказалось, что камень можно сокрушить.

Она любила его так сильно, что могла бы достать с неба солнце и подарить ему, и была бы счастлива видеть его в руках любимого.

Но столь безграничная любовь — большое испытание для того, кого любят. Не все могут вынести жар солнца в ладонях, пусть и подаренного в знак любви. И возлюбленный королевы отвернулся от нее. Он сказал ей, что у нее холодное каменное сердце, а ему нужно теплое, человеческое. Он сказал, что хочет любить не властную надменную королеву, а обычную земную женщину, которая будет смотреть на него как на повелителя.

Но она была гордой королевой, и не могла пойти на его условия. Даже ради безграничной любви. Ведь это было унизительно для повелительницы Волшебной страны.

И возлюбленный покинул ее, ушел, даже не оглянувшись. Он ни разу не вспомнил о ней и не пожалел, ведь трудно представить, что каменное сердце может страдать.

Тогда королева поклялась, что ее сердце при-

надлежит ей одной, и больше она его никому не отдаст. И она была верна этой клятве всю свою жизнь, хотя рядом с ней всегда был кто-то, кто готов был играть с ней в любовь, покоренный ее неземной красотой и чувственностью. Но она никогда больше не испытывала искренних чувств. Она меняла мужчин после одной ночи, после пары месяцев, после семи лет.

Прошло время, и королева с каменным сердцем умерла. Каменное сердце вынули из ее груди, чтобы поместить в память о ней на ее гробницу. Но когда его взяли в руки, оно тут же разлетелось на тысячи песчинок, похожих на невыплаканные слезы.

Глава 17

Снег покрывал землю «Мелеты», словно белое пушистое одеяло. У стен домов намело высокие сугробы. Теремок в русском стиле, казалось, рос из снега, словно кусочек России перенесли в Нью-Хэмпшир.

Я сошла с дорожки и тут же провалилась в снег так, что он грозил набиться в сапоги. Я шла с трудом, покачиваясь из стороны в сторону, раскинув руки, чтобы удержать равновесие. Подойдя ближе к студии Эвана, я увидела едва заметную тропинку, которую снова почти замело, и, едва переставляя ноги, побрела по ней.

Я потопала на крыльце, чтобы отряхнуть налипший снег, и, подняв голову, заметила, что с водосточного желоба свешиваются какие-то веточки, покрытые ягодами ярко-оранжевого цвета.

— Это что, такая извращенная версия ветки омелы?

— Нет, но я счастлив поцеловать тебя под ней, — ответил Эван, картинно обнимая меня и откидывая назад, чтобы изобразить страстный

поцелуй. Я покраснела и, засмеявшись, прошла за ним в дом.

В студии стоял запах горелого металла. Я покрутила головой, пытаясь увидеть, над чем он сейчас работает. Но кругом стояли какие-то фигуры, покрытые чехлами, так что ничего нельзя было разглядеть.

Он проследил за моим взглядом.

— А мне казалось, что ты хочешь посмотреть мои более ранние работы.

— Не беспокойся, на этот раз я не собираюсь просить тебя показать мне что-то из последнего. Я тоже не люблю показывать то, что еще не закончила.

И я действительно пришла познакомиться с его ранними скульптурами, которые он создал до того, как отправился в Волшебную страну.

Мне не давали покоя слова Ариэль о том, что в творчестве человека происходят заметные изменения после пребывания в Волшебной стране. У Бет не издавалось ничего до той книги, которую она начала в «Мелете» и закончила в мире фейри, а читать стихи Дженет у меня не было ни малейшего желания. Но мне нравились работы Эвана, и он трудился в той же самой студии, которую ему выделили по приезде в «Мелету», а значит, у

меня будет возможность сравнить его прежние работы с новыми.

Он провел меня через металлический лес, который я уже видела, и я снова была поражена красотой деревьев и исходившим от них странным чувством одиночества. Мы прошли дальше, вглубь студии, где работы были расчехлены.

— Вот они.

Они не были металлическими. Скульптуры из мрамора — существа, еще до конца не обретшие форму, словно находящиеся в процессе рождения из холодного беспощадного камня, не прощающего скульптору ни малейшей ошибки. Вот сокол в полете, широко расправивший крылья, свернувшаяся кольцами змея, поднимающая голову. Табун лошадей, возникающий из пены морской. Все небольшого размера, но с тщательно проработанными деталями, они поражали воображение.

— Почему ты сменил стиль? — спросила я.

— Мне хотелось чего-то более откровенного. Чего-то чистого в своей первозданности. К тому же, хотелось, чтобы мои работы занимали больше пространства.

Я могла это понять. Его новые скульптуры из металла не отличались мягкостью форм, в них не было ничего лишнего. Они стояли перед вами,

заставляя испытывать сильные эмоции. Мраморными изваяниями можно было любоваться, они трогали душу, перед ними вы вновь проживали свою историю — побег, рождение, восхождение.

Старые работы были прекрасны, новые — полны жизни.

— Ты когда-нибудь думал вернуться к старому стилю?

— Я уже не тот человек, что раньше. Я действительно уверен, что жизнь в стране фейри изменила мою личность. Как и смерть Тании. И все, что происходило на протяжении этих семи лет. Может быть, по моим работам это не так заметно, но перемены были неизбежны, даже если бы мне не довелось там побывать. Ответь, ты захочешь писать в том же стиле через пять лет?

— Конечно, нет, — сказала я. — Я хочу совершенствоваться.

— Вот именно. А совершенствоваться — значит усердно трудиться. Пробовать новое. Понимаю, ты ждала прямого ответа, но я не могу сказать тебе, в каком направлении пошел бы в своем творчестве, если бы не жил в стране фейри последние семь лет, Имоджен. Чтобы ответить на твой вопрос, мне надо было бы стереть их из памяти.

В том-то все и дело — ваше прошлое неразрывно связано с вашим творчеством, хотите вы того или нет. Оно не оставляет вас в покое. Если прошлое тяготит вас, вы не перестаете задавать себе вопрос — изменили бы вы его, если бы могли? Согласились бы заменить полное бед и страданий детство на счастливое, или хотя бы нормальное, зная, что если бы сделали это, некоторые важные для вас вещи исчезли бы вместе с бедами прошлого?

Я начала писать, пытаясь убежать от ужасной действительности, бросить ей вызов. Если бы мое несчастливое детство не заставило меня искать выход в сочинительстве, возможно, я бы никогда и не взялась за перо. Но мне нравилось, что я стала такой, какой стала, и я гордилась своим творчеством. Но ведь одно невозможно без другого. Очень трудно ответить на вопрос, кем бы я стала, не будь у меня такого прошлого. И все же, часть ответа у меня была.

Мне много о чем хотелось спросить Эвана. Например, каким он был человеком до того, как попал в Волшебную страну. Хотя, в известной мере, его ответ будет неизменен. Семь лет назад он был совсем другим человеком, и жизнь в Волшебной стране лишь частично объясняла,

почему в нем произошли такие перемены.

Ладно, хватит с меня головоломок на сегодня. Я встала на цыпочки и поцеловала его. Эван притянул меня ближе и углубил поцелуй, на который я ответила, растворяясь в ощущениях.

— Я тоже по тебе скучала, — прошептала я. — Приходи ко мне сегодня ночью.

— Останься со мной сейчас, — сказал он. — Позволь мне показать, как сильно я тебя хочу. — Его руки скользили по моей коже, он начал покрывать поцелуями мою шею и грудь, спускаясь ниже.

— Да, — едва слышно выдохнула я.

И мы любили друг друга среди его рукотворного леса.

Я совсем не чувствовала холода, когда возвращалась домой.

Едва открыв дверь в наш дом, я почувствовала уютный запах ванили и корицы — запах свежей выпечки. Играла музыка. Ариэль выводила самые высокие ноты в песне Мэрайи Кэри «Все, что мне нужно на Рождество — это ты». Слышалось жужжание миксера. За время моего отсутствия кто-то украсил перила лестницы сверкающей серебристой мишурой и красными и зелеными стеклянными шариками. Я повесила пальто на

крючок рядом у двери и прошла в кухню.

Там хлопотала не только Ариэль. Елена тоже принимала участие. На голове у нее был колпак Санта-Клауса, довольно дико смотревшийся на ее ярко-розовых волосах.

— И мне дайте задание, — сказала я, моя руки. — Я готова помогать. Елена, до чего же мне нравится твоя шапка!

Она дернулась и, отвернувшись от того, что только что сосредоточенно взбивала миксером, посмотрела на меня.

— Серьезно? Ну, ладно. Я не была уверена, стоит ли наряжаться, поэтому просто нацепила этот колпак. Никогда раньше ничего подобного не делала. У Дженет не было привычки отмечать праздники.

— Конечно, серьезно. На тебе он смотрится отлично.

Я скатала шарик из теста, которое дала мне Ариэль, затем примяла его так, чтобы было место для шоколадного поцелуйчика, который будет запечен сверху.

Идея печь печенье вместе принадлежала Ариэль. В ее семье это было традицией, которую она помнила с детства.

— А все потому, что по дому бесцельно слоня-

лись два десятка двоюродных братьев и сестер, и мама ломала голову, чем бы нас занять. Согласитесь, гораздо сложнее устраивать шалости, когда вы заняты раскатыванием теста или намазываете на печенье глазурь. А потом она раздавала печенье всем — ребятам из службы доставки, учителям, священнику — поэтому нам нужно было приготовить целую тонну. В конце дня мы были с ног до головы перемазаны мукой. Но это было так весело! И нам четверым немного веселья не помешает.

Она была права. Ослепительно белый снежный океан за окном выглядел, скорее, как какой-нибудь неземной пейзаж, чем идиллическая рождественская открытка от «Каррьер энд Айвз». Снежная буря замела наш домик, и мы оказались заперты в небольшом замкнутом пространстве. В первые дни после метели мы не могли выбраться из дома, и поэтому не могли избежать общества друг друга. А столкновение людей со столь разными характерами неизбежно приводило к противоречиям и напряженности. Так, например, Марин была уверена, что Дженет лгала Елене по поводу договора с фейри.

— Я спросила Гэвина об этом, — рассказала мне сестра. — Он объяснил, что договор ничего

подобного не предусматривает, и его нельзя использовать, чтобы выторговать себе еще что-то, помимо творческого успеха. Даже если бы это было возможно, у фейри нет никаких причин вмешиваться в отношения между Томасом и Дженет, потому что им от этого нет никакого прока.

Это звучало довольно жестоко, но я поверила Гэвину именно потому, что это еще раз подтверждало крайнюю расчетливость фейри.

— Бет тоже говорила что-то в этом духе. Я начинаю думать, что эта самая Дженет может дать нашей мамаше сто очков вперед в борьбе за звание самого ужасного родителя на свете.

— Согласна. Похоже, она даже не стремилась узнать, можно ли отослать ребенка из мира фейри, когда родилась Елена. Или можно ли ее как-то защитить от их влияния, если уж она жила там. Полагаю, она вообще не хотела забеременеть, и фейри легко могли бы предотвратить рождение ребенка, если бы она их об этом попросила. Но ей просто на все было наплевать. Скорее всего, она об этом даже и не подумала.

Я как раз вспоминала этот разговор, когда в кухню вошла Марин в ярких праздничных колготках в красно-зеленую полоску.

— Елена, как же мне нравится твоя шляпа!

— Похоже, она всем нравится.

Ариэль перехватила мой взгляд и покачала головой, удивляясь приветливому тону Елены.

Колючая, как всегда, она все же сейчас была с нами, принимала участие в готовке и не затевала ссор со всеми подряд, как обычно. Я даже слышала, как она тихонько подпевала, когда мы принялись распевать рождественские гимны.

День был просто замечательный! После того, как мы испекли пять видов печенья и приготовили два вида сливочной помадки, напряжение, царившее в доме со дня снежной бури, наконец растаяло.

Елена даже улыбалась Марин и смеялась, когда Ариэль назвала наше сборище «рождественским чудом». Конечно, дружеские посиделки вряд ли можно считать чудесами, но для нас это так и было.

Бет собиралась уехать из «Мелеты» на праздники.

— Прошу прощения, что бросаю вас в такое время, обычно я не уезжаю, если уж взялась помогать кому-то, но моя дочь только что родила девочку. Это ее первенец, и моя первая внучка, поэтому я проведу Рождество с ними, помогу, чем смогу. Заодно и Рождество отпразднуем.

— О, как замечательно! Мои поздравления!

Как ни странно, я произнесла эти слова совершенно искренне, хотя мне трудно было представить семейные торжества как нечто приятное, но лицо Бет прямо-таки светилось от радости. По всей комнате были разложены стопки связанных ею вещей — одеяльца, чепчики, — которые скоро будут упакованы в чемоданы. Я отбросила невольную зависть, как и мысль о том, что если когда-нибудь у меня будет ребенок, я сделаю все, что в моих силах, чтобы не подпускать к нему мою мамашу и на пушечный выстрел.

— Пожалуйста, непременно свяжитесь со мной, если вам что-нибудь понадобится. Адрес электронной почты и мобильный тот же, как и здесь. Знаете, в праздники часто возникают непредвиденные проблемы, и иногда сама жизнь в «Мелете» их усугубляет. Было бы хорошо, если бы вы передумали здесь оставаться и все же съездили бы домой.

Моя рука невольно скрючилась, превратившись в клешню, и я прижала ее к телу. Подняла кружку с кофе, отпила немного. Мы с Бет никогда не обсуждали мою жизнь за пределами «Мелеты». Я придерживалась мнения, что не следует ее в это посвящать, если только не возникнут связанные

с ней последствия, которые могли бы помешать моей работе здесь. Поэтому ей лучше не знать, насколько безрадостны были для меня домашние праздники, особенно Рождество. Мне было одиннадцать, когда мамаша отправила котенка, которого подарили мне на Рождество, обратно в приют, сказав мне, что велела немедленно усыпить его, потому что я не надела праздничное. Она не купила мне нового, а прошлогоднее было уже маловато. Молния лопнула, когда я натянула его перед праздничным ужином, и мне пришлось надеть другое платье, большего размера. Я прекрасно осознавала, что это плохое решение, но ситуация, как ни крути, была безвыходной.

Марин нашла номер телефона этого приюта и держала меня за руку, когда я туда позвонила и, плача, рассказала всю эту историю сотруднице. Доброй женщине, которая и успокоила меня: «Что вы, милая, мы никогда не усыпляем здоровых котят! Этот пушистый комочек сегодня нашел себе замечательный дом». В ту ночь я рыдала, пока не забылась сном. Но, по крайней мере, я больше не чувствовала себя убийцей.

В средней школе, когда мне было тринадцать, мне досталась главная роль в рождественском спектакле. И в первый раз мать заявила, что

гордится мной. Она дождаться не могла, когда я появлюсь на сцене, и все смогут увидеть, что у нее две талантливые дочери. «Это вы унаследовали от меня», — самодовольно улыбаясь, твердила она.

Я была в таком ужасе, опасаясь, что могу сделать что-то не так, что у меня случился приступ паники, и я потеряла сознание прямо на сцене. Когда мы вернулись домой, она швырнула все тетрадки с историями, которые я написала, в огонь, заявив, что если бы я не тратила время на выдумки, то, может быть, лучше подготовилась бы к выступлению и не опозорила бы свою мать.

Я плакала, когда они горели, и Марин протянула руку, чтобы вытащить рукописи из огня. Она обожгла руку, и мать ударила ее по лицу за то, что она «мешает свершиться тому, что твоя сестра сама на себя навлекла». Это был единственный раз, когда я видела, как она бьет Марин.

Мы обе стояли оцепенев, и тогда мать схватила мою руку — правую руку, которой я писала свои истории, — сунула ее в огонь и держала там. Держала, пока рука горела, а я страшно кричала.

«Ты должна научиться делать так, как я скажу. Я много раз тебе это повторяла, но, видимо, слов недостаточно. Я делаю это ради твоего же собственного блага».

Красная, обгоревшая до мяса кожа. Агония боли. Я задыхалась, дыхание со свистом вырывалось из груди. Все слова исчезли.

Наконец, она отпустила мою руку.

— А теперь, Марин, мы поедем в больницу, где тебе залечат травмы, которые ты получила по вине своей сестры. Нам не нужно, чтобы у тебя оставались шрамы — это будет уродливо выглядеть на сцене. — Мамаша положила ключи в сумочку. — Поехали.

— Но Имоджен… она же пострадала больше, чем я.

— Твоя сестра останется здесь. Пусть подумает над тем, что она сделала.

— Но…

— Марин. — Я проглотила рыдание. — Просто поезжай.

Именно в тот год я начала присматривать какой-нибудь интернат и откладывать деньги, которые зарабатывала, присматривая за соседскими детьми, чтобы оплатить учебу там. Я очень переживала, что придется расстаться с Марин, но выхода у меня не было. Если бы я осталась, то, возможно, не выжила бы.

В тот год я научилась писать левой рукой, еще лучше прятать свои вещи и крепко хранить

тайны.

Судорога свела мою руку еще сильнее, она задрожала, и кофе пролился через край кружки. Я невольно зашипела.

— Имоджен! С вами все в порядке? — Бет наклонилась ко мне, отложив вязание. — Не думала, что кофе такой горячий.

Я снова выдохнула и поставила чашку на стол, прежде чем дрожащая рука еще больше его расплещет.

— Нет, все в порядке. Просто на руке у меня шрамы, а кожа там более чувствительная. Это все моя неосторожность.

Ей не надо ничего об этом знать. И главное, чтобы фейри об этом не узнали.

Предупреждая вопросы, которые, судя по выражению ее лица, она готова была задать, я потрясла рукой и улыбнулась.

— В этом году у меня нет необходимости ехать домой на каникулы. Мы с Марин остаемся здесь. Отпразднуем Рождество вместе. Я уже предвкушаю спокойный праздник в уютной обстановке.

— Что ж, звучит мило. — Она не стала ничего спрашивать, откинулась на спинку дивана и снова принялась за вязание.

— Это носочки для вашей внучки?

Я поняла, что почти успокоилась и в силах у нее остаться. Мы сможем закончить разговор. Вся боль осталась в прошлом, рука болит лишь по привычке. Я распрямила пальцы, прижала их к бедру, унимая дрожь.

— Глупо, я знаю. Но просто не могу остановиться. Руки сами тянутся к вязанию. Семья, праздник, понимаете?

Я улыбнулась.

— Вот поэтому я и остаюсь здесь с Марин.

— Знаете, Имоджен, я не представляла, как сложится ваша жизнь здесь вдвоем с сестрой. Рада, что вы так близки, так поддерживаете друг друга. Но есть кое-что, о чем вам следует подумать. Если вас выберут в качестве дани, сможете ли вы оставить Марин и отправиться в Волшебную страну?

Боль в руке стала вполне терпимой.

— Конечно смогу, — ответила я. — Она сама захочет, чтобы я там оказалась.

По крайней мере, в первой части своего ответа я была уверена.

В день зимнего солнцестояния в «Мелете» снова устроили Ночную ярмарку, и это было завораживающее зрелище. Огоньки, мигающие в темноте. Деревья, увешанные серебряными колокольчиками, которые звенели при малейшем

дуновении ветерка, наполняя ночь мелодичными звуками. В центре площади по традиции был разожжен большой костер. Йольский костер[16], чтобы отогнать долгую тьму и призвать солнце.

Зимний воздух был напоен запахом жарящихся каштанов, смолистым запахом сосновой хвои, и крепким ароматом благовоний. В лучах лунного света снег переливался, как мелкие осколки зеркала, и хрустел под ногами, когда я шла между киосками, задрапированными зеленой тканью, украшенными блестящими ярко-красными ягодами остролиста и белыми, словно восковыми ягодами омелы.

— Это тебе.

Я обернулась на голос, и краешком глаза успела заметить перья, плавно парящие в воздухе, словно снежинки, и глаза, желтые, с пристальным взглядом, как у совы. Я вдохнула запах корицы и пряностей, исходящий из чаши, которую странное создание протянуло мне, и тут иллюзия рассеялась. Передо мной стояла темноволосая женщина в белом пушистом шарфе, похожим

[16] Примечания: 16

Йольский костер, Йоль (*др. — сканд.* jól, *др. — англ.* Ġéol — колесо) — языческий праздник середины зимы у германских народов. На Йоль зажигается ритуальный костер, как символ исчезновения темной половины года в огне новорожденного солнца.

на перья.

— Выпей в честь смены сезона, — произнесла она.

Я сделала глоток сидра.

— Благодарю.

Кружка согревала руки, когда я шла мимо причудливых скульптур изо льда и снега. Глядя на них, я невольно вспомнила обитателей Нарнии, обращенных в статуи во время бесконечной зимы. Я прочла Марин все книги серии, когда она болела ветрянкой. Вечная зима, и никакого Рождества. Но сейчас передо мной раскинулся мир, потрясающе прекрасный в своей застывшей красоте, и я не хотела нарушать его очарования. Ведь несмотря на все великолепие правления Аслана, с его возвращения начинается падение Нарнии[17].

Издалека доносился звон бубенчиков на санях, группа людей пела рождественские гимны у Йольского костра. Мне казалось, что я слышу в общем стройном хоре голос Ариэль, вытягивающий самые высокие ноты — голос одного из ангелов, поющих в Рождественскую ночь.

Я вошла в лавочку, где меня ослепило свер-

---

[17] Примечания: 17

Лев Аслан — создатель и хранитель Нарнии, один из главных героев серии книг Клайва С. Льюиса «Хроники Нарнии».

кание хрусталя и стекла. Фигурки людей и фантастических животных, искусно вырезанные, выплавленные, вылепленные, пойманные в причудливых позах. Лед, который никогда не растает, застывшие слезы. Я остановила взгляд на созвездии из переливающихся звезд, висевших на лентах из синего бархата. Звезды были разных цветов: от нежного молочно-белого до темно-синего, почти черного, как полуночное небо.

— Сколько они стоят? — спросила я.

Мужчина, заправлявший в киоске, снял звездочки морщинистыми руками.

— Для вас нисколько.

— Пожалуйста! Я хочу их не для себя, а в подарок.

— Нельзя брать у вас деньги. Это плохая примета. — Он разложил звездочки на черной ткани. Все они были разного размера и искрились разноцветными бликами. Я протянула к ним руку, затем отдернула ее и покачала головой.

— Позвольте ей заплатить, — раздался за моей спиной голос Гэвина. — Я снимаю запрет в данном случае.

Старик отвесил Гэвину поклон и назвал цену. Она была запредельная, но звезды того стоили. Я протянула ему деньги.

— Спасибо, что вмешался, — сказала я Гэвину. — Я купила их для Марин. Мне было бы неловко дарить их ей, если бы они достались мне бесплатно.

— Понимаю, — ответил он. — Некоторые вещи более значимы, когда за них платишь.

Снова раздался звон, на сей раз более громкий. К звону серебряных колокольчиков на деревьях и бубенцов на санях примешивался гулкий перезвон церковных колоколов, вызывавший в сердце священный трепет. Тревожный набат, которым созывали народ колокола древних городов. Будоражащий душу призыв, пронзающий время, выходящий за его пределы.

Этот звон, хрустальный и чистый, как зимний воздух, глубокий, как тьма, гулко отдавался в ночи. Он манил куда-то, и сердце мое сжалось, словно в него вонзился острый крючок. Мне так хотелось последовать за ним, идти и идти сквозь ночь и снег, пока меня целиком не поглотит этот звук. Только когда перезвон прекратился, и я почувствовала укусы мороза на щеках, я поняла, что по щекам текут слезы.

— Это мощнейшее переживание, — сказал Гэвин. — Поворотный момент года, знаменующий возвращение солнца. — Он протянул мне пакет,

о котором я совсем забыла, растворившись в колокольном звоне. — Твой подарок Марин.

Я кивнула, не решаясь произнести слова благодарности из опасения, что голос задрожит. Манящий звон колоколов знаменовал не только возвращение солнца, но и конец чего-то важного в жизни. Прошлое сгорало в ярком огне Йольского костра. Но в этом торжественном перезвоне я не услышала радостных ноток. Для меня он прозвучал как элегия, как печальная песнь о безвозвратно ушедшем.

Вернувшись домой, я обнаружила письмо от Эвана, перевитое веточкой омелы с белыми, почти восковыми ягодами. Письмо сулило поцелуи и подарок на Рождество. Оно было полно обещаний встретиться в следующий раз, когда фейри ослабят удерживающие его узы и позволят ему уйти. В нем были слова, которые заставили меня думать о нем, сгорая от желания, когда я легла на холодные, как снег, простыни своей постели.

Посреди ночи я внезапно проснулась. Я была вся мокрая от пота под горой одеял, и когда села в постели, мне показалось, что стены комнаты неумолимо сжимаются вокруг меня. Я набросила куртку поверх пижамы и вышла на террасу.

Сквозь ночную тьму быстрым галопом мчался

конь. Белый. Белее снега, белее лунного света. Его копыта вздымали тучи снега, который, опадая на землю, сверкал, как звездная пыль. В его длинную гриву были вплетены веточки остролиста — темно-зеленые листья, ягоды, ярко-красные, как кровь. Я внезапно почувствовала ту же боль, то же томление в сердце, как и тогда, когда слушала колокольный звон, знаменующий зимнее солнцестояние. Мне хотелось бежать за белым конем, догнать его. Проскакать по границе страны фейри, заплатить им дань, чтобы пройти туда. Стать данью.

Глава 18

«Мелета» встречала Новый год грандиозной вечеринкой, поражающей своим великолепием.

Мужчины в черных галстуках, бокалы с шампанским, зеркальные стены, отражающие разноцветные искорки, которые отбрасывали хрустальные люстры. Вся эта роскошь была призвана напомнить нам, что «Мелета» не просто затерянное в лесной глуши поселение, находящееся под покровительством фейри, а место, где собрался весь цвет мира искусства. И к которому благоволят люди с толстыми кошельками.

Конечно, я не стала отказываться от возможности приобщиться к такому великолепию и выбрала платье из переливающейся серебристой ткани. Черная подводка и винно-красная помада дополнили образ. Увидев Эвана, я порадовалась, что предприняла столько усилий.

На нем был смокинг, белоснежная рубашка была сплошь вышита узорами из белого же шелка, которые, казалось, двигались и менялись под моим взглядом. На голове у него был тонкий обруч из темного серебра, который я уже видела на нем

в Хэллоуин. Обруч с изогнутыми, похожими на шипы зубцами. От него словно исходило легкое свечение, отчего его силуэт казался более четким, выразительным.

— Ты выглядишь, как… — произнесла я, подыскивая верные слова, которые передали бы мое впечатление.

— Как?

— Священная жертва, приносимая в дар богам. — Я не стала кривить душой, и слова падали с моих губ, как камни.

— Понятно. Просто Гэвин пролил на меня капельку своего волшебства. Это будет интересная ночь. — Эван протянул мне руку, и я вложила в нее свою.

Я поняла, что он имеет в виду, когда мы присоединились к гостям. Казалось, в бальном зале собрались все фантастические создания, которых я видела во время бешеной скачки по владениям фейри. На сей раз фейри не стали утруждать себя, притворяясь людьми, и их земное обличье слетело с них, как ненужная вуаль. Не оставалось сомнений, что они — порождения иного мира. Мы словно сделали шаг в сторону от привычной действительности, перешли в область неизведанного.

Глаза темнее самой тьмы, немыслимо угловатые тела. Рога, закручивающиеся спиралью от самых бровей, перья, лепестки цветов, крылья бабочек вместо волос. Кожа, покрытая змеиной чешуей. Фейри вызывали ужас, и в то же время были невыразимо прекрасны. Смотреть на них можно было бесконечно, и когда ты с трудом отрывал от них взгляд, у тебя словно разрывалось сердце от неизъяснимой тоски и чувства потери.

По сравнению с их первозданным очарованием все в земном мире меркло, казалось серым, обыденным. Даже «Мелета» потеряла свою привлекательность и больше не казалась совершенной. Малейшие изъяны выступили наружу. Облупившаяся краска стен, царапины на безупречном паркете… Словно нашему миру было сложно выносить присутствие столь прекрасных существ. Впервые со времени приезда «Мелета» казалась мне блеклой, обычной. Слишком земной. В эту новогоднюю ночь, среди всех гостей именно фейри, несмотря на всю свою непостижимость, казались настоящими, исполненными жизни.

Даже зная о соглашении между фейри и людьми, зная о дани, о том, как может изменить человека долгое пребывание в их мире, я понимала, почему у нас так много легенд о людях, которые

загнали себя до потери рассудка, до смерти, пытаясь найти способ остаться в Волшебной стране навсегда. О людях, которые отведали волшебства фейри и умерли от голода, желая пробовать его снова и испытывая отвращение к земным яствам. Фейри полны соблазна, но стоит ему поддаться, и тебя постигнет та же печальная участь.

Но за гулом голосов, чарующими звуками музыки, шипением шампанского и хрустальным звоном бокалов явственно слышалось тиканье часов. Обратный отсчет. Близость перемен. Конец чего-то важного.

— Потанцуешь со мной? — спросил Эван.

Я кивнула, он притянул меня к себе, и я оказалась в его объятиях. И на несколько минут в мире исчезло все, кроме музыки. Он уверенно вел, и мы кружились по паркету, совершая сложные шаги и движения в старом, как мир, танце, напоминающем магический ритуал. Я чувствовала тепло его кожи совсем близко, и жаждала его прикосновений, как воздуха.

Мелодия сменилась, и чары рассеялись. Тиканье часов, доносящееся издалека, слышалось все явственнее.

Танцуя, я оглядывала незнакомые лица, женщин и мужчин, удивительно элегантных, лоще-

ных, изысканно одетых. Несомненно, это были спонсоры «Мелеты». Владельцы галерей, меценаты. Издатели престижных журналов. Наверняка выпускники «Лиги плюща»[18], выезжающие летними выходными в Хэмптонс[19]. Обычные люди, хотя ни один из них таковым себя не считает.

— Интересно, что они будут помнить завтра?

— Некоторые убедят себя, что были на костюмированном балу, — пояснил Эван. — Другие почти ничего не запомнят и будут смеяться, вспоминая эксцентричность некоторых представителей богемы. Но будут и те, кто досконально запомнят все, но решат, что это им привиделось от избытка алкоголя или наркотиков. Один-двое поймут, что происходило на самом деле. И это останется в их памяти навсегда, хотя они никогда не смогут никому об этом рассказать.

Он крутанул меня, отталкивая от себя и снова притягивая, в головокружительном повороте.

---

[18] Примечания: 18

Лига Плюща — неофициальная ассоциация восьми лучших и старейших американских университетов. Название восходит к зеленому плющу, увивающему старинные здания этих учебных заведений. Выпускники «Лиги Плюща» — президенты, бизнесмены, известные художники, нобелевские лауреаты. Кроме того, они образуют элитарное, закрытое от простых смертных, сообщество.

[19] Примечания: 19

Хэмптонс — респектабельный пригород Нью-Йорка, место отдыха богатых и успешных людей.

— А остальные, — добавил он, — будут просто веселиться.

— Не вспомнят ли они, кто такой Гэвин на самом деле, когда увидят его на сцене?

— Ну, это часть его очарования. На сцене он просто божественен и кажется неземным созданием. Люди, которые сталкиваются с ним — здесь в «Мелете» или в обычной жизни, — уже готовы видеть в нем нечто почти магическое, но вряд ли им хватит воображения представить истинную природу повелителя фейри.

Мы снова совершили поворот, и я ахнула от изумления.

— Господи, неужели это Давина Харрисон?

Миниатюрная темноволосая женщина, в тот момент беседовавшая с Гэвином, излучала такую всепобеждающую харизму, что могла соперничать даже с фейри. Что было и неудивительно, ведь она за последнее десятилетие успела получить три Оскара и две премии Тони[20]. Совершив в уме несложный подсчет, я поняла, что все эти

---

[20] Примечания: 20

«Премия Тони» (*англ.* Tony Award) — название премии, ежегодно присуждаемой за достижения в области американского театрального искусства, включая музыкальный жанр. Официальное название премии — «Antoinette Perry Award for Excellence in Theatre». Название премия получила в честь американской актрисы и режиссера Антуанетты Перри (1888–1946).

достижения случились даже меньше, чем за десять лет.

— Да. Это она. Надо пойти поздороваться. Она служила данью до меня. Пойдем, я тебя ей представлю.

Взгляд Давины остановился на моем амулете, когда Эван представлял нас друг другу.

— Значит, вы писательница, — произнесла она. — Как интересно. Расскажите мне какую-нибудь историю. — Она подхватила меня под руку и увела в сторону от Эвана, от множества людей, желающих привлечь ее внимание.

— Вы хотите туда попасть? — спросила она.

Не стоило и спрашивать, куда.

— Да.

— Отлично. Не так много времени нам отпущено, чтобы мы не хватались за любую возможность, которая поможет приблизить к заветной цели. Ведь нет никакого греха в амбициях, но почему-то мы стыдимся в этом признаваться. — Голос ее был сладким, как мед, пьянящим, как виски. Неудивительно, что некоторые пьесы и сценарии писались так, словно авторы возносили молитвы, чтобы именно она исполнила в них главную роль.

— Вы счастливы, что были там? Говорят, что

это может оказаться нелегким испытанием.

— Все, что в жизни есть ценного, достается непросто. — Она взяла бокалы с подноса проходившего мимо официанта. — Даже для такой, как она.

Я проследила за ее взглядом. Марин была в красном. Жар-птица, огненный феникс. Они с Гэвином танцевали, и на его голове виднелись призрачные ветвистые рога. Они двигались вместе в такт музыке, и это была магия. Но не первозданная магия фейри, или магия, порожденная заговорами и заклинаниями. Это была чистая магия искусства, когда сложное кажется простым, когда чувствуешь, что сердце разорвется, если отведешь взгляд. Настолько прекрасно то, что разворачивается перед тобой. Магия, бросающая вызов действительности. Эван сказал, что в Гэвине и в обычной жизни есть что-то почти мистическое. Марин не была родом из Волшебной страны, но в своей притягательности не уступала эльфийскому королю.

— Это моя сестра.

В глазах Давины промелькнуло сочувствие.

— Ну что ж, в таком случае, желаю удачи вам обеим.

Тиканье часов все громче, словно эхо биения

гигантского сердца, скрытого от людских глаз.

Я танцевала с Ариэль, которая была в смокинге а-ля Марлен Дитрих, сидевшем на ней в облипку.

— Надо отдать должное фейри, — усмехнулась она. — Они устроили потрясающую вечеринку!

— А знаешь…

Она прижала палец к моим губам, предупреждая вопрос.

— Я еще ничего не решила. Не хочу думать об этом сегодня. Эта ночь для того, чтобы пить шампанское, танцевать с хорошенькими девушками и роскошными парнями и даже со сказочными фейри. Только веселье и украденные поцелуи.

Улыбаясь, она наклонилась и поцеловала меня, и я почувствовала вкус шампанского на ее губах.

— С Новым годом, Имоджен.

— С Новым годом, Ариэль.

И снова тиканье часов. Что-то близилось к завершению. Почти. Но еще не сейчас.

Внезапно языки пламени свечей взметнулись выше, тени стали еще мрачнее.

— Позволите мне потанцевать с вами?

Незнакомец во всем черном. Перчатки из мягкой кожи. Абсолютно черные глаза. Фейри.

— Конечно, — ответила я и вложила ладонь в

его руку.

Он скользил плавно, как тень, в его движениях чувствовалась скрытая сила, а прикосновения жгли кожу, как лед, даже через перчатки. Мы танцевали, и весь мир, кроме него, для меня исчез. Остались лишь огоньки свечей, отражающиеся в его бездонных глазах, в которых я готова была утонуть.

— Всегда удивлялся, откуда у вас, смертных, привычка праздновать ход времени, когда его отведено вам так мало, — сказал он.

— Может быть, именно поэтому мы и празднуем, — ответила я. — Радуемся, что все еще живы, что мы здесь.

Он наклонил голову. Змея, наблюдающая за своей жертвой. Под его пристальным взглядом по спине побежал холодок, призывая бежать от него как можно скорее. Сердце трепетало, как умирающая птица.

— А может, мы все просто очень любим шампанское.

Он рассмеялся, и его смех эхом отозвался в моем сердце.

— Мне нравится, как вы излагаете свои мысли. Но ваша жизнь так коротка. Я могу помочь вам наслаждаться ею дольше.

Пол покачнулся под моими ногами. Я падала в пропасть. И падение это было бесконечным.

Бальный зал, яркие огни, веселые голоса гостей исчезли.

Вокруг была только бесконечная тьма, которая, словно саваном, окутала меня невидимым полотном, сотканным из небытия. Я парила в пустоте, отдаляясь от себя, выходя за пределы своего тела. Сквозь щели в моем сознании леденящий холод наполнял душу, словно покрывая ее инеем, принося с собой чувство одиночества и отчаяния.

Я падала. И падению этому не было конца.

Лед в крови. Лед в душе.

Внезапно в абсолютной тьме повеяло свежим запахом леса. Это был резкий запах зеленых листьев и хвои, густой смолы и жирной земли. В сознании возник яркий образ белого оленя с ветвистыми рогами. И я почувствовала, как весенние соки потекли по моим жилам, прорастая жизнью, прогоняя смерть.

Протрубил рог, тьма взорвалась и пошла трещинами.

Слова на незнакомом языке, от которых раскалился воздух. А потом словно чьи-то руки вернули меня в мое тело, холодное, как будто покрытое изморозью.

Я открыла глаза.

— Если бы ты обеспечивал нам лучшую подпитку, мы бы не испытывали такой жажды. — Каждое его слово, адресованное Гэвину, было словно плевок, темная, почти черная, кровь капала с губ.

— Я тебя предупреждал — не смей пересекать границу между мирами, если не умеешь контролировать свою жажду. А теперь убирайся отсюда, и больше никогда не возвращайся. — Гэвин, страшный в своем гневе, в тот момент являл собой жутковатое зрелище — кости его, пульсирующие энергией, просвечивали сквозь кожу.

Раздался бой часов. Воздух завибрировал, будто сквозь него пронеслась невидимая молния, и его наполнил запах прелой листвы, сосновых иголок, ледяных речных вод, вскипающих белой пеной над камнями, мускусный запах бегущих животных.

Внезапно пахнуло тленом, какая-то черная тень пронеслась перед глазами, и меня буквально ослепили яркие огни бального зала. Я покачнулась.

Гэвин держал меня за руки, и комната была наполнена музыкой, звоном бокалов и обрывками разговоров. Кругом горели свечи, лилось шампанское, в такт музыке двигались танцующие пары.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Он кружил меня в медленном вальсе.

— Все хорошо, — сказала я, и этот краткий ответ прозвучал как заклинание, придавшее мне сил и уверенности.

— Прости, — продолжал он, склонив голову, на которой все еще красовалась рогатая корона. — Этого не должно было случиться.

В этой ситуации было лучше отшутиться и сделать вид, что ничего страшного не произошло.

— Ну, считается, что вечеринка не удалась, если хотя бы один из гостей не оскандалится.

Он улыбнулся, но лицо его оставалось напряженным. Потемневшие глаза. Отсутствующий взгляд.

Музыка сменилась, я снова танцевала с Эваном, тесно прижавшись к нему, держась за него, как за соломинку, позволяя теплу его тела согревать меня. Казалось, мелодия длится вечность, и эта вечность принадлежала нам. Я чувствовала биение его сердца у своей груди, запах кедра и сандала, исходивший от его кожи, пьянил меня. Мы здесь и сейчас, мы существуем.

Часы продолжали тикать. Все часы в мире, эхо самого времени.

Они были повсюду — висели на стенах, стояли

на столах, даже парили в воздухе. Невозможно было убежать от времени, отвести глаза и не замечать его течения.

Сквозь толпу скользили подносы с хрустальными бокалами, наполненными пенящимся шампанским, шипящим мириадами сверкающих пузырьков. Вот чья-то рука в красной перчатке подхватила бокал, и передо мной, словно мгновенно распустившийся цветок, возникла женщина. Показалось, что зал заполнил густой аромат роз. Я буквально чувствовала его на языке, сладкий, словно ликер.

— Вы хорошо проводите время? — спросила она, намеренно растягивая последнее слово.

— Ну, во всяком случае, здесь уж точно не соскучишься, — ответила я.

— А вы умеете говорить правду, тщательно отмеряя ее, чтобы не выдать лишнего, и в этом вы похожи на нас. — Она говорила эти слова, и они расцветали на ее коже, словно чернила. — У меня раньше был художник. Живописец. Так, серая посредственность. Но вы… — Она провела рукой по моей шее. — Вы можете быть для меня более полезной. Хотите принять мое покровительство?

Значит, раньше она опекала художника. Невольно на ум пришла история, которую мне

рассказала Марин несколько месяцев назад — про художника, который покинул «Мелету», потому что счел себя недостойным своей музы. Я вовсе не хотела, чтобы меня облагодетельствовали таким образом. Но ее лучше было не злить.

— Вы оказываете мне большую честь.

— Знаю. — Она со звоном приблизила краешек своего бокала к моему. — Подумайте об этом. Все, что написано, можно изменить.

Она отошла от меня, и я облегченно вздохнула, чувствуя себя так, словно избежала ужасной опасности.

Дженет стояла поодаль от толпы, словно тень. На ней было зеленое платье в средневековом стиле, как на женщине, изображенной на витраже на двери ее дома. Весь ее облик излучал благородную сдержанность и уверенность в себе, но в то же время, она смотрела на фейри так, словно они были сошедшими с небес божествами, а она смиренным пилигримом, пришедшим почтить их.

Я наткнулась на нее, когда шла обратно в зал из дамской комнаты, и она вдруг вцепилась мне в руку с такой силой, что я испугалась, что на коже останутся синяки.

— Они готовы дать вам власть над собой, а вы этого даже не замечаете. Вы такая же неудачни-

ца, как моя дочь!

Она оттолкнула мою руку и прошла мимо, но для меня она была последним человеком, на кого стоило обращать внимание, поэтому я ничего не спросила, не пошла следом. Я просто вернулась к гостям, наслаждаясь блеском и великолепием праздника.

Гэвин танцевал с Еленой. На ней было маленькое черное платье без украшений, и единственным ярким пятном были ее волосы цвета фуксии, уложенные в высокую прическу. Ее бледное лицо казалось почти прозрачным, и я заметила, что на ее щеках блестели слезы. Тем не менее, она танцевала с ним, пока не закончился танец, и, не удостоив Дженет ни единым взглядом, сразу же отошла от нее подальше, вглубь зала.

Часы тикали все громче, и люди в толпе начали выкрикивать числа, ведя обратный отсчет, приветствуя наступление Нового года. Как будто без их поддержки время могло остановиться.

Три!

Два!

Один!

Оглушительный бой часов, поцелуи и золотые искорки шампанского. Бокалы, летящие на пол, разбивающиеся на тысячи осколков, и эта, отра-

женная в бесчисленных зеркалах ночь, которая, казалось, будет длиться вечно. Лица, радостные и хищные, раскрасневшиеся от алкоголя и возбуждения. Восторженные возгласы и поздравления, за которыми скрывались потерянность и одиночество. Смерть одного года и рождение нового. Фейри, прекрасные и жуткие. Испытывающие неутолимую жажду.

Они ждут нас.

Новый год наступил.

Глава 19

С трудом переставляя ноги, еще не придя в себя после бурной встречи Нового года, я приковыляла на кухню и осмотрелась мутным взглядом. Из крана лилась вода, в воздухе стоял терпкий запах серы и мыла. Над раковиной, сгорбившись, стояла Елена.

При моем появлении она выключила воду.

— Я сожгла яйца не нарочно, если ты об этом хочешь спросить.

Но меня волновал вовсе не испорченный завтрак. Глаза у нее были красными, вокруг них темнели полосы от размазанной туши.

— Елена, как ты?

— Знаешь, а ведь она назвала меня так в честь героини пьесы «Сон в летнюю ночь». — Голос ее был резким и хрипловатым.

— Понятия об этом не имела, — ответила я. — Хочешь, приготовлю тебе кофе? Лично я сейчас без него умру.

Она кивнула и села на стул.

— Потому что Елена была одной из четырех

влюбленных, привлекших внимание Оберона[21]. Она страдала от неразделенной любви, и Оберон пожалел ее и велел шалунишке Пэку помочь ей. Разумеется, возникает невероятная путаница, — полагаю, Дженет даже не задумывалась над этой частью повествования, — но именно поэтому она и дала мне это имя. Героиня эта настолько жалкая, что волшебные существа вызываются ей помочь.

Я поставила перед ней кружку с кофе. Она к ней даже не прикоснулась.

— Мне было почти четырнадцать, когда мы впервые побывали в мире фейри. Я-то думала, что это будет увлекательное приключение. Все книги в доме Дженет были посвящены фейри. Она просто одержима — и ими, и их миром. Но в этих книгах не было жутких историй, где фейри вырывают сердце человека за малейшую провинность. В сказках, которые она любила, они были самыми прекрасными, самыми совершенными созданиями, которые только и ждали, как бы щедрее одарить тех, на кого падет их выбор. Ну, ты не хуже меня знаешь все эти слащавые истории.

---

[21] Примечания: 21

Оберон — герой романтической комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь», царь фей и эльфов — обидчивый, ревнивый и в то же время великодушный.

Конечно же, я их знала. Их герои жили долго и счастливо после всех испытаний, а фей можно было приручить, выставив им на ночь блюдечко с молоком или назвав их истинное имя. Такие милые сказочки. Читаешь, и душа радуется. Но от них никакой пользы, ведь они полны лжи.

— Смею предположить, никаких готических страшилок в стиле Анджелы Картер[22] в ее библиотеке не было.

У нее вырвался смешок.

— Нет, конечно. Я и не догадывалась, что эти страшные истории существуют, пока не оказалась в настоящей стране фейри. Я тоже думала, что они прекрасные существа, и никого нет лучше них. Я так мечтала туда попасть! К тому времени я уже знала, что родилась среди них, и поэтому вбила себе в голову, что мой отец один из фейри. Убеждала себя, что именно по этой причине я никогда с ним не виделась. Потому что он не может жить в человеческом мире. Я надеялась, что, может быть, он узнает меня, и скажет, что я могу там остаться и жить с ним. В общем,

---

[22] Примечания: 22

Анджела Картер, урожденная Анджела Стокер (1940–1992) — английская писательница, перу которой принадлежат произведения в жанре готического романа. Известна тем, что превращала невинные сюжеты сказок Шарля Перро в мрачные готические страшилки с элементами эротики.

все, что только может вообразить подросток в тринадцать лет, вынужденный жить с матерью, не испытывающей к нему ни капельки любви.

Но когда я там оказалась… — она закрыла глаза. — Что я могу сказать? Это вовсе не похоже на те милые истории, которые мы читаем в детстве. И фейри далеко не добрые существа, благоволящие к людям.

Елена замолчала. Я протянула было к ней руку, но отдернула ее, когда она снова заговорила.

— Когда мы вернулись в наш мир, Дженет объяснила мне, что потрясающей красоты женщина, которую я видела той ночью во главе нашей кавалькады, это королева фейри, и она когда-то украла сердце моего отца. Что она заключила с Дженет сделку, и я была ключом к тому, чтобы вернуть его любовь… Я ей поверила.

— Как ты могла не поверить? — сказала я. — Ты была лишь подростком! А она как-никак твоя мать.

Она протянула руку к кружке, но не взяла ее.

— А потом она объяснила мне, каким образом я могу его вернуть, и что мне для этого надо делать. Надо доказать, что я чего-то стою, добиться, чтобы меня выбрали в качестве дани, ведь только это может разрушить чары королевы Тании.

Я сочувственно молчала. А что тут скажешь?

— Я всю свою жизнь положила, чтобы сделать так, как она хотела, чтобы отец снова полюбил Дженет, чтобы вернулся к нам, и я бы смогла его узнать поближе, но оказывается, я была полной идиоткой, и все, что она мне говорила, оказалось ложью.

— Так вот о чем вы беседовали с Гэвином? — спросила я. — Знаешь, я жутко проголодалась. Давай-ка посмотрим, что тут можно приготовить.

На самом деле, мне кусок не лез в горло. Даже сама мысль о еде заставляла желудок взбунтоваться, но Елена была так напряжена, у нее даже руки тряслись, и я подумала, что еда поможет ей справиться со стрессом.

— Может, приготовим гренки?

— Да, давай.

Я взбила яйца с молоком.

— Почему ты ему поверила?

— На самом деле, вовсе не он мне это сказал. Дженет сама все объяснила. Когда ты танцевала с этим жутковатым парнем, который чуть было… А что, вообще, случилось?

— Это было просто ужасно, — содрогнулась я. — Лучше не спрашивай.

Когда я вернулась тогда в свою комнату, мне было страшно оставаться в темноте. Каждый раз, когда я закрывала глаза, начинало казаться, что я снова падаю в бездонную пропасть. Парю в темноте, погружаясь в небытие. Я включила свет и все равно спала лишь урывками, постоянно просыпаясь.

— Как бы там ни было, она на вас глазела и сказала, что лучше бы я была как ты и твоя *потаскуха сестра*. Прости, я сама больше о Марин так не думаю, это слова Дженет. Короче, чтобы я была как вы и вела себя таким же образом. Флиртовала, соблазняла, и все такое прочее. Вон как Гэвин бросился тебе на помощь, когда это понадобилось. Она заявила, что мне явно не хватает таланта, я всегда буду посредственностью, и мне никогда не суждено разрушить заклятье, наложенное на отца королевой фейри.

— Отвратительно, — сказала я, ставя тарелку с гренками на стол. — Держи сироп.

— Там рядом стояла женщина, которая была одной из близких подруг Тании. Она пришла в ярость от того, что Дженет наговорила про Танию, и рассказала, что магия дани так не работает, что это просто невозможно, что Тании не требовалось никакое волшебство, чтобы увести

любого мужчину, которого она только пожелает, тем более у такой неприятной особы, как Дженет. А потом она применила какой-то магический трюк и заставила Дженет рассказать правду. Всю правду, как есть. Все эти россказни насчет того, что только я могу спасти Томаса, разрушить заклятье, наложенное фейри — это полная чушь. Дженет сказала, что врала мне, потому что с самого начала знала, что я бездарна и бесполезна, и на меня не стоило тратить времени.

По ее словам, она таким образом пыталась меня мотивировать, чтобы я поднялась над посредственностью, чтобы заставить меня работать усерднее. Но, как выяснилось, даже несмотря на то, что оба моих родителя удостоились чести провести в мире фейри семь лет, я как была, так и остаюсь бесталанным ничтожеством.

Вот только не говори мне, что это неправда, потому что она мне все это наболтала под воздействием магии. Это так и есть. — Она вонзила вилку в лежащую перед ней гренку, и положила ее обратно на тарелку, даже не попробовав.

— Тот факт, что она это вдолбила себе в голову, вовсе не делает этого правдой, Елена.

— Вот и Гэвин мне сказал то же самое. — Елена улыбнулась, но в глазах у нее застыли пустота и

растерянность. — Все дело в том, что ничто не говорит об обратном. Я ведь задала ему этот вопрос. Я имею в виду, насчет амулета. Хотела знать, почему она до сих пор мне его не дала. Но сейчас я твердо знаю, что если бы я была действительно одаренной, например, как ты или Марин, было бы неважно, что на этот счет думает Дженет.

Он бы просто у меня был.

Однажды, давным-давно жила-была девочка. И жила она в зеркальном домике. Каждая его поверхность показывала ей ее отражение: стены, полы, потолки. Она жила там совсем одна, но никогда не чувствовала одиночества, ведь ее окружали бесчисленные копии ее самой.

Обитая среди бесчисленных отражений, девочка не сразу заметила, как они начали меняться. Вначале это были лишь незаметные изменения. Отражение моргнуло раньше нее, или повернулось влево, когда она поворачивалась вправо.

Даже когда она это заметила, что отражения начали входить в комнату раньше нее, оставались неподвижными, когда она двигалась, или, наоборот, начинали двигаться, когда она замирала, ее это не слишком взволновало. В конце концов, отражения лишь подобие ее настоящей. Просто, они искажают действительность чуть

больше, чем раньше.

Девочка знала, что она настоящая, из плоти и крови, что она дышит, что она не просто игра света и воздуха, не отражение, появляющееся лишь тогда, когда кто-то на него смотрит.

Но воздух и дыхание — одно и то же, и как можно угадать, кто на кого на самом деле смотрит?

И все же… все же…

Со временем отражения научились выходить из домика с зеркальными стенами. Выходить из комнат, в которых жила девочка, и больше не возвращаться. Они уходили, никогда больше не появляясь, а она по-прежнему оставалась в этом доме.

Девочка была растеряна — ей казалось, что уже не она здесь главная. Что она сама лишь иллюзия, создаваемая отражениями. Она чувствовала себя одинокой и не знала, что делать.

Она хотела всей душой, чтобы отражения — ее другие «я», вернулись, пусть даже изменившимися. Вернулись кусочки ее души, которые могли изменить прическу, цвет волос, могли танцевать, когда все в комнате сидели. Она знала, что когда-то они все были с ней единым целым.

Но без этих отражений она чувствовала себя незаметной. И она сидела, такая маленькая, заме-

рев в углу комнаты, наблюдая, как ее последние отражения исчезают с поверхности зеркал. Как исчезает она сама.

Жило-было когда-то отражение, которому, в конце концов, удалось вырваться из сковывавшего его стекла. Возможно, у этой истории счастливый конец, и девочка жила долго и счастливо после этого.

Чего только не бывает в этом мире.

Возможно, единственный счастливый конец — это суметь выжить и рассказать свою историю.

Глава 20

В конце января я сидела у окна поезда, серебристой змейкой вьющегося среди грязно-белых холмов Северо-Восточного побережья. Колеса стучали по рельсам, за окном окоченевшие скелеты деревьев почти не тронутых человеком лесов перемежались парковками и промышленными зонами.

Эван устраивал презентацию в одной из галерей Нью-Йорка. Некий меценат из галереи «Дроун-Мэдоу» побывал в Мелете, где увидел его карусель. По словам Эвана, это была старая галерея, основанная сотню лет назад, и только трое из современных художников имели честь представлять там свои работы.

— Вот это оно и есть, Имоджен! Начало моей карьеры. Все, ради чего я так усердно трудился. Надеюсь, ты придешь? Мне так хочется, чтобы ты все это увидела.

Я, конечно, сказала, что обязательно приду, одолжила у Ариэль кожаные штаны, чтобы надеть их на вернисаж, покидала все необходимое в дорожную сумку и села в поезд.

Поезд проехал по мосту — громоздкому сооружению из бетона и громыхающего металла, под которым лениво колыхались серые воды. Он совсем не был похож на причудливые мосты, перекинутые через темные воды реки Морнинг. Этот мост вел в большой город, а не в сказочную страну.

Я принялась рассматривать других пассажиров в вагоне. Мужчины и женщины в деловых костюмах темных цветов с делано серьезным выражением лиц пялились в экраны своих девайсов. Девочка-подросток с аккуратно заплетенными косичками всех цветов радуги и блестками на веках, подергивалась на сиденье в такт музыке, которую она слушала через наушники. Измученная девушка — судя по всему, старшая сестра или няня — тщетно пыталась удержать двух сорванцов от бурной игры фигурками супергероев, и услышала в ответ: «У тебя не получится вырубить Бэтмена!». Довод, безусловно, убедительный.

Все эти люди казались мне странными, почти нереальными, настолько отличались они от обитателей нашего замкнутого богемного мирка, в котором я жила уже несколько месяцев. Интересно, чем они готовы были бы пожертвовать, чтобы изменить свою жизнь, на что могли бы

обменять семь лет вдали от своего мира? Всегда существует более роскошный офис, более заманчивая должность, более высокий титул. Амбиции и талант могут рядиться в разные одежды — туфельки балерины, белый халат врача, лубутены топ-менеджера.

Поезд вполз в черту города, прозвучали объявления с призывами не оставлять детей и багаж при выходе из вагонов. Пассажиры облачились в пальто, взяли свою поклажу, и в их глазах появилось отрешенно-сосредоточенное выражение, самое подходящее, с их точки зрения, для общения с жителями Нью-Йорка — безумного города, где фейри могут проскакать галопом на своих лошадях по Таймс-сквер, и никто даже и глазом не моргнет, разве что туристы достанут свои фотоаппараты.

Поезд медленно подошел к Пенсильванскому вокзалу со всей его вонью, грязью и хаосом. Эван сказал, что меня будет ждать машина, которую направит галерея, чтобы доставить меня в гостиницу. «Все говорит о том, что они предложат мне заключить эксклюзивный контракт, то есть речь идет не об одной выставке, а о долгосрочных отношениях, вот они и пытаются впечатлить меня, а я милостиво им это позволяю». На пути к

выходу из вокзала я остановилась.

Там танцевала девочка. Ее темная кожа эффектно контрастировала с красным цветом одежды — майки без рукавов, трико и повязки на голове в тон. Она крутила фуэте так уверенно, словно ее ножка в балетной туфельке была пригвождена к асфальту, а сидящий рядом мальчик старательно выводил на виолончели мелодию группы «Нирвана» — «Повеяло юностью».

Я наблюдала за ее танцем, пока песня не закончилась, а потом бросила пару долларов в открытый футляр виолончели. Они уже собирались перейти к следующему номеру, но тут девочка поймала мой взгляд и слегка кивнула. Я снова задалась вопросом — на что готовы пойти эти ребята ради искусства, если бы им представился такой шанс? А может, само это выступление за деньги на грязном вокзале Нью-Йорка и есть часть мечты, которая уже стала явью?

Меня действительно ждала машина, и я поспешила сесть в нее. В роскошном салоне царили тишина и уют, разительно отличающиеся от вони и суеты железнодорожной станции с ее шумными толпами, бесконечными очередями из приезжих деловых людей и туристов, ждущих своей очереди на такси и мечтающих уехать от-

сюда до того, как начнется дождь, о приближении которого говорило затянутое тучами небо.

Машина остановилась перед фешенебельным зданием, расположенным в нескольких кварталах от Нью-Йоркской публичной библиотеки.

— Вы уже зарегистрированы, мисс. Ключ и номер комнаты в этой папке, так же, как и моя визитная карточка, если вы вдруг захотите съездить куда-нибудь или вам что-либо понадобится. Позже я вернусь, чтобы отвезти вас на открытие выставки сегодня вечером. Вы гость «Дроунд-Мэдоу» и я всегда рад быть к вашим услугам.

Теперь я убедилась, что владельцы галереи действительно изо всех сил обхаживают Эвана. На какую-то долю секунды у меня мелькнула безумная мысль: а не озадачить ли их какой-нибудь совершенно возмутительной просьбой, например, потребовать отвезти меня в какое-нибудь злачное место, типа подпольного ночного клуба или заказать самую дорогую выпивку в городе, и чтобы ее непременно доставили в течение часа. А может, платье от модного кутюрье, и туфли, затмевающие хрустальные башмачки Золушки. Словом, что-то, что можно получить разве что с помощью магии. Но я вовремя опомнилась, сунула водителю чаевые и вошла в радушно

распахнутые передо мной двери отеля.

Сразу было видно, что галерея «Дроунд-Мэдоу» превыше всего ценит консерватизм и изысканность. Никаких шлифованных бетонных поверхностей, никаких оголенных труб, никаких суетливых прилизанных официантов, разносящих напитки и канапе, украшенные веточками петрушки. Напротив, все было выдержано в изысканно-благородном стиле: черное дерево со вставками насыщенного винного цвета, продуманное освещение, выявляющее достоинства каждого экспоната, бархатная обивка мебели. Атмосфера невозмутимости и сдержанности, словно перед нами предстал древний вампир, ни капли не сомневающийся в собственной власти и бессмертии.

Не успела я войти, как меня тут же подвели к Эвану. Он горячо поцеловал меня и сказал:

— Хочу показать тебе скульптуры.

Там не было достаточно места, чтобы представить карусель полностью, поэтому отдельные ее фигуры были расставлены по разным залам галереи. Добавилась и пара новых скульптур — замершие в стремительном полете птицы, феникс, восстающий из пепла.

— Некоторые из них уже проданы. — Глаза

Эвана сверкали, лицо раскраснелось.

— Поздравляю, — сказала я, наблюдая за гостями, которые вежливо посторонились, отойдя от работ, чтобы пропустить автора. Сидящие как влитые костюмы, явно сшитые на заказ, платья, похожие на архитектурные сооружения. Но в глазах этих роскошно одетых людей светилась та же безумная жажда, что и у фейри.

— Не понимаю — если все эти работы ты выполнял на заказ для Гэвина, как ты можешь их продавать?

— Какой-то процент от продажи идет на развитие «Мелеты», и конечно, им очень важна возможность себя прорекламировать. Гэвин утверждает, что такими акциями во внешнем мире я помогаю поддерживать равновесие сил.

Я кивнула, как будто не было ничего сверхъестественного в том, что можно торговаться по условиям продажи сделанного на заказ произведения искусства, в которое фейри вложили крупицу своей магии.

— Надо сказать, «Дроунд-Мэдоу» проделали серьезную работу по подготовке выставки. Ты намерен заключить с ними контракт?

Это было бы логичное решение. Галерея предоставила Эвану площадку, позволившую в самом

выгодном свете представить его работы, пригласила наиболее влиятельных в мире искусства людей.

— Может быть. У меня есть и другие предложения. Мне постоянно звонят, просят о встрече. Если я даже подпишу контракт здесь, это можно использовать, чтобы добиться лучших условий.

— Как приятно быть столь востребованным, — с улыбкой произнесла я.

— Совершенно с тобой согласен.

Путь нам преградила женщина в платье из полосок ткани, которые переплетались и соединялись под немыслимыми углами, как в оригами.

— Эван, ты сказал, что если дракона продадут, ты хотел бы встретиться с покупателем.

— Извини, Имоджен. — Он поцеловал меня в щеку и направился вслед за женщиной, которая шла впереди, словно герольд, возвещающий прибытие короля.

— Вы же понимаете, что не только по его работам они сходят с ума.

— Простите? — Я, не поворачиваясь, продолжала смотреть на скульптуру, и не видела говорящего.

— Они жаждут всего, что к нему прилагается.

Безграничного могущества. Успеха. И весь этот ажиотаж не только из-за скульптора. Он уже принадлежит им. Они пытаются произвести впечатление и на вас.

— Мне жаль, но я действительно не понимаю, о чем вы говорите.

— Все вы прекрасно понимаете. Потому что мне тоже пришлось побывать в вашей шкуре. Примерно двадцать восемь лет назад.

Я обернулась и тотчас же узнала его. Этот человек спроектировал здание того самого музея, споры по поводу которого не утихали до сих пор. Передо мной стоял Томас Грин. Отец Елены. Он был не в костюме, а в, что называется, униформе художника — дорогущей черной футболке и джинсах. Было видно, что он прекрасно осознает свое обаяние, но при этом он держался сдержанно и достойно, а несколько морщинок и легкая седина на висках делали его внешность лишь еще более привлекательной. У Елены была его улыбка.

— Но как?.. — Моя рука невольно потянулась к горлу, словно удерживая слова, которые я все равно не могла произнести.

— Лучше использовать местоимения, дорогая. Они легко могут относиться как к галерее и всем,

кто вокруг нее крутится, так и к… — он потянулся ко мне и провел пальцем по моей шее под цепочкой с песочными часами. — К кое-чему еще. Так значит, это вы — девушка года?

— Простите, не знала, что вы снова развелись.

Он усмехнулся.

— Не в бровь, а в глаз! Но вы ведь знаете, что я вовсе не об этом.

Разумеется, я знала.

— Может я. А, может, кто-то еще. Ваша дочь, например.

— Если вы думали задеть меня этими словами, то просчитались — советую для этого поискать более подходящий объект. Почему вы считаете, что я не порадуюсь за Елену, если ей представится возможность заполучить все это великолепие? — Он медленно повернулся, обводя взглядом зал со всеми его тайнами и обещаниями могущества.

— Вот уж не думала, что ее судьба вас хоть как-то волнует.

Томас внимательно посмотрел на меня, потом покачал головой.

— Ладно. Давайте дойдем до бара, возьмем какие-нибудь напитки, а потом постоим в уголке, и вы расскажете мне, какое я бессердечное чудовище. К тому же, у вас в руках будет бокал, который

вы сможете бросить мне в лицо, если, после разговора со мной, все же решите, что правы в своих обвинениях.

Он оказался совсем не таким, каким я его себе представляла, и я прошла с ним в бар.

— Гимлет, пожалуйста.

Взяв напитки, мы устроились в уютных креслах с бархатной обивкой в тихом уголке, из которого мы могли видеть проходящих мимо людей, а они могли нас заметить лишь присмотревшись, как и обещал Томас. Мы были достаточно близко от них, чтобы наблюдать за всем происходящим, и все же достаточно далеко, чтобы они не могли слышать нашего разговора.

— Итак, полагаю, вы хотите выслушать мою версию страшилки про то, какой я ужасный отец, эгоист, бросивший на произвол судьбы собственную дочь.

— Жду не дождусь ваших откровений, — сказала я, уткнувшись в бокал.

— На самом деле, я понятия не имел о существовании Елены до того, как ей исполнилось семь лет. И узнал я об этом из письма Дженет, которое однажды обнаружил в своем почтовом ящике. Я никогда не хотел становиться отцом, а в тот момент мне хотелось этого еще меньше.

Я был в топе новостей, мои работы поражали смелостью и новизной. Но публика хотела не только моих работ. Не стану отрицать, мне это нравилось, и я хотел использовать свой успех на полную катушку.

Несмотря на весь мой эгоизм, я все же не полный мудак, и прекрасно понимаю, что если уж ребенок появился на свет, то это не его вина. Поэтому я ответил на письмо Дженет и объяснил, что не претендую на родительские права, но окажу ребенку финансовую поддержку, оплачу учебу в колледже, и все такое прочее. Черт, да я готов был и пони оплатить, если бы она того захотела. А уж потом Елена пусть бы сама решила, хочет она со мной общаться или нет.

Я медленно потягивала напиток, прижав кислую дольку лайма языком к нёбу.

— То, что вы только что мне рассказали, и близко не похоже на то, что я слышала раньше.

Интересно, до какой степени Дженет переврала события прошлого, чтобы представить именно ту картину, которая ей была нужна. Ведь сложно объяснить ребенку, почему общение с отцом под страшным запретом, когда он готов прислать тебе в подарок пони.

— Я бы сильно удивился, если бы это было не

так. Я отправил письмо, и не получил от Дженет ни ответа, ни привета. Прошло несколько месяцев. Достаточно долгое время, чтобы я задался вопросом: а вдруг что-то случилось с ребенком. Дженет не отвечала на звонки, единственный адрес, который я знал, был адрес «Мелеты», и я, недолго думая, отправился туда. И вот тогда я обнаружил, что она предается диким фантазиям по поводу наших отношений. — Томас прикрыл глаза рукой. — Она без конца твердила про нашу истинную любовь, про то, как… — Он поморщился, потому что пришлось проглотить слова, которые он готов был произнести. — Про то, как Тания, которая была… ну, вы знаете… — помешала соединению наших сердец, и прочие глупости.

Я кивнула.

— Дженет не собиралась останавливаться и продолжала вести себя в том же духе. Она, видите ли, твердо знала, что я непременно вернусь к ней, как только будет разрушено заклятье, и весь прочий бред. Она во все это свято уверовала и не сомневалась, что у нас была безумная любовь, которая длилась бы вечно, если бы ее не отняли с помощью всяких магических штучек.

Я пытался было объяснить ей, что не люблю ее,

и никогда не любил, что мы были просто хорошими друзьями, которые отлично провели время вместе, но что я больше не хочу вступать с ней ни в какие любовные отношения. Что я приехал только ради дочери, потому что хочу поступить как порядочный человек и позаботиться о ней.

Во время нашей беседы, многие из присутствующих поднимали бокалы, приветствуя Томаса, посылали ему воздушные поцелуи. Он не обращал на это ни малейшего внимания. Я невольно задалась вопросом: у него действительно выработался иммунитет против притязаний окружающих завладеть хоть капелькой его внимания, или же это была такая поза, отчасти объясняющая его неотразимую притягательность: *Все меня хотят, а мне нужна только ты.*

— Хотите еще выпить?

— Не откажусь.

На пути в бар и обратно он здоровался с какими-то людьми, целовал дам в щечку. Весь облик этих людей говорил о том, что они стоят на высших ступенях социальной лестницы. Когда он снова присоединился ко мне, головы всех присутствующих повернулись в мою сторону. Я с трудом удержалась, чтобы не начать ерзать в кресле от этих улыбочек и перешептываний.

Он вручил мне бокал и продолжил свой рассказ.

— Дженет от всего отказывалась. Если я не хочу быть с ней, значит, с ребенком я тоже не буду видеться. Она не шла ни на какие уступки. Когда я приехал, она даже не соизволила выйти ко мне. На порог меня не пустила!

Поэтому я открыл несколько счетов, как и обещал, на следующий день оставил банковские книжки на пороге ее дома, и убрался восвояси. Я надеялся, что если уеду и не буду показываться ей на глаза, Дженет со временем образумится.

— Но вы оставили там Елену. С Дженет! Которая нисколечко не изменилась, между прочим. Она все еще твердо убеждена, что между вами когда-то была великая любовь, которую разрушили злокозненные фейри. Как бы то ни было, — продолжала я, — она сделала ужасную вещь, убедив Елену, что вас можно избавить от злых чар, если она отправится… — я замолчала, тщательно подбирая слова… — туда, где были вы, по тем же причинам.

Томас одним глотком прикончил свой мартини.

— Надеюсь, Елена понимает, как это все работает, не так ли? Я имею в виду, что если она хочет

туда попасть ради собственного блага, я буду рад, если у нее это получится. Но если бы даже все было так, как пытается представить Дженет, то я ни в коем случае не хотел бы, чтобы кто-то отправился туда ради моего спасения. Ведь каждый получает лишь то, что заслужил, и пребывание в этом месте вовсе не увеселительная прогулка.

— Теперь она это знает, — сказала я. — А до этого представления не имела. Возможно, ей пойдет на пользу, если она услышит это от вас.

— Не могли бы вы дать мне свой телефон?

Я протянула ему мобильник, и он вбил туда свой номер.

— И все же, выбор за ней. Я не собираюсь вторгаться в ее жизнь, но если хоть чем-то смогу помочь, пусть обращается. Серьезно! — На секунду в его взгляде промелькнула неуверенность, даже смущение. В этом не было и намека на легкий флирт, в котором он, несомненно, был непревзойденным мастером. Это был взгляд человека, который надеялся на что-то, о чем боялся попросить.

— Ну, и вы тоже можете позвонить, если с ним у вас не срастется. — Томас кивнул в сторону Эвана, который, смеясь, пробирался сквозь толпу вместе с Гэвином.

— Буду держать это в голове, — ответила я, но все же улыбнулась при этом.

Томас улыбнулся в ответ.

— Ну что ж, желаю удачи в вашем предприятии, о котором вы мне непременно расскажите через семь лет. — Он направился навстречу Гэвину. Я же пошла в бар, чтобы выпить воды, и Эван нашел меня там.

— Ну как, наслаждаешься вечеринкой? — спросила я.

— Я очень всем доволен. Надо принять некоторые решения, — сказал он. — Поэтому задержусь здесь еще на день, чтобы разобраться с делами, но Гэвин мне обещал, что отвезет тебя в «Мелету» завтра. Он поедет на машине, так что тебе не придется беспокоиться по поводу билетов на поезд.

Гэвин о чем-то увлеченно беседовал с Томасом, и мне стало любопытно, действовал ли запрет на обсуждение отношений с фейри за пределами «Мелеты» при разговоре с их повелителем.

Между тем, вернисаж шел своим чередом, к Эвану подходили все новые и новые люди — ухоженные, элегантные, с изысканными манерами, — чтобы выразить восторги по поводу его работ, обещать позвонить, чтобы обсудить будущие проекты, назначить день, чтобы взять

интервью, или просто поужинать и выпить вместе. Я молча стояла рядом с улыбкой на лице, но на меня никто не обращал внимания, словно я была пустым местом. Наконец, когда мне осточертело лицемерить, сохраняя вежливо-заинтересованное выражение лица, и я разъярилась настолько, что захотелось зубами вцепиться в глотку любому, кто отнимал у меня внимание Эвана, я тихо извинилась и отошла в сторону.

В тишине сверкающей великолепием ванной комнаты, я плеснула холодной водой себе в лицо, благоразумно заперев дверь, чтобы оградить себя от любых проявлений алчности, тщеславия и себялюбия, которые бушевали снаружи. Голова болела от постоянного гула голосов, ноги нестерпимо ныли от непривычно высоких каблуков. В конце концов, я вернулась в галерею и принялась искать Эвана, в надежде, что он не будет возражать, если я вернусь в гостиницу пораньше.

Сердце не обманешь. Оно все знает наперед. И безошибочно чувствует все. До того, как ты наткнулась на неплотно закрытую дверь с полоской света внизу, еще до того, как ты услышала неровное дыхание и влажные шлепки плоти о плоть. Ты все уже знаешь после того, как слишком долго искала своего спутника, ловила на себе косые

взгляды проходящих мимо людей, полные уже не зависти, а снисходительной жалости. Сердце твое бешено колотится, уже зная, что ты увидишь в этой комнате, но, подобно жене Синей Бороды, ты все равно открываешь эту дверь.

Голова женщины была запрокинута, причудливо уложенные волосы растрепались, с губ, покрытых кораллово-розовой помадой, срывались стоны оргазма. Я закрыла глаза и закрыла дверь прежде, чем увидела лицо Эвана.

Исполнение всех его желаний.

Я прислонилась к стене, пытаясь взять себя в руки, до крови прикусывая щеку, пока не уверилась, что не пролью ни слезинки. Проверила, в порядке ли макияж, накрасила рот кроваво-красной помадой, потому что никакая сила на свете не могла заставить меня вернуться к гостям, не демонстрируя олимпийского спокойствия.

Я услышала намеренно громкое цоканье каблучков.

— Ой. А я так надеялась, что этого не случится.

Это была уже знакомая мне сотрудница галереи в платье, похожем на оригами. Конечно же, она все знала. Уверена, она была очень компетентна.

— Мне бы хотелось вернуться в гостиницу, — сказала я. — Не могли бы вы позвонить туда и

заказать мне другую комнату? Я, разумеется, сама ее оплачу. — При мысли о ее возможной цене я поморщилась, но, как бы там ни было, я была готова на любые траты, лишь бы не видеть Эвана.

— Конечно. — Голос ее был профессионально мягким и вежливым. — Я распоряжусь, чтобы ваши вещи перенесли туда. — Она начала что-то быстро набирать на сенсорном экране смартфона. — Машина уже ждет вас внизу. Я выведу вас через заднюю дверь. Не хотите что-нибудь передать?

Я знала, что для Эвана будет проще, если я просто исчезну.

— Нет, не надо ничего передавать. Но я не делаю тайны из своего ухода, и выйду, пожалуй, через переднюю дверь.

Они понимающе кинула.

— Я послала вам мой номер телефона на тот случай, если вам что-то понадобится. Вы ведь здесь по приглашению галереи. Мы обо всем позаботимся.

Уже уходя, я слышала, как за моей спиной открылась дверь, слышала, как он звал меня по имени. Я и не подумала обернуться.

Ведь все уже было улажено.

* * *

Я не спала, но все же вздрогнула, когда раздался телефонный звонок. Номер был мне не знаком. Тем не менее, я решилась ответить, думая, что в столь ранний час могут звонить только по очень срочному делу.

— Имоджен. Она для меня ничего не значит. Мне так жаль!

— Эван, сейчас четыре утра. Я вернулась в гостиницу почти три часа назад. Если тебе так жаль, мог бы позвонить раньше. — Или не трахать ее.

Молчание. А затем:

— Но я…

— Нет, — отрезала я, отключила звонки и сунула телефон в ящик тумбочки, чтобы не видеть высвечивающийся на дисплее номер.

Глава 21

У входа в отель остановился роскошный автомобиль. Серебристо-серый, с элегантными обтекаемыми формами. Я отдала водителю свой багаж и села на заднее сиденье.

— Надеюсь, ты хорошо провела вчерашний вечер, — произнес Гэвин.

Я уставилась не него и расхохоталась.

— Я, конечно, знаю, что вы, ребята, ничего не понимаете в человеческих эмоциях, но нельзя же так издеваться!

— Прошу прощения, Имоджен, я был слишком занят, и, видимо, что-то пропустил. А что случилось?

— Ну, похоже, Эван тоже был слишком занят. Другой женщиной. А я их обнаружила в самый интересный момент. И я отвечу на твой вопрос: нет, я не очень хорошо провела вчерашний вечер.

Повисло молчание, нарушаемое лишь тихим гулом автомобиля.

— Мы понимаем.

Я отвела глаза и уставилась в окно.

— Понимаете что?

— Мы понимаем человеческие эмоции. Даже можем их испытывать. Но все было бы гораздо проще, если бы мы не были способны на это.

— Что именно было бы проще, Гэвин? Прости, эти двадцать четыре часа оказались для меня такими длинными, что я не могу сейчас ломать голову над загадками.

— Хорошо, я постараюсь говорить понятнее. Я люблю твою сестру и боюсь, что если она отправится в мир фейри в качестве дани, жизнь там погубит ее.

Я отвернулась от окна и посмотрела ему прямо в лицо. Впервые за время нашего знакомства он казался смертным. Весь налет звездного гламура, за которым он скрывал в человеческом мире свою истинную сущность, слетел. Теперь он казался смертным в настоящем смысле этого слова — тонкие морщинки вокруг глаз, под которыми виднелись темные круги. Он выглядел бледным и измученным.

— Так запрети ей. Объясни, почему ей туда нельзя. Ты же повелитель фейри! Или солги — скажи, что был неправ про течение времени в вашем мире, и семь лет вне сцены действительно губительны для танцовщицы. Она и сама это

прекрасно понимает. — Я выпалила все это, едва не заикаясь от волнения.

— Если бы я только мог ей запретить…

— Что? Это потому что вы не можете лгать? Ну, хорошо. Я могу взять эту ложь на себя.

— Я действительно не могу этого сделать, Имоджен. Я имею в виду, помешать приношению дани. Сама магия, лежащая в основе договора между фейри и людьми, противится этому. Я не только не могу сказать твоей сестре что-то, что повлияет на ее выбор, но и не могу запретить ей отправиться туда. Если, конечно, выбор падет на нее.

— Даже предупредить, что ей там грозит смерть?

— Магия в каждом из нас проявляется по-разному. Мне, чтобы творить волшебство, нужны слова. Иногда мои слова, произнесенные вслух, сбываются. — Он потер переносицу. Подбородок его дрожал.

— Ну, тогда не выбирай ее. — Говоря это, я уже знала, что все не так просто. — Или нет, пусть все же отправляется туда. Просто позволь ей жить там на тех же условиях, что и Эвану. Разреши ей время от времени приходить в наш мир, чтобы вы могли танцевать здесь вместе. В любом случае,

такая договоренность кажется вполне разумной.

— Эвану позволено некоторое время проводить в человеческом мире ради нашего же собственного блага. С Марин это не пройдет.

— Но…

— Помнишь, Марин стало плохо, когда она попала во владения фейри во время скачки, потому что наш мир оказывает на нее слишком сильное воздействие, а не потому, что она испытывает горе и отчаяние, как это было с Эваном. И не надо думать, что мы — я, например, — не можем отличить эти состояния друг от друга. Даже если я не знаю точно, что вызвало у тебя бурю негативных эмоций, неужели ты думаешь, что я не почувствовал, что ты испытываешь — боль от предательства, ярость — в первую же секунду, как ты села в машину? Я буквально ощущаю эту боль на вкус. Сильные и чистые эмоции Марин будут для нас как пьянящее вино, и мы выпьем ее досуха.

Воздух в салоне автомобиля был настолько заряжен энергией, что, казалось, он потрескивает, а по коже бегут электрические искры.

— Нам и так пришлось испытывать голод из-за всех поблажек, которые мы были вынуждены сделать Эвану. Мир фейри терпит лишения, и

даже моя сила ослабла из-за этого. У меня просто нет выбора. — Он выдохнул, и до меня внезапно дошло, что мой бывший парень, столь подло мне изменивший, может стать причиной гибели моей сестры.

— У меня нет выбора, — повторил он. — Но ты можешь мне помочь.

— Я? — Все мои кости ныли от усталости. Я пристально смотрела на него. — Черт побери, ты же не кто иной, как повелитель страны фейри, Гэвин. Что, по-твоему, я могу сделать, чего не можете сделать вы, магические существа, даже будучи ослабленными?

— Ты можешь отговорить сестру.

— Вот уж не думаю, что у меня это получится. Разве что, если скажу ей, что ты считаешь, что она может там умереть. Но и это может не сработать. Тебе сложно понять, ты не представляешь, что нам с сестрой пришлось пережить в детстве. Каково было жить под одной крышей с нашей матерью. Ты не в силах понять, что значит для нас возможность окончательно разделаться с прошлой жизнью — быть уверенными, что мы раз и навсегда можем избавиться от нее, не пускать ее в нашу жизнь.

Гэвин как будто меня не слышал.

— Как ты уже сказала, ты сможешь попробовать обмануть Марин. А если это не сработает, можно попытаться сделать так, что ее не выберут.

— Нисколько не хочу умалять твой великолепный тайный план, но я уже приняла вызов и собираюсь написать лучшую в мире книгу, потому что готова пойти на сделку с вами. Я тоже жажду успеха и славы, и, разумеется, безопасной жизни, которую они обеспечивают. Поэтому, может, лучше не думать обо всех этих печальных последствиях, и все само образуется.

— Если выбор падет не на нее, а на тебя, то, конечно, проблема решится, но вероятность такого расклада сложно просчитать. Я имею в виду, что тебе крайне нелегко будет заставить сестру поверить, что в этой борьбе может победить кто-то, кроме нее. Личность твоей сестры сложна и многогранна, но ей уж точно не свойственно сомневаться в своем таланте.

Неужели он не понимает, что мне предлагает?

— То есть, ты хочешь, чтобы я попыталась психологически подавить Марин. Заставить ее думать, что ей не хватает таланта, что она не заслуживает победы. Хочешь, чтобы я лгала ей, и делала это со всей отдачей, ведь именно тогда произнесенное вслух сбывается. — Слова эти

ощущались во рту, как горький яд.

— Только не надо на меня так смотреть, Имоджен. Стоит ли напоминать тебе, что в противном случае она умрет.

— Я люблю сестру гораздо дольше, чем ты, — отрезала я. — Поэтому не нуждаюсь в твоих напоминаниях.

— И ты не можешь ничего ей рассказывать.

— О чем? О том, что ее любовник и родная сестра сговорились отнять у нее победу вместе со всеми мечтами? Что мы убедили себя, что единственный путь к спасению — это предать ее, пользуясь ее доверием, разбить ей сердце? Поверь мне, я все и сама прекрасно понимаю.

— Имоджен, я…

— Послушай, Гэвин, можем мы больше не говорить об этом, если только не случится чего-то действительно важного? Знаешь, у меня была дерьмовая ночь, а утро оказалось еще хуже. Я действительно смертельно устала и собираюсь немного поспать. Поэтому, если ты соблаговолишь заткнуться, буду тебе весьма признательна. — Я свернулась калачиком и закрыла глаза.

И не открывала их до самой «Мелеты».

Однажды, давным-давно…

Жили-были две сестры — одна с волосами

черными, как самая темная ночь, а вторая с золотыми, как солнце. И были эти сестры так близки, что можно было подумать, будто у них одно сердце на двоих.

Но, несмотря на всю их любовь и близость, они были очень разными. Старшая сестра была тихой и осторожной, она не доверяла никому на свете, словно кошка, которую когда-то побили. Младшая же была смелой и полной жизни и вела себя так, словно не сомневалась, что, если ей придется падать, мир всегда защитит ее, растянув внизу спасительную сеть.

Но сеть может и порваться, если броситься на нее изо всех сил.

Младшая сестра вела жизнь, полную приключений, и не заметила, как изменилась. Раньше она хотела взять от жизни все, но теперь вся ее страсть, все ее силы сосредоточились лишь на одном заветном желании, но она вовсе не была уверена, что ее мечта осуществится. Эта страсть поглотила ее, иссушая душу, пока она не потеряла весь свой блеск и не превратилась в жалкое подобие самой себя. Теперь это была лишь бледная тень, бредущая по земле.

Старшая сестра все видела. Она знала, что одержимость мечтой разъедает душу сестры,

как неизлечимая болезнь. Ей было невыносимо видеть, как сестра страдает от неосуществимости своей мечты, как пусто у нее на сердце от тщетных усилий достичь желаемого, и она отправилась в путь, дав себе клятву во что бы то ни стало найти ту таинственную вещь, которая могла бы исцелить душевные раны сестры.

Девушка шла и шла по дороге в железных башмаках, и путь ее лежал к востоку от солнца и к западу от луны. Из своих странствий она принесла и яйцо феникса, и горящее перо жар-птицы, и бессмертное сердце, заключенное в сверкающий изумруд. Если и были где-то под солнцем, или спрятанные глубоко в тени магические артефакты, она собрала их все и подарила младшей сестре.

Но, несмотря на все эти волшебные дары, сестра продолжала угасать.

Помимо всех чудесных вещей, которые старшая сестра собрала со всего света, она привела с собой волшебника из чужой страны, который поклялся служить ей день и ночь. Он внимательно осмотрел младшую сестру, использовав все известные ему приемы темной магии.

— Исцелить ее может только время, — сказал он.

— Но она умирает, — сказала старшая сестра. — Даже я это вижу. Как ты можешь говорить, что время исцелит ее? — Она оглядела комнату, битком набитую сверкающими сокровищами, всем волшебством мира, которое она так старательно собирала и принесла сестре, и каждый из этих даров был чудеснее другого. Но все напрасно! Они оказались бесполезными. — Единственное, чего у нее нет — это времени.

— Знай — она не умирает, — сказал волшебник. — Ее состояние улучшится. Но для этого ты должна удержать ее, не выпускать отсюда до того, как это произойдет. Только ты одна можешь подарить ей время.

Старшая сестра знала, что волшебник не может обманывать ее из-за обетов, которые он принес. И она отправилась на поиски времени. Она собирала песчинки, капли воды, мерное тиканье часов. Она собирала листья при смене времен года, и пустоту, разделяющую прошлое и будущее.

Она видела, что сестра возвращается к жизни, но медленно, слишком медленно.

И она украла время у самой себя. Ее волосы тотчас поседели, лицо покрылось морщинами, а кости стали хрупкими.

— Наконец-то ты поняла, — сказал волшебник.

— Да, — согласилась старшая сестра.

Часы пробили полночь.

Она увидела, как младшая сестра погрузилась в сон — на этот раз в здоровый, мирный сон.

И она тоже закрыла глаза и уснула с ней рядом.

Глава 22

Я бросила дорожную сумку на пол, рухнула на кровать и лежала, уставившись на светящиеся звездочки на потолке.

— Ну, и как тебе выставка? Наверное, галерея просто потрясающая, — сказала Марин.

Я прикрыла глаза и приготовилась лгать сестре, хотя раньше ничего от нее не скрывала.

— Представляешь, я застала Эвана, когда он трахался с другой женщиной. Пришлось обратиться к пресс-секретарю галереи с просьбой переселить меня в другой номер в отеле. Ну, а в остальном, все было просто великолепно.

— Ты не шутишь?! Вот мудак!

Я кивнула.

— Надо сказать, она была очень милой. Я имею в виду пресс-секретаря.

Марин присела рядом со мной на кровать.

— Как ты?

— В целом, неплохо. Я скорее испытываю смущение, а не обиду.

— Надо же, какая скотина.

— Не знаю, что сказать. Он просто упивался

своим ошеломительным успехом, все вокруг него суетились, восхваляя его работы. И были абсолютно правы. Может, он и козел, но безумно талантливый козел. Он как-то позабыл о человеческой порядочности на этой головокружительной вечеринке. — Тут мой голос сорвался, а вслед за ним и я сама, и по щекам ручьем потекли горячие слезы.

Марин обняла меня, притянула к себе, и держала так, пока я плакала.

— Это так унизительно, — произнесла я. — Он вел себя так, словно я для него пустое место. А потом позвонил ночью, чтобы сообщить мне, что она для него ничего не значит, а мне от этого стало еще хуже.

— Мне так жаль, моя милая.

— Спасибо. — Я села в постели, высморкалась и смахнула остатки слез со щек.

— Ты справишься? — спросила она.

Я кивнула.

— Конечно, все это противно и обидно, и я попереживаю немного, но сердце мое, хоть и болит, но не разбито.

— Значит, ты его не любишь? — спросила она.

— Нет.

Я вспомнила Гэвина, его отчаяние и боль, и

поняла, что мои переживания не идут ни в какое сравнение с его страданиями из-за Марин.

— А как насчет тебя?

— Мне кажется, я начала влюбляться в него с первого же дня, когда мы начали танцевать вместе, — ответила она. — В его присутствии я чувствую себя в безопасности. Он придает мне силы и решимость, и мне кажется, что я способна совершить невозможное.

Я сжала ее руку.

— Я так рада за тебя.

И это действительно было так. Несмотря на то, что сердце мое болезненно сжималось, ее признание, что она по-настоящему его любит, в какой-то степени примиряло меня с мыслью о том, что мне предстоит лгать и ранить ее, чтобы спасти от смерти, пусть это и было для меня невыносимо.

— А вы с ним когда-нибудь обсуждали, что произойдет, если ты отправишься в мир фейри в качестве дани? — спросила я. Мне не терпелось знать, что именно мне придется скрывать от сестры.

Она кивнула.

— Он ничего не сказал мне напрямую, но я знаю, что он обо мне беспокоится. Постоянно твердит, что я достаточно талантлива, чтобы сделать,

как он выражается, «потрясающую карьеру» в человеческом мире безо всякой сделки с фейри, и что я должна тщательно взвесить все возможности, поговорить с Эваном о том, что происходит с человеком в том запредельном мире — чего я теперь уж точно делать не собираюсь.

— Но если Гэвин выражает опасения… — начала было я.

— Знаю, в этом есть определенная опасность, но ведь Гэвин не имеет счастья знать нашу мать. Между прочим, я веду календарь, — сказала она.

— И какие же события ты в нем отмечаешь? — Я растерянно потерла глаза.

— Дни, прошедшие с момента ее последнего письма. Или встречи. Она регулярно достает меня, как будто не хочет, чтобы я расслаблялась. Так я хоть как-то могу рассчитать, когда следует ждать от нее очередных пакостей, типа какого-нибудь гнусного письма, доставленного через центральный офис, или букета роз с отрубленными головками в моей гримерной.

Моя рука невольно сжалась, превратившись в клешню. Лично мне никогда и в голову не приходило вести календарь. Я всегда отмеряла время по внутренним часам. У меня было отличное чувство времени, и я прекрасно могла рассчитать,

когда мать снова возникнет в моей жизни.

— И следующий раз всегда наступает, — едва слышно произнесла я.

Марин кивнула.

— У меня может быть потрясающая карьера, я могу стать знаменитой, и без сделки с фейри. Но моя жизнь от этого не станет безопаснее. Я должна пойти на это, чтобы навсегда обеспечить нам безопасность. Чтобы быть уверенной, что она больше никогда в жизни до нас не доберется.

Похоже, Гэвин был абсолютно прав в своих прогнозах по поводу реакции Марин. Что лишь доказывало, как сильно он ее любит. Игла, вонзившаяся в мое сердце, сделала еще один стежок по живому.

— А ты не думаешь, что может быть есть и другие способы заставить ее исчезнуть? Например, Гэвин может наложить на нее какое-нибудь заклятье, — спросила я.

— Похоже, такого способа не существует, иначе он сам бы предложил. Что бы я ни делала в попытках убежать от нее, ничего не срабатывало. Все усилия были напрасны. Знаю, что у тебя то же самое. Она всегда как-то умудрялась змеей вползти в нашу жизнь. Поэтому скрыться на семь лет и не слышать ее голоса, было бы избавлением,

какие бы последствия это не повлекло. Я не могу вразумительно объяснить это ему, но уверена, ты-то меня понимаешь.

Еще как понимала! Именно это и делало ситуацию, в которую поставил меня Гэвин, практически неразрешимой. Я не хотела, чтобы Марин пострадала, живя семь лет в царстве фейри. Я была готова на что угодно, лишь бы спасти ее, но я понимала, что она имеет в виду. Жизнь в Волшебной стране дарила свободу, ради которой можно было пойти на любые жертвы.

В те два года, что я провела в школе-пансионе, мать каждый день донимала меня письмами. Это не прошло незамеченным, и все вокруг восхищались, как сильно она меня любит и как, наверное, мы с ней близки. На самом деле, мне просто каждый день давали понять, что я ничтожное, жалкое создание, которое ничего никогда не добьется в жизни. Со временем я перестала читать эти послания, но это меня не спасло, потому что они все равно регулярно появлялись в электронной почте, напоминая о том, что хоть я и уехала из дома, мне не удастся от нее ускользнуть. Мать все равно доберется до меня, ибо она контролирует ситуацию. Дело дошло до того, что каждый раз, когда я открывала почту, меня начинало мутить.

— Конечно, понимаю, — сказала я.

— Все спрашивают: что для тебя значит добиться успеха? Отвечая на этот вопрос, я говорю о возможности танцевать те или иные партии, о своей мечте создать свою собственную хореографию, самой поставить балет, и всем таком прочем. Но, на самом деле, я буду считать себя счастливой и успешной, лишь когда буду уверена что она не подстерегает нас за углом, чтобы снова отравить нам жизнь. Когда не буду засыпать с мыслью, а вдруг она завтра появится и заберет у меня все, чего я так старательно добивалась? Это же ее излюбленная фраза: «Я тебе это дала, и всегда могу это у тебя отобрать». И я не сомневаюсь, что она на это способна.

Она передернула плечами.

— Брр! Прости, что впала в уныние. А я ведь хотела поднять тебе настроение.

— Пожалуй, ты перестаралась. — Но я все же выдавила из себя улыбку.

— Пойду позанимаюсь в студии, но сначала скажи, может, чего-нибудь принести? Горячего шоколада? Вина? Или может, яйца изменника Эвана?

Я усмехнулась.

— Не надо, я в порядке. Поужинаем попозже?

— Отличная идея, — ответила она.

Сестра обняла меня, прежде чем уйти, и я почувствовала, какая она сильная, жилистая и мускулистая, и в то же время полная изящества. Может, Гэвин и ошибается — она достаточно сильна, чтобы выжить.

Но даже если он и ошибается, это для меня не имеет никакого значения. Ведь я сказала ему, что могу соврать сестре, чтобы ее защитить. И я в любом случае причиню ей боль, потому что у нас обеих одно стремление. Может так случится, что ни ее, ни меня не выберут привередливые фейри. Но если все же выберут, то победит лишь одна из нас.

* * *

Я сказала Бет, что твердо намерена участвовать в конкурсе, и не изменю своего решения. Говоря это, я крепко сжимала песочные часы, висящие у меня на шее.

— Скажите, а что происходит дальше? Нужно представить какие-нибудь рукописи?

Или кинуть записку со своим именем в кубок, в котором пылает магический огонь. Начертать свое имя на восковой табличке и передать слепому оракулу. Несмотря на то, что я жила здесь

уже несколько месяцев и прекрасно понимала, что такое «Мелета» и в чем суть договора между фейри и людьми, было весьма странно вести подобный разговор, сидя на потрепанном сером диване, с небрежно наброшенным на его спинку сиреневым покрывалом, которое Бет связала собственными руками, вдыхая аромат кофе, смешанный с дымным запахом ее любимого чая лапсанг сушонг, словно присутствие фейри в нашей жизни было самым обыденным явлением.

— Ничего такого. В ночь весеннего равноденствия будет большой сбор, где и будут оценены ваши достижения. Нужно лишь появиться перед *ними* и представить свою работу.

— Надо же, как скучно, — разочарованно сказала я. Мне казалось, что это должен быть какой-то необычный ритуал, что-то магическое, а вовсе не очередная презентация или кастинг.

— Ну, уж скучно точно не будет. А что Марин думает по поводу вашего решения?

— Мы с ней об этом еще не говорили. — Я знала, что пора бы это уже сделать, но хотела, чтобы это произошло как можно позже. — Я имею в виду, что она, конечно, знает, я ведь по-прежнему ношу амулет, но деталей мы с ней еще не обсуждали.

Бет поставила пустую чашку на стол и взялась

за вязание.

— Ну что ж. Просто помните, что вы можете изменить решение в любой момент до дня весеннего равноденствия. И знайте, что вы вовсе не предаете Марин, решив поверить в себя и свой литературный талант, и что это вовсе не означает, что вы не верите в ее талант.

Я кивнула, но в горле у меня стоял комок.

— Если рассуждать логически, то я все понимаю. Но в глубине души я все равно считаю, что стремясь к победе, я тем самым предаю сестру. Получается, что я вынуждена с ней соперничать.

— Мне никогда не приходилось быть в ситуации, подобной вашей. Я в семье единственный ребенок, — сказала Бет. — И я никогда не жила вместе с отцом моей дочери. Он очаровательный человек, которого я очень люблю, но мы сделали бы друг друга несчастными, живя под одной крышей.

Я обожаю свою дочь, но мы с ней вовсе не единомышленники. У нее нет ни малейшей склонности к писательскому труду, а я никогда не мечтала о карьере ортопеда. Поэтому мне сложно представить, каково это, соперничать с ней по какому-либо поводу, и надеюсь, этого никогда не случится. Поэтому как творческий человек,

с легкостью могу сказать вам, Имоджен, что если вы хотите воспользоваться этим шансом, хватайтесь за него обеими руками и деритесь до конца. — Она откинулась на спинку кресла, положив клубок со спицами в корзинку. — С точки зрения обычного человека, те, кто вас любят, поддержат ваш выбор в любом случае, а если не поддержат, значит они вас никогда не любили. Но эти рассуждения не совсем верны. Полагаю, ваши собственные интересы и ваше творчество должны быть для вас превыше всего. В конце концов, именно *искусство вечно*. Но сделать такой выбор означает пойти на жертвы. Прежде, чем принять решение, вы должны понять не только, что вы хотите получить в результате, но и осознать, от чего готовы отказаться ради этого.

Вернувшись домой, я увидела, что Ариэль перевернула вверх дном всю гостиную. Мебель была сдвинута к стене, стулья, столы и кресла хаотично навалены друг на друга и вся эта шаткая конструкция грозила вот-вот рухнуть. К полу скотчем были приклеены карточки с пометками.

— Что тут происходит? — спросила я.

— Я в процессе создания своего нового проекта, — ответила она.

— Того, который не о Жанне д'Арк?

Она кивнула.

— Я пытаюсь понять, до какой степени могу показать всю сказочность этого места, пока не перейду границу настолько, что у меня отнимут голос. К тому же, у меня главный герой может говорить только правду ближе ко второму акту, а это и облегчает задачу, и в то же время затрудняет ее.

— Местоимения, — сказала я.

— Что? — она аж присела.

— В галерее на вернисаже Эвана у нас с Томасом состоялся разговор о дани и фейри. Он посоветовал использовать местоимения. Благодаря этой подсказке, я всего один раз запнулась.

— Получается, все дело в том, *как* вы говорите о чем-то, а не то, *что* вы говорите?

— Думаю, да, — сказала я. — Пока удается вразумительно излагать свои мысли, говоря обо всем иносказательно, это заклятье — или что там еще не дает нам разболтать всему миру обо всех этих магических штучках — не срабатывает.

— Это, пожалуй, может пригодиться. — Она схватила стопку карточек и принялась делать заметки. — Я имею в виду, если на репетициях выяснится, что кто-то из актеров будет запинаться, произнося свой текст, я всегда смогу переписать

его. Спасибо за дельный совет.

— Смотрю, работа у тебя кипит вовсю. — Оглядевшись, я уже могла сложить отдельные кусочки в общую картину — обрывки песен, танцевальные номера, мизансцены, диалоги, карточки, лежащие стопками… Судя по всему, общий замысел спектакля уже созрел в голове Ариэль.

— А то! — Она вытянула ногу и пнула ножку опасно наклонившегося стола, готового сверзиться с диванчика, на который его водрузили. — Это чтоб не сглазить. Большинство песен уже написаны. А сейчас я в основном работаю над сценарием и постановкой.

Знаешь, а я ведь беспокоилась, что ничего не получится. Что может сработать магическое заклинание, типа, «не смейте болтать о закрытом клубе фейри», и я буду стоять на сцене и раскрывать рот под музыку, как рыба, не в силах издать ни звука. Но пока все идет нормально.

К тому же, я решила покопаться в текстах разных сказок. Где их можно раздобыть?

— Какие именно сказки тебе нужны — вроде «Красавицы и Чудовища»? — спросила я.

— Ну, да. Самые обычные сказки, не связанные с нашей проблемой.

Я уселась рядом с ней на пол и заметила карточ-

ку, на которой было написано: «*Он ее любит?*». Ответ зависит от того, кто этот самый «он», подумала я.

— Я могу одолжить тебе несколько книг. Ты хочешь добавить что-то из них к сюжету?

— Не совсем. Но мне не дает покоя одна мысль — ведь я написала свой мюзикл, потому что страшно разозлилась, что из-за *них* не могла говорить, и у меня все получилось. И ведь никто на Бродвее не поверит, что эта история — чистая правда, но для меня это даже не имеет значения. Главное, что мне удалось ее рассказать. — Она запустила пальцы в волосы и шумно выдохнула. — Теперь по поводу того, что ты мне сказала насчет местоимений. Это навело меня на вопрос: а может, большая часть историй, которые мы относим к области сказок, на самом деле правда? Ну, не правдивая правда, как она есть, а способ рассказать о чем-то иносказательно, не называя вещи своими именами? Что если они написаны людьми, которые хотели рассказать о чем-то *необычном*?

— Я бы не удивилась, если бы большинство сказок такими и оказались, — сказала я. — Было бы более странно, если бы никто ни разу не попытался рассказать о своем опыте общения с фейри,

и наверняка многие решились на это, просто мы, читатели, этого не поняли.

— Я тоже так думаю, — сказала Ариэль. — Вот представь себе — я могу отправить этот проект одному из продюсеров, который отплясывал тут с фейри на новогоднем балу, но даже он не признает, что эта история чистая правда. А вот если ты придешь на спектакль, то все сразу поймешь. Поэтому я и хочу почитать сказки, и попытаться разгадать их тайный смысл. Так сказать, для полноты картины.

Я слышала стук в переднюю дверь, но не обращала на него внимания, пока Марин не прислала мне сообщение: *Спустись вниз. Сейчас. Сюрприз от мамаши.*

Марин сидела на крыльце, обхватив руками колени. Рядом стояла коричневая картонная коробка.

— Это нам подарочек. От дорогой мамочки. Не хочу вносить это в дом.

— Думаешь, там отрубленная голова? — спросила я. И действительно, по странному совпадению, коробка по размеру идеально подходила для того, чтобы вместить этот непременный атрибут фильмов ужасов.

— Ты знаешь, что даже это может более при-

ятной альтернативой тому, что она нам прислала, — сказала Марин. Лицо ее позеленело, и она выглядела так, словно ее вот-вот стошнит.

— Мы можем это просто выбросить.

— Я руками и ногами за это, — Марин оттолкнула коробку подальше от себя. — С чего это ее вдруг разобрало?

— Ты же знаешь, чем бы это ни было, оно расстроит нас, выбьет из колеи, а ведь прошло уже много времени с последнего раза, когда она совала свой нос в нашу жизнь. Потому что, несмотря на то, что ее рядом нет, она наверняка сейчас упивается злорадством, представляя, как мы теряемся в догадках, и не сомневается, что мы непременно откроем коробку и испытаем ужас и отвращение, чего она от нас и добивается. — Я слышала, что говорю все быстрее и громче, как впавший в истерику ребенок, и заставила себя сделать несколько медленных вздохов, чтобы успокоиться. Я напомнила себе, что я больше не маленькая беспомощная девочка, что матери здесь нет и что я способна поступать по собственному усмотрению, так что она не может заставить меня делать что-то против моей воли.

Марин встала, подняла коробку и принялась отдирать клапан.

— Что ты делаешь? Мы же решили отнести ее на помойку, — сказала я.

Но Марин продолжала разматывать скотч.

— Мы так и сделаем. Но я не смогу расслабиться, пока не узнаю, что же там внутри, и не хочу рыться в помойке в три часа ночи, чтобы посмотреть и уснуть спокойно.

— Ладно. — Я стояла за ее спиной, наблюдая, как она вынимает и разворачивает пакет, высвобождая то, что было внутри.

Фотография. Я, почти наголо остриженная, с чуть синеющими на черепе отрастающими волосами, похожими на зловещую тень, а рядом Марин в балетной пачке. Потом я вспомнила, что это был за танцевальный вечер.

— Боже, как же я ненавижу тот день, — выдохнула я в унисон с Марин, которая сказала:

— Это было одно из худших выступлений в моей жизни.

Нам сразу стало понятно, почему она прислала нам именно эту фотографию. Этот кадр, полный страдания, — хотя со стороны он мог кому-то показаться милой семейной сценкой, — был выбран намеренно, чтобы заставить нас почувствовать себя ничтожными, подавленными, недостойными находиться в том месте, где мы сейчас жили.

— У меня тогда только начали расти грудь и бедра, — вспоминала Марин. — Это любой девочке кажется странным, потому что тело вдруг становится словно чужим. К тому же, центр тяжести сместился. Поэтому было трудно удерживать равновесие во время поворотов и кружений, которые обычно у меня легко получались. Казалось, эти изменения произошли очень быстро, словно за одну ночь, я очень расстраивалась по этому поводу, и мне казалось, что мать права, утверждая, что я становлюсь слишком толстой для балета.

В конце концов, я приспособилась к новому телу, и стала танцевать не хуже, чем раньше, но в тот вечер я впервые упала на сцене. Переусердствовала во время вращения и потеряла равновесие. Прямо на глазах у изумленной публики. Шлепнулась с таким грохотом, что сразу вспомнились ее слова про «толстую балерину». — Она провела рукой по глазам, смахивая слезы.

Я обняла ее за плечи. На фотографии бретелька бюстгальтера торчала из-под более широкого плечика ее костюма. И эти ее заплаканные глаза!

— А меня в тот год учительница порекомендовала в качестве участника на конференцию молодых писателей, — добавила я. — Я написала сочинение на конкурс, и мою кандидатуру

одобрили. Через день после того, как пришло письмо с приглашением на конференцию, наша драгоценная мамочка написала учительнице, утверждая, что мой текст — это чистый плагиат. Что его написала она сама, как образец для подражания, а я просто скопировала его и выдала за свое сочинение. Она настаивала на том, что, как бы трудно для меня это ни было, я должна понести наказание за столь недостойный поступок.

Конечно, после такого скандала ни о какой поездке на конференцию не могло быть и речи. Мне пришлось извиняться перед целым классом за свой обман и за то, что я отняла эту возможность у тех ребят, кто был этого достоин. Это было именно в тот день.

Самым ужасным воспоминанием во всей этой истории был взгляд моей учительницы. Она в меня поверила, всячески помогала мне. Мать отправилась в школу с ней повидаться, наплела с три короба про то, как ей стыдно за все, что я, по ее словам, натворила, и что это результат слишком большого нервного напряжения, которое я испытываю, пытаясь всеми способами добиться успеха, потому что завидую таланту сестры. Она назвала меня прирожденной лгуньей, и все такое прочее. Тогда она украла у меня не только мое

сочинение, но доверие и поддержку миссис Кит.

— Да, наша счастливая семейка, — вздохнула Марин. Она швырнула фотографию обратно в коробку. — Как ты думаешь, существует ли фотография из нашего детства, не связанная ни с какими ужасными воспоминаниями? Ведь должна же быть такая, правда?

Я вовсе не была в этом уверена.

Марин запихнула в коробку обрывки скотча и смяла ее. Потом мы выбросили ее в контейнер для мусора.

— Она никогда не уйдет из нашей жизни, так ведь? — Марин вздрогнула.

— Я просто рада, что сюда она точно не доберется, — сказала я. — Это пока единственное безопасное место для нас.

И все же, недостаточно безопасное, если сюда попадают посылки, которые так выбивают нас из колеи. Ни одно место в мире не является для нас безопасным, что бы мы на этот счет ни думали.

Марин поправила на шее цепочку так, чтобы амулет лежал в ямке между ключицами.

— Но в наших силах сделать так, чтобы наша жизнь стала безопасной раз и навсегда.

Глава 23

Марин на несколько дней уезжала на пробы в какую-то балетную труппу, и когда я во время пробежки заглянула в ее студию, то была удивлена, увидев ее там. Поэтому, вместо того, чтобы бежать домой, я открыла дверь и вошла. Меня снова поразила красота этого пространства. С одной стороны окна во всю стену, с другой — полностью зеркальная стена, от чего казалось, что комната уходит в бесконечность и вся заполнена золотым светом и серебряными бликами, а посреди всей этой красоты кружилась в танце тоненькая фигурка Марин.

— Ну, как съездила? — спросила я.

Она закончила серию поворотов, следя за своим отражением в зеркале, чтобы проверить положение ног.

— Ужасно.

Голос ее прерывался, казалось, она вот-вот расплачется.

— Что случилось?

— Оказывается, я подлая предательница и любительница примазаться к чужой славе, потому

что бросила прежнюю труппу и отправилась в «Мелету», чтобы танцевать с Гэвином. А потому, как мне объяснили, я еще и шлюха. После того, как я покину «Мелету», еще год-два могу надеяться, что меня будут приглашать в труппы, руководство которых закрывает глаза на такие вещи. Если, конечно, они смогут заполучить в свои постановки Гэвина. Но как только я ему надоем, моя карьера бесславно закончится. — Марин смахнула пот со лба. — А потом они предложили мне место в кордебалете.

И, нет, не слезы звенели в ее голосе. Ярость!

Потому что ей действительно нанесли страшное оскорбление. Ведь Марин была прима-балериной в своей прежней труппе, исполняла главные партии. Она была Снежной королевой, а не рядовой Снежинкой. Ей, по крайней мере, могли бы предложить место солистки.

— Какое мерзкое сборище мелких людишек, — возмутилась я.

— У меня было такое впечатление, что меня специально пригласили на пробы, чтобы унизить. Они так ликовали, когда объясняли, почему я им не подхожу. — Снова серия поворотов, еще одна, и каждый раз она вносила в движения изменения, невидимые глазу непосвященного, и сами

ее движения становились все более уверенными и плавными.

— Забей на них. Ты же знаешь, что заслуживаешь лучшего. Они тебе и в подметки не годятся.

— А если это не так? — Она остановилась. — Может, мне уже никогда не удастся устроиться ни в какую престижную труппу. Все будут думать, что я лишь очередная протеже Гэвина, или как это там называется. Мне вообще не стоило приезжать в «Мелету»!

— У тебя будут и другие приглашения, — сказала я. — Все, кто видит, как ты танцуешь, прекрасно понимают, что ты необычайно талантлива. — Но мои слова не возымели на нее действия, ведь это было все равно, что предложить человеку с глубокой раной в груди заклеить ее пластырем.

— Только для них это не имеет значения! Ведь я вчера была в великолепной форме и танцевала просто замечательно. И что?! Мне предложили место в гребаном кордебалете!

Она села на пол и принялась снимать пуанты.

— Я начинаю думать, что единственный шанс для меня добиться успеха после того, как закончится «Мелета», это стать избранной.

В моем сердце снова кольнуло, словно в него вонзили острую иглу.

— Это не так.

— Тебе легко говорить! Ты писатель! Писателям свойственно исчезать время от времени, скрываясь от мира, чтобы творить в тишине. Ты еще долго будешь считаться *молодым писателем* и числиться в списке «Сорок до сорока». А если моя карьера балерины продлится до сорока, то это будет чудо.

— Хотелось бы мне тебе помочь, — сказала я.

— Ты можешь. Сними амулет.

— Марин, нас здесь сорок человек. Не у всех пока есть амулеты, но теоретически у любого из нас есть шанс стать данью. Если я откажусь, это ничего не решит.

Мерзкий паразит, засевший в моей голове, подсказал мне произнести эти слова, сыграть на ее слабости, заставить сомневаться, сломать ее волю к победе. В конце концов, я обещала Гэвину ее обмануть. К тому же, я это делаю ради ее же пользы.

— Значит, так ты меня поддерживаешь? А я-то рассчитывала, что ты всегда подставишь плечо в трудную минуту. Что ты понимаешь, почему для меня это так важно!

— Я понимаю, Марин, но… — Я делаю это ради ее спасения. Мою руку свело судорогой.

— Но что?

— Разве не лучше будет, если мы обе попытаем счастья? Тогда у нас будет вдвое больше шансов навсегда расстаться с нашей матерью, разве не так? — Это был слабый аргумент даже для меня, жалкое оправдание моего малодушия. Но у меня язык не поворачивался переубеждать ее. Даже ради ее спасения. Я не могла причинить ей боль. Что угодно, только не это.

— Но я не только об этом сейчас говорю! Я должна быть уверена, что смогу продолжать карьеру, когда я уеду отсюда.

— Но я же всегда тебя поддержу, Марин. Можешь на меня рассчитывать.

Мерзкая, мерзкая лгунья. И при этом настолько бездарная, что даже не могу уберечь сестру от опасности.

Она сникла.

— Я знаю, поверь. Просто мне так страшно, Имоджен! Я отдавала себе отчет, что потом, быть может, мне и не светит устроиться в престижную балетную труппу, но даже представления не имела, что все настолько ужасно!

Я это хорошо понимала. Она была прекрасной танцовщицей. Можно сказать, великой. Она танцевала главные партии в известной балетной

труппе. Обладать таким талантом, блистать на сцене, а потом услышать в свой адрес, что ты ничтожество и шлюха, — это действительно ужасно.

— Ты умопомрачительная балерина, Марин! А они просто сборище завистливых недоумков. Ты обязательно получишь престижную работу.

Но на этом неприятности не закончились. Через пару дней я вошла вечером в кухню и увидела, как Марин ковыляет к креслу, прижимая пакет с мороженым горошком к бедру.

— Подай мне еще один, если не трудно.

— Что случилось, Марин? — Я протянула ей пакет, лежавший на столе.

Она прижала его к плечу и поморщилась.

— Гэвин меня уронил. То есть, сам упал, и я грохнулась на пол вместе с ним.

— Как ты себя чувствуешь? — Падения не идут на пользу любому танцору, но упасть, когда танцуешь с партнером, особенно с высоты во время поддержки, очень опасно. С ней уже случалось такое.

— Все будет хорошо. Я ничего не сломала и не растянула. Но я так беспокоюсь о нем, — произнесла она, и тихо добавила:

— Ты же понимаешь, такие вещи с ним обычно

не случаются. Из-за его природы. Это невозможно с такими, как он. А когда он извинялся, то сказал, что просто устал. Устал, понимаешь? Есть от чего встревожиться.

— Может, у вас просто неудачный день?

Он же сказал, что сейчас мир фейри переживает не лучшие времена, их сила убывает из-за того, что Эван не находится там постоянно, и энергии, питающей их, не хватает. Может, на него это все тоже влияет и поэтому он тоже теряет силу.

— А самое ужасное заключается в том, что когда я поняла, что с Гэвином все в порядке, единственное, о чем я могла думать — это о том, что со мной будет, если он вдруг не сможет танцевать. Если без него никто не захочет иметь со мной дела? — Она в отчаянии разрыдалась.

Я протянула руку и взяла ее ладонь в свою.

— С ним все будет хорошо. Все устают, это нормально. А ты просто блестящая балерина. Да все в очереди будут стоять, чтобы тебя заполучить!

Ее приглашение на следующие пробы просто отменили. Руководство труппы не удосужилось даже назвать причин отказа, поэтому Марин вообразила себе худшее — не то, что они уже нашли танцовщицу, а что не захотели принимать именно ее.

— Ты просто обязана пообещать мне, что не будешь соперничать со мной за право пойти в мир фейри, — выпалила она с покрасневшим от злости лицом.

— А что, если бы на твоем месте оказалась я, Марин? Представь, я во все издательства посылаю книгу, а в ответ лишь письма с отказом. Скажи честно, отошла бы ты в сторону в такой ситуации, не стала бы со мной соперничать? Если да, то я откажусь.

Она отвернулась.

— Ты другое дело. У тебя еще есть время.

— Когда мы подавали заявки сюда, то решили непременно поехать. Независимо от исхода конкурса. Даже в том случае, если одна из нас в «Мелету» не попадет. Не могу понять, чем нынешняя ситуация отличается от предыдущей.

— Потому что я могу потерять все, не став избранной! Превратиться в полное ничтожество. С моей карьерой будет покончено! Меня уже не приглашают на пробы даже сейчас. А тебе, судя по всему, наплевать. Ты сама мечтаешь туда попасть, и снова бросить меня здесь одну.

Снова?!

— О чем ты говоришь, Марин?

— Как тогда, когда ты уехала учиться в свой

пансион! Все то же самое: такая прекрасная возможность, но поехать можешь только ты! В результате ты бросила меня одну. Ей на растерзание! — Она буквально выплюнула эти слова.

— Мне пришлось уехать, Марин. Ты же знаешь, что она со мной сделала! Я не от тебя уезжала, я спасала свою жизнь. Это ты ни разу не ответила на мои сообщения, на мои письма! Все попытки связаться с тобой были напрасными. Ты могла бы рассказать мне, как тебе жилось с ней. Но ты этого не сделала. — Действительно, у меня тогда было полное ощущение, что я отправляю письма в черную дыру. — Я могла бы приехать домой на каникулы, если бы знала, что ты хочешь меня видеть. Если бы знала, что нужна тебе. Но ты мне не отвечала, и я думала, что ты только рада, что я уехала из дома.

— Какие письма, Имоджен? Какие сообщения? Я ни единого слова от тебя не получила! Перед отъездом ты сказала мне, что сожалеешь, что приходится так поступать, обещала, что поможешь мне выбраться оттуда, а потом скрылась, и тебя ничегошеньки не интересовало! Кроме твоей новой жизни. Я помню ее зверства в отношении тебя, это было ужасно, но я-то застряла в этом доме. С ней! Каждый день я сжималась от

страха, что она набросится на меня, если решит, что я снова сделала что-то неправильно! Что отыграется на мне! Я боялась, что она изувечит меня так же, как тебя тогда, и после этого я уже никогда не смогу танцевать. — Она на мгновение замолчала и отвернулась, а потом, уже тише, добавила: — Ты бросила меня там, и мне пришлось со всем этим жить, совсем одной, потому что ты ушла, и даже не оглянулась!

— Марин, я писала тебе. Писала весь первый год. Все время пыталась с тобой связаться, пока не решила, что ты не хочешь отвечать. — До меня вдруг дошла страшная правда. — Наверное, она перехватывала мои письма, сообщения. И уничтожала их, скрывая от тебя.

— Легко теперь так говорить, правда?

Болезненные спазмы вновь скрутили живот.

— Думаешь, я бы стала врать тебе об этом?

— Не знаю, Имоджен. Ты моя сестра, но я не знаю, что и думать. Знаю лишь, что ты уехала тогда, и хочешь бросить меня снова сейчас. Уйти, не оглянувшись, чтобы получить славу и успех, и оставить меня прозябать здесь! И тебе плевать на то, что я тоже хочу стать избранной. Что мне надо отправиться к фейри, ведь только тогда у меня будет успешная карьера, перспективы на

будущее, и возможность компенсировать время, которое я потратила тут, пытаясь наладить отношения между нами, понять, что я такого сделала тогда, чтобы ты возненавидела меня до такой степени, что уехала!

— Марин, с чего ты взяла, что я тебя ненавидела? Мой отъезд не имел к тебе никакого отношения.

— Ну, может, и не имел, — с горечью произнесла она. — Учитывая, как мало я для тебя значу сейчас.

Ее слова были словно удар под дых — у меня перехватило дыхание.

— Ты очень многое для меня значишь!

— Тогда сними свой амулет. Докажи мне, что я значу для тебя больше, чем возможность попасть к фейри. Докажи, что веришь мне и не сомневаешься, что я могу победить и стать той, кто избавит нас от нее раз и навсегда!

Моя рука невольно потянулась к амулету и сжала его, словно он мог уберечь меня от шока, который я испытывала от ее слов. В голове у меня эхом отдавалось зловещее предостережение Гэвина.

— Марин, я не могу. Я должна попытаться.

Сестра покачала головой.

— Мама всегда говорила, что ты мне завидуешь. Что ты сама хотела быть звездой, и тебе не нравилось, что твоя младшая сестра тебя затмевает. Видимо, она была совершенно права.

Ты думаешь, что став взрослым и покинув родительский дом, ты обретаешь свободу. В значительной мере так и есть. Ты уже спишь спокойно по ночам, а не сжимаешься от страха в полудреме, ожидая что вот-вот раздадутся шаги и к тебе потянутся злые руки. Тебе уже не надо искать укромные места, чтобы спрятать самые дорогие для тебя вещи, чтобы их не отобрали у тебя, просто так, из прихоти. Ты можешь выбирать одежду сообразно собственному стилю, а не прикидывая, насколько хорошо она скрывает синяки. Ты можешь отрастить волосы, почти забыв металлический звук стригущих ножниц.

Твои плечи уже не так напряжены. Ты научилась глубоко дышать, чтобы снять стресс, знаешь, как унять судороги в изуродованной руке, не боишься делиться сокровенными тайнами с другими людьми… До определенного момента.

Который неизбежен.

И когда это случается, все возвращается на круги своя, как и было прежде, и к тебе вновь приходят твои вечные спутники — страх и оди-

ночество.

Я закрыла за сестрой дверь. Потом схватила ручку и вернулась к работе.

Что мне еще оставалось?

Итак, мне пришлось скрыться. Я спряталась от Марин — и от всех остальных в доме, — и заперлась в высокой башне, как Рапунцель, отказываясь спустить вниз свои длинные волосы. Никогда в жизни я так усердно не работала. Я писала дни и ночи напролет. Весь стол был заставлен тарелками с недоеденной едой и чашками с недопитым холодным кофе, превратившимся в отвратительную мутную жидкость, а я упорно боролась со словами и фразами, пытаясь сплести из них изящное кружево повествования.

Из комнаты я не выходила.

Существуют сказки, в которых самое важное — это молчание. Где правду можно сказать лишь одному-единственному человеку, где героине приходиться плести рубашки из жгучей крапивы без малейшего стона боли или жалобы. Молчание, словно кривые изогнутые стежки, запечатывает рот и не дает произнести слова правды, которые могли бы спасти жизнь. Чтобы разрушить злые чары, ты обязан молчать, и в результате оказываешься привязанным к столбу,

ожидая, что в любой момент может раздаться зловещий треск пламени.

Я не сказала Марин о договоренности с Гэвином, и смогла доверить эту тайну лишь молчаливым страницам.

Но заклятье не заклятье, если его легко разрушить. Башенка, в которой я была заточена, не была покрыта шипами, и я не стояла, как столпник, на камне посреди безлюдной пустыни. Я находилась в доме, где было полно людей, где жила моя сестра. Каждый раз при виде ее мне хотелось все ей рассказать. Но я проглатывала готовые вырваться слова, задыхаясь от вынужденного молчания.

Глава 24

Оглушительный звон разбитого стекла заставил всех нас выбежать в коридор, и мы тут же оказались в водовороте крыльев и перьев.

На нас обрушилась целая стая птиц, которые принялись носиться от Марин, стоявшей внизу в прихожей, вверх по лестнице ко мне, и снова вниз, совершая причудливые движения, напоминающие слаженный танец скворцов. Они были как разноцветные волны, захлестнувшие дом. Они кружили вокруг нас, кольцо постепенно сжималось, и нас словно затягивало в пернатую воронку.

Внезапно траектория их танца изменилась, нежданные крылатые гостьи вылетели через разбитое окно и растворились в ночи.

— Что это было? — в недоумении спросила Ариэль, стоявшая в прихожей рядом с Марин.

— Это означает, что близится весеннее равноденствие. Фейри хотят поближе познакомиться с теми, кто, возможно, отправится к ним погостить, — раздался голос Елены с нижней площадки лестницы. Мы так и стояли, замерев от

испуга, не в силах шелохнуться.

— Значит, это были фейри? — спросила Ариэль.

— Или их посланники. Не у всех из *них* человеческий облик.

— То есть, если фейри сюда повадились — надеюсь, они в следующий раз постучатся в дверь, потому что на улице холодно, а мы теперь замучаемся чинить это чертово стекло, — это означает, что Марин имеет все шансы стать избранной?

— Или Имоджен. Между прочим, у нее тоже есть амулет, — сказала Елена.

— Ты все еще можешь передумать, Имоджен, — сказала Марин.

Я спустилась вниз и начала собирать наиболее крупные осколки.

— Я не могу, Марин.

— Можешь, — сказала она. — Просто не хочешь.

— О боже, — воскликнула Ариэль, предчувствуя новую ссору между обитателями дома.

— Точно, фейри, — сказала Елена. — Только посмотрите на эти перья!

Перья, потерянные птицами в диком танце, были как как сказочные хлебные крошки, помечающие путь. От них сейчас исходил дым

— фиолетовый и темно-синий, как полуночное небо, серый, как густая пелена. Они пахли розами и тленом. Когда дым рассеялся, перья исчезли.

— Это что, так и будет продолжаться? — спросила Ариэль.

— Может быть, — ответила Елена. — Раньше такое бывало.

— И все же, зачем они явились сюда? — спросила Марин. — Я же не танцую дома.

Елена уставилась на нее пристальным взглядом.

— Потому что талант не единственное условие, чтобы попасть в мир фейри. Дело еще и в их личных предпочтениях. Я думала, что уж тебе-то это лучше всех известно.

На следующее утро, не успела я продрать глаза, как услышала громкое пение Ариэль, входящей в дом. Она держала верхнюю ноту так долго, что мне вспомнился миф о том, что певец, взяв определенную ноту, может разбить стеклянный бокал, и я подумала, что у нас есть шанс это проверить.

— Ты что, напилась что ли? — мрачно спросила Елена.

— Просто счастлива. И ты должна быть тоже счастлива, потому что смотри, что я раздобыла! —

Ариэль поболтала зажатой в руке цепочкой. На ней висел амулет в виде песочных часов.

До дня весеннего равноденствия оставалась всего неделя.

— Хочешь сказать, новый проект завершен?

— Угадала.

— Что еще за новый проект? — спросила Елена.

— Я разозлилась на Анджелику за вечные упреки, что я, видите ли, неправильно расставляю приоритеты в творчестве, и на фейри за то, что украли мой голос в День благодарения, вот и решила написать рок-оперу про того самого парня, Томаса-Рифмача, который был потрясающим бардом, а потом спутался с королевой фейри, и она украла его голос[23]. А когда, наконец, голос к нему вернулся, то он больше не мог сочинять стихи, так как вынужден был говорить только чистую правду, а ее никто не хочет слышать от

---

[23] Примечания: 23

Томас Лермонт из Эркельдуна (ок.1220–1290), известный как Правдивый Томас (True Thomas) или Томас-Рифмач (Thomas the Rhymer) — шотландский бард XIII в. персонаж кельтского фольклора, непревзойденный поэт, певец и музыкант, обладающий даром провидца. Упоминается в хронике XIII в. как «Томас из Эркельдуна», т. е. являлся реальной личностью. Принадлежал к существующему поныне шотландскому роду Лермонтов. Существует известная генеалогическая теория, согласно которой русский род Лермонтовых ведет свое начало от представителя шотландского рода Георга Лермонта, т. е. великий русский поэт Михаил Лермонтов является потомком Томаса-Рифмача.

поэта. Разумеется, это мюзикл. — Ариэль вся светилась от восторга.

Елена вопросительно посмотрела на меня, я лишь пожала плечами. Я понимала, что происходит, не больше, чем она.

— Анджелика просветила меня, сказав, что фейри обожают истории о себе, поэтому, полагаю, им моя работа пришлась по вкусу.

— Хорошо тебе, — буркнула Елена. — Правда. Но мне-то что за радость от этого?

— Потому что я дарю это тебе. — Ариэль протянула цепочку с амулетом Елене. — Это же предел твоих мечтаний, не так ли? Так что скорее надень амулет и порви их всех! А потом пошли эту суку Дженет куда подальше.

— Ты, правда, от него отказываешься? — Рука Елены дрогнула, когда она протянула ее за амулетом, а потом бессильно упала.

— Торчать у фейри семь лет — это не для меня. Я все это прекрасно знала с самого начала. Я ведь жить не могу, если не слышу, как люди заходятся от восторга, слушая мои песни. Если ты хочешь воспользоваться этой возможностью, возьми амулет. Вот, держи!

Елена судорожно сглотнула, и кивнула. Она приняла амулет из руки Ариэль, надела цепоч-

ку на шею и попыталась застегнуть ее, но та с серебряным звоном упала на пол. Она сделала еще одну попытку, но цепочка никак не хотела застегиваться.

— Дай-ка я попробую, — сказала Ариэль. Но цепочка снова упала.

— Хватит, — сказала Елена. — Спасибо что пыталась помочь мне. Но это штука каким-то образом все знает, или *они* все знают. Впрочем, без разницы. В любом случае, она предназначена не мне. — Она перешагнула через амулет и пошла в свою комнату. Дверь за ней закрылась.

— Это было благородно с твоей стороны, — сказала я.

— А я-то думала, что смогу ей помочь. — Ариэль сникла. — Подумала, что если у нее будет этот шанс, может, в ее жизни все наладится. — Она подняла амулет и сунула его в карман.

— Ты уверена, что сама не хочешь попытать счастья? — Я знала, как талантлива Ариэль. Может, она будет еще одним препятствием для Марин.

— Абсолютно уверена. Даже если бы речь не шла о семи годах вне сцены, мне бы не хотелось тусоваться с созданиями вроде этих зловещих пташек, которые сюда ворвались без приглаше-

ния. Для меня игра не стоит свеч. Я буду вполне счастлива остаться здесь, в нашем мире, и заниматься творчеством так, как мне самой этого хочется.

Как выяснилось, фейри почтили своим вниманием не только нас. По мере того, как время шло, и приближался день весеннего равноденствия, они все чаще появлялись на территории «Мелеты», и, уже не скрываясь, наблюдали за ее обитателями, оценивали…

— Уже целый час стою и не могу понять, где спрятан моторчик, и как он включается, — удивлялся высокий парень, стоявший на краю рва, окружающего маленький замок, который Марин так и не решилась штурмовать. Он явно имел в виду небольшое морское чудовище ядовито-желтого цвета, похожее на змею, которое лениво наворачивало круги вокруг дома.

— Моторчик? — удивилась я.

— Он там непременно должен быть. Приводить эту штуку в движение. У нее сплошной корпус, гребных винтов не видно, и вряд ли тут имеется воздушно-реактивный двигатель. И есть ли тут система технического зрения? — Голос незнакомца был рассеянным, на лице застыло отсутствующее выражение, словно мыслями он

витал где-то далеко, может, чертил мудреную конструкцию на белой доске или ковырялся в каких-нибудь механизмах.

Морское чудище подплыло к нам, свернулось спиралью у моих ног, взглянув на меня совершенно кошачьими глазами с вертикальными зрачками.

— Надо же, над какими потрясающими вещами тут у вас работают. Пойду-ка посмотрю, дома ли создатель этого шедевра. Я не прочь с ним познакомиться и даже предложить сотрудничество.

Охваченный благоговейным восторгом, парень покачал головой, и направился к дому.

— Вот так обычно это и работает, — сказала Бет, когда я позже рассказала ей об этой встрече. — Люди всегда ищут рациональное объяснение необычному. «Чья-то гениальная разработка» или «художники такие эксцентричные» — все это естественная реакция на то, что происходит в «Мелете». Иногда бывало даже так, что не все обитатели «Мелеты» подозревали о существовании фейри.

Было совершенно невозможно поверить, что здесь еще могли быть люди, которые понятия не имели о том, что это за место. Скорее, это было исключение. Я ведь тоже ничего не подозревала

до самого Хэллоуина, когда правду уже невозможно было игнорировать. И тоже прибегала к доводам рассудка, когда надо было объяснить странные явления, с которыми приходилось сталкиваться, объясняя все усталостью, тем, что съела что-нибудь не то, последствиями нервного перенапряжения или игрой света и тени в лесу. Если бы я не попала в число претендентов, удостоившихся внимания фейри, или не жила в доме с людьми, которые таковыми являлись, возможно, я преспокойно занималась бы своим творчеством в «Мелете», пребывая в полном неведении о том, что на ее территории наш мир соседствует с миром запредельным.

— Ну да, посторонние просто думают, что перед ними следующее поколение аниматроников.

— Или же актеры, репетирующие какую-нибудь костюмированную драму. Да что угодно, что можно счесть порождением творческого самовыражения! Некоторым людям гораздо проще поверить в явную ложь, чем увидеть истину, и они предпочитают не верить глазам своим, хотя истина прямо перед ними.

— Поэтому тайна «Мелеты» никогда не выплывает наружу, — сказала я.

— Совершенно верно. Ведь даже самые неве-

роятные слухи о «Мелете» даже и близко не отражают реальное положение вещей. Разумеется, этому способствует магический запрет на прямое обсуждение фейри и отношений с ними, но все равно не перестаешь удивляться, как мало обо всем этом говорится, особенно учитывая, какие удивительные события здесь происходят.

— И правда! Фейри танцуют с людьми на вечеринках и плавают под видом морских чудовищ во рву, окружающем замок, — сказала я, пожимая плечами. — Это так невероятно, что я сама бы себе не поверила.

— Я тоже. — Она налила жасминовый чай в чашку, расписанную по краю цветами жасмина. — Вижу, вы не изменили свое мнение и все еще хотите стать избранной.

— Нет, не изменила, — ответила я. — Я твердо намереваюсь участвовать в церемонии отбора.

Весеннее равноденствие наступало уже через три дня.

Деревья на территории кампуса начали покрываться зелеными листочками, все вокруг цвело, остатки снега — последние отголоски зимы — таяли, растекаясь лужами, и сотни веселых ручейков струились вниз к берегу, вливаясь в прозрачные воды реки Морнинг.

— И вы даже решитесь соперничать с сестрой, или все же захотите сойти с дистанции?

— Я хочу, чтобы выбрали меня, — твердо ответила я.

Бет поймала мой взгляд и пристально посмотрела мне в глаза.

— Ну, хорошо, в таком случае, нам следует обсудить, как проходит ритуал отбора.

— То есть, речь идет не только о том, чтобы к этому времени представить свою работу? — спросила я.

— Нет. Вам придется прочитать отрывок из вашей книги. Фейри будут там присутствовать. Как вы догадываетесь, это скорее шоу, чем рассмотрение и оценка работ участников.

В этом был определенный смысл. Я могла бы отправить файл с текстом книги по электронной почте, или передать рукопись, но не все могли поступить так же. Марин, например, должна продемонстрировать свое мастерство танцовщицы.

— А что будет потом?

— А потом… — Бет замолчала и отвела глаза. Открыла было рот, чтобы что-то сказать, но так и не решилась. — Будет весьма напряженно. Прошу прощения за это слово, но только оно адекватно отражает то, что будет происходить

потом. Лично для меня это переживание было самым тяжелым. — Казалось, ее мысли витают где-то очень далеко.

А ведь обычно моя наставница была очень откровенной. То, что сейчас она вела себя так неуверенно, пугало меня.

— То есть, еще тяжелее, чем семь лет, которые вы провели среди фейри?

— Жизнь в мире фейри в качества дани не была приятным опытом. Но, даже зная то, что знаю сейчас, я все же пошла бы на это, потому что в данном случае игра стоила свеч. То, что я получила потом, значительно перевешивало цену, которую мне за это пришлось заплатить, но не буду кривить душой, утверждая, что наслаждалась жизнью там. Тем не менее, во время этих испытаний я понимала, что это не навсегда, и твердо знала, что впереди меня ждет награда. Я жила этой надеждой и отбрасывала все прочие мысли.

Что касается самого ритуала отбора — да, я безумно боялась. Наверное, это звучит смешно, но все, что я помню — это всепоглощающий страх, захлестнувший меня настолько, что мне до сих пор трудно об этом говорить. Жаль, что я не могу вам все рассказать, Имоджен. У меня такое ощущение, что я вас подвожу, а мне бы этого не

хотелось.

Кстати, я тоже буду там в ночь весеннего равноденствия, если, конечно, вам от этого будет легче. Наставники и люди, прежде служившие данью, не имеют права принимать участие в отборе, но я там буду. И еще, — добавила она, — советую следовать всем инструкциям, которые вы будете получать. Наберитесь мужества и помните, чего вы хотите добиться. Ваша книга просто великолепна, — это главное.

Я-то уж точно знала, чего я хочу, и мне несложно будет помнить об этом, что бы ни происходило. Но, тем не менее, мои желания были противоречивыми. Я хотела спасти Марин. И в то же время хотела превзойти ее. Может, в сказках не зря возникает образ черноволосой старшей сестры-завистницы.

— Даже не знаю, что делать дальше, — сказала Елена. Закутавшись во флиски и одеяла, мы с ней сидели на крыльце, потому что воздух, хоть еще и холодный, был свеж и дышал весной.

— Сколько я себя помню, я всегда писала стихи и считалась молодым многообещающим поэтом. Собственно, только этим я и занималась. На протяжении всей моей жизни мне твердили, что если я преуспею в своем творчестве, тот мерза-

вец, от которого я унаследовала половину ДНК, прекратит идти на поводу у своих низменных инстинктов и непременно вернется к маме. Именно так должны были развиваться события. Это был бы счастливый конец моей сказки.

И вот теперь, когда я узнала, что мама все это время обманывала меня, что ничего подобного никогда не будет, я просто не знаю, для чего мне жить. — Она втянула руки в рукава и съежилась, погруженная в себя.

— Но ты все еще хочешь быть поэтом?

— Хочу ли я продолжать писать стихи? Может быть. Не знаю. Думаю, мне это нравилось. Мне нравились те моменты, когда казалось, что я действительно делаю что-то стоящее. Но ведь я никогда и не думала о том, чтобы попробовать стать кем-то другим. Может, из меня получился бы отличный шеф-повар или инженер-электрик. Но я понятия не имею даже, как мне это узнать. Я просто растеряна, и не знаю, как мне жить дальше.

— Ты можешь уехать отсюда, — сказала я. — Жить где-нибудь в другом месте. Просто постарайся понять, чего ты действительно хочешь.

— Но это мой дом! Я никогда не жила ни в каком другом месте, кроме «Мелеты», за исключением

того времени, которое провела среди фейри. Я получила домашнее образование. И под руководством Дженет изучала поэзию и стихосложение. Считалось, что мне повезло, потому что любой подающий надежды молодой поэт на все пойдет, лишь бы получить возможность поучиться у знаменитой Дженет Томас.

Я даже не знаю, хочу ли уехать отсюда. Я понятия не имею о жизни за пределами нашего мирка. Но теперь я, по крайней мере, могу держаться от нее подальше.

— Дженет?

Елена кивнула. Она выглядела так, словно уже давно не спала нормально. Под глазами у нее залегли красно-синие круги. Волосы цвета фуксии казались выцветшими.

— В этом году я впервые живу в доме, от которого у нее нет ключей.

— Ты пообщалась с Томасом?

— Сохранила недописанное письмо ему в папке для черновиков. Постоянно его открываю, меняю какие-то слова, потом снова закрываю. Мне так хочется с ним поговорить. Но может, и не стоит этого делать.

— Он показался мне нормальным тогда.

— Угу. Но, может, он просто хотел залезть тебе

в трусы?

Я засмеялась.

— В точку!

По лужайке, где зеленые ростки пробивались сквозь пожухлую ржавую траву, весело скакали дрозды, пытающиеся выковырять из грязи червячков. Из соседнего дома вылетел диск фрисби и закончил свой полет у наших ног. Я швырнула его обратно, и крикнула слова извинения, когда он забрал влево и свалился в ров, окружающий маленький замок.

— Что бы ты стала делать, если бы вдруг потеряла способность писать? — неожиданно спросила Елена.

Я снова опустилась на ступеньку рядом с ней.

— Какое-то время, еще в школе, мне хотелось заняться изучением античной литературы. У нас была замечательная преподавательница мифологии, и когда она прочитала нам начало «Илиады» на древнегреческом языке, у меня буквально волосы дыбом встали от благоговения и восторга. Мне так захотелось это изучать. Я даже ходила на факультативные занятия, чтобы освоить вторую специальность.

— И что случилось потом?

— Латинские глаголы! И гребаный аблатив!

— А еще твоя способность к сочинительству, — добавила она.

— Понимаешь, при большом желании я могла бы заставить себя выучить этот чертов аблатив. Елена, тебе еще и двадцати одного года нет, а за плечами у тебя уже два опубликованных сборника стихов. А ведь поэзия — не то, что легко продать. Ты живешь в «Мелете». Вопрос не в том, можешь ли ты сочинять стихи, а в том, хочешь ли ты это делать. Не позволяй Дженет засирать тебе мозги.

Она поднялась и сунула мне одеяло.

— Когда ты так говоришь, все кажется возможным. Я подумаю обо всем этом. И о письме Томасу. И, да! Удачи послезавтра.

День весеннего равноденствия, о котором я чуть не забыла.

— Спасибо. Они хотят, чтобы ты тоже там присутствовала?

Она кивнула.

— Я уже была на такой церемонии, когда мне было почти четырнадцать. В тот год выбор пал на Эвана. Это было потрясающе. Тогда было не так много претендентов, всего двенадцать или четырнадцать, но они все были безумно талантливы. Могли бы блистать на сцене, их картины

были бы украшением любой галереи. Я чуть не плакала от восторга, наблюдая за всем этим.

После я представляла, как это будет со мной. В моей голове рождались прекрасные стихи. Я хотела написать совершенное произведение, которое непременно понравится фейри.

Ее губы скривились.

— Теперь ясно, что я была просто идиоткой. Ты права. Мне стоит уехать отсюда. Потому что, если я этого не сделаю, моя жизнь превратится в кошмар. Каждые семь лет мне будут напоминать о моем провале.

В почтовом ящике я обнаружила письмо от Эвана. На сей раз в простом конверте, без узоров и рисунков. На нем было только мое имя.

Я покачала его на ладони, как будто его вес мог дать мне намек на его содержание, всерьез размышляя о том, не лучше ли его выбросить, не читая. Проклиная себя за любопытство, я все же не удержалась и распечатала конверт.

Имоджен,

Я пишу не для того, чтобы сказать тебе, как мне жаль, что так получилось. Хотя мне действительно жаль, и надеюсь, ты когда-нибудь сможешь принять мои извинения.

Я просто хочу пожелать тебе завтра удачи. Я тоже буду там, и буду думать о тебе.

Эван

Я перечитала письмо и убрала в ящик. На самом деле я больше не злилась на него. Я просто устала от всего этого — мне смертельно надоело думать о пошлости и избитости самой ситуации, о том, что мое унижение — лишь часть чьего-то дурно написанного сценария. Но сейчас было не время предаваться горестным раздумьям. Не тот это был день.

Сейчас для меня не имело значения, захочу я когда-нибудь принять его извинения или нет. Ведь завтра день, когда фейри сделают свой выбор. Когда решится моя судьба.

Но прежде, чем наступит решающий день, нам предстояло повеселиться. Ночная ярмарка поражала блеском, как последняя ночь в Версале — все сверкало и переливалось разноцветными огоньками. Фейри уже даже не делали попыток спрятаться от человеческих глаз, и открыто разгуливали по площади в своих причудливых, поражающих воображение обличьях.

От них словно исходило сияние, взгляд черных, как непроглядная тьма, глаз прожигал душу, а

складки одежды светились сотнями светлячков, при каждом шаге чудился звон колокольчиков, с кончиков волос капал кроваво-красный мед.

Лавки, торгующие всякой всячиной, предлагали диковинные товары под стать загадочным гостям Ярмарки. На сей раз, когда мне преподносили подарки, я принимала их, даже не краснея от смущения. Ведь теперь я знала, каковы ставки в этой игре. Знала, что готова принести себя *им* в жертву, и не боялась принимать их дары.

Передо мной внезапно предстала фигура в серебристом платье, расшитом бисером и стеклярусом, как у певички из подпольного бара времен Сухого закона, и накидке из черного бархата, подбитого зеленым шелком. В руках у странной женщины было кольцо из потемневшего серебра в виде побега вьющейся розы с шипами. Оно сжалось и плотно обхватило мой палец, когда я примерила его.

— Вы ему понравились, — сказала женщина. На ее шее было ожерелье в виде гирлянды из роз, и в сумеречном свете сложно было различить, были ли то рубины или капельки крови. — Носите его, оно принесет вам удачу.

— А я и раньше вас видела, — сказала я. — В розарии.

— Я часто там бываю. Но у нас, в мире фейри, розы еще прекраснее. Разве вы не считаете, что обязательно должны попасть туда и увидеть их красоту? Что заслуживаете того, чтобы прогуливаться в наших волшебных садах?

Она двигалась плавно, скользила, словно змея, и в ее движениях сквозили изящество и угроза, и я с трудом удержалась, чтобы не отпрянуть под ее взглядом.

— Мне очень хочется увидеть их.

— Там столько цветов, вы не представляете! Ваша сила заставит их благоухать, они обовьются вокруг ваших костей, которые станут им опорой, их лепестки окрасятся цветом вашего счастья или кровью разбитого сердца.

Вот только этого не хватало.

Она приблизилась почти вплотную, так, что наши тени слились, и провела пальцем по моим губам. Ее прикосновение обожгло, как укус пчелы. Она содрогнулась.

— Как упоительно! О, надеюсь, это будете вы.

Подаренное ею кольцо стискивало мне палец, когда я поспешно выскочила из лавки и вернулась в толпу людей и фейри. Мне отчаянно хотелось увидеть кого-нибудь из своих друзей. Но хотя я встречала немало знакомых лиц, видела

блеск серебряных цепочек с амулетом в виде песочных часов, среди встречных не было никого, к кому я могла бы обратиться за сочувствием.

Молчание, которое я набросила на себя, словно плащ, ощущение, что среди блеска и суеты Ночной ярмарки я нахожусь по другую сторону разбитого зеркала, вдруг показалось мне невыносимым.

Из горла вырвалось сдавленное рыдание, и я прижала руку к губам, стараясь его сдержать.

Ошеломленная этой удивительной ночью и непостижимостью фейри, одинокая и несчастная я шла домой в холодной и безмолвной темноте, прижимая к пальцу волшебный подарок.

Глава 25

Этот весенний день выдался хмурым, туманным. В небе висели низкие облака, с ветвей деревьев, на которых уже развернулись молодые листочки, капала вода. Земля хлюпала под ногами, и воздух был пропитан влагой.

На письменном столе я обнаружила карточку, которой не было накануне вечером. Она лежала на стопке распечаток с текстом, который мне предстояло сегодня вынести на суд фейри. *Вас вызовут на закате.* Слова были написаны чернилами, переливающимися всеми цветами радуги, как пыльца крыльев бабочек. Ничего не скажешь, фейри красиво обставили приглашение.

Бет сказала, что надо следовать всем инструкциям, которые мне будут давать. Сказала, что меня вызовут, и надо будет идти, куда мне скажут, твердо надеясь, что силы моего таланта будет достаточно, чтобы победить в этом состязании.

Солнечные лучи, как сияющие копья, пронзали облака, заливая лес бледно-золотистым светом. Весна снова покрыла деревья зелеными листочками. Это были уже не голые скелеты, как зимой,

беззащитные в своей откровенности. Молодая листва отбрасывала тени, создавая укромные уголки, где было место для тайн. Тайн, вырастающих из жирной земли, тянущихся от корней, вскармливаемых перегнившими листьями прошлого.

Если бы все в жизни было просто, я спустилась бы сегодня в комнату Марин. Сказала бы ей, что люблю ее, что считаю ее непревзойденной танцовщицей и твердо в нее верю. Но у меня язык не поворачивался сказать ей, что я хочу, чтобы сегодня выбрали именно ее. И так же, как раньше, я не могла заставить себя подорвать ее веру в свои силы, так и сейчас была не в силах произнести слова поддержки. Ведь слова, произнесенные вслух, имеют обыкновение сбываться. Они могли дать ей силу победить, стать избранной, что неминуемо привело бы к ее смерти. Для нее переход в мир фейри был равносилен гибели. А я хотела, чтобы моя сестра жила. Так что в этот день я не предпринимала попыток ее увидеть и просто хранила молчание.

Я оделась заранее и сидела, выпрямив спину, на краю кровати в черном платье, которое еще ни разу не надевала, потому что мне казалось, что надеть его равносильно тому, чтобы втиснуться в

чью-то чужую кожу. Туфли на высоких каблуках натирали мне большие пальцы. Мои ноги будут стерты в кровь, как у балерины, если придется идти в них достаточно долго.

Я надела и кольцо в виде розы — подарок, преподнесенный прошлой ночью. Таинственная женщина из мира фейри сказала, что оно приносит удачу, а удача мне сейчас нужна, как никогда.

Стук в дверь раздался ровно в тот момент, когда краешек солнца коснулся горизонта. Спускаясь по лестнице, я увидела Елену, которая тоже только что вышла.

— Ты идешь? — спросила я.

— Те, кто раньше были данью, вступают на территорию фейри отдельно от участников. Мне придется идти туда вместе с Дженет.

— Сочувствую, — произнесла я.

— По крайней мере, это будет в последний раз.

— Значит, ты все-таки решила уехать? Я рада за тебя. Ведь тогда ты сможешь быть самой собой. — Я обняла ее. На мгновение она напряглась и замерла, но потом ее руки робко потянулись к моим плечам, и она обняла меня в ответ.

Снизу донесся голос, который я не узнала, но он звучал, как неотвратимое тиканье часов.

— Время близится. Вы должны пойти сейчас. Или никогда.

Елена сделала шаг назад, кивнула, и я пошла вниз.

У нижних ступенек меня ждала Ариэль.

— Я все-таки думаю, что ты сошла с ума, участвуя во всем этом, и поэтому не желаю тебе удачи. — Тем не менее, она порывисто притянула меня к себе и крепко сжала в объятиях.

Марин уже стояла у входной двери рядом с женщиной, явно из племени фейри, одетой в платье столь же черное, как и ее бездонные глаза. Волосы ее были подобны гибким зеленым ветвям плакучей ивы. Обе они хранили молчание. Фейри резко развернулась, показывая, что мы должны следовать за ней.

— Марин, — заговорила я.

Но она отвернулась от меня и быстрым шагом пошла вперед.

Так, в полном молчании я последовала за сестрой по ступенькам крыльца и дальше, в глубину леса.

Мы прошли по территории кампуса, мимо домиков наставников и студий художников. Через пустошь к реке Морнинг и дальше вдоль берега к старинному мосту, потрескавшиеся камни кото-

рого поросли зеленым мхом.

В эту ночь мост был виден целиком, как и в первый раз, когда мы пересекли его, и я, спотыкаясь и пошатываясь, пошла на своих высоких каблуках по его скользким камням. Мою кожу словно обдало горячей волной, потом стало невыносимо холодно. Я чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд — казалось, даже деревья смотрят на меня и знают обо мне все. Мне одновременно хотелось броситься вперед, и вернуться назад.

Меня трясло, и листы рукописи, зажатые в руке, шуршали, приводя меня в чувство, напоминая о цели, ради которой я туда шла. Я сделала глубокий вдох, и заставила себя идти дальше.

В этот вечер никто из фейри не попался нам на пути. В этом уже не было необходимости. Мы медленно шли, и мои ноги уже были стерты в кровь в тесных туфлях. Моя плата за пересечение границы между мирами. Я дышала размеренно, в такт шагам, изо всех сил пытаясь унять дрожь. Кожа горела.

Мне так хотелось забыть страх, который я уловила в голосе Бет, в ее молчании, когда она не стала рассказывать о том, что ждало меня сегодня. И сейчас до моего слуха доносились лишь хруст травы под нашими ногами и звуки дыхания.

Яркие звезды на незнакомом небе Волшебной страны роняли отблеск на золотые волосы Марин, и я невольно вспомнила другую ночь из нашего детства, когда мы с сестрой тоже бродили по лесу. Тогда она помогла мне выбраться оттуда живой и невредимой, и сейчас я страстно желала, чтобы и она сегодня вернулась домой в целости и сохранности.

В эту ночь во владениях фейри собрались все, кто надеялся стать избранным. Ни много ни мало пятнадцать человек. Некоторые были одеты в танцевальные костюмы, кто-то держал в руке скрипку, или, как Мишель, лицо которой казалось измученным, несли под мышкой свернутые холсты с картинами. Я помахала ей рукой, но она отвернулась. Интересно, прочла ли она сказки, которые искала, и помогли ли они ей.

Фея, которая сопровождала нас с Марин, по очереди отводила остальных участников подальше. С того места, где мы оставались, невозможно было увидеть или услышать других претендентов. Может быть, это было сделано, чтобы облегчить нам ожидание. Но меня это вовсе не успокаивало.

— К черту все! С меня хватит! — Одно движение, и амулет, сорванный с цепочки, полетел на землю. Я взглянула на высокого мужчину с

голосом, словно теплый мед, выразительными резкими чертами лица и смуглой кожей, которые бы прекрасно смотрелись на экране. — Оно того не стоит!

Никто не пытался его остановить, когда он уходил. Ну что ж, одним конкурентом меньше.

— А теперь, — фея остановилась передо мной, — ваша очередь. — Она сделала знак рукой, и я последовала за ней в густые заросли.

Казалось, что все происходит на самом деле и в то же время, словно во сне. Я видела деревья, вдыхала густой запах листвы, слышала шелест ветвей, трущихся друг о друга. Но было такое ощущение, что я нахожусь на сцене какого-то гигантского театра, и ко мне прикованы взгляды тысяч внимательных зрителей. Казалось, несколько слоев реальности накладывались друг на друга, как тексты древнего палимпсеста, существуя и не существуя одновременно.

Меня замутило. Страницы рукописи, которые я сжимала в трясущейся руке, шелестели, когда я вступила в круг света. Теперь я могла видеть фейри во всем их ужасающем великолепии. Среди них стояли и люди, которые на фоне хозяев этого чужого мира выглядели не столь блистательно, словно менее ценные жемчужины в ожерелье.

Я заметила Бет, которая кивнула мне. И Эвана, который опустил глаза, встретившись со мной взглядом. Елену с затуманенным взором.

Я сделала глубокий вдох и начала…

Однажды, давным-давно…

«Однажды, давным-давно жила-была женщина, и было у нее две дочери. Одна смуглая, с волосами черными как ночь, другая светлая и добрая, как ясный день, и волосы ее светились золотом. Они были очень разные, но мать всегда обещала, что будет делить свою любовь к ним поровну, что никогда не будет любить одну свою дочь больше, чем другую».

Мир перед моими глазами изменился, я уже не стояла перед фейри, читая свою сказку, а сидела на заднем сиденье машины матери, и грубая обшивка покалывала мои ноги. Насколько я помню, я училась тогда во втором классе. Всего лишь воспоминание, но настолько живое и реальное, что казалось, мое сердце бьется в тот момент, а не сейчас.

«Из тебя никогда не получится ничего путного, Имоджен. Настало время понять это. Ты всего лишь маленькая девочка со странностями, которая сидит за последней партой, потому что

никто не хочет сидеть с ней рядом. Я пыталась помочь тебе стать нормальной, но ты сама не прилагаешь к этому ни малейших усилий. Неудивительно, что никто тебя не любит». — Мать продолжала бубнить всю дорогу из школы домой, но видения из прошлого закончились, и я снова была здесь и сейчас, но все еще чувствовала тошнотворный приторный запах ее цветочных духов.

Я сильнее сжала листы рукописи в руке, напомнив себе, что прошлое осталось далеко позади, и продолжила читать.

«Это обещание было прекрасно, и кто мог догадаться, что у одной девочки были удобные новые туфельки, а у другой тесные, из которых она давно выросла? В конце концов, они обе были одеты и обуты. И так же невозможно было различить, с нежностью или с болезненным щипком материнская рука касалась щеки дочери.

Но одна девочка становилась все мрачнее, а другая все веселее и жизнерадостнее».

Снова картина перед глазами сменилась. Казалось, я куда-то проваливаюсь. На сей раз мне двенадцать.

Я чувствую грубое прикосновение холодных

ножниц к голове, лязг их лезвий, обрезающих мои волосы, которые тяжелыми прядями падают на пол.

«Я же не велела тебе разговаривать с мальчиками. Хочешь, чтобы люди считали тебя потаскушкой?»

Когда она закончила, на голове торчал короткий ежик длиной меньше дюйма.

Кожа головы заболела, и мне хотелось поднять руку и проверить, на месте ли мои длинные волосы, не острижены ли они снова и не лежат ли тяжелой грудой у моих ног. Я всегда гордилась своими волосами, которые казались мне тогда моим единственным украшением, а она забрала их у меня, и еще усмехалась, когда это делала. Моя рука, висевшая вдоль тела, невольно задрожала и сжалась в кулак, но я продолжала читать.

«Сестра с золотыми волосами видела, как угасает ее сестричка, и это вызывало у нее глубокую печаль. Она всегда считала сестру своей второй половинкой, своим зеркальным отражением, и сердца их бились в унисон. Одна не могла жить без другой. Она не понимала, какие чувства испытывает к ней мать, но подозревала, что это не любовь».

Голос мой сорвался, когда я произнесла эти слова. Я судорожно сглотнула, с усилием призывая свой голос вернуться, и продолжила.

«Поэтому сестра со светлыми волосами покинула дом и отправилась в путь, чтобы узнать, как помочь сестре. Она слышала, что в темном лесу живет колдунья, и думала, что та сможет ей помочь».

Все мои внутренности горели, желчь поднялась к горлу, руки тряслись от ярости. Это произошло спустя год, за три дня до Рождества.

Все содержимое моих ящиков было вывалено на пол. Ручки, кнопки, закладки для книг валялись вперемежку со свитерами, леггинсами и бельем. Книги были перерыты, простыни сорваны с постели.

Все мои тетрадки, все истории, которые я за всю жизнь написала, были уничтожены. Преданы огню и превратились в пепел. Крик Марин, пытавшейся спасти их.

Мои собственные истошные крики.

Невыносимая боль в руке. О боже, моя рука все еще продолжала гореть!

«Я научу тебя делать так, как я велю. Я уже сотни раз говорила, но все как об стенку горох. Я

это делаю ради твоего же блага».

— Это не так, — прошептала я, и по рядам моих необычных зрителей прокатился ропот. Я переживала агонию, словно языки пламени все еще въедались в мою кожу, чувствовала запах дыма в носу и горле, и задыхалась. Я подняла глаза, но не увидела лиц. Я прикусила щеку, пока не почувствовала вкус крови, сильнее упираясь натертыми пальцами в носки своих изящных туфель, и упиваясь болью, потому что эта боль была настоящей, а не той, которую я испытывала, вновь оказываясь в прошлом. Наконец я нашла то место на странице, где остановилась, и продолжила читать вслух.

«– Конечно, я помогу тебе, — сказала колдунья младшей сестре. — И тебе, и твоей сестрице. Но хочу за это кое-что взамен.

— Я не постою за ценой, — ответила младшая, потому что любила свою темноволосую сестру, и ничего не знала о том, как следует торговаться с колдуньями, ведь хитрость была в том, чтобы ответить отказом первые два раза и лишь на третий раз согласиться на ее условия.

— Мне нужна служанка. Последнюю из них утащил дракон. Можешь пойти ко мне в услужение? — спросила ведьма.

— Конечно, — не задумываясь, ответила сестра с золотыми волосами.

Так она и поступила. Она прибирала в домике ведьмы, готовила для нее еду, шила ей одежду, потому что та не могла делать этого сама, так как любой стежок, сделанный ведьмой, тут же распускался».

Боль. Боль в каждом моменте, который я вспоминаю.

Синяки по всему телу. Болезненные щипки за то, что ерзаю на стуле. Пощечины за любое возражение. Синие полосы от ударов линейкой по спине и ногам за оценки ниже отличных. Произнесенные тихим голосом угрозы, так что никто не поверит, если я вдруг вздумаю пожаловаться. В конце концов, я ведь была прирожденной лгуньей. Все, кто занимается выдумками всяких небылиц, к этому склонны. Я мерзкая лгунья, ни на что в этой жизни не способная. Полное и законченное ничтожество.

Ее унизительные слова снова и снова звучали у меня в голове, эхом отдаваясь в каждом звуке, который я произносила, читая свою сказку-быль.

«Золотоволосая сестра работала, не покладая рук, пока не превратилась в собственную тень.

Она была с ног до головы покрыта пылью и грязью, и вся почернела от усталости. Но ведьмы имеют обыкновение выполнять свои обещания. Прошел год и один день, и колдунья вручила девушке две серебряные цепочки изящного плетения.

— Она свяжут вас на веки вечные, — сказала она».

Снова видение. На сей раз сцена, которой я не видела собственными глазами.

Марин танцует. Голос матери:

«Имоджен просто тебе завидует. Она знает, что не такая хорошенькая, не такая талантливая, как ты, и не хочет, чтобы ты добилась успеха. Она не хочет, чтобы ты была счастлива».

Марин танцует, устремив взгляд в противоположную от матери стену.

«Вот почему она уехала. Она тебя не любит, поэтому никогда не вернется».

Марин теряет равновесие и падает.

Мое сердце разбивается. Но, в конце концов, разве не этого я хочу? Хочу, чтобы она снова упала, чтобы всегда пребывала в безысходности, осознавая, что талантлива, но не настолько, чтобы преуспеть?

«Когда золотоволосая сестра вернулась домой, она узнала, что старшая сестра покинула этот мир. Ее похоронили, и могилу ее можно было найти лишь по орешнику, который вырос на ней. Младшая сестра повесила одну серебряную цепочку на ветку, а вторую надела себе на шею, а потом распростерлась на могиле сестры, оплакивая ее, и уже никогда не поднялась.

Вскоре на могиле вырос розовый куст, покрытый цветами необычного цвета, лепестки этих роз сияли, словно чистое серебро. Побеги розы обвились вокруг орешника, и их уже невозможно было разделить.

Мать приходила туда каждый день, скорбя о том, что сделала с дочерьми, и горькими слезами поливала розовый куст и орешник».

Я закончила читать. Моя рука, которую все еще сводило от боли, упала, листы рукописи рассыпались. Аплодисментов я не услышала, никакой явной реакции от фейри не последовало, и не только от них. Было такое ощущение, что я выступала в зале, полном холодных мраморных статуй. Меня провели сквозь заросли, и я присоединилась к другим обитателям «Мелеты». Снова мне показалось, что я нахожусь в двух мирах одновременно, и лесной пейзаж, мелькая,

сменяется эстрадой.

Мне не хотелось быть там.

Хотелось уйти отсюда, пойти домой, куда угодно, где никто бы не видел, как я дрожу. Куда-то, где во рту не стоял бы привкус пепла, где я могла бы взять себя в руки. В ногах отдавался каждый удар сердца, и левый край страниц рукописи был запачкан кровью от бумажных порезов.

С этого места я могла видеть, как другие участники представляли свои работы. Меня била нервная дрожь, подташнивало от волнения и одновременно — от облегчения. Сколько же здесь было талантов! Игра пианиста напоминала бушующий ураган. Еще один литератор — поэт — прочел стихи, написанные секстинами. Слушая его, я наконец немного воспрянула духом, так как явно превосходила его. Техника была эффектной, но души там было мало.

В тот момент я поняла, почему не было никакой реакции на мое выступление. Я тоже не могла аплодировать или издавать восторженные возгласы. Не могла ни плакать, ни ахать от восхищения. Все мои эмоции, весь мой восторг были буквально высосаны из меня, отняты именно в те моменты, когда проявлялись особенно сильно.

Я поняла, что в мире фейри всегда так. Это были

лишь предвестники того, что будет с происходить с избранным все следующие семь лет. Мои чувства и переживания больше не будут принадлежать мне.

А потом танцевала Марин. Это была вариация Мирты из балета «Жизель». Головокружительные прыжки, холодная властность и скорбь разбитого сердца, от которых захватывало дух. Повелительница виллис, умерших до свадьбы невест, призраками бродящих по лесу и заманивающих молодых людей, чтобы закружить их в танце до смерти в отместку за то, что когда-то были преданы своими возлюбленными.

От нее веяло соблазном и непреклонностью. Марин танцевала так, как никогда в жизни.

Не знаю, о чем она думала, когда танцевала. Какие воспоминания она переживала вновь, какие чары пыталась разрушить. Когда танец подошел к концу, лицо ее было залито слезами, но все движения, от изгиба стопы до положения рук, были совершенны. Это было высочайшее искусство.

Музыка смолкла, и наступила тишина, такая же, как и после выступления всех остальных. Я не могла подняться и выразить свой восторг, не могла аплодировать, не могла даже плакать.

Затем раздался тихий звон, и серебряные

песочные часы сорвались с цепочек. У всех присутствующих.

Кроме Марин.

Глава 26

Я была не в состоянии заснуть. Меня мутило, и я беспрестанно ходила по комнате на распухших кровоточащих ногах.

Я потерпела поражение.

Подвела всех. Гэвина, Марин, саму себя. Казалось, я вложила в свой труд всю себя, но этого оказалось недостаточно. Я не смогла собраться, ведь моя воля, моя вера в себя оказались подорваны моим несчастным прошлым.

Прошлым ли? Может, были и другие причины? В конце концов, я так и не нашла разумного объяснения своему провалу. Никакой реакции от фейри, никаких слов от наставников. Никаких благодарностей и пожеланий удачи с пояснениями, что просто на сей раз им нужно было нечто другое, но в будущем они надеются увидеть мои новые работы.

Мы просто остались одни в лесу, полном болезненной гулкой тишины, и были вынуждены сами выбираться из чащи.

Теперь Марин придется отправиться в мир фейри, и есть вероятность, что она никогда оттуда не

вернется. Наибольшее, на что я могла надеяться, это на то, что ей удастся вернуться через семь лет, и что она останется собой. Но никакой уверенности в этом не было, никто не давал, и не мог дать, никаких обещаний на этот счет.

Я разрушила наши отношения, заставила ее думать, что не люблю и не поддерживаю ее, что все полные яда слова матери, которые она ей нашептывала, были правдой, и я, в конце концов, действительно ее подвела.

Спотыкаясь, я еле доковыляла до ванной, где меня долго рвало, пока в желудке не осталось ничего, кроме желчи. Я стояла там, трясясь всем телом, пытаясь смыть следы рвоты с лица и рук, избавиться от привкуса поражения во рту. А потом побрела вниз, чтобы заварить чай.

Преодолевая три пролета лестницы, я еле передвигала ноги.

В кухне все еще горел свет. Я надеялась, что застану там Марин. Мне так не хватало сестры! Может быть сейчас, когда мое обещание Гэвину уже не имело значения, я смогу каким-то образом упросить ее простить меня.

— Елена?! — воскликнула я, не поняв сразу, что вижу. На полу посреди осколков разбитой кружки в луже какой-то жидкости распростерлась

безжизненная фигура с ярко-розовыми волосами. В кухне стоял стойкий запах роз и тлена. И до меня наконец дошло.

— Елена. — Я приложила пальцы к ее шее, нащупала пульс. Сердце еще билось. Она была холодная и влажная, на губах застыли следы рвоты. Запах увядающих цветов был невыносим.

— Помогите! — закричала я что было мочи, кляня себя за то, что оставила мобильный заряжаться в своей комнате. — Помогите!

Ариэль вбежала в кухню.

— Что случилось? О боже!..

— Быстрее звони в службу безопасности кампуса. Нужно немедленно отвезти ее в больницу.

Елена судорожно вздохнула и захрипела. Я в растерянности, не зная, что делать, держала ее за руку и лишь повторяла:

— Елена, только держись. Пожалуйста, держись. Мы уже вызвали помощь.

— Имоджен, все… о, нет! — На пороге появилась Марин, за ее спиной стоял Гэвин.

— Она выпила какую-то гадость. Не знаю, что это такое. Ариэль сейчас вызовет «Скорую помощь».

— Врачи ей не помогут, — сказал Гэвин, опускаясь на колени рядом с Еленой. — Растения,

которые она использовала… Она принесла их с собой из мира фейри.

Ариэль опустила телефон.

— Ты можешь что-то сделать?

— Не знаю.

— Попытайся, — попросила Марин. — Умоляю!

— Кто-нибудь, держите ее крепче.

Я положила голову Елены на колени и держала ее за плечи. Она была такой холодной! Гэвин понюхал осколок кружки, макнул палец в жидкость на полу и попробовал ее на вкус. Обаяние и блеск вмиг слетели с него, глаза почернели, наполнившись тьмой, корона с оленьими рогами появилась на голове. В его облике сейчас не было ничего человеческого. Казалось, воздух в комнате потрескивает, пронизанный электричеством.

Гэвин произнес незнакомое слово, резкое и острое, как кинжал. Заклинание молнией прорезало воздух, и Елена забилась в конвульсиях. Я изо всех сил прижимала ее плечи, стараясь удержать, а ее каблуки стучали об пол.

Гэвин заговорил снова, и в воздухе разлился запах тлена, вытесняющий запах роз. Елена дернулась и закашлялась. Из ее рта полилась странная жидкость.

— Помогите мне поднять ее, — сказала я, опаса-

ясь, что она задохнется, если то, что магия Гэвина исторгла из нее, попадет в дыхательные пути. Мы с Ариэль приподняли ее. Марин стояла с каменным лицом, наблюдая за действиями Гэвина.

Еще одна фраза на непонятном языке, которая промелькнула передо мной, как вспышка. Елену снова вырвало, на сей раз зелеными стеблями, извивающимися, словно змеи. Ее глаза открылись и закрылись снова. Она застонала.

— Яд вышел из организма, — сказал Гэвин. Он весь сгорбился, и, казалось, его самого вот-вот вырвет. — Пусть кто-нибудь с ней посидит. Не оставляйте ее одну, ей будет очень плохо, когда она придет в себя.

— Она поправится? С ней все будет в порядке? — спросила Ариэль.

— Я сделал для этого все, что в моих силах. — Я заметила, что он выглядит очень усталым. Смертельно усталым. Как порой бывает с нами, обычными людьми, и от этой мысли у меня холодок пополз по коже.

Гэвин отнес Елену наверх, а мы с Ариэль обтерли ее и уложили в постель. Она была смертельно бледна и едва дышала. Грудь ее поднималась под одеялом почти незаметно. Глаз она больше не открывала.

К нам присоединилась Марин.

— Она еще не пришла в себя?

Я в отчаянии покачала головой.

— Она была там сегодня вечером. Я имею в виду, у фейри. Так она раздобыла эту гадость, которой отравилась.

— Она была у фейри? — удивленно переспросила Марин.

— Она обязана там бывать, — ответила я почти шепотом, как будто громко произнесенные, эти слова могли что-то разрушить. — И на Хэллоуин тоже, как и все, кто когда-либо посещал мир фейри и сейчас находится в «Мелете». Наверное, для нее было просто невыносимо видеть церемонию, к которой она готовилась всю жизнь. Она там была вместе с Дженет. Кто знает, каких мерзостей та ей наговорила. А ты их там не видела? Я имею в виду, среди зрителей?

— Нет, — ответила Марин и отвернулась, уставившись в окно. Я сгорала от желания спросить, что она хотела выразить своим танцем, какая магия помогала ей, но не решилась заставить ее снова проходить через все это.

Ночь кончилась. Сквозь жалюзи уже пробивались розовые лучи восходящего солнца, и Марин поморщилась.

— Гэвин сказал, что если бы мы не обнаружили Елену, яд убил бы ее к рассвету, — сказала она.

— Все это довольно странно, — заметила я.

Тем не менее, в этом была своя жуткая логика, видимо, связанная с ритуалами и обрядами, пробуждающими магию фейри. Все они привязаны к восходам и закатам, дань надо платить каждые семь лет, и все такое прочее.

— Кто-нибудь уже сообщил Дженет? — спросила я.

— Ариэль к ней пошла.

— Даже не знаю, что сказать.

Она повернулась и подняла жалюзи, впуская в комнату рассветные лучи.

— Давай не будем сейчас разговаривать. Только не сейчас!

Я моргнула, смахивая с ресниц слезы. Наверное, в комнате стало слишком светло. И отвернувшись к Елене, которая еще не пришла в себя и лежала на кровати, бледная, словно исчезающее при первых лучах солнца привидение, молча кивнула.

Дженет отказалась навестить Елену.

Вернувшаяся от нее Ариэль кипела от негодования.

— Она сказала, что предоставила Елене все

возможности стать выдающимся поэтом, а она, презрев все это, предпочла остаться малодушной посредственностью, и эта ее выходка лишь еще одно тому подтверждение.

— Отвратительно, — прошептала я.

— Я попозже еще раз к ней зайду. Богом клянусь, я приволоку эту тетку сюда, если понадобится. Она просто стояла на пороге и всем своим видом демонстрировала, что умывает руки и все, что случилось с дочерью, ее совершенно не касается.

Елена так и не приходила в себя. Лицо ее еще сильнее побледнело, и ярко-розовые волосы смотрелись странно вызывающе на фоне почти прозрачной кожи.

Гэвин, все еще выглядевший изможденным, зашел ее проведать и сказал, что не в силах больше ничего сделать. Позже в тот же день к нам присоединилась та фея, которая провожала нас с Марин на церемонию отбора. Она сказала, что имеет опыт целительства и пришла по просьбе Гэвина, чтобы помочь нам. После того, как она закончила колдовать над Еленой, в комнате стоял сильный запах озона, словно после грозы.

— С ней все будет хорошо? — спросила я, провожая ее вниз. Гэвин вышел вместе с нами.

— Я сделала все возможное, — грустно ответила

она. — Но то, что она приняла, мы называем *успокоением сердца*. Если смерти суждено успокоить ее сердце, и она сама выбрала такую участь, ни один из нас не сможет ничего сделать. Мы не в силах изменить то, что предначертано судьбой, несмотря на всю нашу магию.

В эту минуту я всем сердцем желала, чтобы фейри могли лгать. Мне стало бы гораздо легче.

— Ты не мог бы сообщить обо всем Томасу? — обратилась я к Гэвину.

— Я уже сделал это, — ответил он.

— Рядом с Еленой кто-нибудь побудет?

— Там Ариэль, — сказал он. — И Марин.

— Хорошо. — Я сунула ноги в резиновые сапоги и схватила куртку. — Я скоро вернусь.

Я колотила в дверь домика Дженет с такой силой, что сбила костяшки пальцев.

Когда она, наконец, соизволила открыть, из дома пахнуло свежей выпечкой.

— Она выпила *успокоение сердца*. Вы знаете, что это значит? — спросила я. Я вся пылала от гнева, даже во рту ощущая его привкус.

— Это ее жизнь, и она сама вольна выбирать, жить ей или умереть, — ответила она. Слова эти прозвучали так небрежно, словно она сетовала на капризы погоды. Волосы, как всегда, были

уложены в безупречную прическу, одежда тщательно отглажена.

— А вам не приходило в голову, что если бы вы соизволили найти хотя бы полчаса, чтобы навестить ее, она выбрала бы жизнь?

— Она уже сделала свой выбор, когда выпила это снадобье. Мне нечего ей сказать.

Она уже закрывала дверь. Но я решительно сунула ногу в проем.

— Она. Может. Умереть. — Я произносила эти слова очень медленно, как будто этим могла заставить Дженет прислушаться и понять их смысл.

— Значит, она умрет. Она посредственный поэт и малодушная девчонка, которая так и не сумела воспользоваться преимуществами, которые я ей создала. Поэтому мне нечего сказать, и я пальцем не пошевелю, чтобы удержать ее в этом мире, который она предпочла покинуть. А теперь убирайтесь вон из моего дома. — Она даже не взглянула на меня, захлопывая дверь перед моим носом.

Я спрятала за спину руку, судорожно сжатую в кулак. Я не могла даже солгать себе, притворившись, что меня удивляет, как мать может поступать так с собственным ребенком. Я пре-

красно знала, на что способна родная мать, ведь свидетельства ее «родительской любви» шрамами запечатлелись на моем теле. Так что я все отлично понимала.

Нет ничего хуже, когда так ведет себя родная мать. Когда человек, который должен любить тебя больше всех на свете, как заложено самой природой, каждый день демонстрирует, что не испытывает к тебе никакой любви, что ты ничего не значишь для собственной матери. И когда первый встречный способен отнестись к тебе с большим теплом и состраданием, чем родная мать, ты особенно остро ощущаешь, как тебе недостает материнской любви.

Я остановилась, прижав руки к животу, сведенному спазмами, и дала волю рыданиям. Я оплакивала Елену, Марин, себя, пока слезы не иссякли, и я не почувствовала себя совершенно опустошенной.

Я потерла заплаканное лицо и побрела домой. По крайней мере, там я могла притвориться, что делаю что-то, чтобы изменить ситуацию.

На пути к дому я столкнулась с Томасом.

— Привет, девушка года, — сказал он с улыбкой, но выглядел при этом бледным, под глазами у него залегли синие круги, одежда была помята.

— Она наверху.

Я отвела его в комнату Елены. Он сидел с ней долгие часы.

На следующую ночь Елена умерла.

Дженет так и не пришла к ней.

Глава 27

На мне было то же строгое черное платье, что и пять дней назад. Со времени церемонии отбора не прошло и недели. Даже стертые ноги не успели зажить, когда я снова втиснула их в те же самые тесные туфли.

Стук наших каблуков эхом разносился по дому. Мы прошли по деревянным половицам, по скрипящим ступенькам крыльца. Было что-то ужасающе неправильное в звуке шагов лишь трех пар ног, словно сам наш дом сожалел о потере.

Тело Елены кремировали. Так что мы не увидим воскового лица в отполированном гробу, не увидим могилы, зияющей, как рана, в теле земли, молчаливо ждущей, когда ее заполнят. Но мы все встанем в круг, произнесем ее имя и помянем ее. Ведь так принято делать, когда кто-то умирает. Конечно, этого недостаточно, чтобы выразить нашу печаль, и никакие слова и действия не могут отразить всю горечь потери, но, по крайней мере, так мы соблюдем все положенные формальности.

Все в «Мелете» зеленело и цвело. Молодые клейкие листочки покрывали ветви деревьев, от чего те казались окутанными зеленоватой дымкой, травка пробивалась из-под влажной земли, птицы радостно щебетали, приветствуя весну. Все казалось слишком ярким, слишком шумным.

Так вот почему в фильмах во время похорон всегда идет дождь. Ведь все радости природы в такой день предстают лживыми и бездушными, уместным кажется лишь серое небо, роняющее слезы по усопшим. Веселое щебетание птиц, яркий солнечный свет кажутся кощунством, когда навсегда прощаешься с близкими.

Мы решили устроить поминки по Елене в розарии. Розы еще не зацвели, и перед нами предстали лишь голые шипастые стебли, но это было единственное место в «Мелете», которое, по словам самой Елены, она любила.

— На самом деле, это ужасно, — сказала Ариэль. — Она прожила здесь всю свою жизнь, и все, что мы смогли придумать, это устроить поминки по ней среди этих грязных веников с шипами.

Собралось совсем немного желающих помянуть Елену. Ариэль, Марин, я, Томас, который выглядел так, словно ни одной ночи не спал со дня смерти дочери. Гэвин тоже был с нами.

Дженет была в курсе, куда мы пошли. Однако, никто из нас не ждал, что она появится.

— Она не утруждалась навещать дочь, когда та была жива. Так что вряд ли соизволит прийти сюда ради мертвой, — сказала Марин.

— Я могу сбегать и сказать ей, что здесь Томас. Тогда она тут же примчится, — сказала Ариэль.

Но мы все же решили ничего ей не говорить. Дженет постаралась сделать так, чтобы вся жизнь Елены была нацелена на то, чтобы вернуть Томаса. Мы не собирались позволять ей использовать смерть дочери ради этой цели.

Поэтому мы неловко стояли впятером среди грязных луж и колючих стеблей и молчали.

А потом Гэвин прикоснулся к одному из кустов, и, когда он отнял от него руки, розарий был в цвету! Все кусты были усеяны розовыми, красными, желтыми и белыми цветами. Бархатные лепестки кружили в воздухе, напоенном благоуханием роз. Это было прекрасно.

— Думаешь, полегчает? — Ариэль резко повернулась к нему, и Гэвин сделал шаг назад. — Ее нет здесь с нами, чтобы увидеть всю эту красоту. Ты не соизволил нарушить ни одного из ваших дурацких правил, чтобы спасти ее, не проявил ни капли сострадания, и думаешь, цветочки все

исправят?

— Нет, — тихо ответил Гэвин. — Я не думаю, что цветы хоть что-то исправят. И если бы в моей власти было нарушить какое-нибудь правило, я бы не раздумывая, это сделал. Мне невыносима мысль, что я не смог ей помочь, не смог вернуть к жизни, не смог даже сделать так, чтобы она могла застегнуть на шее цепочку с амулетом.

И снова обаяние сошло с него, глаза стали бездонными и темными, ветвистые рога на его голове то появлялись, то исчезали. Марин подошла к нему поближе.

Гэвин замолчал, очевидно, пытаясь взять себя в руки, и снова на его лице появилась привычная маска. Но я видела, что он опять выглядел изможденным. Совсем как простой смертный.

— Если бы это было в моих силах, я многое бы изменил, отменил бы многие правила. Но это невозможно.

Он смотрел на Марин, когда говорил это, и Ариэль отвернулась. Она сорвала розу того же ярко-розового цвета, что и волосы Елены.

— Помню, как она помогла мне втащить мой пароходный кофр наверх.

Затем заговорила Марин:

— Помню, как она надела колпак Санта-Клауса

и пела вместе с нами, пока мы готовили рождественский ужин.

Тут раздался голос Гэвина.

— Она была верным другом.

Настала моя очередь говорить.

— Ее душа горела, как огонь.

Я бросила розу на землю, где лежали еще две — наша скромная дань памяти Елены.

Томас не сказал ничего, лишь бросил свою розу к другим и пошел прочь.

Целое море роз. Неожиданно расцветший розовый сад напомнил мне охапку цветов, которые Эван принес мне в День благодарения. И я не пошла к дому со всеми остальными, а сбросила туфли и ступила босыми ногами на мокрую землю. Я шла и шла через пустошь, к студиям. Я хотела увидеть Эвана. Уже несколько недель мы с ним не разговаривали, и это было правильно.

Я почти бежала, чтобы попасть туда прежде, чем одумаюсь. Влетев в студию, я бросила на пол туфли и расстегнула платье, сбросив его, как старую кожу.

— Имоджен, что ты делаешь? — На нем была дырявая футболка, волосы спутаны. Мне хотелось запустить в них пальцы и сильно дернуть. Оставить царапины на его коже, как свидетельство

того, что я жива, что я существую.

— Елена умерла, а я ничего не чувствую! Ты говорил, что я могу заставить тебя чувствовать себя живым, настоящим.

— Имоджен.

Моя рука потянулась к поясу его джинсов и ниже, я ощутила его возбуждение и хриплым от яростного желания голосом прошептала:

— Ты хочешь меня, я вижу. А я не могу… — тут я чуть не задохнулась от подавленных рыданий. — Я не могу дышать, Эван, не могу почувствовать себя живой. Черт, это просто невыносимо! Сделай так, чтобы я почувствовала хоть что-нибудь!

Он осторожно обнял меня, не прижимая к себе, и принялся гладить по волосам.

— Я держу тебя, Имоджен. Ты можешь дышать. Все в порядке.

Он нес всю ту милую чепуху, которую говорят, когда хотят успокоить рыдающего ребенка. И я, наконец, дала волю слезам. Я оплакивала Елену, которая покинула этот мир. Марин, которой предстоит это сделать. Оплакивала всех нас, потерявшихся в этой жизни.

Когда поток слез иссяк, я вся дрожала от холода и смущения. Я не могла даже смотреть в глаза Эвану, когда, наконец, отстранилась от него.

— Я, пожалуй… пойду.

Мои руки тряслись, когда я пыталась одеться.

— Я должен перед тобой извиниться.

Я застыла, наполовину натянув на себя платье.

— За то, что произошло в галерее. За все, что я там натворил. Хочу сказать тебе это прямо в глаза. Мне очень жаль. Я вел себя как мудак.

— И хрен собачий!

— Точно. Прости меня.

Молния застряла на середине, и я никак не могла застегнуть платье. Но уж лучше идти домой полуодетой, как будто меня только что трахнули, чем просить его о помощи, чувствовать его руки на коже. Я уже достаточно натерпелась сегодня.

— Тебе не обязательно прощать меня. Я бы на твоем месте не простил. Но мне действительно безумно жаль, Имоджен. Не знаю, может ли это повлиять на наши отношения, но я действительно хочу, чтобы ты знала, что сейчас я абсолютно искренен с тобой.

— Мне пора, — сказала я.

— Ладно.

На полпути к дому я поняла, что забыла туфли в студии. Впрочем, я настолько возненавидела их, что решила не возвращаться.

Томас на некоторое время остался в «Мелете»

после поминок, чтобы помочь упаковать вещи Елены.

— Даже не представляю, что следовало бы оставить на память о ней, — сказал он, рассматривая содержимое шкафа. — Полагаю, это все ее вещи. Может, лучше передать одежду в благотворительную организацию? Вы что-нибудь хотите себе оставить?

— Если вы не уверены, как следует поступить, давайте просто все соберем. А потом, когда будете готовы, сможете все просмотреть. Так у вас потом не будет повода для сожалений, — сказала Марин.

— Кроме того, что у меня была дочь, а я ни разу в жизни не удосужился с ней поговорить? — сказал Томас. — Действительно, это единственный повод для сожалений.

— Послушайте, — сказала я, откладывая в сторону тетрадку, наполовину заполненную стихами. — Вы действительно упустили свой шанс. В свое время вы сделали все, что могли, и думали, что у вас будет сколько угодно времени, чтобы наладить с ней отношения. А если бы она отказалась общаться с вами, вы всегда могли бы сказать, что это ее собственное решение.

— Имоджен! — воскликнула Марин.

Но я продолжала:

— Вы, конечно, совершили ошибку, но когда Гэвин позвонил, вы не поленились поднять задницу и прилететь сюда. Это не делает вас героем, или даже хорошим парнем, но вы все же это сделали. И это достойный поступок.

Да, вы ни разу с ней не поговорили, и это ужасно. Эту ошибку вы никогда не сможете исправить, умирая, она не была одна, потому что вы были рядом. Вы ни разу с ней не поговорили, но вы потрудились приехать сюда, чтобы быть с ней, и хоть этого, конечно, недостаточно, но тоже немало. А ведь двое из нас пытались притащить сюда Дженет, но она не удосужилась даже просто сделать несколько шагов, чтобы прийти к дочери.

— Простите, — прошептала Марин. — Моя сестра…

— Все нормально, — сказал Томас, взлохмачивая волосы пятерней. — Она права. — Он шумно выдохнул. — Давайте отдадим одежду в благотворительную организацию. Остальные вещи упакуйте отдельно. На случай, если кто-то из вас захочет что-то оставить на память. А я пойду немного прогуляюсь, подышу свежим воздухом.

— Что на тебя нашло? — спросила Марин, когда он вышел из комнаты.

— Я просто устала, вот и сорвалась, — ответила я. — Я не имею в виду, что мало спала, хотя и это тоже. Мне просто надоело церемониться с этой публикой. Не говорить правды в глаза. Знаешь, куда я пошла после поминок? — Я положила на кровать груду неразобранной одежды.

Марин покачала головой.

— К Эвану. Можешь себе представить? К Эвану! Потому что чувствовала, что не могу рассчитывать на твою поддержку, и мне понадобилось, чтобы меня утешил другой человек.

— Мне кажется, что я тебя уже потеряла, — продолжила я, немного помолчав. — Когда пыталась что-то сделать, чтобы не пустить тебя туда.

— Оставь эти попытки, Имоджен. У тебя все равно ничего не получится.

— На самом деле, может и получиться, — произнес неожиданно появившийся на пороге Томас. От него пахло весенним ветром и сигаретным дымом. — Такая возможность существует.

— О чем это вы говорите? — спросила Марин.

— Заклятие дани может быть разрушено. Беззаветная любовь, которая сильнее жажды всех фейри заполучить намеченную жертву, может вырвать ее из их цепких лап. Ну, по крайней мере, так это звучит, если выражаться поэтическим

языком. Иными словами, — он внимательно посмотрел на меня, — вы должны очень сильно хотеть, чтобы Марин была рядом с вами. Сильнее, чем *они* все вместе взятые.

— Что мне для этого надо сделать? — быстро спросила я.

— Имоджен, даже не думай! — резко произнесла Марин. — Я твердо намерена туда отправиться. Я очень этого хочу.

— Что мне для этого надо сделать? — повторила я свой вопрос, не обращая внимания на ее слова. Я понимала, почему теперь, когда уже все решено и ничего нельзя изменить, Гэвин все равно не может открыть ей, что жизнь в их мире ее убьет. Слова, произнесенные вслух королем фейри, могут стать реальностью.

Но если еще существует хоть малейший шанс исправить мою ошибку и защитить сестру, я должна воспользоваться им.

— Я, конечно, не знаю деталей, потому что для себя лично никогда не рассматривал подобной возможности, но когда, согласно договору с фейри, человек переходит в их мир, это вовсе не так просто, как заскочить к соседу, чтобы одолжить чашку сахара. Речь ведь идет о фейри с их магией, поэтому существует особый ритуал. Избранный

может остаться в нашем мире только в том случае, если кто-то сумеет прервать этот ритуал. Например, если вы стащите сестру с коня, на котором въезжают в мир фейри, и умудритесь удержать ее на этой стороне, какие бы странные и пугающие вещи не происходили. Которые, как я подозреваю, могут быть не слишком приятны для обеих. Если у вас это получится, несмотря на то, что фейри направят против вас всю свою магическую силу, что *они* непременно сделают, потому что ненавидят, когда кто-то забирает у них то, что они жаждут заполучить, только в этом случае чары, скрепляющие договор, будут разрушены. — Томас посмотрел на наши ошарашенные лица и сочувственно покачал головой. — Разумеется, если попытка окончится провалом — а так оно, скорее всего и произойдет, Имоджен, потому что почти все, кто пытался это сделать, проиграли, — вы отправитесь в мир фейри вместе с сестрой. И если ей предстоит служить фейри всего лишь семь лет, то вы уже никогда не сможете вернуться назад. Понимаете? Никогда!

— Вот почему Дженет вас ненавидит, — сказала я. — Ей так хотелось, чтобы вы ее спасли.

— Вы угадали. А у меня не было ни малейшего намерения это делать. Я только что вернулся в

мир людей, и даже если бы я любил ее, то все равно не пошел бы на такой риск. Волшебная страна вовсе не такое уж райское место для обычного человека, жизнь там в течение семи лет равноценна тюремному заключению, и уж никак не похожа на каникулы. У меня просто не хватило бы на это сил, да я и не любил ее никогда.

— Имоджен, ты не можешь так поступить, — твердо сказала Марин. — Это слишком опасно.

— Не более опасно, чем то, на что ты сейчас подписываешься.

— Ты исходишь из того, что я хочу, чтобы меня спасли. Но это не так. И ты не имеешь права принимать решения за меня.

— Марин, я…

— Нет. Это не подлежит обсуждению. Я сама этого хочу. Я твердо намерена туда отправиться, и я это сделаю. Единственное, о чем тебе следует подумать, это поддерживаешь ты меня или нет. Мне бы хотелось заручиться твоей поддержкой, но если даже ты против, Имоджен, я все равно не изменю своего решения.

В тот момент я совершила отчаянную попытку все объяснить. Я пыталась заставить себя произнести нужные слова, рассказать об опасности, о которой поведал мне Гэвин. Что речь идет не о

том, чтобы воспрепятствовать осуществлению ее желания, а о том, чтобы спасти ее от смерти.

Я честно пыталась это сделать, но не могла произнести ни слова. Магия обвила мое горло, словно хищная лиана, сковала язык, пресекая любые попытки заговорить, поэтому мне оставалось лишь молчать.

— Мне пора идти, — сказала Марин, и я не могла остановить ее.

— Я собирался поговорить с Марин об этом после церемонии отбора, — сказал Гэвин. — Правила, лежащие в основе договора, предусматривают такую возможность. Но потом произошло это несчастье с Еленой.

Солнечные лучи просачивались сквозь быстро несущиеся по небу облака, ветер играл прядками моих волос, стянутых в хвост перед пробежкой. Мне удалось избегать печальных мыслей все пять миль, которые я пробежала, но не успела я вернуться, как обнаружила на пороге нашего дома Гэвина, который был живым напоминанием о них. Вот и замечательно. Этот разговор все равно был неизбежен.

— Ты собирался с ней поговорить? Да неужели? Когда я пыталась это сделать, у меня не вышло! Ты забрал мой голос, Гэвин. — Мои руки невольно

сжались в кулаки.

— Да. Я должен был быть уверен, что ты не сделаешь попытки все ей рассказать. И я сделаю это снова, если понадобится.

— Сними заклятие. Немедленно. Ты не имеешь права так поступать!

— Может быть. Но когда ты узнаешь правду, уже не понадобится магия, чтобы принуждать тебя к молчанию. Ты сама предпочтешь ничего не говорить.

Он раскрыл сжатый кулак левой руки и произнес слово на странном языке. Я почувствовала, словно на шее лопнула цепочка, и нечто, сковывавшее мое горло, ослабевает и уходит. Я тяжело сглотнула.

— Объясни, что ты имеешь в виду.

— Конечно. Томас прав, говоря, что заклятие, скрепляющее договор между фейри и людьми, может быть разрушено, и я должен сообщить Марин, что она может попросить кого-нибудь сделать это, рискуя жизнью ради нее. Правда, не называя истинных причин, по которым ей стоит это сделать.

— Я и не сомневалась. Потому что в противном случае будет считаться, что ты оказываешь на нее давление. Или какое еще хитрое слово можно

придумать, чтобы помешать тебе сделать хоть что-то, что может спасти ее.

— Имоджен, я…

— Прости. Я все понимаю. Легко тебе говорить, ведь это меня, а не тебя она ненавидит. Ладно, проехали. Лучше расскажи мне, как это работает. Томас сказал, что шансы на успех невелики.

— Мир фейри существуют гораздо дольше, чем «Мелета», и договор с людьми всегда был неотъемлемой частью нашего существования. Возможно, каждую сотню лет, кто-нибудь да пытался разрушить магию, на которой он зиждется. Спасти отца своего ребенка, или просто совершить подвиг из романтических побуждений. И за все время я могу вспомнить только два случая, когда это удалось.

— Ну что ж, — произнесла я. — По крайней мере, я теперь знаю, что это не так уж невозможно.

— Имоджен, я мог бы рассказать Марин об этом, потому что это моя обязанность. Потому что договор незыблем, и я не в силах изменить его. Но я не имею права просить тебя прервать ритуал, и мне придется убедить ее не упоминать при тебе об этой возможности. Риск слишком велик, и Марин никогда мне не простит, если ты погибнешь. Но я сделаю все, что смогу, чтобы сохранить ей жизнь

и отправить к тебе, как только срок закончится.

Все, что он сможет… Значит, ничего. Все, что он сможет сделать, это заставить розы цвести на ее могилке, когда будет уже поздно. Или уронить во время танца в студии, травмируя и себя при этом.

— Как ни странно, я не думаю, что ты любишь ее меньше, чем пару месяцев назад, когда просил меня о помощи, так что, прости, что не верю в твое всесилие. Впрочем, ты можешь мне помочь. Можешь дать какую-нибудь подсказку. Объяснить, почему это так опасно, и кому, и каким образом удалось разрушить чары раньше.

Его лицо скривилось, он судорожно сглотнул.

— Не могу. По крайней мере, напрямую. Одно могу сказать, фейри страдают, если договор не выполняется, и они лишаются того, кто был избран, поэтому все, что с этим связано, тоже может разрушиться. Старые сказки иногда недалеки от истины, и не всегда фейри приходится красть человеческого ребенка, чтобы оставить подменыша[24]. Порой люди сами охотно на это идут.

Ничего не скажешь, просто замечательная подсказка. Все предельно ясно и, главное, очень

---

[24] Примечания: 24

Подменыши — младенцы фейри, которых они оставляют взамен похищенных человеческих детей.

полезно.

— Скажи, что-нибудь изменилось? Ты считаешь по-прежнему, что Марин может не пережить эти семь лет?

Он открыл было рот, чтобы сказать что-то, но закрыл его снова.

— Ладно, не бери в голову, — сказала я. — Я прекрасно понимаю, что ты пытаешься найти способ отговорить меня, и при этом не соврать. Но я все же попытаюсь. Она моя сестра. Мне придется все ей рассказать.

— Есть еще кое-что важное, — сказал Гэвин. — Магия требует, чтобы соблюдалось равновесие. Если ты сможешь удержать ее здесь, ты получишь все, что положено по договору. Успех, славу. Все предназначенное ей вознаграждение достанется тебе. А ей ничего.

Я с шумом втянула воздух.

— Вот почему ты снял заклятие молчания. Потому что знал, что она не поверит мне, когда я скажу, почему хочу спасти ее, если, конечно, она об этом условии уже знает.

— Прости, но я должен был тебе рассказать, — сказал он с сочувствием.

— Уходи. Не хочу тебя видеть.

Если я на самом деле собралась спасать Марин,

развеяв заклятие, мне необходимо узнать, действительно ли такая возможность существует, и что надо делать, чтобы повысить шансы на победу, чтобы все зависело не только от удачи. Надо было составить, так сказать, план действий.

— Ну что ж, — сказала Бет. — Понятия не имею, что в то время происходило в мире фейри, но сорок девять лет назад «Мелета» чуть не потеряла всех своих спонсоров, почти лишившись финансирования. Ну, и всякие другие странные события происходили. Кого-то дисквалифицировали, лишив престижной награды. Вроде бы, речь шла о «Грэмми», но я не уверена. Один из обитателей «Мелеты» умер при загадочных обстоятельствах. И, насколько я помню, два-три года после этого «Мелета» испытывала большие затруднения.

— И вроде бы даже была закрыта на ремонт, — добавила я.

— Если бы я пыталась выяснить, когда договор был нарушен, я бы начала копать с этого случая.

— В этом есть смысл, — призналась я. — Единственный намек, что в «Мелете» не все идеально, который я нашла в прессе, изучая материалы о ней перед тем, как подать сюда заявку, относится как раз к тому времени.

— Вообще-то, я удивлена, что вы вообще хоть

что-то нашли. Фейри мастера пиара и умеют запудрить мозги общественности. Не говори о зле, и будешь защищен от него. В отношении фейри эту фразу можно воспринимать буквально.

Можно подумать, я этого не знала.

— Какие милые, — я жестом указала на вязание на ее коленях.

В тот день она вязала крошечные носочки из разноцветной пряжи.

— Для моей внучки. Вы, наверное, думаете, что чем меньше вещь, тем проще ее вязать. Но это совсем не так, совершенно с ними замучилась!

Она с любовью разгладила рукоделие, и стало ясно, что, несмотря на всю хлопотность этого дела, Бет просто счастлива вязать теплые носочки для крохотных ножек.

— Но почему «Мелета» лишилась финансирования после того, как был нарушен договор? Я понимаю, что у фейри могут возникнуть в связи с этим проблемы, но почему неприятности касаются и нашего мира?

— Потому что магия фейри вплетена во все пространство «Мелеты». Фейри получают выгоду не только от своих, так сказать, придворных художников или артистов, но и от всех, кто находится здесь. Поэтому они создают здесь среду, напол-

ненную энергией творчества, яркими эмоциями, проявлению которых так способствует общая атмосфера кампуса.

И это взаимовыгодное сотрудничество. Магия, приносящая бесконечную удачу тому, кого выбрали в качестве дани, распространяется на всю территорию «Мелеты» и на всех, кто имеет хоть какое-то отношение к ней. Вы же не думаете, что подобная программа могла быть создана лишь за счет даже самых щедрых вложений выпускников «Мелеты»?

Я была немало смущена собственным невежеством.

— На самом деле, я об этом как-то не задумывалась.

— Конечно, в финансовом отношении, может, так оно и есть. Но ведь столь неслыханная щедрость проявляется не без влияния фейри. Конечно, фейри в первую очередь пекутся о своих собственных интересах, и если в хорошо налаженном механизме происходит какой-то сбой, то страдает и «Мелета». А если фейри лишатся дани, весь их мир пострадает.

Она опустила руки с вязанием.

— Так что, будьте осторожны, Имоджен. Фейри явно не понравится, если вы попытаетесь отнять

у них Марин.

Но меня совершенно не волновало, что *они* на этот счет думали.

— А вы кого-нибудь просили помочь вам избавиться от исполнения договора?

— Нет, и, думаю, большинство из нас не хотело бы этого. Мы согласились отправиться в мир фейри, потому что стремились получить положенное за это вознаграждение, даже зная о связанных с этим опасностях. Я знаю, вы искренне переживаете за Марин, но скорее всего, когда она вернется в наш мир, у нее все будет прекрасно.

— Если помните, она упала с лошади. Тогда, на Хэллоуин. Так сильно на нее повлияло краткое пребывание среди фейри. Так что у меня есть причины для беспокойства.

— Правда? Я об этом не знала. Впрочем, первое путешествие в Волшебную страну может показаться тяжелым для новичка. Но это также может послужить и своего рода прививкой. По крайней мере, она будет знать, что ее там ждет. И, конечно, я разделяю ваше беспокойство. Она же ваша родная сестра. В то же время, не стоит преувеличивать опасность.

— Благодарю за советы, — сказала я и поднялась с дивана.

— И еще, Имоджен. Тот фрагмент книги, который вы читали на церемонии отбора, был весьма впечатляющим. Как бы там ни было, я хочу вам сказать, что вы вполне заслуживали отправиться туда. Вы должны об этом помнить, когда будете принимать решение. Помнить, чем вы готовы рискнуть ради спасения сестры.

Надо сказать, ее слова воодушевили меня. Если бы речь шла не о Марин, которая подвергала себя смертельной опасности, если бы Гэвин не выразил опасение, что она может сгинуть в мире фейри, напутствия Бет хватило бы, чтобы заставить меня передумать. Но ведь Марин всегда приходила ко мне на помощь, всегда пыталась спасти меня, а я ее уже однажды подвела, бросив на произвол судьбы. Так что у меня не оставалось выбора. Я была просто обязана помешать сестре отправиться к фейри.

В тот же день, после обеда, я открыла дверь на стук и обнаружила на пороге Дженет, как всегда, с безупречной высокой прической, в идеально сидящем деловом костюме.

— Я пришла забрать ее вещи.

— Простите, что вы сказали? — произнесла я, не веря своим ушам.

— Хочу забрать вещи Елены. Они мне нужны.

Ее записи, ее ноутбук. Все остальное меня не интересует, но если есть что-то среди ее работ, что стоит сохранить, надо это опубликовать. Я уже обсудила это со своим издателем. Если я напишу предисловие к сборнику ее стихов, можно будет рассчитывать на вполне приличный тираж.

Я прикусила щеку, чтобы не плюнуть ей в лицо и не наговорить гадостей. Потом сосчитала в уме до десяти, пытаясь овладеть собой, и только после этого решилась заговорить.

— А их здесь нет. Томас — который, между прочим, взял на себя труд приехать, чтобы повидаться с Еленой перед смертью — забрал все с собой.

Она моргнула, и лицо ее побледнело.

— Так он был здесь?

— Разумеется. Он приезжал навестить дочь. Может быть, если бы вы удосужились сюда прийти, то застали бы его, и он объяснил бы вам в тысячный раз, что не любит вас и никогда не любил.

Она застыла в изумлении, твердая и холодная, как камень.

— Он должен был любить меня. Если бы Тания соблюдала условия договора, то так оно и было бы. Ведь когда вы возвращаетесь из мира фейри, вам положено получить все, о чем вы когда-либо

мечтали. А я всю жизнь мечтала только о нем. Каждое слово, которое я написала, все, что я в жизни делала, было посвящено лишь ему одному.

— Это не любовь, Дженет. Это одержимость. — И я поняла, что Томас заблуждался на ее счет. Она вовсе не злилась на него из-за того, что он не захотел разрушить чары фейри и избавить ее от выполнения договора. Она действительно безумно хотела попасть в мир фейри, потому что жаждала исполнения желаний. Она была разъярена потому, что он не последовал ее примеру и не стал терпеливо ждать ее возвращения в мир людей.

— Я семь лет провела в аду ради него, и что я взамен получила?

— У вас была Елена!

— И она была просто обязана вернуть его мне. Чего я только не делала, чтобы заставить эту девчонку добиться успеха. Привезла ее сюда, чтобы она могла быть поближе к фейри, чтобы она росла в творческой среде, окруженная прекрасными произведениями искусства, общалась с людьми, готовыми на любые жертвы ради великой цели. — Она излучала спокойствие и уверенность в своей правоте, рассуждения ее были исполнены такой логики, словно она растолковывала учени-

кам правила написания сонета. — Поэтому она просто обязана была стать выдающимся поэтом.

— А вы когда-нибудь потрудились спросить ее, чего она сама в жизни хочет?

— Так должно было быть. Вы же знаете, что *они* собой представляют. Вы имели возможность их видеть. Ваша сестра теперь отправится туда и будет жить в Волшебной стране со своим любовником. Вы же пишете сказки, а без вмешательства фей у сказки не может быть счастливого конца, к которому все так стремятся.

Лицо ее было совершенно несчастным. Но сожалела она не о потере Елены, а о том, что больше не может рассчитывать на поддержку фейри.

От осознания этого меня чуть не вывернуло наизнанку.

— Не у всех сказок счастливый конец, Дженет. Вспомните, что происходит с героями после того, как они преодолевают все препятствия. Они «живут долго и счастливо». Они живут! Елене не суждено было дожить до счастливого конца. Ее больше нет с нами, как и ее вещей. А теперь уходите, прошу вас. Не то я позову людей из охраны кампуса и они вышвырнут вас из моего дома.

— Они должны были позволить мне остаться у них. Если они не могли вернуть мне Томаса,

тогда обязаны были позволить мне жить среди них вечно. Ведь заключая сделку, они обещают выполнить все ваши заветные мечты, но меня обманули, и я не получила того, что хотела.

Пусть ваша сестра помнит об этом.

Глава 28

После этого инцидента мы заперли дверь в комнату Елены. Она сама всегда так делала, и мы к этому привыкли. Открытая дверь зияла, словно рана в стене, и эта пустота казалась странной и неуместной. Но сейчас дверь была чуть-чуть приоткрыта, и через эту щель в коридор пробивалась полоска света.

Я распахнула дверь. На голом матрасе сидела Ариэль, прижавшись спиной к стене.

— Мне никогда не приходилось читать ее стихов. И эта мысль не давала мне покоя. Ведь ради своей поэзии она жила здесь, это было для нее так важно, а я даже не удосужилась их прочесть.

— А я оставила себе ее ноутбук и пару тетрадок, — сказала я. — Взяла на память, когда мы упаковывали ее вещи. Но так и не смогла заставить себя его открыть, потому что уверена, она рассвирепела бы не на шутку, если бы узнала, что я читаю ее черновики. — Я представила лицо Елены, как она кривит губы, и невольно улыбнулась, несмотря на то, что глаза щипало.

— Меня все это просто бесит, — сказала Ари-

эль. — Я имею в виду не Елену, а ее окружение. Особенно Дженет. Еще никто в жизни не вызывал у меня такого дикого желания дать ему в морду, как эта особа.

Ну, и все прочие. Все, кто говорил ей, что сама она ничто, а важно лишь ее искусство, но таланта у нее не хватает.

Она закрыла глаза, закинула назад голову, прижав ее к стене.

— Говоря это, я чувствую себя жуткой лицемеркой, ведь мы с ней не были друзьями, и я не читала ее стихов.

— Давай хоть сейчас почитаем, — предложила я. — У тебя наверняка есть зажигалка?

— Конечно, ведь у меня время от времени возникает желание испортить голос куревом. Но зачем?

— Давай встретимся внизу. Пойдем к Мосту исполнения желаний.

В «Мелете» существовала традиция: написать на листке бумаги свое самое заветное желание, то, в котором вы даже самому себе не признаетесь, даже когда написали его, а потом поджечь бумагу и бросить ее с моста. Если листок полностью сгорит до того, как вода погасит пламя и волны унесут его, ваше желание непременно

сбудется.

Ритуалы, связанные с исполнением желаний, направлены лишь на то, чтобы сказать себе: да, на сей раз я сделал все возможное, чтобы моя мечта сбылась. В тот день все так и было.

У нас все получилось, как мы задумали.

Мы с Ариэль стояли, держась за поручни моста, и я открыла тетрадку Елены.

— Вот, нашла. Ровно одна страничка.

Я вырвала страничку из тетрадки, и передала ее Ариэль. Она прочитала стихотворение вслух своим прекрасным звучным голосом, обращая слова, написанные Еленой, к деревьям, к реке Морнинг, несущей свои воды под мостом. Они звенели в прозрачном воздухе. Страничка дрожала в ее руке, но голос ни разу не дрогнул.

День был ясным. Солнце ярко светило, отражаясь от воды тысячами сверкающих бликов. Сердце весны билось, заставляя зеленые побеги подниматься из земли, наполняя воздух благоуханием цветов. Природа поражала красотой, но нас это не радовало, потому что это мы произносили слова стихов, а не тот человек, который их написал.

Я слушала стихотворение Елены, и мое сердце вновь наполнилось скорбью по ней. По поте-

рянному ею времени и силам. Потому что, в определенной степени, она была права. Стихотворение далеко не было шедевром. Оно было написано по всем законам стихосложения, совершенно с технической точки зрения. Но оно не рождало восторга в душе.

Пока не рождало.

Но это вполне могло свершиться. Потому что слова лились так, словно были написаны поэтом, воспринимающим язык, как музыку. Там слышался голос, который стремился выразить больше, чем мог на тот момент, и это бы непременно ей удалось, если бы хоть кто-то произнес слова поддержки, заставил ее поверить в себя и свой талант.

Елена не была великим поэтом, когда умерла. Но она, несомненно, могла бы им стать, если бы осталась в живых.

Когда Ариэль закончила читать стихотворение, она взглянула на меня. Я кивнула.

Она щелкнула зажигалкой и поднесла пламя к краешку листа. Огонь лизнул слова, написанные Еленой, вспыхнул ярче, вгрызаясь в свою добычу. Ариэль держала страничку, пока пламя не добралось до ее пальцев, а потом подбросила ее в воздух. Листок бумаги исчез, сгорев дотла,

прежде чем коснулся поверхности воды.

— Вот, — сказала она. — Может быть, сейчас ее гребаное желание сбудется!

Потому что это и наше желание, когда кто-то уходит из жизни. Желание, чтобы тот, о ком мы помним, продолжал жить в сердцах людей. Чтобы его имя не забывалось, потому что таким образом частичка его души остается с нами. Чтобы память о том, каким был покинувший этот мир человек, о том, что было важно для него, не умерла.

Чтобы от него остались не только горстка пепла, развеянная по ветру, не только листок с загаданным желанием, который уносит вода.

Пусть наше желание сбудется. Я всей душой желала этого.

Я расслабилась и потеряла бдительность. Была слишком поглощена всем происходящим — смертью Елены, разработкой самых невероятных планов спасения Марин. Я забыла о вечной угрозе, поэтому в том, что случилось, была целиком моя вина. Если бы я не потеряла ясности мышления, я бы без раздумий нажала на кнопку «Удалить», увидев имя матери в папке «Входящие», но по рассеянности я имела глупость открыть его.

Она писала, что какой-то ее знакомый может рекомендовать меня на должность преподавате-

ля английского языка в старших классах школы, и что это возможность сделать настоящую карьеру вместо того, чтобы заниматься всякой ерундой и придумывать дурацкие истории. Пусть у меня и нет должной квалификации, необходимой для того, чтобы преподавать в школе. В общем, вступительная часть письма была вполне благостной, как и полагается письму матери. Но я-то знала, чем заканчиваются письма от дорогой мамочки.

Далее она выражала недоумение по поводу моего бегства в «Мелету», куда меня приняли, разумеется, исключительно из-за таланта Марин. Конечно, есть мнение, что настоящие писатели могут творить где угодно, но уж если мне нужны особые условия, она надеется, что я, в конце концов, напишу какой-нибудь роман, пока живу в «Мелете». На утреннем ток-шоу брали интервью у дамы, которая написала роман всего за три месяца, но уже были проданы сто тысяч экземпляров, и теперь собираются снимать фильм по этому шедевру, поэтому она надеется, что за такой долгий срок мне будет несложно написать что-то путное. Уверена ли я, что достаточно усердно работаю?

Я тряхнула головой. Читая все это, я не испытывала ничего, кроме отвращения, ведь я слышала нечто подобное и раньше, и не только от мате-

ри, но и от кучи доброжелателей, которым не терпелось увидеть мое имя в списке авторов бестселлеров. Потому что, с их точки зрения, не было ничего легче, чем писать книги, ведь именно этим объясняется, почему на свете так много успешных писателей. Мне бы остановиться на этом и удалить письмо, но я сделала глупость и продолжила читать.

Не важно, что я напишу, главное, я и помыслить не должна о том, чтобы сочинить ложь о наших с ней отношениях. Одна соседка сообщила ей, что в каком-то моем рассказе фигурировала жестокая мать, и спросила, общается ли она со мной сейчас, а ведь ее душа не вынесет, если люди будут о ней такого ужасного мнения. Она всегда поступала со мной только так, как я того заслуживала, и даже если порой вела себя со мной строго, то только по моей вине и ради моего же собственного блага. Если я только попробую прикинуться жертвой, лишь бы попасть на ток-шоу на телевидении, если я буду писать ложь о ней и вводить в заблуждение людей, которые просто не понимают, что я из себя представляю, она наймет адвоката и привлечет меня к суду за оскорбление чести и достоинства.

Она знает множество примеров, когда люди,

лишенные таланта, прибегали к откровенной лжи в погоне за популярностью, но она этого не допустит и сделает все возможное, чтобы у меня ничего не вышло. Это, конечно, может повредить моей карьере, но она сделает это ради моего же собственного блага.

Трясущейся рукой, ощущая привкус желчи во рту, я удалила письмо.

Все что она делала, было ради моего же блага. Неважно, что она вытворяла при этом. Лишала мня еды на несколько дней, так как пеклась о моем благополучии. Мне же нужна была дисциплина! Выбрасывала книги в мусорный ящик, потому что, видите ли, я должна была учиться жить в реальном, а не выдуманном мире. Все воспоминания, которые нахлынули на меня во время церемонии отбора — ее отвратительный голос, прикосновение холодных ножниц к голове, боль от избиений настолько жестоких, что наутро я просыпалась вся в синяках, мои отчаянные крики, рука, горящая в огне — все это было ради моего же собственного блага.

Я чувствовала себя ужасно. Меня бросало то в жар, то в холод, и казалось, я не смогу удержаться на ногах, когда поднимусь со стула. Я поняла, что надо пойти на пробежку и бежать до изнеможе-

ния, пока не почувствую жжение в мышцах. Я сама виновата. Мне следовало быть осторожнее. Я же прекрасно знала ее повадки. Она хотела добиться определенной реакции, и получила ее, хотя ее самой и не было здесь. Тем более, что я знала, что она уже посылала подобные отвратительные письма Марин.

Я потерла глаза и поднялась. Голова моя слегка кружилась от нервного напряжения. Марин. Наверное, мать сочтет, что одного письма недостаточно. Она могла написать нам обеим. Надо срочно связаться с сестрой.

Спотыкаясь на каждой из двенадцати ступенек и ухватившись за перила, чтобы не упасть, я спустилась на второй этаж.

Дверь в комнату Марин была открыта.

— Марин, ты случайно… Ой, Гэвин. Простите за вторжение. Я просто…

— Имоджен, что случилось? — Гэвин бросился ко мне через комнату и теперь мягко придерживал за плечи, благодаря чему я могла держаться на ногах. — Вот, садись сюда. Марин сейчас в душе. Скоро выйдет. Стоит поторопить ее?

Он помог мне присесть на кровать Марин, сам сел рядом, а потом снова встал.

— Давай я все-таки позову ее.

— Гэвин, со мной все в порядке. Прощу прощения, что ввалилась без предупреждения. Пожалуй, лучше мне вернуться к себе. — Боже, как глупо я себя веду. Мне было безумно стыдно, что я позволяю ему видеть меня в таком состоянии.

— Пожалуйста, не уходи. Ей захочется узнать, что произошло.

А может, и не захочется. Мы едва перекинулись парой слов за последние несколько недель. Она наверняка считала меня предательницей, которая бросила ее в трудную минуту. Может, она решит, что я заслуживаю такого отношения со стороны матери.

Гэвин постучал в дверь ванной, прежде чем открыть ее, и через пару секунд оттуда вышла Марин, закутанная в халат, с полотенцем на мокрых волосах.

Она села со мной рядом и обвила рукой мои плечи.

— Вести от драгоценной мамочки?

Я кивнула.

— Простите, что помешала. Я, пожалуй, пойду. Просто хотела проверить, все ли с тобой в порядке. — Я попыталась было встать, но ноги мои отказали, и я снова упала на кровать.

— Я тебя не пущу. Никуда не надо идти. — Марин крепко обняла меня. — Никуда не пущу.

Дверь за Гэвином тихо закрылась. Я опустила голову на плечо сестры и горько расплакалась.

Я лила слезы, потому что даже после стольких лет самостоятельной жизни вдали от дома мать все еще могла добраться до меня и заставить страдать. Из-за сестры, потому что, несмотря на то, что сейчас ее сердце билось рядом, я возвела между нами стену, которая, похоже, скоро станет еще более высокой, прежде чем все это закончится.

— Прости за то, что так подвела тебя, Марин, за то, что все испортила.

— Я знаю, что ты действительно писала мне. Когда уехала, — сказала она высоким от волнения голосом, в котором звучала нерешительность. Совсем детским голосом, словно передо мной вновь была маленькая девочка. — Я ясно это видела в ночь выступления. У меня были видения, и я поняла, что так оно и было на самом деле. Ты не собиралась бросать меня на произвол судьбы.

— Да, Марин. Я действительно тебе писала. Множество писем. Думала, что ты не отвечаешь на них, потому что сердишься на меня. — Я так и не призналась ей, что видела в ту ночь, и теперь знала, что она поверила лживым утверждениям

матери о том, что я не люблю ее.

— Она, наверное, просто наслаждалась этим. Тем, что настраивала нас друг против друга. Я в этом почти уверена, иначе зачем вообще она приложила столько усилий, чтобы этого добиться? И все равно, это выше моего понимания. У меня просто крыша едет, как только подумаю, на какой только обман она не пускалась, пытаясь заставить нас ненавидеть друг друга.

— Я никогда не испытывала к тебе ненависти, Марин.

— Я к тебе тоже.

— Я знаю, — сказала я. — Ты же послала мне в подарок звездочки!

— Я была так напугана, когда сделала это. Думала, ты вернешь их мне, даже не открывая или что-то в этом роде. Но потом я увидела их у тебя на потолке и вспомнила истории про Звездных принцесс. Я так по тебе скучала!

— Как только я их получила, то первым делом повесила их. Я буду брать их с собой везде, куда бы ни отправилась. Стоит на них посмотреть, и я чувствую, что дома.

Я сделала глубокий вдох.

— Я написала истории про Звездных принцесс для тебя. — Ее рука еще крепче обняла меня. —

Собиралась подарить их тебе. В том году, на Рождество.

— А они… — она всхлипнула, — они у тебя сохранились?

— Конечно. Они лежат у меня в архиве, но они все есть. — Из моих глаз полились горячие слезы.

— А можно мне когда-нибудь их почитать?

— Конечно, — ответила я. — Это будет просто замечательно.

— Мне так жаль, что по моей вине наши отношения испортились, — сказала Марин.

— У нас же с тобой все в порядке? — спросила я, прекрасно осознавая, что все гораздо сложнее, что наши отношения это не то, что можно исправить этими волшебными словами, но все равно стоило их произнести. С чего-то надо было начать.

— Конечно. У нас все в порядке.

Во время пробежки я чувствовала себя так, словно яд выходил из организма. В голове моей прояснилось, и я даже придумала новый план, как предостеречь Марин не напрямую, а попытаться воздействовать на нее эмоционально. Надо попросить ее прочитать черновой текст отрывка, который я собиралась послать Бет, и работа над которым уже близилась к завершению.

Я взбежала на крыльцо, вошла в дом, прошла до середины холла, а потом остановилась и медленно начала пятиться назад.

— Имоджен, как хорошо, что ты пришла. — Это был голос Марин, но она была не одна.

— Будет проще, если я вам обеим все это объясню. — Это была Дженет. На лице ее застыла улыбка. У меня тут же мороз пошел по коже.

— Я очень многое знаю о договоре между фейри и людьми, знаю, как проходит ритуал принесения дани, так как видела, как это происходило с Томасом, да и сама была избранной. И прекрасно понимаю, что фейри во главу угла ставят честное выполнение своих обязательств, но при этом кое-какие детали могут ускользать от их внимания. А ведь не зря говорят, что дьявол кроется в деталях. Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что вас ждет. — Она улыбалась улыбкой ведьмы, держащей в руке отравленное яблоко, или обиженной феи, протягивающей принцессе веретено.

— Думаю, мы обе прекрасно представляем, чего нам следует ожидать, — сказала я.

— Не сомневаюсь, что вы-то уж точно представляете, Имоджен. Но меня больше беспокоит Марин. Я опасаюсь, что она может передумать отправляться в мир фейри, и ей может прийти в

голову попросить вас избавить ее от выполнения договора, представления не имея, от чего она откажется, если вам это удастся. Но вы-то уж точно знаете, что вас ждет в этом случае, дорогая?

Марин удивленно посмотрела на меня, потом на Дженет, и покачала головой. Я хотела было вмешаться в разговор, но слова застряли в горле, и я почувствовала приступ удушья.

— Понятно. А я-то считала, что отношения между вами более доверительные. Думала, сестры делятся друг с другом тем, что для них важно. Впрочем, вам будет чем поделиться, потому что если Имоджен удастся разрушить заклятие дани, вы, Марин, не получите ровным счетом ничего из того, что вам обещали. Ровным счетом ничего из того, ради чего вы согласились пойти на этот рискованный шаг. Все достанется ей.

— Ничего? — дрожащим голосом спросила Марин. — Я останусь ни с чем?

Я закрыла глаза.

— Но я знаю, какие у вас теплые отношения. Уверена, что Имоджен о вас позаботится. — Лицемерное утешение змеи, зеленым ядом отравляющее сердце.

— Так ты знала? — спросила Марин резким, как нож, голосом. — Имоджен, ты все знала?

— О, дорогая, не надо так расстраиваться. Я всего лишь хотела помочь. Вижу, вам о многом надо поговорить. Я, пожалуй, пойду. — Дженет ослепительно улыбнулась мне и направилась к двери.

— Марин, мне так жаль. Я…

Она подняла руку, призывая меня замолчать, и попятилась.

— Не надо ничего говорить. Катись к черту, Имоджен! Не желаю с тобой общаться, пока ты не скажешь, что поддерживаешь меня в моем решении, что рада, что я лучшая, что ты сможешь спокойно смотреть, как я пересекаю мост в Волшебную страну, и будешь радоваться за меня.

Она вышла вслед за Дженет из дома и закрыла дверь, словно отгораживаясь от меня.

Я поднялась наверх, в свою комнату. Сняла туфли. Забралась в кровать, даже не приняв душ. Накрылась одеялом с головой, чтобы оказаться в темноте и не видеть звездочек, сияющих на потолке. Чтобы остаться в одиночестве, спрятавшись от всего мира.

Глава 29

— Ну-ка, вставай. Вылезай из-за стола. Пойдем. — На пороге стояла Ариэль, протягивая мне куртку.

— Куда это ты меня тащишь?

— На свежий воздух. На Ярмарку. В этот занюханный бар «Там», если возникнет желание выпить. Мне все равно, лишь бы куда-нибудь, где мне не придется чувствовать себя нейтральным государством в разгар военных действий. Ну же, пойдем. Давай!

С таким трудом налаженные отношения с Марин были безнадежно испорчены. Она теперь убеждена, что я всегда ей завидовала и не успокоюсь, пока не украду все ее шансы на успех. Она ни за что не поверит, даже если я скажу ей, что пытаюсь спасти ей жизнь. Да и как она может поверить, если моей наградой станет именно то, чего она так боится?!

К тому же, я все еще не была уверена, что мне удастся ее спасти. Магия фейри, или их суперквалифицированные пиарщики, или кто там еще следил за тем, чтобы отзывы о «Мелете» в прессе

были исключительно благоприятными, очень умело завуалировали информацию о том, что произошло сорок девять лет назад, когда чары, скрепляющие договор между фейри и людьми, были разрушены. Мне удалось найти лишь отрывочные сведения о печальных последствиях тех событий, но только не описания того, что здесь на самом деле произошло.

— Ладно, ты права. Свежий воздух не помешает. И твоя компания, конечно.

И безумный блеск и суета Ярмарки. Я надела сапоги и накинула куртку.

Небо позднего весеннего вечера было сиреневато-голубым. И было уже так тепло, что можно было обойтись и без куртки. Зеленеющие деревья были словно черными точками испещрены сидящими на их ветвях птицами.

— Не могу на них спокойно смотреть, не гадая, действительно ли это птицы, или маскирующиеся под них фейри, — прошептала Ариэль.

— Думаю, теперь у них нет причин наблюдать за нами, — заметила я. — Известно, кого они забирают к себе.

Все вокруг дышало весной — жирная плодородная земля, молодая зеленая трава.

— Если только ты не умудришься украсть ее у

них! — Ариэль искоса взглянула на меня. — Ты все еще хочешь это сделать?

— Если смогу что-нибудь придумать до первого мая, — ответила я. Птицы как по команде снялись с деревьев и полетели впереди нас. — И даже, если не смогу.

— А ты когда-нибудь пыталась думать об этом в таком ключе: черт, мы ведь разлучаемся всего лишь на семь лет, и рядом с ней будет ее парень, который о ней позаботится?

— Все время об этом думаю.

Ариэль остановилась.

— Правда?

— Марин ужасно злится на меня. И я понятия не имею, как можно предотвратить ее переход в мир фейри. Поэтому мне не дает покоя мысль, что может, я зря рискую испортить наши отношения навсегда, лишиться будущего, если все равно ничего не получится. Но я просто обязана попробовать это сделать, Ариэль! Ведь Марин все, что у меня есть.

Она обняла меня за плечи.

— Я знаю.

Перед нами раскинулась Ярмарка — веселый хаос, сверкающий яркими красками. Но на сей раз у меня не было ключа к его полной чудес

сокровищнице. Сама Ярмарка, ее участники отторгали меня, не желали моего там присутствия.

Мы медленно шли мимо лавочек, торгующих всякой всячиной. Небо было еще достаточно светлым, чтобы свет китайских фонариков, развешенных на деревьях, казался бледным на его фоне. На меня нарочито никто не обращал внимания. Меня как бы случайно толкали, наступали мне на ноги, старательно делая вид, что в упор меня не видят. Значит, фейри знали о моих планах! Каким-то образом они проведали, что я попытаюсь помешать им забрать к себе Марин, нарушить договор, и если они и не могли открыто выступить против меня, никто не мешал им сделать мою жизнь невыносимой.

Мне больше не предлагали подарков, не угощали ни вкусной едой, ни напитками. Все поворачивались ко мне спиной и делали вид, что не видят меня, не слышат, то и дело толкали локтями, подставляли подножки, заставляя спотыкаться. И чем дольше мы там были, тем сильнее проявлялась их неприязнь.

— Все это странно, не находишь? — спросила Ариэль, когда кто-то толкнул меня так сильно, что я расплескала свой шоколадный коктейль.

— Да уж. Думаю, мне лучше уйти.

— Не обидишься, если я останусь? Одна из моих подружек будет петь. Хочу послушать.

— Конечно! Не заблужусь же я по дороге домой. И может, для тебя будет лучше, если я уйду.

Приподняв подол блузки, чтобы испачканная шоколадом ткань не соприкасалась с телом, я пошла к выходу сквозь толпу, мимо ларьков. И все это время затылок ломило от пристальных взглядов, кожу словно прошивали электрические искры.

Одни и те же странные глаза, одни и те же киоски, одни и те же люди попадались мне снова и снова, хотя я уже несколько раз мимо них проходила. Я отчетливо видела выход с Ярмарки. Видела, но никак не могла к нему приблизиться. И было непонятно, то ли дорожка под моими ногами меняет направление, то ли ноги несут не туда. В любом случае, я чувствовала, что угодила в ловушку.

Потерялась в море лиц, которые становились все более хищными, все менее человеческими.

Я присела на корточки и закрыла лицо руками.

— Имоджен?

Голос Эвана. Невероятно!

— Что случилось?

— Они со мной играют. Совсем заморочили мне голову, и я не могу отсюда выйти! — Я встала, и он взглянул на мою залитую коктейлем блузку, увидел, как я измучена и расстроена.

— Ты собираешься разрушить заклятие дани.

Я кивнула. Он протянул мне руку.

— Мне они не смогут помешать. Я могу проводить тебя. Доставить домой в целости и сохранности.

Такая знакомая рука! Теплая, шершавая, мозолистая. Эта рука могла бы дать мне покой и утешение, если бы не то, что случилось тогда на вернисаже. Тем не менее, я опиралась на нее, когда мы шли сквозь огни Ярмарки, которые теперь ярко светили на фоне непроглядно чернеющего неба.

— Ну как, лучше? — спросил он, и мне действительно стало спокойнее. Голова больше не гудела, и кожу не щипало так, словно по ней ползали тысячи муравьев.

— Спасибо, — тихо сказала я, отнимая руку.

— Когда придешь домой, советую порыться в библиотеке.

— А что мне там искать?

— Сказки.

— Серьезно? — Я даже остановилась от удивле-

ния. — Эван, ты же знаешь, я кое-что понимаю в сказках.

— Те, которые в большей степени основаны на реальных событиях, чем сказки братьев Гримм.

— Почему ты мне помогаешь?

— Потому что сейчас в мире фейри перед моими глазами стоит вовсе не Тания. Я больше не тоскую по ней. Я все время вижу тебя. И страдаю из-за той боли, что причинил тебе, испытываю чувство вины. И сожаление. Потому что хочу загладить вину перед тобой, или, по крайней мере, убедить тебя, что я лучше, чем тот, кем оказался тогда.

В первый раз с тех пор, как он начал проявлять признаки раскаяния, я ему действительно поверила.

— Хорошо, — кивнула я. — Я поищу эти сказки.

И я пошла в библиотеку, даже не переодевшись в сухое. Мне не пришлось искать. Все эти книжки лежали отдельной стопкой там, куда их положила Ариэль, когда пыталась обнаружить истории, в которых кто-то мог писать о фейри и договоре между *ними* и людьми, пусть иносказательно, намеками, не открывая тайн непосвященным.

Я принялась перебирать их, просматривая названия. Содержание многих я могла бы пересказать, даже не заглядывая под обложку. Однако

знание сказок никак не помогало мне раньше, и сейчас, возможно, от этого не будет никакого толку. Впрочем, возможно, Ариэль права. Не Эван, а именно Ариэль, и может, кто-нибудь действительно пытался между строк рассказать о том, что случилось, когда в последний раз были разрушены чары договора.

Несмотря на поздний час, я сделала себе кофе и, поднявшись в свою комнату, принялась за работу.

— А ведь ты была права, — сказала я Ариэль за завтраком на следующее утро.

— Я всегда права, — весело улыбнулась она. — А о чем речь?

— О том, что люди непременно попытаются рассказать о происходивших здесь событиях. Соседка той женщины, которой в прошлый раз удалось разорвать договор — похоже, та была беременна, и ей вовсе не нравилось, что фейри хотят украсть отца ее ребенка, — написала книгу.

— И ты обнаружила эту книгу у нас в библиотеке?

— Нет, но я скачала электронную версию книги Эллен Шерман, которая называется «Семь лет, которых не будет»! Она полна символов и мудреных метафор, поэтому картина у меня еще

не сложилась полностью, но все же там достаточно намеков, чтобы связать все описанное с тем, что произошло в «Мелете» много лет назад. Мне теперь ясно, о чем именно она пыталась рассказать.

— А там говорится, как разрушить заклятие?

— Единственное, что мне удалось выяснить, это то, что необходимо удержать Марин и не дать ей пересечь мост. Это мне уже известно со слов Томаса и Бет, но приятно получить подтверждение своим догадкам. Но потом она рассказывает о неведомой земле, которая чахнет и чуть ли не погибает. Магия уходит из того мира, а в другом мире, который является лишь его тенью, постепенно угасают культура и искусство. На волшебный мир обрушиваются всевозможные напасти, пока не находится кто-то, кто готов принести себя в жертву, чтобы восстановить равновесие между мирами.

— Черт тебя побери, Имоджен! За такие штучки я бы не только шоколад тебе на рубашку расплескала.

— Спустя два года после того, как соседка по комнате Эллен Шерман спасла своего возлюбленного, исчез его наставник. Прямо отсюда, из «Мелеты». Его так никогда и не нашли.

Ариэль поежилась.

— Ты думаешь, он добровольно перешел в их мир… Или?..

— Понятия не имею.

— Скажи, а ты не изменила решения, после того, что прочитала? Я имею в виду, что может произойти куча весьма неприятных вещей.

— Нет, — отрезала я. — Ведь речь идет о Марин!

Это одно из моих самых ранних воспоминаний, но оно сохранилось в памяти, словно это было вчера. Тем вечером я заблудилась, а Марин спасла меня. Я знаю, что должно было быть наоборот. Ведь это я была старшей сестрой — мне было уже семь, а Марин пять, — поэтому именно я должна была вести себя ответственно, я должна была спасти сестру.

Но в тот вечер я удрала с праздника в кругу родственников, потому что невыносимо было слышать грубые шуточки подвыпивших дядей, визг двоюродных сестер и братьев, с которыми я встречалась слишком редко, чтобы подружиться. Мне всегда было неуютно в малознакомой компании. В присутствии множества незнакомых людей я чувствовала себя такой незначительной и нелепой, словно все мои недостатки и странно-

сти вылезали наружу и сразу становились видны окружающим.

Я не хотела играть в бейсбол или другие игры, в которые обычно заставляют играть детей, слишком маленьких, чтобы пьянствовать за общим столом и перемывать друг другу кости. Мне хотелось читать. Поэтому я взяла книгу и пошла в парк, чтобы побыть в тишине, не слышать громких голосов людей, в компании которых мне было не слишком приятно находиться. Отойдя на достаточное расстояние, я села под деревом и углубилась в чтение.

Я читала несколько часов подряд, радуясь, что меня никто не тревожит, пока солнце не село, и я уже не могла разобрать слов на странице, даже если подносила книгу так близко к лицу, что чувствовался горьковатый запах типографской краски.

Даже когда совсем стемнело, до меня не дошло, что я заблудилась. Я не знала, сумею ли найти обратный путь в ту часть парка, из которой пришла. Но пока не пыталась, то и не паниковала. Был теплый летний вечер, я немного проголодалась, но мне было не впервой оставаться без еды за мою любовь к книгам. Кому как не мне было знать, что за нарушением правил следует

наказание!

Но луна светила так ярко, и мне было так уютно, что было не до правил. Я погрузилась в книгу, представляя себе сцены из нее, пока они едва ли не становились живыми и реальными, и я видела себя участницей тех событий, о которых читала. Поэтому я не спешила уходить и сидела, прижавшись спиной к жесткой древесной коре и любуясь неоновым мерцанием светлячков, как вдруг услышала голос Марин.

— Имоджен! Тебе надо срочно вернуться. Мама говорит, что ты потерялась, и она страшно зла на тебя.

Ее голос вернул меня к действительности, и я осознала, как много времени прошло с моего ухода. По коже побежал холодок, желудок наполнился желчью при мысли о том, насколько разгневанной, видимо, была мать. Наверное, она вне себя от злости. От этих мыслей у меня закружилась голова, и я чуть не упала, поднимаясь на ноги.

— Ты знаешь дорогу назад?

— Это совсем недалеко. Пойдем скорее. Когда она поймет, что ты нашлась, все будет в порядке.

Я была тогда еще слишком маленькой и наивной, чтобы верить в то, что так и будет. Что я

могу исправить любую совершенную ошибку, и все будет в порядке. Можно повернуть события вспять, волшебным образом предотвратив свою оплошность. Я заблудилась, но если я вернусь, все будет хорошо. Я же ничего плохого не сделала.

— Ладно, идем, — сказала я и последовала за сестрой.

Но все обернулось совсем не так, как я себе представляла.

Говоря, что Марин спасла меня, я имею в виду вовсе не то, что она вывела меня из темноты ночного парка.

Мамаша схватила меня и трясла так сильно, что потом, переодеваясь на ночь, я увидела на руках синяки. По пять на каждой руке. Следы ее пальцев. Книгу мою она выбросила через забор в лес, и она потерялась.

Тряся меня, она истошно орала, что я истеричка, и всегда такой была, что я спряталась, чтобы привлечь внимание к своей особе, что я эгоистичная избалованная девчонка и веду себя самым неподобающим образом. Своим поведением я испортила ей праздник, и она не собирается этого терпеть. Если я не умею вести себя прилично, то заслуживаю наказания. Это все ради моего же собственного блага.

Она изо всех сил отхлестала меня по лицу. Нижняя губа поранилась о зубы, рот наполнился кровью. Я проглотила ее, пытаясь не захлебнуться. К тому времени я уже научилась сдерживать слезы, опасаясь еще худшего наказания за них.

Но когда она снова подняла руку, чтобы отвесить мне пощечину, Марин закричала:

— Это я во всем виновата!

Рука матери застыла в воздухе.

— Мне захотелось поиграть в прятки, и была моя очередь искать Имоджен. Просто я не смогла ее найти, и она продолжала прятаться! Так что это я виновата.

Этих слов оказалось достаточно. Марин с ее золотыми волосами и голубыми глазами была такой хорошенькой, что на нее все обращали внимание. Всеобщее восхищение, которое она неизменно вызывала, мать легко переводила на себя. Все расточали ей похвалы за такого прелестного ребенка. Она никогда не посмела бы поднять руку на Марин и испортить ее потрясающую красоту.

После слов сестры она прекратила избивать меня и заперла в трейлере вместе с садовыми стульями и остатками успевшего прокиснуть картофельного салата. Конечно же, это я была

во всем виновата, и она правильно сделала, что ругала и била меня. Это я должна была раньше обо всем рассказать, да и нельзя было позволять Марин играть в прятки в темноте. Но я уже привыкла к тому, что меня всегда обвиняли во всех грехах.

Когда мы молча шли домой по темному парку, Марин все время держала меня за руку. Очень крепко, чтобы я чувствовала, что она рядом.

Тогда она спасла меня в первый раз. Марин была единственной, кто удерживал меня от полного отчаяния все первые шестнадцать лет моей жизни, все те годы, что я прожила в доме матери, которая превращала мою жизнь в ад. Марин была моим спасением. И так было всегда.

Поэтому я приложу все силы, чтобы спасти ее, даже если она будет ненавидеть меня за это.

Глава 30

Следующим вечером я бежала, словно пытаясь догнать заходящее солнце, в сторону моста, ведущего в мир фейри. Того самого моста, который предстоит пересечь Марин, и где мне придется совершить отчаянную попытку сбросить ее с коня. Иначе она исчезнет там навсегда.

— Наверное, не все так просто, — предостерегла меня Бет. — Ты же знаешь их возможности.

Кому, как не мне, было это знать.

Солнце опускалось все ниже, и от деревьев ко мне жадно потянулись тени, готовые, казалось, вцепиться в меня.

Я почти чувствовала холодные руки, пробирающиеся под кожу, рвущие меня изнутри, тянущие в разные стороны. Я прибавила скорости и побежала прочь от моста, от реки, от вездесущих фейри. Я убегала все дальше, но мне не становилось лучше. Меня охватил ледяной ужас. По-прежнему казалось, что меня разрывают изнутри, и какая-то чужая сила заставляет мои ноги спотыкаться, а сердце сбиваться с ритма.

Скорее, скорее выбраться из теней, увидеть

отсвет заходящего солнца. Освободиться от тянущих крючков под кожей, от невидимых рук, толкающих меня в неизвестность.

Я так и бежала, пока не добралась до дома. Ветер осушил мои слезы, и теперь щеки покрывали кристаллики соли. Я встала под душ, включив сначала почти кипяток. А потом долго стояла под струями едва теплой воды, пока не перестала трястись и не почувствовала, что согрелась, и чувство опасности улеглось.

Заклятие, стоящее на страже договора между фейри и людьми, жестоко пресекало любые попытки его разрушить. Но меня это не останавливало. Мне не нужна была их милость. Мне нужна моя сестра.

Я поерзала на мягком диване в комнате Бет, теребя пальцами бахрому шали, небрежно брошенной на подлокотник. Меня одолела такая усталость, что я никак не могла сосредоточиться. Мучительное беспокойство захлестывало меня, и, казалось, по нервам, как по проводам, бежит электрический ток.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Бет, подняв брови, что говорило о том, что она уже знает ответ.

— Просто слишком много мыслей в голове. —

Уже середина апреля. Осталось всего семнадцать дней.

— Хотите еще что-нибудь обсудить? — спросила Бет.

— Да, конечно. Я вам передам копию текста своей книги, где-то ближе к дате церемонии перехода. И если я… Если обстоятельства сложатся не в мою пользу, могу я надеяться, что вы ее прочтете?

Я наблюдала за сменой выражений ее лица. Наконец, она улыбнулась и спросила:

— Так вы не собираетесь просить, чтобы я написала рецензию, или передала ее своему агенту?

Я улыбнулась ей в ответ.

— Книга сама по себе хороша. Так что вы в любом случае это сделаете.

Время шло, и вмешательство фейри в мою жизнь проявлялось все сильнее. Я постоянно чувствовала, что за мной наблюдают, что меня преследуют, как загнанного зверя. Я слышала звук шагов, эхом отдающихся в такт моим. Я слышала их даже когда не двигалась. Пробежки стали опасными. На пути возникали бугры и ямы, и я подворачивала лодыжку или падала. На тропинку внезапно выползали угрожающе шипящие змеи.

Под простынями обнаруживались камешки, молоко сворачивалось, когда я добавляла его в кофе. Тысяча изощренных мелких пакостей! У нас с фейри были противоположные цели, и я не удивлялась, что они стремились досадить мне.

Я не могла писать. Но вовсе не из-за отсутствия вдохновения. Файлы исчезали из компьютера, но таинственным образом появлялись через несколько дней, только с измененными именами героев и искаженным сюжетом. Исписанные тетради пропадали из ящиков письменного стола и обнаруживались в духовке или на библиотечных полках, а порой даже валялись на крыльце, и ветер трепал их страницы.

В ручках пересыхали чернила, аккумулятор ноутбука отказывался заряжаться.

Работа над книгой остановилась.

Первое время было легко не принимать все эти неприятности всерьез, убеждать себя, что ничего такого не происходило бы, если бы фейри, или магия, обеспечивающая исполнение договора, не воспринимали меня как угрозу. Но несчастья шли по нарастающей! Ночами я просыпалась от внезапных толчков, все тело болело от синяков и царапин, полученных при очередном падении во время пробежки. Однажды, упав, я содрала

кожу на ладонях, после чего любые попытки писать оборачивались сущим мучением. Я была истощена до предела. Оставалось меньше двух недель до первого мая, ночи, когда должен был совершиться ритуал *перехода*, и я не представляла, как пережить их.

Марин все еще злилась на меня. Отказывалась со мной разговаривать, выходила из комнаты, когда я появлялась. Если бы у Гэвина был свой дом в «Мелете», уверена, она переселилась бы туда, но у него не было своего жилья здесь, к тому же он теперь все больше времени проводил в Волшебной стране. Возможно, из-за этого она сердилась на меня еще сильнее.

Я пробежала мимо студий, завернула за угол и наткнулась на Эвана. Пытаясь увернуться, я потеряла равновесие и упала. Поднимаясь на ноги, я стряхнула гравий с ног и горящих ладоней, подозревая, что в его лице фейри посылают мне еще одно мучительное испытание.

— Имоджен, с тобой все в порядке?

— Все нормально, — буркнула я, потирая лодыжки, размазывая по ним следы крови.

— Выглядишь просто ужасно. Как будто тебя избили. Как будто ты не спала несколько ночей подряд. Пойдем ко мне, в студии есть аптечка

первой помощи. Пусть этого и недостаточно, но хоть как-то смогу тебе помочь. — Он обнял меня за талию, принимая на себя мой вес, и после пары неуверенных шагов я позволила ему довести меня до студии.

Он открыл дверь.

— Должен тебе сказать, что сюда они пройти не могут. В смысле, фейри. Так решил Гэвин, давая мне разрешение навещать наш мир время от времени. Студия для того и предназначена, чтобы я мог получить от них передышку. У меня есть запасной ключ.

Он пошарил в ящике письменного стола, нашел ключ и положил его на эскизы своей новой скульптуры.

— Если хочешь, можешь его взять. Приходи сюда в любое время.

Я кивнула.

— К тому же, есть некоторые хитрости, которые помогут тебе от них защититься. Они не могут пересечь порог, если на нем лежит веточка рябины. Здесь рябин нет, но ты можешь заказать. Если надеть кофту наизнанку, они должны будут принять истинный облик, чтобы увидеть тебя. И еще. Проточная вода смоет любые чары, которые были на тебя наложены.

— Откуда ты все это знаешь?

— От Гэвина, конечно. Некоторые фейри считали, что меня не следует выпускать из Волшебной страны, даже несмотря на то, что моя жизнь среди них может принести им вред. Они, без сомнения, попытались бы вернуть меня, или подвергали мучениям, когда я здесь. Поэтому Гэвин подсказал мне способы защиты.

Возможно, именно поэтому Гэвин лишился права защищать Марин. Я попыталась выбросить эту мысль из головы. Может, это и так, но мне сейчас следует думать о другом.

— Тебе надо подумать о том, как защитить себя, Имоджен. Ведь дальше будет еще хуже. — Он забрал бинты из моих дрожащих рук и перевязал мне израненные ладони.

— И еще. Ты должна знать, что она будет сопротивляться.

— Марин и так ужасно зла на меня. — Я сжала кулаки, проверяя бинты.

— Нет, я имею в виду, что она будет ожесточенно драться с тобой в день перехода. — Он прислонился к своему рабочему столу. — Я бы не стал просить кого-то пытаться прервать ритуал перехода ради меня, поэтому не представляю, какие именно изменения это может повлечь.

Однако я помню, что по мере приближения этого дня я вовсе не был уверен в правильности своего решения.

Он помолчал немного, вспоминая.

— В тот год весна была прекрасна как никогда. Природа расцвела очень рано, было удивительно тепло, и все вокруг зеленело. Я работал над новой скульптурой и очень гордился своими достижениями, начал уже менять свой стиль и, наконец, почувствовал, что то, чем я занимаюсь, действительно мне по душе. Ты меня понимаешь?

Конечно, я его понимала.

— Это как обретение собственного голоса.

— Совершенно верно. Я, конечно, тосковал по Тании, но начинал думать, что согласиться жить семь лет в Волшебной стране в знак скорби по ней — не самая лучшая идея. К тому же, — произнес он, улыбнувшись, — мне казалось, что и сам по себе я достаточно талантлив, чтобы добиться успеха своими силами. И мне все сильнее хотелось проверить, на что я сам способен. Без их помощи.

Но когда я проснулся в тот день, меня охватило такое неудержимое желание оправиться в Волшебную страну, какого я не испытывал никогда в жизни, и оно лишь росло с приближением

вечера. К тому времени, как должен был начаться ритуал перехода, я уже был почти ослеплен неодолимым стремлением попасть туда.

То есть, как ты понимаешь, я хочу сказать, что может она и зла на тебя сейчас, но в этот день все будет в сто раз хуже. И даже если она вдруг изменит решение и попросит тебя о помощи, не стоит рассчитывать, что она будет тебе помогать тебе. Заклятие, скрепляющее договор, сопротивляется любым попыткам его разрушить.

— Она не попросит, — грустно сказала я. — Ей отвратительна сама эта идея. Она ненавидит меня за то, что я собираюсь это сделать. Но Гэвин… — Я сделала глубокий вдох, и с силой выдавила из себя слова:

— Гэвин считает, что Марин может умереть, если окажется там.

Облегчение от того, что мне, наконец, удалось рассказать кому-то об этом, было настолько сильным, что меня бросало то в жар, то в холод, как в лихорадке, все мое тело дрожало от напряжения.

— Он боится, что она этого не переживет, и просил меня помешать ее переходу, потому что сам не может этого сделать. И я испытываю ужас при мысли о том, что тоже не сумею ее остановить, и она уйдет навсегда. Я ее потеряю, ведь она сгинет

там, и последнее, что останется в ее памяти — это то, что я ее подвела.

Он нежно коснулся рукой моего плеча.

— А я еще удивлялся, почему ты так отчаянно пытаешься это сделать. Мне так жаль, Имоджен.

— Спасибо, — прошептала я. — Мне тоже.

Ненужные, пустые слова. Избитые фразы. Нам кажется, они могут нас утешить, но на поверку оказывается, что они мелки, невыразительны, весь их смысл теряется. Они слишком поверхностны, и не могут передать всей глубины эмоций, которые мы испытываем. Мы все это понимаем, и все равно каждый раз их произносим.

— И еще — хотя это и не имеет отношения к тому, что мы тут обсуждаем, но раз уж ты здесь, у меня есть кое-что для тебя. — В его голосе и движениях появилась неуверенность. Он снова открыл ящик стола и достал оттуда ожерелье. Это был лист эльфийского клена, висевший на цепочке. — Я это сам сделал. Еще раньше. Но сейчас хочу подарить тебе. Так что, он твой, если, конечно, ты захочешь принять его.

События прошлого всегда преследуют нас. Но воспоминания не всегда вызывают отторжение, принося с собой сладкие воспоминания с привкусом горечи.

— Он прекрасен, — сказала я. — С радостью его возьму. — Я протянула руку, и он опустил кулон мне на ладонь.

— И помни, что я сказал тебе, Имоджен. Можешь пользоваться ключом, когда хочешь. Приходи сюда почаще. И будь осторожна. Если я могу тебе хоть чем-то помочь, можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, — сказала я. И снова пустые, незначительные слова.

Я вывернула кофту наизнанку перед тем, как пойти домой, и впервые за три недели у меня не было чувства, что за мной наблюдают. Напряжение постепенно уходило, и я расправила плечи.

После обеда пришла посылка — коробка, полная веточек рябины с тонкими зелеными листочками и оранжево-красными ягодами. Я повесила их на окно и положила на порог, а потом обессиленно упала на кровать и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Глава 31

Пару дней я считала, что мне необыкновенно повезло, и совет, который дал мне Эван, этакая серебряная пуля против всякой нечисти.

Но не тут-то было! Стоило мне оставить окна на ночь открытыми, я проснулась, поеживаясь от холода в промокшей насквозь постели. Казалось, в комнате пронеслась гроза, и оранжевые гроздья рябины плавали в лужах на полу.

Не стоило забывать, что у меня есть сестра, которая жаждет отправиться жить среди фейри так же сильно, как я хочу избавить ее от этого. Наверное, это она убрала веточки рябины отовсюду, где я их развесила, и дом оказался беззащитен перед происками фейри. Я видела сны, в которых она умирала в Волшебной стране. Я тоже была там, и видела, как она угасает… До самого рассвета я не могла избавиться от наваждения.

После этих кошмаров даже холодное серое небо стало утешением. Все еще дрожа от ночного ужаса, я набросила свой потрепанный халат, расшитый розами, с бахромой, свисающей по подолу и рукавам, и отправилась вниз, в кухню.

Там я тщетно пыталась заварить себе кофе, но сливки, которые я в него налила, тут же прокисли. В конце концов, я в отчаянии села за стол и спрятала лицо в ладонях.

— Как дела? — сочувственно спросила Ариэль, наливая себе кофе. — Или лучше не спрашивать?

— Мы с *ними* все в том же состоянии вооруженного перемирия, — ответила я. — Советую быть поосторожнее со сливками — фейри опять их испортили.

— Вот почему теперь я предпочитаю черный кофе. У тебя есть минутка, чтобы кое-что обсудить?

— Конечно.

Она стояла, прислонившись к столешнице.

— Я получила предложение от продюсера. Синтии Дикинсон. Она хочет поставить мой мюзикл про Томаса Рифмача, но в экспериментальном иммерсивном театре.

— Это там, где предусмотрено взаимодействие со зрителями во время спектакля? Типа, той постановки «Макбета», когда действие разворачивалось на нескольких этажах гостиницы?

— Точно! У нее к тому же есть пара гениальных идей, как выстроить спектакль. Например, Правдивый Томас может предсказывать зрителям

будущее, а потом, в зависимости от этих предсказаний, их будут направлять на разные площадки, на которых разворачивается мюзикл. Ничего не скажешь, довольно крутой подход. К предложению она даже приложила макет декораций. Погоди-ка, у меня есть фотки в телефоне!

На фотографиях театральные подмостки выглядели как искусно сделанный кукольный домик, проработанный до мельчайших деталей.

— Это очень круто, Ариэль!

— Правда? У меня прямо мороз по коже, когда я на них смотрю. Эта дама действительно понимает, чего я хочу от спектакля.

— И это даст тебе то самое взаимодействие со зрителями, о котором ты мечтаешь, — добавила я.

Она кивнула.

— Здорово! Мои поздравления! Надо это отметить.

— Спасибо. Но все дело в том, что я вовсе не уверена, что хочу этим заниматься. — Она сунула телефон в карман.

— Но почему?

— Потому что не знаю, захочется ли мне вспоминать об этом месте, после того, как мы уедем отсюда. Я написала этот мюзикл назло фейри.

Типа, как своего рода пожелание им пойти в задницу. Но теперь, после смерти Елены, и в ожидании ухода Марин, я чувствую, что нас всех поимели по полной программе.

— Марин никуда не пойдет, — твердо сказала я.

Голос ее смягчился.

— Извини. Ты права. Конечно, мы этого не допустим. Но речь не только о вас. Мне неприятно все, что связано с этим местом. С фейри. Поэтому не могу сказать, захочу ли я продолжать копаться в этом дерьме, или лучше развернуться и уйти, навсегда покончив со всем этим. Потому что, если честно, Имоджен, я очень боюсь, что из всех нас я окажусь единственной, кто покинет этот дом в июне. Я знаю, у тебя наверняка есть план, но ваши силы неравны, и у тебя мало шансов на победу.

— Я не могу себе позволить взвешивать шансы. Понимаю, что ты хочешь сказать, но если я начну сомневаться, ничего не получится. Останется только забиться в уголок и умереть. И потом, Ариэль, ведь что бы ни случилось, никому не удастся вот так просто уйти и обо всем забыть. Стереть из памяти этот год, это место. То, что мы пережили здесь, всегда будет влиять на все, что мы делаем.

И даже если мы решим покончить с творчеством и заняться, например, юриспруденцией или продажей недвижимости, от прошлого не удастся убежать, и воспоминания о том, что происходило с нами здесь, никогда не оставят нас в покое.

— Верно. Как кладбищенские привидения, — сказала она.

— Ну да, похоже не то, — согласилась я. — Вся жизнь как дом с привидениями! А знаешь, я так хорошо помню, как в первый раз услышала твое пение, — сказала я.

— На Ночной ярмарке, — она улыбнулась. — Отличное было шоу!

— Согласна. Но я не об этом. Я вспоминаю наш первый день здесь. Ты пела арию из оперы Пуччини на крыльце, и это навсегда останется в моей памяти как один из самых прекрасных моментов моей жизни.

Ариэль покачала головой.

— Господи, какими же наивными мы тогда были. Я тогда думала, что это место просто рай для творчества.

Я рассмеялась.

— И я тоже. Все казалось просто волшебным!

— Какими же мы были идиотками, — вздохнула Ариэль.

— Но в том, что касается волшебства, мы все же были недалеки от истины.

— Ага, точно! Давай выпьем за тех нас, какими мы тогда были. Настоящих призраков прошлого, — предложила Ариэль. — И пусть наши неупокоенные призраки преследуют фейри целую вечность!

Это был последний вечер апреля. Завтра наступит май и день, на который назначена церемония перехода. Я распахнула все окна в своей комнате и впустила свежий воздух, глубоко вдохнув весенние запахи. Ароматы влажной зелени и зацветающего жасмина пронизывали воздух, словно священные благовония.

Телефон пискнул, сообщая о новом письме в почте. Письмо было от Бет.

Она писала, что прочитала файл, который я ей прислала, и впечатлилась настолько, что переслала текст моей книги своему агенту, который теперь жаждет со мной пообщаться при первой же удобной для меня возможности.

Сердце затрепетало в груди, и я почувствовала, что губы растягиваются в широкой улыбке. Не веря глазам своим, я перечитала письмо, но написанное не изменилось.

Бет просила извинения, что сделала это без

моего разрешения, но я знала, что, на самом деле, она просто хотела дать мне понять, что у меня есть выбор. И мне есть, что терять.

Я еще раз перечитала письмо и закрыла почту, не ответив наставнице. В глубине души я жалела, что вообще его прочла. Лучше бы я не знала, что именно могу потерять, ведь речь шла о начале карьеры, которая привела бы меня к исполнению всех моих желаний.

Я выключила компьютер и взяла ручку. У меня возник замысел новой книги, которая будет посвящена тому, что в сказках происходит после того, как герои, преодолев все испытания, начинают «жить долго и счастливо». Мне не терпелось изложить свои мысли на бумаге. Для меня было очень важно сделать это именно сейчас, и я старательно убеждала себя, что эта ночь не отличается от любой другой. Я старалась не думать о том, что через сутки я, возможно, буду далеко отсюда и никогда больше не увижу ни этой комнаты, ни этого письменного стола, и никогда больше не напишу ни строчки.

Мне была невыносима мысль, что я могу оказаться еще дальше от Марин, чем сейчас, когда она была в своей комнате внизу. Все же надо еще раз попытаться поговорить с ней.

Внезапно я услышала стук в переднюю дверь, доносившийся снизу, и осторожно выглянула, чтобы посмотреть, кто навестил нас в столь поздний час.

— Добрый вечер, Марин. Знаю, вы обещали зайти ко мне, когда будете готовы, но мне хочется помочь вам со сборами. — Это была Дженет.

— Марин! — позвала я сестру с лестничной площадки.

— Ваша сестра сегодняшнюю ночь проведет у меня. Думаю, было бы хорошо, если бы рядом с ней сегодня был бы кто-то, кто может по-матерински о ней позаботиться и помочь в подготовке к завтрашнему ритуалу.

— Марин, подожди! — я начала спускаться вниз по лестнице, но ступеньки пришли в движение и поехали под ногами. Я оступилась и упала. Поднимаясь, я увидела, как Марин закидывает сумку на плечо.

— Благодарю вас, Дженет. Я готова.

— Несомненно, дорогая!

И они ушли.

У сказок есть одна особенность: чтобы жить долго и счастливо, необходимо до этого дожить. Счастливую жизнь надо заслужить, и не всем это удается. В одних сказках герой должен сносить

три пары железных башмаков и сменить три железных посоха, чтобы победить зло, в других детишек запекают в пирожках, в третьих исполненные ревности злодеи отрубают героям руки и вырезают сердца.

Но сказки заканчиваются магическими словами «и жили с тех пор долго и счастливо». И мы забываем обо всех мрачных событиях, обо всей боли и немыслимых испытаниях, через которые пришлось пройти героям до счастливого завершения истории. Порой люди говорят, что хотят жить, как в сказке, но на самом деле они хотят лишь той жизни, которая не описана на страницах книги, а начинается после того, как герою удалось удрать от злой колдуньи, которая хотела посадить его на лопату и отправить в печь, после событий, которые случаются, когда часы бьют полночь. Мечтая о сказочной жизни, разве думаем мы о хрустальных башмачках, запятнанных кровью сводной сестры Золушки, или о принце, которого злая мачеха его возлюбленной выталкивает из башни в кусты с колючками, которые выкалывают ему глаза.

В сказке, даже если вам удалось выжить, вы вряд ли не понесете потерь и останетесь целым и невредимым. Серебряные руки могут быть

прекрасны, но все же не могут заменить отрубленные руки из плоти и крови. Орешник может разговаривать с вами голосом вашей матери, но ее полуистлевшие кости покоятся под его корнями. Не всегда мертвые возвращаются к жизни, и не всегда на могилах расцветают розы.

И не каждой принцессе посчастливится выбраться из хрустального гроба.

Обещание счастливой безоблачной жизни в конце сказки — это опускающийся занавес, после которого раздаются аплодисменты. Но нет никакой уверенности, что героев действительно ждет счастье, и, в любом случае, за него всегда приходится платить.

В эту ночь я тщетно пыталась заснуть. Мне нужно было отдохнуть, по мере возможности набраться сил, ведь завтра они мне понадобятся. Быть измученной не входило в мои планы.

Но стоило мне закрыть глаза, как я видела Марин, удаляющуюся от меня верхом на белом коне. Я мысленно открывала дверь в будущее — через три-четыре года после сегодняшних событий — и видела перед собой Гэвина, который с каменным лицом сообщал мне, что моей сестры больше нет. Слышала голос матери, твердящей Марин, что я всегда ей завидовала и не хотела, чтобы она

добилась успеха.

Я вывернула блузку наизнанку и сунула веточку рябины в карман.

Пройдя через кампус, я шла мимо студий. В некоторых до сих пор светились окна, хотя было уже раннее утро. Кто-то играл на виолончели, и мелодия напоминала протяжные рыдания.

Впереди появились домики наставников, в которых горели лишь несколько огоньков. Мне вдруг пришло на ум, что из всех наставников только Бет и Дженет побывали в мире фейри в качестве дани. Я гадала, бодрствуют ли они в ожидании сегодняшнего ритуала перехода, или спокойно спят в уюте и безопасности, радуясь, что срок их служения давно закончился, и они уже никогда не попадут в тот мир надолго. А может, Дженет сидит, беседуя с Марин, и в то же время завидует ей, желая быть на ее месте и торжественно въехать на белом коне в Волшебную страну, мечтая, чтобы ведущие туда двери снова открылись для нее.

Я продолжала свой путь, и теперь шла мимо буйно цветущего розария. Прошла через пустошь, где царили такие тишина и покой, что, казалось, во всей «Мелете» остановились часы, а природа затаила дыхание. Показались берега

реки Морнинг с многочисленными мостами, соединяющими ее берега.

И только один мост не касался другого берега, а прерывался на середине. Я поднялась по нему, дошла до того места, где заканчивалась каменная арка, и мне показалось, что я стою на краю бездонной пропасти.

Я пристально всматривалась в темнеющий лес, туда, где начиналась вотчина фейри. Я стояла там до тех пор, пока не смогла смотреть на другой берег без содрогания, сердце мое не перестало скакать, как бешеный конь, пока дыхание не выровнялось и не перестало напоминать бурлящие под мостом воды.

— Я вам ее не отдам, — выкрикнула я.

И услышала в ответ хохот, который преследовал меня весь обратный путь, и казалось, одновременно раздавался ниоткуда и отовсюду.

Глава 32

Тиканье часов, ведущее обратный отсчет. Время, наш вечный враг и соперник.

Безжалостное время, крадущее изящество и легкость балерины, приносящее следы увядания — свидетельства нашей смертной природы. Время, натягивающее нить любви, связующую двух сестер, пока она не лопнет. Время — барабанный бой, возвещающий начало казни.

Еще один день. Семь лет. Вечность.

Церемония перехода должна была состояться сегодня.

Рассветное солнце раскрасило небо с низкими облаками в цвета ягодного шербета. Птицы звонко щебетали. Деревья красовались в новом зеленом уборе. Все в природе дышало новизной. Красота, которую я видела вокруг, призывала меня остаться, раствориться в ней без остатка. Ведь я могла осуществить свои мечты сама, без чужой помощи. Впереди меня ждала блестящая писательская карьера. Дни, полные прекрасных свершений и славы. И новые рассветы.

Запахло розами, и стены комнаты вдруг покры-

ли сотни разноцветных бабочек — ярко-красных, оранжевых и пронзительно, почти невероятно синих, — превративших комнату в калейдоскоп. Их крылышки то складывались, то раскрывались все одновременно, словно в такт биению какого-то гигантского сердца.

А потом они вдруг сорвались с места — сотни звезд, переливающихся всеми цветами радуги — и улетели в поисках более ярких небес. Я протянула руку…

— Имоджен! — Голос и руки Ариэль резко выдернули меня из небытия. Я словно спустилась с небес на землю.

— Ты чуть не свалилась головой вниз с лестницы. Какого черта!

— Я увидела… — Я тряхнула головой. — Ничего, мне просто кое-что привиделось.

— Это были *они*? Ну, конечно, кто же кроме них? — ответила она на собственный вопрос, озираясь, словно ожидая увидеть фейри, которые вот-вот высунутся из укромных уголков, выползут из теней. Я бы ничуть не удивилась, если бы так и произошло.

— Вот ведь засранцы! У меня такое впечатление, что Гэвин среди них единственный, кто соблюдает правила игры, что, кстати, делает ему

честь.

— Ну, что, когда пойдем и надерем им задницы?

— Так ты пойдешь со мной?

Она усмехнулась, хищно оскалив зубы. Вид у нее при этом был самый бесшабашный.

— Ну, если ты даже по лестнице сама не можешь спуститься без того, чтобы не грохнуться, как я могу тебя оставить одну?

Я крепко обняла ее, словно она тоже была моей сестрой.

— Спасибо!

Никакой дресс-код на вечер не предусматривался, хотя, возможно, я ошибалась, и меня не потрудились уведомить, хотя и прислали приглашение. Впрочем, меня там и не ждали, разве что решили, что я передумала с ними воевать, и буду кричать от восторга и махать вслед, когда Марин проедет верхом по мосту, чтобы расстаться со мной, возможно, навсегда.

Но ведь хозяевами торжества были фейри, а они придавали большое значение внешнему виду. Для них это тоже было своего рода магией. Когда-то они показали, что ценят меня, и я оделась так, чтобы напомнить им об этом. Я выбрала серебристое платье, расшитое бисером и оттого

напоминающее рыцарские доспехи. Накинула черный бархатный плащ, подбитый зеленым, словно весенний лес, шелком. Надела серебряное кольцо в виде розы, которое охватывало палец так, как будто было создано специально для меня.

И серебряное ожерелье с листочком эльфийского клена — дар того, кто служил им.

Я встала на кровать, сняла с потолка одну из звездочек, подаренных мне Марин, и сунула себе в бюстгальтер. Талисман. Напоминание о наших лучших днях.

Затем, подумав, что в хрустальных башмачках далеко не убежишь, я зашнуровала ботинки и спустилась вниз в комнату Ариэль.

Она оглядела меня с головы до ног.

— Что, ж, отличный прикид. Я бы сказала, весьма актуальненько. Готова?

Нет.

— Да.

Но фейри не теряли бдительности.

Выйдя из дома, я словно налетела на плотную стену неприкрытого, дикого желания. Самые разные эмоции раздирали меня. Передо мной разверзлась пропасть, наполненная такой нечеловеческой жаждой обладания, что я упала перед

ней на колени, не в силах идти. Зов фейри, предвкушающих свежую добычу.

— Ну, ладно. Теперь понятно, как это будет. — Ариэль помогла мне подняться на ноги, и я оперлась на нее, словно пьяная.

Я шла, спотыкаясь на каждом шагу, очень медленно и неуклюже. Воздух был насыщен не просто неутолимой жаждой. Ощущения были запредельные. Казалось, частички времени засоряют мне глаза, словно песок. Волосы на затылке встали дыбом, когда я услышала за спиной стук копыт. Близко! Еще ближе! Мне едва удалось побороть нестерпимое желание бежать со всех ног, спрятаться в безопасном месте. Бежать куда угодно, лишь бы прочь отсюда.

Земля и вся вселенная вдруг ушли из-под ног, кожу словно покалывали тысячи льдинок, а я танцевала со странным партнером, чьи глаза были бездонны и черны, и в них отражалась вечность.

Ариэль вдруг отпустила мою руку, и я упала навзничь. Проще и безопаснее навсегда остаться здесь. Ведь Марин сама стремится в мир фейри. Я должна уважать ее выбор и отпустить ее.

Чья-то рука звонко хлестнула меня по лицу. Я моргнула и выругалась.

Передо мной была Ариэль с занесенной для нового удара рукой.

— Имоджен, осторожнее, твою ж мать. Не отпускай мою руку. Ты только что на пару секунд превратилась в зомби. К тому же мы теряем время. Солнце уже почти заходит. Надо торопиться!

— Спасибо!

Я вцепилась в нее и больше не отпускала. Я была в полуобморочном состоянии, ноги мои заплетались, но Ариэль упорно тащила меня вперед. Наконец мы добрели до реки Морнинг и увидели собравшуюся там толпу. Знакомые лица людей вперемежку с лицами, в которых не было ничего человеческого.

— Мне все еще хочется съездить ей по роже, — сказала Ариэль, глядя на Дженет. Та стояла рядом с группой фейри, которые обращали на нее не больше внимания, чем если бы она была деревом.

— Разделяю твое желание, — согласилась я. Как ни странно, когда мы оказались на месте, мне стало легче стоять на ногах, в голове прояснилось, и я уже могла сосредоточиться на главном. Но я была уверена, что это лишь временная передышка.

Другие обитатели «Мелеты» тоже были там — соискатели, принимавшие участие в церемо-

нии отбора. Некоторые до сих пор носили на шее амулеты в виде песочных часов. Может быть, надеялись, что каким-то чудом им представится еще один шанс попасть в мир фейри, до сих пор считая это легким путем к успеху. Поэтому и нацепили серебряные цепочки, которые снова застегивались. Свою я с тех пор ни разу не надевала.

Свет солнца угас, небо потемнело. Стук моего сердца был подобен бою часов. В голове звучала тысяча голосов, приказывающих мне уйти, убеждающих, что меня ждет поражение. Что я погибну, и Марин погибнет вместе со мной. Что ее последняя мысль будет о том, что я ее ненавидела, что хотела забрать все, что по праву принадлежало ей.

— Как ты узнаешь, что пора действовать? — спросила Ариэль.

Ветер внезапно усилился, взбивая холодные воды реки в белую пену.

– *Грозы здесь быстро налетают*, — сказала я, отпуская руку Ариэль, и сжимая в ладони кулон на шее — лист эльфийского клена, прижимая его к коже так сильно, что острые края больно врезались в кожу, проясняя мысли и взгляд.

Как же мне хотелось, чтобы разразилась гроза!

Земля под ногами задрожала от оглушительного стука копыт. Ветер подул еще сильнее, хлеща меня волосами по лицу, срывая листья с деревьев и кружа их в воздухе. Я чувствовала, что меня толкает кто-то невидимый, наносит мне удары, убеждая, что мое присутствие здесь нежелательно.

В моей голове звенел голос матери, требующий, чтобы я немедленно ушла. Чтобы не мешала триумфу Марин из-за своей зависти. Что я не заслуживаю ничего хорошего в этой жизни.

Но, в конце концов, ничего нового она мне не сказала. Я слышала от нее все это и раньше. Настойчивые утверждения, что я ничтожество, что у меня ничего никогда не получится.

Но я ведь уже доказала, что это неправда. Мне удалось совершить все, на что, по ее словам, я была неспособна. Она не смогла выжечь из моего сердца истории, которые я хотела поведать миру. И ничего из того, что она говорила, ко мне не относится, так почему я должна прислушиваться?

Ни она, ни ее слова не имели для меня значения. Для меня была важна только Марин.

Первый конь в процессии был черным, как вороново крыло. На нем ехал Гэвин. Лицо его было суровым и непроницаемым. Это не было лицо

влюбленного, ждущего встречи с возлюбленной, но лицо повелителя, заключившего договор ради блага своей страны. Он держал за поводья второго вороного коня, на котором сидел Эван, прошлая дань, закончившая свое служение.

Голову Эвана украшал серебряный обруч с шипами — непременный атрибут избранного. Наступила мертвая тишина, был слышен лишь шум речной воды. Всадники приблизились к мосту, и кони остановились.

Эван спешился, снял обруч с головы и отдал Гэвину. Срок его служения закончился, и тяжелое бремя больше не тяготило его. Он медленно стал удаляться от коня, от моста, от толпы фейри, подошел ко мне и встал за моей спиной.

Удивленные возгласы и шипение прокатились по толпе. Фейри выпустили когти и клыки, но не это было самым страшным. На меня обрушилась вся сила их магии, хотя ее проявления и были невидимыми. Их зов, их безумная жажда тянули ко мне жадные щупальца. Их неутолимый голод, такой сильный, что мне казалось, что я вот-вот умру. Беспредельное отчаяние, от которого слабели ноги, и сердце готово было остановиться. Наведенные воспоминания, когда я чувствовала, как пламя лижет мою руку. Я крепко сжала кулак,

прикрывая следы ожога пальцами.

Гэвин надел обруч избранного на себя.

Лошади, на которых сидели фейри, пустились вскачь. Это, конечно, был не бешеный галоп, как во время Дикой охоты, но в то же время казалось, что они скачут наперегонки с ветром. Странные кони, в основном гнедые, от темно-бурых, цвета запекшейся крови, до насыщенно-шоколадных и светло-песочных. Сидящие на них фейри были одеты в причудливые одежды из паутины, переплетенной серебряными нитями, бархата, обшитого осенними листьями, кружев, украшенных розами. Глядя на этих фантастических всадников, я испытывала неизъяснимую тоску. Мне хотелось броситься вслед за ними, или под копыта их лошадей.

Я шагнула вперед.

Меня схватила за плечо чья-то рука и резко дернула назад.

— Если пойдешь за ними сейчас, они заберут тебя с собой в свой мир. Дождись Марин. Она будет на белом коне.

Я повернулась, чтобы увидеть, кто не дал мне броситься за всадниками. Это был Эван. На его висках виднелись капельки крови от шипов на обруче избранного.

Марин.

Сердце мое бешено колотилось, но я осталась стоять там, вся в слезах, пока жуткая кавалькада не проскакала мимо нас по мосту и не скрылась из глаз.

А потом…

Мимо проскакал белый конь. Белый, как смерть, белый, как истина, белый, как надежда. На его спине сидела избранная.

Марин.

В белоснежном, как и ее конь, платье, с семью золотыми лентами, вплетенными в волосы, с руками, связанными впереди волшебными огоньками.

Я побежала. Казалось, сама земля вздыбилась, пытаясь остановить меня, и я упала головой вперед. Я цеплялась за траву, вспахивая землю ногами и руками, чтобы прекратить скольжение, а потом со всей силы ударилась о подножие моста.

Я вскочила на ноги, успев ухватиться за поводья белой лошади, которые теперь жгли мне ладони. Пользуясь замешательством, вцепилась в подол белого платья сестры и потянула ее за лодыжку. Она отчаянно сопротивлялась и погоняла коня. И тогда я собрала все свои силы и намертво

вцепилась в нее, чувствуя, как срываются ногти с пальцев, задыхаясь от невыносимой боли, когда копыто лошади опустилось на мою ногу.

Но я крепко держала сестру, словно от этого зависела моя жизнь, и все-таки каким-то невероятным образом умудрилась выдернуть ее из седла.

— Отпусти меня! — она отталкивала меня, колотила руками и ногами, попав локтем по лицу и ударив коленом в живот так, что я чуть не задохнулась.

А потом я увидела, что подо мной уже не Марин, а белый лебедь, отчаянно бьющий крыльями. Я чуть не выпустила его из рук от изумления, глазами ища, куда подевалась сестра.

Но вдруг над всем этим хаосом взмыл звонкий голос Ариэль:

— Имоджен, держись!

Лебедь пытался выклевать мне глаза, лапами оставляя на теле кровавые полосы.

Внезапно лебедь исчез.

Небольшая юркая змея, шипя, чуть не ускользнула в темноту, но я успела удержать ее. Она обвилась вокруг моей руки, глубоко вонзая зубы в запястье. Кровь моя словно вскипела.

Яд бурлил в венах, ноги отнимались, я почти

не чувствовала их. Во рту появился вкус желчи, и меня вырвало на землю зеленой пеной, но змея, в которую превратилась сестра, все еще извивалась в моей руке.

Теперь передо мной был огромный медведь. Он издавал оглушительное рычание, из пасти его разило мертвечиной, он щелкал зубами прямо перед моим лицом. В его глазах была смерть. Медведь обернулся львом, рвущим острыми когтями мое тело под тонкой тканью платья. Но несмотря на боль, я крепко держала тварь, в которую превратилась Марин, пока не почувствовала запах горящей кожи. Лев в моих руках превратился в раскаленный докрасна кусок металла.

Потрескивание горящей кожи, шипение металла, расплавленные капли которого падали с моего платья, как бусины. Жутковатые голоса фейри, их выкрики, одновременно встревоженные и торжествующие.

И вдруг случилось невероятное! Ариэль запела. Удивительно сильный и звонкий голос рок-звезды вдохновенно выводил ту же самую арию, которую я услышала от нее в первую нашу встречу — *«O, mio babbino caro».*

«И если моя любовь обманет меня,

Я пойду на Старый Мост и брошусь в реку…»

Река!

Проточная вода имеет свойство разрушать магию фейри.

Я покатилась по земле, прижимая к себе раскаленный кусок металла. Вниз по берегу и прямиком в быстрые воды реки Морнинг. Я нырнула так глубоко, как только смогла, не думая о том, что могу утонуть. Вода шипела и закипала вокруг нас. Мои легкие горели, и голову пронзила острая, словно нож, боль. Перед глазами вспыхнули белые искры.

Мы опускались все глубже — я и раскаленный добела комок металла, в котором была заключена душа моей сестры, — как вдруг я почувствовала ее ладонь в своей руке. Я ухватилась за нее, как за прибежище в глубине темных вод, и держала очень-очень крепко. В голове была только одна мысль — если смогу продержаться достаточно долго, мы будем спасены.

Мы тонули в небе, полном звезд. Одна из них оторвалась от меня и поплыла вперед и вверх, отражаясь в пузырьках от нашего слабеющего дыхания.

В моих руках был уже не тяжелый кусок раскаленного металла, а моя сестра Марин, легкая как пушинка.

Только бы продержаться.

Меня тянули ко дну намокшие платье и плащ и бесчувственное тело сестры, но я, отчаянно работая ногами, упрямо стремилась вверх. Вынырнув, я дотащила сестру до берега, вытолкнула ее на него, а потом выбралась сама. Стоя на коленях, я прижала голову к ее груди, пытаясь расслышать сердцебиение.

Сердце не билось.

Она была полностью обнажена — одежда разорвалась во время страшных превращений. И холодна. Надо немедленно ее согреть. Я сбросила намокший плащ и завернула ее в черный бархат и зеленый шелк.

Я все время слышала чьи-то рыдания. Наверное, это плакала я сама.

— Черт возьми, Марин, — крикнула я. — Просыпайся!

Тщетно.

Я прижала руки к ее груди, губы к ее рту, пытаясь вдохнуть в нее жизнь.

Она не шевелилась и не дышала.

Слишком долго она не приходила в себя. Я была в отчаянии. В голове снова зазвучал голос. На сей раз это был голос не моей матери, а Дженет. «*Они обещают исполнить все ваши заветные*

желания, но обманут вас, и вы не получите того, что хотели».

Я обняла Марин, положила голову ей на грудь и горько зарыдала, умоляя ее не уходить, умоляя вернуться в этот мир.

— Прости меня, Марин. Пожалуйста! Я так люблю тебя.

Послышался удаляющийся стук копыт, звук разбивающейся на тысячи осколков короны.

Белый конь без седока проскакал по мосту и скрылся в тумане на другом берегу. Половина моста, соединяющая нас с миром фейри, исчезла.

Глаза Марин распахнулись, и все часы пробили полночь.

Глава 33

Вот так начинается счастливая жизнь после завершения сказочной истории.

Вот что происходит после всех испытаний.

Невыносимая боль. Обожженная кожа, свисающая ошметками. Ступня, раздробленная лошадиным копытом, сорванные ногти.

Кто-то забрал у меня руку Марин.

Я почувствовала, как ко мне прикасаются чужие руки. Гэвин. Боль постепенно уходила, она уже не была такой нестерпимой.

— Прости, но шрам все же останется.

Я не стала задавать вопрос, где. Я же знала, что без последствий не обойдется. На руке и так были шрамы — напоминание о прошлых страданиях. И они были не единственными.

Я села. Все тот же берег реки Морнинг. Платье, изорванное в клочья. Разбухшие от воды ботинки. Должно быть, и сама я была похожа на утопленницу.

Гэвин сжимал в объятиях Марин. Он снова выглядел как обычный смертный человек. Он был изможден и подавлен. Никакой короны. Марин,

завернутая в мой промокший плащ, кричала на него, вне себя от гнева. Кусочки мозаики постепенно складывались в моей голове.

— Ты запретил ей мне об этом говорить!

Гэвин отвечал, не теряя самообладания:

— А что, если бы она сказала тебе, и не сумела тебя спасти? Если бы ты отправилась в Волшебную страну, зная, что там тебя ждет гибель? И постоянные мысли об этом привели бы к тому, что это сбылось? Что тогда?

— По крайней мере, я ушла бы туда, зная, что сестра любит меня. Верит в меня.

— Я люблю тебя! — голос его уже не был спокоен.

— Но перед тобой не стоял этот ужасный выбор. — Она ударила его по щеке. Он закрыл глаза и опустил голову, когда она пошла прочь от него.

Марин обняла меня, но, несмотря на то, что даже легкие прикосновения ее рук причиняли мне боль, я не просила ее убрать их.

— Пойдем, — сказала она. — Все закончилось. Пойдем домой.

Я покачала головой, глядя на отчаяние в глазах Гэвина, на капельки крови на висках Эвана, на исцарапанные руки Ариэль.

— Это будет не так просто.

И я не ошиблась.

— Вам надо уходить, — сказал Гэвин. — Бежать из «Мелеты». Всем, причем как можно быстрее. Наверное, Бет тоже следует прихватить с собой. Я ей сам сообщу. Постараюсь отвлекать их как можно дольше, но мы, фейри, как правило, не любим проигрывать. Они не могут причинить тебе вред напрямую…

— Но мы все знаем, что они вытворяли с Имоджен в последний месяц, — сказала Ариэль. — Вы действительно мастера издеваться над людьми, Гэвин. Мы тотчас же уедем.

— Постараюсь вам помочь по мере сил, — пообещал Гэвин, не спуская глаз с Марин.

— До сих пор мы как-то и сами справлялись, — сказала Ариэль.

Мы в полной темноте добрели до дома, не думая об опасности, как будто темнота могла помочь, как будто фейри не могли следить за нами. Но они теперь были ослаблены, лишившись дани, и возможно, это поможет нам. Мы наскоро запихнули вещи, которые могли унести, в дорожные сумки и чемоданы на колесиках.

— Тебе помочь? — спросила Марин нерешительно.

— Не могла бы ты снять с потолка эти звез-

дочки? Хочу забрать их с собой, но мне больно поднимать руки.

Она залезла на кровать и принялась разбирать созвездия.

— Мне чудились эти звездочки, когда мы были под водой.

— Я взяла с собой одну. Хотела, чтобы со мной было что-то, что напоминало бы о тебе.

Увы, звездочка пропала. Наверное, плывет сейчас в водах Морнинг, талисман на исполнение желаний, брошенный в реку.

— Имоджен, мне так жаль!

Я подняла руку, прерывая ее.

— Я знаю. Но мы не можем сейчас это обсуждать. Надо спешить.

— Верно, — сказала она, кивнув. — Просто знай, что я благодарна тебе.

Мы втроем забрались на заднее сиденье такси, которое ждало нас у входа в «Мелету». Мы удалялись от поселка, а над горизонтом уже занималась заря. Бет с Гэвином следовали за ними на другой машине.

— Как в какой-то гребаной сказке, — прокомментировала Ариэль.

Хотите знать, что случается после счастливого завершения сказки?

Такси быстро ехало среди темного леса, как вдруг наши с Марин телефоны зажужжали. На дисплеях высветился один о тот же номер. Я ответила. Выслушала сообщение и нажала отбой.

— Произошла авария.

— Гэвин! — вскрикнула Марин в ужасе.

— Нет. Наша мать.

— Неужели она…

— Она еще жива, но частично парализована. Врачи не уверены, что это навсегда, но есть и другие травмы. Довольно серьезные. Она просит, чтобы мы к ней приехали. Прямо сейчас. Но, Марин, нам вовсе не обязательно этого делать.

Я не была уверена, что смогу это вынести. Я была слишком измотана после страшной ночи, после нервного напряжения последнего месяца, после всех пережитых ужасов, которые, казалось, тянулись целую вечность. И мне нечего было сказать этой женщине.

— Я все же туда поеду, — сказала Марин. — В последний раз. Мне просто нужно это сделать, а потом я порву с ней навсегда.

— Хорошо, — ответила я.

— Имоджен. — Сестра произнесла мое имя так тихо и нерешительно, что я сразу догадалась, о чем она меня попросит. — Умоляю тебя, поедем

со мной. Пожалуйста.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья.

— Как я могу тебе отказать?

— Вам будет легче, если я поеду с вами? — спросила Ариэль. — Могу поменять билеты на самолет.

— Спасибо, — сказала я. — Не стоит. Это наша с ней последняя встреча. Нам надо пройти через это самим.

— Хорошо. Я сообщу Бет и Эвану, когда доберемся.

Всю дорогу в темноте до аэропорта, Марин держала меня за руку.

Больница пахла антисептиками и страхом. У нас слипались глаза, и мы едва держались на ногах. Марин сидела в самолете с закрытыми глазами, но я знала, что она не спала. Я тоже не смогла заснуть. В крови бурлил адреналин, и нервное возбуждение казалось почти невыносимым.

— Это случилось ровно в полночь, — сказала Марин. — Авария.

— Я знаю.

Полночь. Когда заклятие, привязывающее избранного к миру фейри, было окончательно

разрушено. И мое самое заветное желание сбылось.

— Как ты думаешь… Ты ведь помнишь мои слова о том, что я хочу, чтобы мы, наконец, жили в безопасности. Это сделали *они*?

Да, именно так я и думала, но совсем по другим причинам. Фейри свойственно неукоснительно соблюдать обязательства, и они чрезвычайно точны в отношении исполнения желаний победителей, пусть даже и делают это неким извращенным образом. Конечно, они знали о моем самом темном желании, которым я была одержима с детства. Марин хотела для нас безопасной и спокойной жизни, но я всей душой желала иного. И я не хотела, чтобы сестра узнала об этом.

— Она ведь часто выпивала, Марин. Поэтому не вини себя в том, что произошло, ладно?

Она кивнула.

Мы свернули за угол и оказались перед дверями ее палаты. Я посмотрела на Марин.

— Это в последний раз.

— Долго же вы добирались, — сказала мать, когда мы вошли в палату. Я боялась этой встречи, потому что ожидала, что она будет выглядеть как злая мачеха из сказки, или ведьма, запершая Гензеля в клетке. Страшное чудовище из моих

детских кошмаров. Но с покрытым синяками и ссадинами, опухшим лицом, опутанная трубками и окруженная аппаратами, она казалась совсем не страшной. Обычной. Жалкой.

— Не понимаю, почему вы так бездушны. Ведь нет ничего важнее семьи, разве я вас этому не учила? Надеюсь, вы сообщили руководству этого лагеря, что больше туда не вернетесь?

Марин усмехнулась.

— Что я такого смешного сказала? Ведь должен же кто-то обо мне заботиться.

— Может, кто-то и должен, — сказала я. — Только не мы.

— Ах ты, неблагодарная тварь, — прошипела она. Аппаратура тревожно запищала. — Я всегда о вас заботилась.

— Можешь называть это так, если хочешь, — сказала я. — Но теперь все кончено. Мы сыты этой заботой по горло.

— Мы пришли лишь попрощаться. Это единственное, что мы считаем нужным сделать, — сказала Марин. — Больше мы не хотим ни видеть тебя, ни слышать.

— Неблагодарные избалованные мерзавки! Слишком много людей с вами носится. Забыли наверное, что вы обе — полные ничтожества? —

Из уголка ее рта потекла кровь, пузырящаяся пеной, когда она говорила.

— Нет, — ответила я. — Мы знаем, кто мы на самом деле. Прощай. — Мы с Марин повернулись к двери.

— Если вы сейчас уйдете, вы мне больше не дочери!

Марин улыбнулась, но не остановилась.

— Вот и отлично, — сказала я. — Всю жизнь ждала от тебя этих слов. — И я вышла вслед за сестрой из палаты.

И жили потом долго и счастливо…

Я налила чай в кружку с надписью «Придумай свой счастливый конец» и передала ее Бет. Та удивленно приподняла бровь.

Я насмешливо закатила глаза.

— Знаю-знаю. Но это я получила в подарок от своего издателя. Могло быть и хуже. Что-нибудь вроде приторно улыбающейся сказочной принцессы.

— На обложке вашей книги тоже нет никаких пошлых принцесс, и это радует. Кстати, обложка потрясающая. Работа Эвана, не так ли?

Она угадала. Это была черно-белая фотография его металлических деревьев.

— Когда я впервые их увидела, подумала, что

они совершенно сказочные. Приятно, что художественный редактор одобрил этот дизайн.

— Значит, вы с Эваном… — Она не закончила фразу.

— Друзья. Он достиг многого. Очень за него рада.

Бет обошла квартиру и села в потертое кожаное кресло.

— Похоже, у вас все хорошо. Марин живет с вами?

Я села напротив нее на диванчик, стоящий у окна, за которым высились бруклинские небоскребы.

— Да. Об этом мы с ней и мечтали. Найти подходящее местечко и поселиться вместе. Замечательно, когда рядом близкий человек, который полностью тебя понимает.

У нас с сестрой теперь было все, о чем только можно мечтать. Именно о такой жизни мы с ней говорили в детстве, пока ее у нас не отняли. Мы чуть было не потеряли друг друга из-за лжи и манипуляций матери. Но с этим было покончено. Раз и навсегда. Теперь мы снова были вместе.

Когда вышла моя книга, Марин отправилась со мной в приют для животных и заплатила за котенка, которого тут же мне подарила.

— Скажите, ваш оглушительный успех не вызвал напряжения между вами?

— Ну, Марин и сама делает головокружительную карьеру. Ее пригласили ведущей солисткой в Национальный театр балета, и ей там безумно нравится. Похоже, руководство театра и труппа от нее тоже в восторге.

— Насколько я помню, это труппа, где танцует Гэвин.

Я кивнула.

— Знаете, он отрекся от престола.

Она со стуком пустила кружку на столик.

— Неужели со всеми вытекающими из этого последствиями?

Я кивнула.

— Он неизбежно превратится в обычного смертного человека. Вот почему фейри обычно не живут постоянно в нашем мире, или, по крайней мере, не остаются здесь надолго. Вдали от Волшебной страны они начинают забывать о своей природе. И мир фейри их тоже постепенно забывает. Гэвин говорит, что скоро он уже не сможет туда возвращаться. Впрочем, я думаю, что это для него своего рода освобождение. Так ему легче существовать в нашем мире.

— И они с Марин по-прежнему вместе?

— Да. — На самом деле, все было непросто. Он слишком трепетно к ней относился, и я не могла сказать, оттого ли это, что он испытывал чувство вины, что не смог защитить ее от фейри, или пока что был новичком в выражении простых человеческих чувств. Но Марин была счастлива, и мне было этого достаточно.

— Более того, они танцуют вместе. Осенью состоится премьера балета «Сон в летнюю ночь», где они исполняют партии Оберона и Титании.

Бет смеялась так, что у нее слезы выступили из глаз.

— Вот и я так же среагировала, когда она мне об этом сообщила. Я обязательно достану вам билет, пойдем вместе.

— А теперь перейдем к менее приятным вещам, — вздохнула моя бывшая наставница. — Что, эта журналистка, которая уже беседовала с Ариэль, с вами тоже успела связаться?

Все дело в том, что последствия, которые неизбежно влекло за собой разрушение заклятия дани, уже начинали проявляться. Еще не были объявлены имена наставников на следующий год, так как выяснилось, что трое из них слишком загружены, чтобы посвятить почти целый год «Мелете». Паевой инвестиционный фонд, в кото-

рый частично были вложены активы «Мелеты», внезапно разорился, буквально за несколько дней потеряв треть дохода. В прессе стали появляться статьи о скандалах, происходивших в «Мелете», что вызвало множество разговоров о тлетворном влиянии этого места на талантливых людей. Писали и о том, как пагубно сказывается на молодых талантах желание преуспеть любой ценой. Одна из нашумевших статей была написана той самой журналисткой, о которой говорила Бет, Кристин Дженкинс. Она была уверена, что в «Мелете» не все так просто, и за ее гламурным фасадом скрываются некие тайны, до которых она теперь пыталась докопаться, а так как я была среди тех, кто покинул кампус в мае, она считала, что непременно должна побеседовать и со мной.

Я пока с ней не встречалась, но могла это сделать, и фейри это знали. Когда Гэвин снял с меня чары молчания, которые сам же и навел, он сделал так, что на меня уже не действовали обычные запреты в отношении разглашения тайн негласных покровителей «Мелеты», и при желании я могла бы рассказать миру всю правду.

После откровенной беседы с Дженкинс Ариэль испытала такое облегчение, вновь почувствовав себя свободной, что на радостях подписала-та-

ки контракт с продюсером, и теперь увлеченно работала над постановкой своего мюзикла о Томасе-Рифмаче. Однако я не была уверена, что готова к такому разговору.

— Скорее всего, я напишу обо всем, что с нами произошло, — объяснила я Бет. — Но я хочу рассказать эту историю так, как я сама ее вижу, и не собираюсь доверять ее кому-либо еще.

Но Бет уверила меня, что даже без моего участия будет достаточно свидетельств того, что «Мелета» изначально была создана на порочной основе, и что не все то золото, что блестит.

— В следующие семь лет нас ждет много интересного.

Можно только гадать, как именно будут развиваться события, и мне не терпелось их увидеть.

— Вы бы вернулись туда в качестве наставника? — спросила я ее.

— Не думаю. Есть и другие способы помогать молодым писателям. И мне хочется попробовать свои силы в роли бабушки. А теперь вы ответьте на тот же вопрос, только честно. Считается престижным приглашать наставниками в «Мелету» своих же бывших учеников, достигших успеха. Уверена, они обязательно вас пригласят.

— А я уверена, что они этого не сделают, — ска-

зала я. — А если и сделают, то только не через семь лет или через любое другое кратное семи число лет.

— Кто знает? Фейри всегда уважали тех, кто бросал им вызов, — сказала моя бывшая наставница, поднимаясь из кресла. — Было так приятно с вами повидаться. Заглянете ко мне на обед на следующей неделе?

Я кивнула. Бет уже собиралась уходить, когда пришла Марин. Они улыбнулись друг другу и обнялись.

— Безумно хочу тайской еды. Ты сейчас пишешь или у тебя есть время выйти поужинать?

— Звучит заманчиво, — ответила я.

— Вот и замечательно. Сейчас приму душ и переоденусь.

— Буду ждать, — сказала я.

Жили-были две сестры…

В волшебных сказках все иначе.

Там все должно было бы закончиться поцелуем. Свадьбой двух влюбленных пар. Бракосочетанием короля и королевы. Король не отказался бы от престола, корона не разбилась бы вдребезги.

Но ведь в сказочных историях неизбежно присутствует зло. В конце концов, никакая история не может обойтись без него. Из теплого, уютного

дома никто без причины не бежит, дрожа от страха, в темный лес, полный неведомых опасностей. Если ваша жизнь легка и беззаботна, вам не суждено попасть в сказку.

А если это сказка, то зло должно быть наказано, темные чары должны разрушиться.

Но в настоящей сказке у меня на теле не осталось бы шрамов, которые нанесла мне Марин во время ее чудовищных превращений. Конечно, они не такие заметные, какими были бы без вмешательства Гэвина, но на теле еще видны белые полосы от заживших ожогов, а на запястье остались две красные точки от укуса змеи.

Если бы это происходило в настоящей сказке, Елена бы не умерла.

Но история закончилась, надо жить дальше. Пусть и не так счастливо, как хотелось бы. Не всем принцессам суждено выбраться из хрустального гроба. Не все поцелуи — залог верной любви. И даже когда перевернута последняя страница, призраки прошлого могут преследовать нас.

Вот что происходит, если ты не в доброй волшебной сказке, какими мы их себе представляем.

Так бывает, когда вы отправляетесь в темный лес, чтобы найти там собственную историю. Но если вы достаточно отважны, и вам сопутству-

ет удача, вы сможете обрести там и саму свою жизнь.

Жили-были две сестры…

Благодарности

Моя семья, в отличие от семьи Имоджен и Марин, любит и поддерживает меня. Хочу выразить огромную благодарность моим родителям, сестре и братьям. Без вашей помощи я бы не смогла написать эту книгу. Люблю вас, мои дорогие!

Когда меня спрашивают, что такое хороший наставник, я сразу вспоминаю Ребекку Круг, моего научного руководителя. Она поддерживала меня во всех начинаниях с того самого момента, как я сказала ей, что хочу сделать двухмесячный перерыв в работе над диссертацией, отправиться в Сан-Диего и попробовать силы на литературном поприще — написать что-нибудь в жанре фэнтези и научной фантастики.

Нет слов, чтобы выразить мою благодарность Марии Даване Хедли и Меган Курасиге, которые были так добры, что прочли рукопись, когда текст был еще совсем сырым, и помогли мне самой понять, что за историю я хочу рассказать. Их одобрение вдохновило меня на дальнейшую работу. Моя отдельная благодарность — Меган, которая на своем примере позволила мне узнать

изнутри жизнь и ежедневный труд профессиональной балерины. Благодаря ей возник образ Марин. Все возможные ошибки полностью на моей совести, как и все повороты сюжета.

Благодарю Нила Геймана, который прочитал текст, когда тот был уже более или менее готов, и подсказал, что делать с самыми сложными фрагментами, а также посоветовал изменить название книги, что я и сделала.

Также хочу поблагодарить замечательного литературного агента Брайан Джонсон, которая прочла множество вариантов этой истории и заставила меня ее улучшить. Она же представляла мои интересы и продвигала книгу. Мне бесконечно повезло, что рядом есть такой человек. И огромное спасибо Саре Маккарри, которая познакомила нас и поддерживала меня во время творческого кризиса.

Большое спасибо прекрасному редактору, Джо Монти, который помог сделать книгу гораздо лучше, а также замечательным сотрудникам издательства Saga Press за роскошное оформление и великолепную обложку — о лучшем доме для моей истории я не могла и мечтать.

А еще я благодарю всех женщин, посвятивших жизнь искусству — они вдохновляют меня на

творческий труд.